

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ
И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

НЕОКОЛОНИАЛИЗМ

***сущность,
формы,
методы***

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1987

Ответственный редактор
М. Я. ВОЛКОВ

Рецензенты
П. И. ХВОЙНИК, Н. П. ШМЕЛЕВ

В коллективной монографии раскрывается экономическое содержание неокOLONиализма как системы неравноправных и эксплуататорских отношений мирового капиталистического хозяйства между его развитым центром и отсталой периферией. Всесторонне рассматривается борьба афро-азиатских и латиноамериканских стран за свои экономические интересы против неокOLONиалистской эксплуатации.

0604030000-207
Н 013(02)-87 55-88

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», М., 1987.

Указывая, что основным содержанием современной эпохи является переход от капитализма к социализму, Программа КПСС подчеркивает: «Составной частью мирового революционного процесса является антиимпериалистическая борьба сбросивших колониальное ярмо стран за упрочение своей независимости, за социальный прогресс» [13, с. 135]. Распад колониальной системы империализма нанес сильный удар по капиталистической системе и в политической, и в идеологической области. Однако отношения экономической зависимости молодых суверенных государств, развивающихся в рамках мирового капиталистического хозяйства, от промышленных и финансовых центров капиталистического мира во многом сохранились. На базе этой зависимости «империализм сумел создать... самую изощренную систему неокOLONиалистской эксплуатации» [13, с. 16—17].

Эта система играет огромную роль в функционировании современного мирового капиталистического хозяйства, в поддержании в жизнеспособном состоянии всего механизма иррационального империалистического хозяйствования. М. С. Горбачев отмечал в Политическом докладе Центрального Комитета XXVII съезду Коммунистической партии Советского Союза: «Можно без преувеличения утверждать, что система империализма продолжает жить в значительной мере за счет ограбления развивающихся стран, их самой безжалостной эксплуатации» [13, с. 17]. НеокOLONиализм представляет собой неотъемлемый элемент современного империализма, утратившего в результате побед национально-освободительных революций свою колониальную систему.

В создании системы неокOLONиалистской эксплуатации использовались все средства политического, военного, идеологического воздействия — политическое маневрирование, подкупы и обещания «помощи», шантаж и военные угрозы, в ряде случаев прямое вмешательство во внутренние дела освободившихся стран, включая военную интервенцию, и т. д.

Формирование этой системы происходило в огне кровопролитных войн, которыми империалистические силы пытались подавить национально-освободительное движение, продлить свое господство в Азии и Африке, не допустить к власти там прогрессивные силы (войны французского империализма против народов Индокитая в 1945—1954 гг. и Алжира в 1954—1962 гг., война Голландии в Индонезии в 1945 г., подавление английски-

ми войсками массового вооруженного восстания 1952—1956 гг. в Кении и т. д.).

В сфере политики неокOLONиализм опирается на реакционные антидемократические режимы, в руки которых во многих молодых государствах передавали власть колониальные державы, вынужденные расставаться со своими заморскими владениями.

Для поддержки диктаторских режимов или насильственного свержения законных прогрессивных правительств в различных странах Азии, Африки и Латинской Америки империализм прибегал к военной силе на протяжении всего послевоенного периода, вплоть до самого последнего времени. Об этом свидетельствуют интервенция США в Гватемалу в 1954 г.; оккупация США Доминиканской Республики в 1965 г. и Гренады в 1983 г.; необъявленная война американского империализма, включающая прямые военные провокации, против Никарагуа после свержения в этой стране диктатуры Сомосы; вооруженное вмешательство США в дела многих стран Азии и Африки (Вьетнам, Лаос, Корея, Ливан и др.), военное вмешательство Франции в дела ряда африканских стран (Заир, Чад), английская военная экспедиция против Аргентины в 1982 г., а также неоднократные демонстрации военной силы Соединенных штатов в районе Персидского залива, в Средиземном море и в других регионах.

Военные базы империалистических государств размещены в стратегических пунктах Азии, Африки, Латинской Америки, Океании, в том числе на территории некоторых освободившихся стран. Созданные в последнее время американские военные силы быстрого реагирования, военные флоты США постоянно дислоцированы во всех океанах. «Всего на протяжении первых тридцати лет, прошедших после окончания второй мировой войны, вооруженные силы США использовались за рубежами этой страны в политических целях 215 раз... и еще многократно в течение последнего десятилетия» [56, с. 25].

Политика неокOLONиализма основывается на традиционном имперском принципе «разделяй и властвуй». Она выражается, в частности, в разжигании конфликтов между отдельными освободившимися странами, особенно в поощрении и прямой поддержке военных агрессий в Африке, Азии и Латинской Америке против стран, проводящих антиимпериалистический курс, осуществляющих глубокие прогрессивные преобразования в общественной жизни, избирающих путь социалистической ориентации. Такая политика включает также подрыв политической стабильности и организацию реакционных переворотов, мятежей, свержение законных правительств, стремящихся оградить свои народы от неокOLONиальной эксплуатации, укрепить национальный суверенитет над собственным хозяйством, ограничить произвол иностранного капитала. Действиями империалистических сил в молодых государствах насаждается коррупция, разжигается

национальная вражда, укрепляется оторванная от народа государственная бюрократия.

НеокOLONиализм поддерживается определенной частью национальной буржуазии, активно участвующей в эксплуатации трудящихся своих стран совместно с иностранным капиталом и заинтересованной в более полном включении своих стран в общую систему международной капиталистической эксплуатации.

Таким образом, неокOLONиальная политика не ограничивается лишь сферой межгосударственных отношений империалистических и развивающихся стран. Она вклинивается в глубь общественной жизни стран Азии, Африки и Латинской Америки, вызывает обострение классовой борьбы внутри этих стран.

НеокOLONиализму посвящена обширная марксистская литература. Процесс приспособления монополистического капитала к новым условиям, создававшимся в ходе распада колониальной системы империализма, постоянно находился под пристальным вниманием марксистов, в том числе и советских ученых. Эти ученые определили сущность неокOLONиализма еще до того, как завершился распад колониальной системы империализма. Так, В. В. Рымалов и В. Л. Тягуненко писали в своей книге, вышедшей в свет в 1961 г., что «невозможность в современных международных условиях сохранить систему внеэкономического принуждения заставляет империалистические державы стремиться подменить и закрепить ее системой экономического принуждения и ограбления отставших в своем промышленном развитии стран путем все большего использования в той или иной мере замаскированных форм колониальной экспансии» [105, с. 25]. Складывавшаяся система неокOLONиализма называлась тогда этими учеными «замаскированной формой колониальной экспансии», а в качестве ее основы выдвигалось экономическое принуждение и ограбление, связанное с экономической зависимостью освободившихся стран от империализма, базирующейся на их хозяйственной отсталости.

Хотя система неокOLONиальной эксплуатации складывалась в ходе распада колониальной системы империализма, до начала 60-х годов термин «неокOLONиализм» не получил распространения в научной литературе. Подчеркивая новый характер отношений между империалистическими метрополиями и бывшими колониями, отношений, в которых сохранялись черты зависимости, неравноправия, эксплуатации и унаследованных от прошлого хозяйственных связей, говорили о «современном колониализме», об «империалистическом колониализме», о «колониализме без колоний». В середине 60-х годов в марксистскую литературу прочно вошел термин «неокOLONиализм», использовавшийся для обозначения характера отношений между империалистическими государствами и их бывшими колониями в новых условиях распада колониальной системы; тема «НеокOLONиализм» была включена в программу курса политэкономии капитализма, и в учебниках политэкономии появились соответствующие разделы.

К настоящему времени марксистскими исследователями накоплен огромный материал, раскрывающий эксплуататорский, неравноправный характер отношений между развитыми центрами мирового капиталистического хозяйства и его отсталой периферией. Помимо работ, содержащих анализ экономических, политических и иных отношений между империалистическими государствами и развивающимися странами в общем плане, были опубликованы монографии, посвященные особенностям неокOLONиализма отдельных центров силы империализма, а также специфике неокOLONиальной экспансии империализма на различных континентах — в Азии, Африке и Латинской Америке (см. [74; 75; 78; 83; 88; 91; 92; 100]).

Однако изучение неокOLONиализма, конечно же, не может считаться завершенным. Задачи антиимпериалистической борьбы требуют от марксистов постоянного внимания к эволюции неокOLONиализма, который приспосабливается к меняющимся условиям и с течением времени приобретает различные новые формы. Теоретического осмысления требует не только процесс дальнейшего развития и обновления форм этого явления. Необходимо внести ясность в само определение сущности неокOLONиализма. В научной литературе и учебниках политэкономии неокOLONиализм определяется по-разному: в одних случаях — как «новая современная фаза империалистической политики, а также система форм и методов ее осуществления» [97, с. 324], как «колониальная политика эпохи общего кризиса капитализма и перехода к социализму» [76, с. 49]; в других случаях — как «система экономических, политических, военных и иных отношений между империализмом и молодыми национальными государствами» [96, с. 460]. Следовательно, в одних случаях неокOLONиализм относится к надстроечным категориям (политика, формы и методы ее осуществления), а в других к категориям, связанным как с надстройкой, так и с базисом (экономические, политические, военные и иные отношения).

Все это требует подготовки обобщающей работы по неокOLONиализму, которая, с одной стороны, представила бы картину неокOLONиализма в целом, а с другой — выявила бы новые явления в этом сложном и противоречивом комплексе международных отношений мирового капиталистического хозяйства.

Данная коллективная монография, в отличие от ранее опубликованных работ по неокOLONиализму, не ограничивается рассмотрением форм и методов неокOLONиальной эксплуатации, анализом неокOLONиалистской стратегии империалистических держав и транснациональных корпораций. Она прежде всего ставит задачу раскрытия экономической сущности неокOLONиализма путем выявления основных элементов международных производственных отношений эксплуатации в сфере хозяйственных связей развивающихся и развитых капиталистических стран (неокOLONиальных черт международного разделения труда, отношений собственности, распределения, обмена). Слож-

ность этой задачи определяется тем, что, как верно отмечают советские философы, «многие процессы, происходящие сегодня в рамках неокOLONиализма, настолько сложны и неоднозначны, что очень легко подчас принять видимость за явление, форму за содержание, явление за сущность» [74, с. 28]. В этой связи авторы попытались поставить вопрос об особенностях содержания основных категорий капиталистического способа производства, образующих совокупность экономических отношений неокOLONиализма и по своей внешней видимости не отличающихся от тех, которые характерны для мирового капиталистического хозяйства в целом.

Механизм неокOLONиализма рассматривается в качестве организационно-институциональной формы, в которой материализуется его сущность как системы отношений в специфической сфере мирового капиталистического хозяйства. Поэтому такие исследованные ранее формы и методы неокOLONиализма, как неравноправное положение освободившихся стран в международной капиталистической торговле, вывоз капитала (прямые и портфельные инвестиции, займы и кредиты и т. д.), империалистическая «помощь» и т. д., не рассматриваются в монографии сами по себе: задачей был показ взаимосвязи этих основных форм неокOLONиализма как звеньев единой системы.

Основное внимание в монографии обращено на те вопросы, которые, по мнению авторов, не получали ранее достаточного освещения, а именно на вопросы влияния неокOLONиализма на обострение противоречий мирового капиталистического хозяйства, на воспроизводственный процесс и эволюцию социально-экономической структуры молодых государств. Впервые также ставится проблема коллективного неокOLONиализма не только в форме особых отношений Европейского экономического сообщества (ЕЭС) с развивающимися странами Африки, Карибского бассейна и Тихого океана (АКТ), а во всей полноте этой сравнительно новой сферы неокOLONиальных отношений.

Рассмотрение неокOLONиализма в таком ракурсе потребовало концентрации внимания исключительно на его экономической стороне. Поэтому вопросы политических, военно-политических и иных отношений неокOLONиализма в монографии не затрагиваются; они заслуживают специального монографического исследования.

Концентрируя свое внимание на исследовании экономического содержания неокOLONиализма, его форм и методов, авторы надеются стимулировать дальнейшее изучение противоречий, связанных с взаимоотношениями развивающихся стран и империалистических государств. Ряд проблем затронут в книге лишь в качестве постановки вопроса, некоторые мнения высказаны в полемической форме, определенные вопросы остались неразработанными из-за концентрации сил на тех основных направлениях, которые были положены в основу предлагаемого подхода к проблеме. Да и сам предмет исследования находится в состоя-

нии постоянного развития, изменения и преобразования. Поэтому авторы предлагаемой вниманию читателя книги далеки от мысли, что с выходом ее в свет задачу исследования неокolonизма можно будет считать полностью решенной. Они будут считать свою миссию выполненной, если данная книга послужит материалом для новых творческих дискуссий и вызовет новые исследования как по отдельным аспектам неокolonизма, так и по его общим вопросам.

* * *

Работа подготовлена коллективом авторов в составе: Л. В. Виноградова (гл. 5, 11), М. Я. Волков (введение, гл. 1, 7, заключение), И. А. Егоров (гл. 8, 10), А. С. Солоницкий (гл. 2, 3, 4), О. Д. Ульрих (гл. 9), Н. А. Ушакова (гл. 12), А. И. Чехутов (гл. 6), В. А. Яшкин (гл. 8). Техническую работу вел Д. О. Куанышев.

Раздел I

НЕОКОЛОНИАЛИЗМ КАК СИСТЕМА ЭКСПЛУАТАТОРСКИХ ОТНОШЕНИЙ

ГЛАВА I

ОСНОВНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В СИСТЕМЕ НЕОКОЛОНИАЛИЗМА

Экономическое содержание неокolonизма

Развивающиеся страны вступают в экономические отношения с империалистическими государствами на условиях, определяемых экономическими законами капитализма. В этих отношениях реализуется буржуазный принцип формального равенства партнеров, в котором, однако, более развитая в экономическом отношении сторона всегда обладает реальными преимуществами. Неравноправное по причине более низкого уровня экономического развития и сохраняющейся во многих чертах колониальной структуры хозяйства положение развивающихся стран в мировом капиталистическом хозяйстве усугубляется господством в нем частных монополий, концентрирующих в своих руках основные звенья современного производственного аппарата, контролирующих сферу обращения и, что особенно важно в настоящее время, обладающих собственностью на новейшие достижения науки и техники. Поэтому в целом формы и направления торгово-экономических и научно-технических взаимосвязей империалистических государств и освободившихся стран в рамках мирового капиталистического хозяйства осуществляются в сфере неокolonизальной системы отношений, которая характеризуется фактическим неравноправием сторон при их политической самостоятельности.

Завершение распада колониальной системы империализма лишило монополистический капитал возможностей хозяйничанья в Азии, Африке, Латинской Америке в такой форме, которая обуславливалась прямым политическим господством колонизаторов. Теперь основной сферой противоречий между империализмом и афро-азиатскими и латиноамериканскими народами стал неокolonизм.

Неокolonизм — это система неравноправных экономических, политических, военных и иных отношений, навязанных государствами развитого капитализма развивающимся странам,

основывающаяся на экономической отсталости и зависимости этих стран. Двудеиная цель неокOLONиализма — удержание развивающихся стран в рамках мирового капиталистического хозяйства и увеличение прибылей монополистического капитала путем обеспечения условий для использования природных, трудовых и иных хозяйственных ресурсов этих стран в воспроизводственном процессе империалистических государств на неравноправных условиях.

Система неокOLONиализма создавалась на протяжении последних десятилетий. В нее вошли пережитки колониализма, поддерживаемые империалистическими державами, а также новые многообразные способы международной эксплуатации. Вместе с тем на современном этапе противоборства между силами неокOLONиализма и национально-освободительным движением эта система включает и форму приспособления империализма к новой ситуации, в которой развивающиеся страны добиваются, хотя и в различной степени, установления национального суверенитета на свои хозяйственные ресурсы, и их позиции во всемирном хозяйстве расширяются. Немалое число частных или государственных предприятий стран Азии, Африки и Латинской Америки получают возможность в течение какого-то времени с выгодой для себя развивать современное производство, даже выходить на мировой рынок.

Система неокOLONиализма имеет устойчивый характер, поскольку она опирается на закономерности развития мирового капитализма и в то же время на постоянно воспроизводящееся экономическое и научно-техническое превосходство индустриальных центров мирового хозяйства над освободившимися странами, их экономическую зависимость. В рамках этой системы происходит процесс более интенсивного включения развивающихся стран в мировое капиталистическое производство. Империализм поддерживает и укрепляет ее средствами прямого и косвенного политического давления, военной силой и методами идеологического воздействия.

В системе неокOLONиализма осуществляется зависимый тип развития стран Азии, Африки и Латинской Америки, главной характерной чертой которого является «формирование и изменение социально-экономических, политических и иных структур одного общества как функция от потребностей и интересов правящих классов другого общества» [99, с. 31]. Чем полнее национальные хозяйства развивающихся стран включаются в мировое капиталистическое хозяйство, тем в большей степени происходящие в них процессы зависят от особенностей воспроизводства капитала в развитых его центрах. Характер этой зависимости в принципе не меняется от того, что и сами особенности воспроизводства капитала в центрах мирового капиталистического хозяйства испытывают все большее воздействие со стороны процессов, происходящих на его периферии.

Зависимость развивающихся стран — объективная категория

мирового капиталистического хозяйства, в котором они составляют отсталую часть. Несмотря на возросшие темпы экономического роста молодых государств, перестройку хозяйственной структуры на базе индустриализации и проводимые социально-экономические преобразования, их отсталость постоянно воспроизводится и зависимость продолжает оставаться доминирующим фактором их участия в мировом капиталистическом хозяйстве.

Зависимость и отсталость органически взаимосвязаны. Советская экономическая литература подробно рассматривала диалектическую взаимосвязь между этими двумя явлениями (см., например, [87]). Будучи продуктом вековой колониальной зависимости, отсталость и бедность сами «становятся главными предпосылками неокOLONиальной зависимости» [99, с. 36].

Развивая эту мысль, авторы коллективного труда «Развивающиеся страны в современном мире: единство и многообразие» отмечали: «Отсталость развивающихся стран питает и воспроизводит их зависимость, зависимость же обуславливает и усугубляет их отсталость, и этот двудеиный феномен преследует развивающиеся страны на протяжении новой истории на всех рубежах их развития» [101, с. 32].

Отсталость присуща различным сферам общественной структуры азиатских, африканских и латиноамериканских стран. Она охватывает как производительные силы, так и социально-экономические отношения; в рамках которых они развиваются. Она выражается прежде всего в гораздо более низкой производительности общественного труда. Именно на это обращали внимание те исследователи, которые рассматривали механизм эксплуатации молодых государств в сфере мирового капиталистического рынка.

Л. В. Степанов, в частности, подчеркивал, что именно из-за разницы в производительности труда «государства высоко развитого капитализма получают от развивающихся стран в процессе внешнеторговых операций большее количество воплощенного в товарах труда, чем отдают им взамен» [111, с. 37]. «Эксплуатация более бедных стран в процессе международного обмена заложена в глубоких различиях в условиях производства отдельных стран, в уровнях развития производительных сил» [91, с. 7]. Поэтому избавление от неокOLONиальной эксплуатации в условиях мирового капиталистического хозяйства возможно лишь при условии «повышения производительности труда, если будет достигнуто развитие производительных сил до современного уровня» [91, с. 7]. Однако достижение этого представляется, по крайней мере для основного массива стран Азии, Африки и Латинской Америки, в современных условиях нереальным, так как сама система неокOLONиализма препятствует ликвидации экономического разрыва между ними и странами развитого капитализма.

«Глубокая пропасть между освободившимися странами и центрами капитализма во всех решающих областях экономиче-

ской деятельности народов остается... одной из объективных реальностей нашего времени», — отмечает В. В. Рымалов [104, с. 133]. «Налицо фундаментальная и структурная слабость потенциала стран развивающихся, не нивелируемая целиком факторами политического порядка, а это составляет основу, с одной стороны, для силовых действий империализма в экономике и политике, а с другой — для сохранения, хотя и в существенно модифицированном виде, механизма неравноправия и эксплуатации бывших колоний», — пишет И. Д. Иванов [102, с. 169].

Масштабы разрыва между двумя этими группами государств проанализированы В. Л. Шейнисом с учетом различий в уровнях развития отдельных стран развивающегося мира и процесса их дальнейшей дифференциации (см. [100, гл. II]).

Советские исследователи провели обстоятельный анализ процесса воспроизводства в развивающихся странах и соотношения основных показателей такого процесса в этих странах и развитых капиталистических государствах. В частности, в рамках исследования проблемы накопления А. Я. Эльянов делает важные выводы об отставании роста производительности труда в основной массе развивающихся стран от увеличения его технической вооруженности, а также о том, что даже в наиболее развитых из развивающихся стран качественные факторы еще не стали главной движущей силой экономического прогресса и «повышение производительности труда в этих странах обычно не сопровождается ростом эффективности капитальных затрат, т. е. их уменьшением на единицу выпускаемой продукции» [100, с. 111].

Представляется важным добавить, что отставание основного массива развивающихся стран от развитых по производительности труда приобретает все большее значение для воспроизведения системы неокOLONиальных отношений мирового капитализма. Как показывает табл. 1, в 1973—1980 гг. опережающий рост промышленного производства и особенно количества занятых в нем работников в первой из названных групп стран сопровождался опережающим падением темпа роста промышленности.

Отмечая решающее значение отставания по производительности труда для сохранения и воспроизведения экономической зависимости развивающихся стран от главных капиталистических государств, Л. В. Степанов писал 20 лет назад: «Этот фактор дает о себе знать самым ощутимым образом, когда дело касается любого ограничения экономической свободы развивающихся стран — будь то их неравноправное положение в международной торговле или эксплуатация их национальных ресурсов иностранным капиталом» [111, с. 59—60]. Происшедшие с тех пор немалые изменения в характере и уровне развития различных частей мирового капиталистического хозяйства, а также в системе международных экономических отношений не снижают, на наш взгляд, методологической ценности данного тезиса.

В непосредственной связи с этим следует подчеркнуть исклю-

Таблица 1

Среднегодовые темпы прироста производства (I), занятости (II) и производительности труда (III) в промышленности развитых капиталистических (РКС) и развивающихся странах (РС)*, %

Группы стран и регионы	1963—1973 гг.			1973—1980 гг.		
	I	II	III	I	II	III
<i>Легкая промышленность</i>						
РКС	4,0	0,7	3,3	1,9	-0,8	2,7
РС	5,0	3,7	1,3	3,8	4,1	-0,2
Латинская Америка	5,5	4,0	1,4	2,7	3,0	-0,3
Азия	3,9	2,9	1,0	5,6	4,4	1,2
<i>Тяжелая промышленность</i>						
РКС	5,9	1,4	4,4	2,5	-0,3	2,8
РС	9,8	5,5	4,0	5,8	4,4	1,3
Латинская Америка	9,9	4,6	5,0	5,0	3,6	1,4
Азия	9,8	5,6	4,0	6,8	4,5	2,3

* Источник: [24, с. 73].

чительное и возрастающее значение фактора отставания развивающихся стран в плане научно-технического прогресса — по уровню такого развития, по масштабам производственного потенциала и эффективности капиталовложений, а соответственно и по возможностям интенсификации и модернизации производства. Развивающиеся страны владеют лишь 1% мирового патентного фонда, на их долю приходится только 2% объема НИОКР неосоциалистического мира. Именно это отставание стало в настоящее время и главным узлом воспроизведения зависимости освободившихся стран от основных капиталистических государств, одним из наиболее эффективных факторов формирования неокOLONиальной системы отношений между обеими группами государств.

Разрыв в уровнях развития составляет важнейший фактор всей системы отношений между центром и периферией мирового капиталистического хозяйства, хотя проявляется он весьма противоречиво. Он остается объективным условием сохранения отношений принуждения, дает возможность центру доминировать на периферии. Однако налицо и явный парадокс — этот разрыв ощутимо препятствует многим направлениям экономической экспансии передовых стран в отсталые и тормозит процесс включения (или втягивания) последних в систему функционирования мирового капитализма. Между тем в силу расширения хозяйственных, социально-экономических, политических и военных задач империализма в развивающихся странах с этими

направлениями оказывается непосредственно связана проблема достижения стабильности в системе международных производственных отношений капиталистического хозяйства и расширение рынка сбыта. А соответственно формирование в названных странах такой системы производительных сил, которая бы отвечала потребностям производственной системы мирового капитализма, становится объективной внутренней потребностью развития мирового капиталистического хозяйства.

Поскольку развивающиеся страны существенно отличаются друг от друга по структуре хозяйства, уровню развития производительных сил, а также по проводимой по отношению к империализму экономической политике, они далеко не одинаково вовлечены в систему неокOLONИализма. Различна степень их зависимости от империализма, неодинаковую роль для развития разных стран играет сотрудничество с социалистическим сотрудничеством, выступающее в качестве важнейшего антинеоколониального фактора. Поэтому отнюдь не весь комплекс внешнеэкономических связей развивающихся стран охватывается системой неокOLONИальных отношений; вне ее прежде всего осуществляется обмен между этими странами и социалистическими государствами; свободны от неокOLONИальных черт и многие формы хозяйственных связей, экономического сотрудничества развивающихся стран друг с другом.

Что же касается взаимосвязей развивающихся стран и государств развитого капитализма, то именно эти взаимосвязи в целом служат сферой действия неокOLONИализма, который выступает не как случайный конгломерат разрозненных отношений, явлений, категорий, а как система взаимосвязанных и дополняющих друг друга отношений, каждое из которых играет в ней определенную роль и выполняет свою функцию. В этой системе соотношение между отдельными элементами постоянно меняется.

При этом роль каждого из элементов системы неокOLONИализма можно понять только рассматривая его во взаимодействии с другими элементами, а не изолированно. Поскольку цели неокOLONИализма достигаются совместным и взаимосвязанным функционированием всех составных элементов этой системы, неокOLONИальный характер каждого из них не обязательно проявляется в той конкретной прибыли, которую он сам приносит мировому монополистическому капиталу. Так, неокOLONИалистский характер «помощи развитию» по государственной линии определяется той ролью, которую она играет в содействии высокоприбыльной деятельности других элементов данной системы. Главные функции «помощи развитию», предоставляемой как по государственным каналам, так и по линии неправительственных организаций, состоят в создании условий для бесперебойного использования природных ресурсов развивающихся стран мировым капиталом на льготных для него условиях, повышения степени и расширения масштабов эксплуатации их

трудовых ресурсов с применением современных научно-технических методов, предоставлении несправедливых привилегий для действующих в этих странах ТНК, создании условий, позволяющих им вмешиваться во внутренние дела принимающих стран.

Неоколониалистская практика опирается на реальные и весьма прочные условия, существующие в развивающихся странах. Империалистические государства и ТНК извлекают выгоду из объективных нужд этих стран и обостряющихся в них социально-экономических проблем (продовольственной проблемы, проблемы занятости, неграмотности значительной части населения, его нищеты, необеспеченности медицинской помощью, другими жизненно необходимыми средствами и т. д.).

Развивающиеся страны для решения своих неотложных проблем нуждаются в привлечении внешних ресурсов из стран развитого капитализма, в получении от них современной технологии. Как отмечал в свое время С. И. Тюльпанов, «преодоление экономической отсталости и зависимости без более или менее длительного, охватывающего не один десяток лет, периода использования уже помещенного и вновь привлекаемого иностранного капитала вообще невозможно» [113, с. 133], и это положение сохраняет справедливость поныне.

Экспансия мирового капитала, распространяющаяся через неокOLONИальную систему на афро-азиатские и латиноамериканские страны, связывает центр и периферию мирового капиталистического хозяйства во взаимосвязанный воспроизводственный механизм, способствует ускорению капиталистического развития в молодых государствах и стимулирует быстрый рост в них национальной буржуазии. Неоколониализм создает внутри развивающихся стран свою собственную социальную опору в лице таких эксплуататорских слоев, как представители бюрократической буржуазии, различного рода посредники (наподобие компраторской буржуазии в колониальном обществе), некоторые группы национальной буржуазии, тесно связанные с иностранными транснациональными корпорациями. В некоторых из молодых государств именно такие слои обладают решающим влиянием при определении экономической политики правительства. В то же время усиливаются противоречия между империализмом и национально-патриотической буржуазией, предпринимательская деятельность которой опирается на производство, ориентирующееся на национальную базу.

Система неокOLONИализма используется мировым монополистическим капиталом также и для более полного хозяйственного освоения им Азии, Африки, Латинской Америки, для обеспечения возможностей развития капитализма «вширь». Показательно, что основная масса капитала промышленных и финансовых центров мирового капиталистического хозяйства, функционирующего в странах этих континентов, поступила к ним уже после их освобождения от колониальной зависимости (табл. 2).

Сферами предпринимательской деятельности буржуазии

Таблица 2

Динамика иностранных капиталовложений
в развивающихся странах

Формы капиталовложений	1960 г.	1983 г.	Прирост с 1960 по 1983 г.	
	млрд. долл.	млрд. долл.	млрд. долл.	% к 1983 г.
Прямые частные инвестиции	15	150	135	90
Кредиты (сумма внешнего долга)	14	1000	986	99

стран развитого капитализма, преимущественно монополистической буржуазии, в Азии, Африке и Латинской Америке являются: разработка природных ресурсов (добывающая промышленность и сельскохозяйственное производство, ориентированное на экспорт), обрабатывающая промышленность, сфера услуг.

Относительное значение каждой из этих сфер предпринимательской деятельности меняется в результате сдвигов в хозяйственной структуре капиталистических центров под влиянием научно-технического прогресса и неравномерности развития отдельных отраслей. Доля сельского хозяйства во всех иностранных капиталовложениях снижается, хотя общий объем инвестиций ТНК в аграрную сферу развивающихся стран медленно возрастает. Объем инвестиций американских ТНК, например, с 1950 по 1970 г. вырос с 589 млн. до 693 млн. долл., в то время как инвестиции в обрабатывающую промышленность за этот период увеличились с 3381 млн. до 31 049 млн. долл.

В добывающей промышленности (особенно нефтяной) в результате национализации, проведенной в ряде развивающихся стран, доля 9 крупнейших ТНК в активах нефтяной промышленности сократилась с 80% в середине 60-х годов до 30% в середине 70-х годов, а 7 крупнейших ТНК в медной промышленности — с 70 до 25% [40, с. 7].

Все более важным полем предпринимательской деятельности становится сфера услуг. В конце 70-х годов уже почти 50% всех инвестиций США в развивающихся странах были накоплены в таких отраслях, как транспорт, связь, коммунальное хозяйство, торговля, банковское дело и страхование [193, 1979, № 8, с. 27].

Предпринимательская деятельность западного капитала концентрируется в тех развивающихся странах, которые предоставляют какие-либо преимущества ТНК. 80% всех капиталовложений ТНК в обрабатывающую промышленность направлены всего в 12 государств, в которых удельный вес этой отрасли во всех иностранных инвестициях вырос с 56% в 1967 г. до 74%

в 1975—1976 гг.; 70% всего потока сырьевых материалов, поставляемых развивающимися странами, проходит через каналы ТНК [32, 1982, с. 76].

По участию иностранного капитала в сфере производства сырьевых товаров развивающиеся страны сильно отличаются друг от друга. В одних собственность иностранных корпораций, разрабатывавших природные ресурсы, национализирована полностью или частично, в других такие корпорации сохраняют свободу своей деятельности, в третьих иностранный капитал действует совместно с национальным государством.

В Алжире вся горнодобывающая промышленность находится под контролем государства, в 1971 г. была национализирована иностранная собственность в области добычи нефти и газа. Нефтяная промышленность Ливии национализирована полностью или частично (не менее чем на 51%). Нефтяная промышленность национализирована в Ираке, Иране, Венесуэле, Мексике и ряде других стран.

В то же время в Габоне, например, нефть, марганец и урановая руда разрабатываются иностранными (преимущественно французскими и американскими) корпорациями совместно с государством. Особенно интенсивно монополии горнодобывающей промышленности разных стран развитого капитализма (Бельгии, США, ФРГ, Великобритании, Японии) осваивают богатейшие месторождения полезных ископаемых Заира. В этой стране в конце 70-х годов были возвращены частным владельцам многие ранее национализированные горнорудные компании.

Иностранный капитал (США, ЮАР, Великобритании) активно действует в добывающей промышленности Зимбабве, в разработке минеральных ресурсов Либерии, Марокко (фосфаты), Нигерии (урановые залежи), Сьерра-Леоне (железная, хромовая, титановая руды, бокситы, золото, алмазы), Экваториальной Гвинеи (нефть), Ямайки (бокситы), Индонезии, где значительная часть иностранных предприятий, национализированных до 1965 г., возвращена бывшим владельцам, а также в ряде других развивающихся стран.

В Гвинее добыча бокситов ведется как государственным предприятием (бокситодобывающий комплекс в Киндини мощностью 3 млн. т в год, построенный при содействии СССР [150, 1982, с. 231]), так и смешанными предприятиями (во Фриа и Боке), в которых 51% капитала принадлежит иностранным (главным образом французским и американским) монополиям.

В Замбии государство выкупило 51% акций крупнейших медных корпораций, ранее полностью принадлежавших иностранному капиталу. Примерно половина производства олова и каучука в Малайзии контролируется английскими компаниями. Добыча бокситов в Гане и железной руды в Габоне ведется предприятиями, в которых большая часть акций принадлежит государству, но и иностранный капитал (английский и амери-

Таблица 3

Доля ТНК
в производстве и экспорте
продукции
обрабатывающей промышленности
(середина 70-х годов)*, %

Страна или территория	Производство	Экспорт
Аргентина . . .	31	30
Бразилия . . .	49	40—43
Гонконг . . .	12	10
Индия . . .	13	5—10
Малайзия . . .	20	—
Мексика . . .	28	25—30
Сингапур . . .	30	70—90
Тайвань . . .	—	20
Филиппины . . .	—	20—25
Южная Корея . . .	11	28

* Источник: [163, 1984, № 1, с. 42].

канский в первом случае, французский и американский во втором) играет в них активную роль.

В экспортном секторе сельского хозяйства Кот-д'Ивуара (плантационное производство кофе, какао-бобов, бананов, ананасов и т. д.) господствует иностранный капитал. Крупные плантации экспортных культур принадлежат иностранному капиталу в Кении, Руанде, Того и многих других развивающихся странах.

Но по мере того как укрепляется национальный суверенитет над природными ресурсами многих развивающихся стран и над теми отраслями хозяйства, которые эти природные ресурсы осваивают, повышается значение предпринимательской деятельности капиталистических монополий развитых стран в сфере реализации продукции этих отраслей на мировом рынке. Эта сфера остается почти под полным контролем конкурирующих друг с другом крупных корпораций. Доля экспорта, контролируемого 15 крупнейшими ТНК, достигает 90—95% по железной руде; 85—90% — по хлопку, табаку, пшенице, кофе, кукурузе, джуту, какао, лесоматериалам; 80—85% — по меди, олову, бокситам, чаю; 75% — по нефти, 70% — по рису [41, с. 10].

По мере индустриализации молодых государств расширяется сфера предпринимательской деятельности монополистического и немонополистического капитала промышленно развитых стран, в их обрабатывающей промышленности создаются новые линии зависимости, в том числе технологической зависимости. Это особенно касается тех стран, которые осуществляют индустриализацию особенно высокими темпами. Здесь доля ТНК в производстве и экспорте продукции обрабатывающей промышленности весьма значительна, о чем говорят данные табл. 3.

Таблица 4

Прирост физического объема экспорта
и изменение условий торговли
для развивающихся стран*, %

Внешнеторговые показатели	1973 - 1979 гг., в среднем	1980 г.	1981 г.	1982 г.
Прирост физического объема экспорта				
Весь капиталистический мир	4,5	0,5	0	-2
Нефть	0,5	-9,5	-10	-7
Промышленные товары из развитых стран	5,5	5,5	2	-2
Промышленные товары из развивающихся стран	8	14,2	6,5	0
Показатели торговли развивающихся стран — импортеров нефти				
Торговый баланс (млрд. долл.)	-34	-76	-90	-70
Изменение в условиях торговли	-1,5	-10	-5,5	-2
Изменения в объеме импорта	5,5	3	9	-8
Изменения в объеме экспорта	6,5	10,5	11	0

* Источники: [28; 59, Supplement, 1982, № 4].

В середине 80-х годов иностранные инвестиции образовывали 92% всего основного капитала промышленности Сингапура, 40% — Бразилии, 35% — Мексики, 30% — Южной Кореи, 10% — Гонконга, 5% — Индии.

В индустриализации молодых государств формируются два направления: национальное, основой которого является развитие государственного сектора, и неокOLONиалистское, связанное с созданием на их территории филиалов ТНК. Многие предприятия, принадлежащие ТНК, «представляют собой скорее звенья промышленного потенциала стран развитого капитализма, размещенные на территории стран Азии и Африки, чем элементы промышленности развивающихся стран, хотя формально регистрируются в статистике именно в таком качестве» [143, 1977, № 11, с. 41].

Система неокOLONиализма позволяет странам развитого капитализма перекладывать часть тяжести своих хозяйственных неурядиц на развивающиеся страны, которые несут большой ущерб от обострения противоречий капиталистического воспроизводства в отдаленных от них районах. Особенно большой ущерб они потерпели на протяжении последнего десятилетия, когда хозяйство западных государств было одновременно по-

Таблица 5

Изменения в торговле*, %

Регион	1975— 1980 гг., в среднем	1981 г.	1982 г.
Все развивающиеся страны			
Физический объем экспорта	2,8	-8,7	-3,8
Условия торговли	4,9	8,7	-3,6
Покупательная способность экспорта	7,7	0,0	-7,4
Физический объем импорта	0,0	11,2	-3,4
Развивающиеся страны Тропической Африки			
Физический объем экспорта	1,0	-10,0	1,4
Условия торговли	2,8	-4,9	-3,0
Покупательная способность экспорта	3,8	-14,9	-1,7
Физический объем импорта	2,5	2,0	-11,0

* Источник: [55, с. 7].

ражено спадом производства и инфляцией. Некоторые данные об этом представлены в табл. 4, показывающей резкое ухудшение ряда показателей внешней торговли развивающихся стран в период экономического кризиса начала 80-х годов.

Спад производства в странах развитого капитализма означает снижение спроса на сырьевые товары, экспортируемые развивающимися странами. Соответственно сокращается физический объем экспорта и понижаются цены. Экспортные доходы вследствие этого падают, в то время как из-за инфляции цены промышленных изделий, импортируемых развивающимися странами, повышаются. Все это серьезно нарушает их воспроизводственный процесс, срывает выполнение планов экономического развития.

Английский экономист К. Стивенс отмечал: «Период, наступивший после подписания I Ломейской конвенции в 1975 г., был трудным для мировой экономики в целом и для стран АКТ в особенности» [55, с. 4]. Особенно неблагоприятно экономический кризис отразился на положении наименее развитых стран, большая часть которых расположена в Тропической Африке. Данные табл. 5 подтверждают сказанное.

Неоколониализм оказывает глубоко противоречивое воздействие на экономическое развитие стран Азии, Африки и Латинской Америки. В его рамках осуществляется расширяющаяся по своим масштабам эксплуатация трудовых ресурсов молодых

государств капиталом Запада. Однако развивающиеся страны не являются пассивным объектом экспансии монополистического капитала. Ускорение их хозяйственного роста после завоевания независимости и происходящие в них социально-экономические сдвиги, а также их действия в области внешнеэкономических отношений оказывают существенное влияние на воспроизводственный процесс и некоторые направления научно-технического прогресса в странах развитого капитализма, на организационную структуру монополий, на экономическую политику правительств западных государств. Наиболее глубокое влияние на все эти сферы общественного развития Запада оказали в 1973—1979 гг. действия нефтеэкспортирующих развивающихся стран, объединенных в ОПЕК, чему посвящен ряд исследований советских экономистов (см. [71; 72; 121]). Самому неоколониализму свойственно противоречие целей и результатов: западные монополии расширяют свою хозяйственную деятельность в развивающихся странах, «содействуя помимо своей воли созданию предпосылок для достижения ими экономической самостоятельности» [114, с. 222].

В рамках системы неоколониализма отношения собственности капиталистического общества характеризуются особыми специфическими чертами, рассмотрение которых необходимо для выявления сущности неоколониальной эксплуатации.

Отношения собственности

Под неоколониальной собственностью мы понимаем неравноправные отношения, сложившиеся между монополистическим капиталом стран развитого капитализма, государством, эксплуататорскими классами и трудящимися в развивающихся странах по поводу использования в воспроизводственном процессе мирового капиталистического хозяйства материальных и трудовых ресурсов этих стран.

Неоколониальные отношения собственности составляют отдельную сферу в общем комплексе отношений собственности мирового капиталистического хозяйства. Это — специфический частный случай капиталистической собственности, функционирующей в условиях неравноправного по своему характеру участия развивающихся стран в мировом хозяйстве капитализма. Хотя материальной базой такого неравноправия является экономическая отсталость и зависимость, причина его коренится в особенности международных отношений, сложившихся между промышленно-финансовыми центрами и бывшей колониальной и полуколониальной периферией мирового капиталистического хозяйства.

Поскольку освободившиеся от колониальной зависимости государства развиваются по различным социально-экономическим путям, глубина и характер осуществляющихся в них пре-

образований, в том числе преобразований, охватывающих сферу отношений собственности, также различны. Однако уже определены некоторые направления таких преобразований, которые можно считать типичными по крайней мере для большинства развивающихся стран. К ним прежде всего относятся преобразования земельной собственности.

На захваченных территориях колонизаторы экспроприовали землю: с наиболее плодородных и удобно расположенных участков местное население сгонялось методами грубого насилия — на них создавались хозяйства колонистов. Земля, оставленная в пользовании покоренных народов, также превращалась в собственность верховной власти колониальных держав. Земледельцы ставились фактически в положение арендаторов исконно принадлежавшей им земли. На основе такой колониальной собственности на землю получателями земельной ренты стали колонизаторы. Известный английский историк А. Мортон писал об этом: «Во многих районах Индии сборщик налогов быстро превратился в подобие лендлорда» [135, с. 52]. Поземельный налог, введенный в свою пользу колонизаторами, был экономической реализацией такого типа колониальной земельной собственности.

Добившись политической независимости, молодые государства покончили с такой колониальной собственностью на землю. В руках иностранного капитала остались лишь земельные участки, на которых располагаются принадлежащие ему плантации и другие хозяйства, а также предприятия добывающей промышленности. Формально иностранные землевладельцы пользуются правом частной собственности на землю наравне со всеми другими собственниками. Фактически — поскольку землевладельцами являются иностранные капиталисты — на основе этой собственности происходит эксплуатация местной рабочей силы иностранным капиталом, а прибыль, получаемая в результате этой эксплуатации, переводится за границу и образует часть общей неоколониальной прибыли. Этим определяется неоколониальный характер указанной земельной собственности.

Теряя в результате аграрных преобразований земельные угодья в одних развивающихся странах, западные монополии стремятся приобрести их в других. Так, в последние годы американские капиталисты стали собственниками огромных земельных площадей в ряде американских стран. В Аргентине именно иностранные монополии являются крупнейшими землевладельцами. Американская корпорация «Коней Архентина» обладает земельной площадью в 1602 тыс. га, «Инхенис Ла Эсперанса» — 72 тыс. га, «Кинг ранч» — 42 тыс. га, «Каргилл» — 10 тыс. га. Английская монополия «Аргентин Саузерн лэнд» имеет 424 тыс. га, «Корбетт» — 213 тыс. га, «Ганадера энтреррыано» — 33 тыс. га [130, с. 52].

После оккупации в середине 60-х годов американскими войсками Доминиканской Республики корпорация «Галф энд

уэстерн индастриз» приобрела в свою собственность свыше 1,1 тыс. кв. км земельной площади, что составляет 10% всей обрабатываемой земли в этой стране [162, 1981, № 3, с. 278].

Наибольшего удельного веса иностранная собственность на землю достигает, как правило, в небольших странах монокультурной направленности и экспортной специализации сельского хозяйства, в странах капиталистической ориентации и высокой степени политической зависимости от империалистических государств. Так, в Коста-Рике американскому капиталу принадлежат крупные банановые плантации и хозяйства по выращиванию какао, занимающие большие площади лучшей земли. Американскому капиталу принадлежат банановые плантации в Гондурасе, свыше 30 тыс. га лучших земель на Гаити, значительная часть сельскохозяйственных угодий в Гватемале.

В ряде развивающихся стран сохраняется иностранная собственность на природные ресурсы в форме концессий, а в обрабатывающей промышленности и других отраслях экономики (банковское дело, торговля, сфера услуг и т. д.) действуют находящиеся в полном владении иностранного капитала компании и предприятия (прямые инвестиции). Частично эти прямые иностранные инвестиции сохранились с колониальных времен. Но положение их в общественной структуре изменилось после достижения молодыми государствами политической независимости. Иностранные капиталисты не являются здесь такими полновластными хозяевами, как в колониальные времена. Сохранение иностранных прямых инвестиций не гарантируется, как это было в условиях колониальной зависимости, политическим господством государств — экспортеров капитала, которое уже ликвидировано, а допускается на определенных условиях.

Возможность национализации прямых инвестиций, принадлежавших капиталистам метрополий в колониях, практически исключалась. В освободившихся странах в 60-е и 70-е годы прошла волна национализации собственности иностранных фирм, в ходе которой полной и частичной национализации подверглось более полутора тысяч иностранных компаний и предприятий, общая сумма активов которых составила 33 млрд. долл. В число национализированных вошло около 20 корпораций, включенных в список 500 крупнейших неамериканских фирм мира. В ряде развивающихся стран имели место и случаи возврата прежде национализированных иностранных предприятий их бывшим владельцам.

Реализуя свой суверенитет, молодые государства путем национализации ликвидировали неоколониальную собственность в добывающей промышленности или плантационном сельском хозяйстве. «С точки зрения отношений собственности, — писал в этой связи И. Д. Иванов, — это означает, в отличие от колониальных времен, сохранение в руках освободившихся государств вместе с суверенитетом на природные ресурсы все более значительной части абсолютной и дифференциальной ренты в добы-

вающей и плантационной промышленности» [143, 1983, № 5, с. 42].

Таким образом, при сохранении старого юридического статуса реальное положение прямых инвестиций в развивающихся странах существенно изменилось по сравнению с колониальным прошлым. В большинстве случаев они продолжают сохраняться и увеличиваются не потому, что, как это было при колониальном режиме, они навязываются силой. Причина иная: сами развивающиеся страны проводят соответствующую экономическую политику, одни в форме политики «открытых дверей», предоставляя иностранному капиталу различные льготы и преимущества, другие — в весьма ограниченном виде, пытаясь найти компромиссные пути использования иностранного капитала для решения национальных проблем развития, подчинить его национальному экономическому планированию. В ряде случаев к сохранению иностранных прямых инвестиций развивающиеся страны вынуждает сила экономических обстоятельств, стремление предотвратить разрушение части производительных сил страны, к которому может привести «бегство» иностранного капитала без адекватной подготовки передачи его активов национальному государству. Принципиально возможно превращение иностранных инвестиций в одну из форм государственного капитализма.

Во многих развивающихся странах устанавливаются порядки, позволяющие национальному государству осуществлять контроль за деятельностью ТНК, ограничивать сферу их операций, включать их экономическую активность в процесс общего хозяйственного строительства в соответствии с утвержденными правительством планами. Изменение положения ТНК в развивающихся странах определяется введением нового законодательства, реализующего экономический суверенитет молодых государств. «Становление суверенного национального правопорядка является ныне одним из важных аспектов процесса экономической деколонизации» [143, 1983, № 5, с. 42].

В последнее время большое значение приобретают портфельные иностранные инвестиции, а также смешанные предприятия, в которых иностранный капитал участвует наряду с национальным частным капиталом или с государственными активами и находится под контролем национального государства, а также неакционерные формы участия и контроля. Здесь многое зависит от характера общественного строя развивающейся страны, ее социально-экономической и политической ориентации, решительности и последовательности в проведении экономической политики, условий, на которых привлекается иностранный капитал, и степени его подчинения национальным планам развития, целям создания самостоятельного хозяйственного механизма. В ряде стран социалистической ориентации иностранный капитал участвует в некоторых отраслях хозяйства на условиях, исключающих его бесконтрольное хозяйничанье в ущерб

национальным интересам. Так, Ангола допускает присутствие иностранных частных фирм на своей территории при обязательном условии, что эти иностранные фирмы будут подчиняться законам страны и действовать в рамках общего плана развития ангольской экономики. В Анголе, в частности, продолжает действовать американская компания «Галф ойл», получившая права на разработку ангольской нефти на основании контракта, подписанного еще во времена португальской колониальной администрации. Однако теперь деятельность этой компании подчиняется принятому в 1978 г. Революционным советом НРА закону, регулирующему деятельность государства в области нефтяной промышленности. Контрольный пакет акций принадлежит теперь ангольской государственной нефтяной компании «Сонангол», а американцы должны выплачивать государству 16,6% всех прибылей от сбыта нефти в качестве арендной платы и 65,75% — в виде налогов на доходы.

Во многих развивающихся странах участие иностранного капитала допускается в смешанных предприятиях при условии нахождения большей части акций (от 51% и выше) в руках национального государства или местных частных предпринимателей. Однако в ряде случаев обладание сравнительно небольшим пакетом акций дает иностранной корпорации возможность фактического контроля над предприятием, если остальные акции разпылены среди большого числа местных держателей или если данная иностранная корпорация располагает необходимым для этого предприятия технологией, обеспечивает сбыт его продукции, предоставляет ему материалы, комплектующие изделия. Юридическая форма и фактические отношения могут не совпадать, что характерно для неокOLONИализма.

Как отмечают американские экономисты Я. Свейнар и С. Смит, «действительное распределение прибыли в смешанных предприятиях зависит не от доли участников этих предприятий в его собственности, определяемой владением акциями (например, 49% против 51%), а от реального соотношения сил партнеров — участников смешанного предприятия» [188, 1984, February, с. 149].

Иностранные предприниматели могут с успехом приспосабливаться к местному законодательству, продолжая свою прибыльную деятельность в развивающихся странах, которые проводят политику замещения прямых иностранных инвестиций смешанными компаниями. Известный американский промышленник, председатель «Оксидентал петролеум» А. Хаммер заявил, что «после требуемой продажи 51% капитала мексиканского филиала прибыль на оставшиеся 49% была более высокой, чем прибыль в прошлом при полной собственности» [185, 5.01.1981].

В весьма жесткие рамки деятельность иностранного капитала поставлена в тех развивающихся странах, в которых государство берет на себя функции монопольного экспортера важ-

нейших товаров или даже проводит национализацию внешней торговли.

Стремление приспособиться к новым условиям политическо-го суверенитета бывших колоний приводит и к изменению форм предпринимательской деятельности, что ведет к появлению новых форм собственности. При этом монополии, с одной стороны, опираются на благоприятные для них условия, возникающие в мировом капиталистическом хозяйстве и предоставляющие в их распоряжение мощные средства воздействия на экономически отсталую периферию в виде собственности на современные научные достижения, технику и технологию. С другой стороны, они распространяют на свои отношения с молодыми государствами те организационные формы, которые складываются в развитых капиталистических государствах и позволяют финансовой олигархии с меньшим риском и более высокой прибылью пользоваться чужим капиталом. Важнейшей из этих новых форм отношений собственности следует считать подрядную систему.

Подрядная система в последнее время приобрела большую важность в промышленных центрах мирового капиталистического хозяйства, особенно в отношениях между монополиями и государством, а также монополиями и немонополизированным частным сектором (см. [115]). Все шире эта система распространяется в сфере отношений между монополиями и их контрагентами (государством, национальным частным капиталом) в развивающихся странах. Подрядная система в значительной степени заменяет иностранные капиталовложения (прямые и портфельные), она может также дополнять эти капиталовложения.

По внешнему своему облику подрядная система представляется реализацией формального юридического равенства сторон, которая маскирует реальные отношения зависимости и подчинения. Подрядная система предоставляет монополиям в их связях с молодыми государствами определенные преимущества: позволяет им снизить издержки производства и обращения, снять с себя предпринимательский риск, отстранить опасность национализации или других репрессий, которым могут подвергнуться прямые или портфельные инвестиции. В то же время контрагенты монополий в развивающихся странах оказываются связанными этой системой, сами проявляют заинтересованность в создании на ее основе постоянных производственных, финансовых и научно-технических связей.

Главные же последствия распространения подрядной системы, в рамках которой ТНК кооперируются с местными частными предпринимателями, заключаются в том, что в неокOLONиальную систему включаются и предприятия, полностью принадлежащие национальному капиталу, но выступающие в качестве субподрядчиков иностранных фирм. Тем самым неокOLONиальные отношения распространяются далеко за пределы самого иностранного капитала, действующего в развивающихся стра-

нах в виде прямых или портфельных инвестиций, охватывая значительную (хотя и разную в различных развивающихся странах) часть хозяйства, где преобладает местное предпринимательство. Главными участниками неокOLONиальных отношений здесь выступают капиталистические организации.

Через сложную сеть торговых и заготовительных посредников капиталистического типа часть мелкого товарного производства, связанная с выращиванием основных экспортных сельскохозяйственных культур, вовлекается в неокOLONиальную систему отношений путем «контрактации».

Сложность анализа этой области неокOLONиальных отношений собственности усугубляется практически полным отсутствием статистики (нет данных, в частности, о том, какая часть местного предпринимательства работает по контрактам, заключенным с иностранными фирмами), а также секретностью в большинстве случаев тех действительных условий, на которых такие контракты заключаются. Элементы неокOLONиализма тем сильнее, чем менее благоприятны такие условия для национальных интересов развивающихся стран (отнюдь не для интересов прибыли отдельных национальных фирм, связанных с иностранным капиталом постоянными или временными контрактами), тем слабее, чем больше эти условия учитывают объективные потребности развития и контролируются общенациональными государственными органами.

Многие освободившиеся страны проводят политику замены иностранного предпринимательства национальным, добываясь продажи активов предприятий, принадлежащих ТНК, местным предпринимателям. С точки зрения неокOLONиальных отношений эта политика неоднозначна. Содействуя росту и расширению сферы деятельности национальной буржуазии и ограничивая тем самым зону функционирования ТНК, она в то же время не может изменить сущности отношений, базирующихся на относительной отсталости, на формационной зависимости, на неравноправном участии в мировом капиталистическом хозяйстве.

Нигерийский экономист К. Аке, оценивая реальные результаты «нигеризации» капиталистической собственности в этой стране, писал: «Подобная стратегия способствует „притирке“ национального и иностранного капитала, например, путем разграничения между ними сфер деятельности, уточнения условий сосуществования и сужения сферы возникающих между ними конфликтов. В той степени, в какой такая стратегия оказывается успешной, она способствует увековечению зависимости» [69, с. 208].

Развитие капитализма на периферии мирового капиталистического хозяйства, органической частью которого становится и рост национального частного предпринимательства, в общем и целом способствует консолидации неокOLONиальных отношений.

В то время как в колониях типичным было сочетание капиталистических целей производства, которые преследовали коло-

низаторы-капиталисты, с докапиталистическими системами и методами эксплуатации труда, в которых огромную роль играло внеэкономическое принуждение, для неокOLONиальной эксплуатации характерно прежде всего использование капиталистических средств в самом процессе производства. Докapиталистические формы собственности включаются в неокOLONиальную систему как выражение той сущности капитала, в соответствии с которой он подчиняет себе в целях самовозрастания все остальные общественные формы. Однако в отличие от колониальной системы эксплуатации роль и значение докапиталистических форм собственности в системе неокOLONиализма сокращается, и мировой монополистический капитал целеустремленно насаждает в тех молодых государствах, где имеются для этого возможности, чисто капиталистические формы хозяйства. Они и служат неокOLONиализму адекватной экономической базой. Следовательно, осуществляющие неокOLONиальную эксплуатацию освободившихся стран капиталистические монополии заинтересованы не только в определенной технической модернизации их хозяйства, способной обеспечить широкомасштабное применение для такой эксплуатации современных научно-технических методов, но и в специфической модернизации общественных отношений в этих странах, где они стремятся насадить, по выражению В. Л. Тягуненко, «зависимый» капитализм — капитализм «второго сорта», капитализм «рахитичный» [114, с. 181].

НеокOLONиальная собственность составляет основу экономических отношений неокOLONиализма и определяет характер участия развивающихся стран в международном капиталистическом разделении труда.

НеокOLONиальное разделение труда

Процесс интернационализации современного производства охватывает все мировое хозяйство, в том числе и развивающиеся страны. Все они участвуют в международном разделении труда, хотя и сильно различаются друг от друга по степени включенности в международный товарный обмен.

Если в 1960—1980 гг. экспортная квота в ВВП развивающихся стран, взятых вместе, возросла с 15,6 до 26,8%, то этот рост произошел главным образом за счет стран — экспортеров нефти и новых индустриальных стран. К 1982 г. экспортная квота развивающихся стран понизилась до 23,4% из-за существенного сокращения экспорта нефти. В большинстве развивающихся стран она оставалась практически стабильной, а в группе наименее развитых стран даже понизилась, как это показывают данные табл. 6.

На фоне активизации участия развивающихся стран в международном разделении труда происходит географическая диверсификация их внешних экономических связей. Освободив-

Таблица 6

Экспортная квота *, %

Группы стран	1960 г.	1970 г.	1980 г.	1982 г.
Промышленные экспортеры	14,6	16,3	21,1	23,1
Наименее развитые страны	12,3	9,4	7,4	11,7
Прочие страны (исключая экспортеров нефти)	14,7	15,6	15,1	15,1

* Источник: [32, 1982, с. 119].

шиеся страны, сохраняя в большинстве случаев тесные связи с бывшими метрополиями, расширяют свой обмен с другими государствами развитого капитализма, многие из них включаются в систему международного разделения труда с социалистическим миром, устанавливают торговые связи друг с другом. Динамику внешней торговли развивающихся стран характеризуют цифры, содержащиеся в табл. 7.

Таблица 7

Распределение внешней торговли развивающихся стран (среднегодовые данные) *, %

Годы	Страны развитого капитализма		Социалистические страны		Развивающиеся страны	
	экспорт	импорт	экспорт	импорт	экспорт	импорт
1969—1971	74	74	6	7	20	19
1972—1974	74	69	4	6	22	25
1975—1977	72	69	4	5	24	26
1978—1980	71	66	4	6	25	28
1981—1983	65	62	5	7	30	31

* Источник: [23, Supplement, 1985, с. 61, 69].

В целом участие развивающихся стран в международном разделении труда не может быть определено однозначно как неокOLONиальное. Это — сложный и разнотипный процесс. По своей экономической сущности разделение труда между развивающимися странами, с одной стороны, и империалистическими государствами, социалистическим миром — с другой, а также между самими развивающимися странами носит принципиально различный характер.

К существенным чертам неокOLONиального разделения труда относятся следующие.

1. Формирование производственной специализации развивающихся стран преимущественно под влиянием потребностей

промышленно развитых центров мирового капиталистического хозяйства. В процессе углубляющегося международного разделения труда страны развитого капитализма выступают как конкурирующие между собой национальные хозяйства одного типа, подверженные действию закона неравномерности развития, как партнеры, с переменным успехом отстаивающие свои экономические интересы. В отличие от этого в системе связей «развитые капиталистические страны — развивающиеся страны» главную роль играет неокOLONиализм. В нем выделяются субъект и объект. Субъект — это империалистические государства и транснациональные корпорации [74, с. 18]. Развивающиеся страны выступают объектами в системе неокOLONиализма, и их место в мировой капиталистической производственной структуре во многом определяется действиями ее субъектов.

2. Усиление зависимости развивающихся стран на базе нового типа их производственной специализации. Подчеркивая значение того, что в развивающихся странах создаются преимущественно «нижние этажи» современной промышленности, Е. М. Примаков отмечает: «Так возникает неокOLONиальное разделение труда: капиталистическая периферия перестает быть лишь аграрно-сырьевым придатком центра; одновременно фиксируется новый уровень зависимости этой периферии, теперь уже вследствие специфического характера и специфических форм ее промышленного развития» [150, 1982, № 3, с. 27].

3. Особое значение для формирования производственного аппарата развивающихся стран такого нового специфического неокOLONиального процесса, как перенос в эти страны транснациональными корпорациями части своего производства. Электронная автоматизация, широкое использование промышленных роботов в народном хозяйстве стран развитого капитализма в последнее время существенно изменили критерии выбора производств, переносимых ТНК в развивающиеся страны, отразились и на масштабах этого переноса, хотя и не прекратили его полностью. Некоторые виды производств, перенесенные ранее в развивающиеся страны, стали возвращаться обратно, теперь же ТНК предпочитают размещать на территории развивающихся стран другие. Размещение трудоемких производств в странах с избытком дешевой и достаточно подготовленной рабочей силы, перевод экологически «грязных» процессов, где не соблюдаются требования охраны окружающей среды, стремление использовать на месте некоторые виды сырья и т. д. — все это приводит к расчленению единого процесса производства на отдельные составные части и этапы, территориально отдаленные друг от друга, к созданию на территории стран Азии, Африки и Латинской Америки производственных единиц, выпускающих частичную продукцию (отдельные детали или полуфабрикаты, готовые изделия из поставляемых другими странами частей и т. п.). Отсюда следует еще одна особенность.

4. Создание на территории развивающихся стран промыш-

ленных предприятий, не обладающих производственной самостоятельностью, а представляющих собой лишь звенья общего производственного конвейера ТНК. Таким путем образуется их внутриотраслевая специализация как характерная черта неокOLONиального разделения труда в отличие от колониального, основанного на межотраслевой специализации (см. [83]).

5. Неравномерность распределения выгод от участия в международном капиталистическом разделении труда среди его участников. НеокOLONиальное разделение труда служит матерью инстинктом основной эксплуатации трудящихся молодых государств иностранным капиталом и тем самым лишает эти государства значительной части созданного в них продукта, ограничивая возможности их развития. Поэтому, хотя разделение труда, в том числе и международное разделение труда, лежит в основе прогрессивного развития производительных сил, «в определенных условиях, — как писал В. Л. Тягуненко, — разделение труда может превратиться в решающий фактор малоподвижности и даже застойности всей системы общественных отношений» [114, с. 29]. НеокOLONиальное разделение труда содержит такой ограничительный элемент. Ускоренное развитие «нижних этажей» промышленности и даже перенос на территорию развивающихся стран некоторых научно-технических производств сочетается с сохранением отсталости общества в целом, что приводит к усилению дезинтеграции их хозяйства, деформации национального разделения труда.

6. Углубление экономического разрыва между периферией и центрами мирового капиталистического хозяйства, связанное с особой производственной специализацией развивающихся стран. В то время как в странах развитого капитализма технический прогресс охватывает (хотя и неравномерно) все отрасли хозяйства, в развивающихся странах он практически не проникает в огромный массив традиционных производств. НеокOLONиальное разделение труда лишь выборочно содействует модернизации технологии развивающихся стран, усиливая дуализм их хозяйства.

Модернизированный сектор, включенный в неокOLONиальное разделение труда, во многих случаях не становится органической частью национального хозяйства. В значительной степени он представляет собой скорее отвлечение мирового капиталистического производственного механизма ТНК, лишь размещенное на территории Азии, Африки и Латинской Америки. НеокOLONиальное разделение труда, связывая между собой развивающиеся и развитые капиталистические страны, в то же время раскалывает мировое капиталистическое хозяйство на две мало связанные друг с другом сферы: сферу современного производства, охватывающую территорию стран развитого капитализма и включенные в неокOLONиальное разделение труда предприятия и отрасли развивающихся стран, и сферу отсталой традиционной экономики развивающихся стран.

7. Искусственное разделение мирового капиталистического рынка. Неоколониализм разделяет его путем ограничений международного обмена, экономической блокадой, образованием отдельных торговых зон и замкнутых ограниченных группировок. Связывание, например, хозяйства стран — участниц ЕЭС с экономикой большого числа развивающихся стран АКТ на базе неоколониального разделения труда фактически раскололо все развивающиеся страны на две группы: 65 государств, подписавших III Ломейскую конвенцию, и примерно столько же государств, оставшихся вне этой конвенции.

Из всех перечисленных черт неоколониального разделения труда вытекает одно из важнейших противоречий мирового капиталистического хозяйства — противоречие между объективной необходимостью для развивающихся стран участия в международном капиталистическом разделении труда и расширения обмена с государствами развитого капитализма, с одной стороны, и эксплуататорским, неравноправным и зависимым характером такого участия — с другой. Как верно отмечал французский экономист Ж. М. Альбертини, «международное разделение труда в современных условиях заставляет третий мир уступать развитым странам часть их прибавочного продукта» [123, с. 127].

Это противоречие накладывает свой отпечаток на отношения распределения, обладающие в системе неоколониализма определенными специфическими особенностями.

Распределение в системе неоколониализма

Специально отношения неоколониального распределения в нашей экономической литературе еще не рассматривались. Однако если подходить к неоколониализму как к системе отношений, то характеристика специфики неоколониального распределения представляется обязательной, так как, соответственно положениям К. Маркса, «в распределении общество берет на себя, в форме господствующих всеобщих определений, опосредствование между производством и потреблением» [4, ч. I, с. 25].

Неоколониальные формы распределения, т. е. основные доходы, образующиеся в системе неоколониальных отношений, — прибыль, процент, рента, заработная плата, обладают определенными особенностями, отличающими их от подобных доходов развитого капиталистического общества как такового. Речь идет прежде всего о специфическом соотношении трех форм эксплуататорских доходов: прибыли, процента, ренты. В развитом капиталистическом обществе на первом месте как с точки зрения функциональной роли в кругообороте всего общественного капитала и в процессе расширенного воспроизводства, так и по количественной характеристике находится прибыль, понимаемая здесь в качестве предпринимательского дохода. В системе

колониализма, наоборот, на первом месте находилась рента. В отличие от этого в неоколониальной системе на первое место среди форм распределительных отношений в настоящее время выдвинулся процент.

Случайно ли это? Отражает ли такая высокая доля процента в общих доходах мирового монополистического капитала от неоколониальной эксплуатации в последнее время случайные, конъюнктурные факторы или она также связана с существенными особенностями эксплуатации, вытекающими из специфики неоколониальных отношений собственности?

Для ответа на этот вопрос необходимо рассмотреть экономическое содержание прибыли, ренты и процента в неоколониальной системе отношений. Для названной системы характерен относительно высокий удельный вес прибыли, получаемый от предпринимательской деятельности за пределами производственной сферы — в области торговли (особенно посреднической), страхования, международного транспорта. Сферой неоколониалистской деятельности монополистического капитала становится реализация продукции, произведенной в развивающихся странах, в рамках мирового капиталистического хозяйства, включая такие виды деятельности, как страховое дело, маркетинг, транспортная перевозка, реклама и т. д.

Особенность неоколониальной прибыли в сфере производственного предпринимательства заключается в том, что она формируется за счет не только прибавочной стоимости, как это происходит в капиталистическом обществе, но и прибавочного продукта, производимого в некапиталистических укладах, а в ряде случаев даже за счет части необходимого продукта. Обычное в условиях простого товарного производства изъятие части продукта в виде налогов, церковных поборов и т. д. коренным образом отличается от превращения такого продукта в неоколониальную прибыль, получаемую монополиями, посредническими между мелким производством в развивающихся странах и конечными потребителями его результатов в странах развитого капитализма. Прибыль этих посредничающих монополий в данной области отнюдь не сводится только к торговой прибыли. Это — результат эксплуатации мелкого товарного производства монополистическим капиталом в системе неоколониализма.

Австрийский экономист коммунист В. Байер приходит к выводу, что «в политэкономическом аспекте складывается категория „неоколониальная прибыль“, которая представляет собой своеобразную, характерную для нынешнего периода форму существования и развития монополярной прибыли. Как таковая, она есть экономическая реализация господства иностранного капитала в развивающихся странах при существующем международном экономическом порядке» [152, 1986, № 3, с. 81].

К неоколониальной прибыли относится и прибыль, получаемая предпринимателями в капиталистических странах от эксплуатации иностранных рабочих — временных мигрантов из раз-

вивающихся стран. В данном случае проявляется одно из противоречий неокOLONиализма как системы отношений. Эксплуатация труда рабочих-мигрантов служит источником повышенных прибылей западных предпринимателей, использующих рабочую силу мигрантов. В то же время денежные переводы рабочих-мигрантов на родину образуют основу дохода их семей и составляют для некоторых развивающихся стран важную часть валютных поступлений. Поэтому данная форма неокOLONиальной эксплуатации не обязательно выражается в статистических исчислениях потерь для развивающихся стран. За период с 1975 по 1981 г., например, Филиппины, чье правительство проводит политику стимулирования массовой миграции рабочих и служащих на временную работу в другие страны, получили по этим каналам 3,1 млрд. долл.

Объем неокOLONиальной прибыли не равен и потерям развивающихся стран в их экономических отношениях со странами развитого капитализма. Это — понятия разного порядка. Поэтому нам представляется неточным выражение масштабов неокOLONиальной эксплуатации освободившихся государств подсчетом потерь этих стран: результаты этой эксплуатации значительно превышают то, что принято считать потерями.

В системе неокOLONиализма ряд специфических черт приобретает также процент (доход на капитал как собственность в отличие от прибыли — дохода на капитал как функцию). НеокOLONиальный процент — прежде всего форма *неравноправных* отношений распределения. В этой форме монополистическому капиталу развитых капиталистических стран достается в огромных размерах созданный в развивающихся странах прибавочный продукт, причем образующийся во всех экономических укладах, а не только в капиталистическом, как в развитых капиталистических странах (где ссудный процент в основном — это часть капиталистической прибыли за вычетом предпринимательского дохода). Кроме того, эта форма отражает экономическую подчиненность развивающихся стран мировому монополистическому капиталу, проявляющуюся в фактическом вмешательстве кредиторов в их внутренние дела. Займы Международного валютного фонда сопровождаются такими условиями, означающими вмешательство в важные вопросы внутренней экономической политики страны-получателя, как сокращение правительственных субсидий и расходов, частичный пересмотр характера внешней торговли, повышение внутренних цен на горючее, нефтепродукты, электроэнергию, удобрения, повышение железнодорожных тарифов и т. д. Такие условия стали в последнее время типичными в кредитных отношениях и частных банковских объединениях с развивающимися странами.

Следовательно, даже если в размерах процентной ставки, уплачиваемой по кредитам в пределах развитого капиталистического хозяйства и во взаимоотношениях между развитыми и развивающимися странами, существенной разницы нет, тем не

менее именно в силу *неравноправных* условий, сопровождающих эти кредитные взаимоотношения, неокOLONиальный процент является формой особых отношений распределения.

Важно также и то, что в виде процента банковские монополии получают от развивающихся стран доход на денежные средства, принадлежащие во многом самим развивающимся странам. В настоящее время источниками кредитов, предоставляемых западными банками развивающимся странам, все больше становятся денежные средства других развивающихся стран, в международном движении которых данные банки выступают посредниками. В системе неокOLONиального кредита развивающиеся страны участвуют не только как должники, но и как кредиторы, причем именно в этой системе некоторые из развивающихся стран превратились в настоящие государства-рантье.

Крохотный Бруней, например, с населением всего около 210 тыс. человек обладает запасами иностранной валюты, оцениваемой в 30 млрд. долл. (1984 г.) — почти 150 тыс. долл. в расчете на душу населения. Он не только может получать не менее 3 млрд. долл. дохода ежегодно (15 тыс. долл. на душу населения) в виде процентов по этой денежной сумме, помещенной в виде депозитов в западных банках, но и выполняет солидную программу осуществления производительных инвестиций в других странах, доход от которых будет значительно превышать ссудный процент.

В начале 1982 г. зарубежные инвестиции арабских стран составили 405 млрд. долл. Даже если принять средний доход по этим инвестициям за 10%, это означает, что доход данных стран как стран-рантье превышает 40 млрд. долл. в год. Но этим странам достается лишь часть всего дохода, получаемого в мировом капиталистическом хозяйстве на принадлежащие им денежные средства, используемые в качестве денежного капитала. Другая часть, данные о которой тщательно скрываются, присваивается монополистическим капиталом Запада. И здесь система неокOLONиальной эксплуатации допускает (даже предполагает) обогащение некоторых кругов в самих развивающихся странах.

Как уже отмечалось, взимание ренты с народов Азии, Африки и Латинской Америки в пользу господствующих эксплуататорских классов западных стран было одной из наиболее характерных черт колониальной эксплуатации. В современных условиях в результате борьбы молодых государств за свое экономическое освобождение значение ренты в системе неокOLONиальной эксплуатации уменьшилось. Так, по расчетам специалистов по нефтяным проблемам, Международный нефтяной картель получает в настоящее время лишь часть дифференциальной ренты с месторождений, принадлежащих развивающимся странам, в размере 22 центов за баррель нефти [71, с. 119]. Рента с земли, обладающей полезными ископаемыми, делится между нацио-

нальным государством и западными монополиями в различной пропорции в зависимости от конкретной ситуации, позиций этих монополий в каждой стране, динамики цен на мировом рынке и т. д. Рента же с сельскохозяйственных угодий достается иностранным монополиям лишь в небольшой степени, кроме тех случаев, когда в руках этих монополий остаются плантации, расположенные на лучших землях.

К числу новых видов ренты следует отнести быстро растущую ренту с участков, используемых в индустрии туризма: крупными туристическими объектами служат места, отличающиеся наиболее благоприятными природно-климатическими условиями, наличием памятников старины, заповедников и т. д. Быстро развивающаяся индустрия туризма играет важную роль в хозяйстве некоторых развивающихся стран и служит сферой неокOLONиального предпринимательства специализированных организаций международного капитала.

Особое место в распределительных отношениях системы неокOLONиализма принадлежит заработной плате. Именно колоссальный разрыв в уровнях заработной платы в центрах и на периферии мирового капиталистического хозяйства служит мощным стимулом предпринимательской деятельности мирового монополистического капитала в развивающихся странах. Как форма капиталистического распределения заработная плата отражает отделение производителя от средств производства. Поэтому предпринимательство иностранного капитала в развивающихся странах служит фактором интенсификации процесса первоначального накопления капитала, превращения рабочей силы в товар и формирования для неокOLONиалистской системы адекватной ей классовой структуры. Заработная плата рабочих развивающихся стран, эксплуатируемых на предприятиях ТНК, устанавливается на гораздо более низком уровне, чем в центрах мирового капиталистического хозяйства. И различия в уровнях заработной платы намного превышают обычные для капиталистического общества национальные различия. Для системы неокOLONиализма характерны, во-первых, гораздо более высокая оплата европейцев или американцев, работающих в развивающихся странах, по сравнению с местными специалистами сравнимой квалификации, во-вторых, более низкая оплата труда рабочих из развивающихся стран, работающих в различных отраслях хозяйства стран развитого капитализма (иностраных рабочих-мигрантов).

Определяющим критерием служит именно разрыв в величине заработной платы между рабочими развитых и развивающихся стран. В самих развивающихся странах у рабочих, занятых на иностранных предприятиях, заработная плата может быть выше, чем у рабочих предприятий, принадлежащих местному капиталу или входящих в государственный сектор. Однако, как показано в гл. 7 настоящей работы, с этим обстоятельством связан ряд негативных последствий неокOLONиальных отношений для

социально-экономического развития стран Азии, Африки и Латинской Америки.

НеокOLONиальный разрыв в уровнях заработной платы стимулирует преимущественное перемещение из развитых в развивающиеся страны производств с низким органическим строением капитала, что позволяет предпринимателям экономить на переменном капитале. Именно это обстоятельство создает основу для современного весьма интенсивного процесса неокOLONиальной индустриализации, роста иностранных инвестиций в обрабатывающую промышленность развивающихся стран (см. [88]).

Особо важную роль в неокOLONиальной системе играют отношения, складывающиеся между развитыми и развивающимися государствами в рамках мирового капиталистического хозяйства в сфере международной торговли, международных расчетов и кредитов, «передачи технологии», «помощи развитию». Основные формы неокOLONиальных отношений и взаимосвязь между ними рассматриваются в гл. 3 настоящей работы. Здесь же ставится задача рассмотреть только относительное положение главных участников данных отношений, соотношение сил между ними и их роль в процессе неокOLONиальной эксплуатации.

В неокOLONиальной торговле образуется цепочка, состоящая из нескольких звеньев. Между производителем экспортного товара в развивающейся стране и конечным потребителем этого товара в стране развитого капитализма вклиниваются посредники, в большинстве своем ТНК, которые влияют на пропорции такого обмена к невыгоде обеих этих стран. Из 200 млрд. долл., получаемых ТНК с потребителей за сырье (без нефти), импортированное ими из развивающихся стран в течение года, странам-экспортерам достается всего 30 млрд. долл., или 15%. В розничной цене бананов, импортируемых из центральноамериканских государств в США, издержки ТНК в странах-экспортерах, включая экспортные налоги, не превышают 17% [75, с. 76]. В одном из исследований ЮНКТАД приводились расчеты, в соответствии с которыми выходило, что непосредственный производитель хлопка в развивающейся стране получает лишь 6,4% окончательной розничной цены, по которой продается готовое изделие из хлопчатобумажной ткани, — 51 цент из 8,04 долл. Разумеется, нет возможности определить, насколько в процессе последовательной переработки сырья в готовую продукцию возрастают издержки производства, транспорта, торговли, какая часть розничной цены представляет прибавочную стоимость и какова в этой прибавочной стоимости доля, созданная трудом рабочих в странах развитого капитализма. Но для теоретического выяснения сущности неокOLONиальной торговли как сферы эксплуататорского отношения в этом нет необходимости. Достаточно лишь отметить, что в процессе такого обмена прибавочный продукт, созданный трудом непосредственных производителей в развивающихся странах, реализуется в различных формах

Таблица 8

Доля расходов на импорт сельскохозяйственной продукции из развивающихся стран во всех импортных расходах развитых капиталистических стран *

Годы	Весь импорт	Импорт сельскохозяйственной продукции из развивающихся стран	
	млрд. долл.	млрд. долл.	% ко всему импорту
1970	220	13,2	6
1975	573	22,9	4
1982	1182	11,82	1

* Источник: [23, Supplement, 1985, с. 92].

неоколониальной прибыли, частично поступающей в распоряжение и буржуазного государства.

Таким образом, стремясь использовать в целях увеличения своей прибыли любые преимущества, вытекающие из научно-технического и технико-экономического превосходства, капиталистические монополии проводят целеустремленную и весьма гибкую политику, усиливая субъективными действиями неблагоприятные для развивающихся стран объективные условия мирового капиталистического рынка. Проведению такой неоколониалистской политики способствует, в частности, то, что по основным предметам торгового обмена между развивающимися и развитыми странами существует огромная разница в степени зависимости национального экономического и воспроизводственного процесса. Так, большинство развивающихся стран в качестве основного источника своих валютных поступлений вынуждено полагаться на производство и экспорт сельскохозяйственных товаров, когда такой экспорт дает больше половины всех валютных поступлений. Для отдельных стран данный показатель достигает 70—90%, причем в ряде случаев такой экспорт представлен одной-единственной культурой. Другими словами, такие развивающиеся страны находятся под абсолютной властью «монотоварного фетишизма», выражающегося в том, что возможности их развития и существования определяются непредсказуемыми потрясениями, выпадающими на мировом рынке на долю экспортируемого ими товара.

В то же время покупатели основной массы экспортируемых развивающимися странами товаров расходуют на их импорт настолько ничтожную и сокращающуюся часть своих валютных ресурсов, что даже существенные колебания конъюнктуры рынков этих товаров практически ими не ощущаются (табл. 8).

В 1982 г. развитые капиталистические страны израсходовали на импорт из развивающихся стран сельскохозяйственного сырья и продовольственных товаров, не являющихся предметами первой необходимости (кофе, чай, какао-бобы, бананы и т. д.), только 1% всех своих импортных расходов. Лишь весьма ограниченный набор минеральных сырьевых товаров и, конечно, нефть относятся к числу «товаров первой необходимости». Но минеральное сырье экспортируют очень немногие из развивающихся стран, и, кстати, здесь также нередки падения цен, в том числе даже на нефть.

В этой связи необходимо рассмотреть ту роль, которую играет цена в неоколониальных отношениях обмена. Нередко в данном вопросе исследователи концентрируют свое внимание на проблеме «ножниц цен», на изменениях условий торговли. Но это показатель, на базе которого, в зависимости от выбора базисного года, можно получить чуть ли не любые, в том числе разнонаправленные, результаты, и поэтому перед нами стоит иная задача: выявить особенности неоколониальной системы цен.

Как известно, в простом товарном производстве цена, будучи превращенной формой стоимости, отклоняется от нее вверх или вниз в зависимости от соотношения рыночного спроса и предложения. Сама же стоимость определяется общественно необходимым трудом, затрачиваемым на производство товара. По этой причине одни товаропроизводители, чьи индивидуальные затраты труда превышают общественно необходимые, проигрывают в процессе обмена, те же, кто затрачивает меньше общественно необходимого труда, — выигрывают. Закон стоимости, определяющий обмен эквивалентов, ведет к разложению простого товарного производства, к развитию на его базе капиталистического производства как высшей формы товарного производства. В капиталистическом обществе цена колеблется вокруг цены производства, которая отличается от стоимости в зависимости от органического строения капитала. Индивидуальный предприниматель может получать прибыль выше средней, ниже средней или даже терпеть убытки, разоряться. В условиях государственно-монополистического капитализма цепочка промежуточных категорий от стоимости до монополярной цены становится еще более длинной и сложной.

На мировом рынке образуется интернациональная стоимость. При обмене по такой стоимости одни страны выигрывают, другие проигрывают. Но проигрыш в конечном счете ложится на плечи трудящихся, равно как и выигрыш не распределяется равномерно среди населения страны, находящейся в более благоприятных условиях. Об этом писал еще К. Маркс: «Страна, находящаяся в благоприятных условиях, при обмене получает больше труда за меньшее количество труда, хотя эта разница, этот избыток, как вообще бывает при обмене между трудом и капиталом, прикарманивается одним определенным классом» [3,

с. 261]. Этим определенным классом в системе неокOLONиализма является прежде всего монополистическая буржуазия.

По товарам своего традиционного экспорта развивающиеся страны обладают преимуществами, определяемыми их природно-климатическими условиями. На основе же разницы в условиях производства стран, экспортирующих одинаковые товары, возникает дифференциальная рента. В системе неокOLONиализма дифференциальная рента в значительной своей части присваивается монополиями, держащими в своих руках нити движения экспортируемых развивающимися странами товаров и использующими в своих интересах механизм ценообразования мирового капиталистического рынка.

Каждый товар, производимый и реализуемый в рамках неокOLONиальной системы, последовательно приобретает различную цену. По самой низкой цене, совершенно оторванной от экспортной, происходит скупка урожая экспортных культур у мелких производителей. По иной, более высокой цене осуществляется экспорт, поступления от которого учитываются в платежном балансе страны. Особое место занимают котировочные цены на товарных биржах. В формировании этих цен важную роль играет спекулятивный элемент. Наконец, розничная цена, по которой потребитель покупает импортный товар, может быть различной не только в разных городах одной и той же страны, но и в соседних магазинах одного города. И на всех этапах движения товара от его производителя в развивающейся стране до его потребителя в промышленно-финансовом центре мирового капиталистического хозяйства каждый из посредников получает соответствующую прибыль, размер которой определяется различием в ценах. В странах, где агенты ТНК имеют возможность скупать у местных крестьян урожай экспортных культур на корню, именно этим ТНК достается основная прибыль. Там, где экспорт основных культур монополизирован национальным государством, значительно сокращаются возможности ТНК по присвоению разницы между заготовительной и экспортной ценой.

Ценам на экспортную продукцию развивающихся стран противостоят цены на товары, которые они импортируют из стран развитого капитализма. ТНК, имеющие возможность доводить свою продукцию до непосредственного потребителя в развивающихся странах, могут устанавливать на них монопольную цену, которая служит важнейшим фактором получения ими высоких неокOLONиальных прибылей.

Для неокOLONиальной системы экономических отношений характерна множественность применяемых цен, которые весьма далеко оторваны от своей первоосновы — стоимости (заготовительные цены, экспортные, импортные, розничные, биржевые, трансфертные цены и т. д.). При этом некоторые из цен держатся в секрете или служат предметом тайных торговых переговоров.

Непосредственные хозяйственные интересы главных капиталистических государств составляют важнейший побудительный мотив экономической экспансии этих государств в развивающемся мире и материальный стержень всей системы отношений между развитой и отсталой частями мирового капиталистического хозяйства. Активная экономическая политика самих освободившихся стран, стремящихся к развитию национальной экономики и укреплению своих позиций на мировом рынке, постоянно влияет на запросы государств развитого капитализма и пути их удовлетворения. Она усиливает противоречивость развития мирового капитализма качественно новыми элементами. В то же время острая заинтересованность освободившихся стран в получении на Западе финансовых и материальных ресурсов развития стимулирует экспансию мирового капитала, поскольку эти страны во все больших масштабах нуждаются в рынках сбыта сырья и изделий растущей промышленности, а также в приобретении средств производства, технологии и научно-технических услуг.

Хорошо известно, что природные и людские ресурсы порабощенных стран служили одним из главных источников экономического развития метрополий. Обладание этими ресурсами и сама борьба за них были важными факторами формирования капиталистической системы мирового хозяйства. «Колонии, — по словам Маркса, — создали мировую торговлю» [1, с. 135].

Значение ресурсов периферии мирового капиталистического хозяйства для экономики его центров определяло и процесс формирования неокOLONиализма и направления и формы его модернизации. Очевидно, что сам распад колониальной системы империализма с присущими ей военно-политическими методами организации международных производственных отношений происходил в значительной мере под воздействием развития производительных сил мирового капитализма. Общий рост материального производства и эволюция его структуры, сдвиги в соотношении империалистических сил и расширение международного бизнеса, усиление государственно-монополистического характера капитализма и развитие интеграционных процессов — все эти процессы на протяжении всего послевоенного периода постоянно активизировали экономическую экспансию империалистических государств в зависимых странах. Они способствовали зарождению и развитию новой системы отношений между двумя этими группами государств, которая позволила мировому капитализму относительно легко пережить развал колониальных империй, а затем стала основой для более глубокого включения освободив-

шихся стран в его воспроизводственные процессы, основой экономической неокolonизации этих стран.

Огромный ресурсный потенциал освободившихся стран, наличие там дешевой рабочей силы, возможность реализации в этих странах широкой номенклатуры капитальных и потребительских товаров — все это питает сегодня стремление индустриальных капиталистических государств поддерживать разветвленную сеть экономических связей с различными частями развивающегося мира. Интенсивность этих связей зависит от процессов, происходящих в экономической и социальной сферах обеих групп государств, причем стимулы роста такой интенсивности все более тесно переплетаются.

Развивающиеся страны в энергосырьевом комплексе мирового капитализма

Энергетический кризис 1973 г. нарушил режим снабжения мирового капиталистического хозяйства нефтью и минеральными ресурсами. Этот режим сложился еще в недрах колониальной системы и сыграл важную роль в формировании структуры народного хозяйства стран развитого капитализма. Весьма примечательно, что эффект его действия нарастал в период распада колониальной системы и образования нового типа отношений мирового капитализма с молодыми государствами. В 50-е и 60-е годы этот режим существенно помог капиталистическим государствам поддерживать высокий темп экономического роста и в то же время заметно воздействовал на характер их технического развития на основе резкого повышения удельного веса жидкого топлива в энергобалансе и ускорения развития энерго- и теплоемких производств. Иными словами, мировой капитализм на этапе развертывания НТР развивал свои производительные силы в немалой мере за счет относительно дешевых энергосырьевых ресурсов, поставлявшихся в значительной мере из периферийных стран мирового капиталистического хозяйства.

Такие поставки были обеспечены силой мощнейших колониальных монополий, составляющих одно из главных звеньев общей интернациональной цепи мирового капитализма и стержень формирования его производственных связей с отсталыми странами. В период развала колониальных империй эти монополии бурно наращивали свою деятельность. В результате дешевизна нефти и сырья способствовала общему росту экспансии мирового капитала в развивающихся странах на начальном этапе их индустриализации, а соответственно влияла и на весь процесс формирования системы отношений между центром мирового капиталистического хозяйства и его политически суверенной, но экономически отсталой периферией.

Рост потребностей мирового капитализма в сырье и первичных энергоресурсах, а также существенное повышение доли

поставок этих товаров из развивающихся стран в импорте и национальном потреблении основных капиталистических государств, прежде всего США, и явились главными объективными предпосылками энергетического и сырьевого кризисов мирового капиталистического хозяйства. Последующие сдвиги в системе его сырьевого обеспечения отразили стремление империалистического Запада приспособиться к новой ситуации (установление суверенитета молодых государств над своими природными богатствами, повышение цен на нефть) и ослабить зависимость своего экономического роста от политики развивающихся стран — экспортеров нефти и минерального сырья. Это стремление существенно подталкивало технологическую модернизацию хозяйства стран развитого капитализма и прежде всего разработку способов экономии сырья и энергии, а также альтернативных источников топлива и энергии.

Такого рода модернизация повысила маневренную силу империализма в системе его отношений с освободившимися странами, которые, однако, продолжали играть роль энергосырьевой базы современного капитализма, а точнее говоря, одного из важнейших участков этой базы, обладающего своей спецификой и привлекательностью. Существенные изменения произошли лишь в форме проявления этой роли, что само по себе весьма важно. Данные изменения будут рассмотрены в следующей главе при конкретном анализе функционирования системы неокolonизационных отношений. Сейчас лишь отметим, что борьба развивающихся стран за суверенитет над природными ресурсами и развитие в них промышленности по переработке отечественного сырья способствовала не только эволюции системы их отношений с развитыми государствами, но и расширению участия стран — производителей сырья в его первичной переработке.

Весьма примечательна в этой связи оценка характера индустриализации и промышленного экспорта развивающихся стран, сделанная в специальном выпуске обзора промышленного развития к IV Генеральной конференции ЮНИДО: «Многие товары экспорта развивающихся стран, классифицируемые статистикой как промышленные изделия, проходят до экспорта лишь ограниченную промышленную обработку, а их стоимость создается преимущественно в сельском хозяйстве и горнодобывающей промышленности» [24, с. 210]. В течение 70-х годов в большинстве развивающихся стран рост промышленного экспорта происходил главным образом за счет переработки их природного сырья. В начале 80-х годов доля такой продукции в промышленном экспорте составила 80,5%, в то время как у основных промышленных экспортеров она равнялась 33,7% [24, с. 297].

В мировом капиталистическом хозяйстве растет доля развивающихся стран в запасах нефти, газа, марганца, никеля, свинца, цинка. Особенно велика она по нефти и природному газу, олову, бокситам, кобальту, фосфатам, никелю, меди. Сохраняет-

Таблица 9

Импортный компонент национального потребления
(отношение импорта к видимому потреблению по стоимости) *, %

Группы товаров	США и Канада		ЕЭС		Япония		Союзно по названным странам	
	1968 г.	1982 г.	1968 г.	1982 г.	1968 г.	1982 г.	1968 г.	1982 г.
Уголь, нефть, газ . . .	6	22	51	62	81	97	27	44
в том числе доля развивающихся стран	6	18	47	47	62	83	25	37
Минеральное сырье . . .	10	58	54	72	82	91	24	60
в том числе доля развивающихся стран	6	26	20	26	44	44	14	31

* Источник: [23, 1983, с. 544; 1985, с. 510—511].

ся значительный удельный вес развивающихся стран в добывающей промышленности капиталистического мира. Доля этих стран в добыче совокупно семи основных видов металлического сырья — бокситов, меди, железной руды, никеля, олова, свинца и цинка выросла (по стоимости) с 41% в 1960 г. до 45% в 1970 г. и примерно до 50% в начале 80-х годов. По многим видам растет и их доля в импортном компоненте главных капиталистических государств. Растет она и по энергосырьевому комплексу в целом.

В структуре общего импорта развитых капиталистических государств доля топлива выросла с 10% в 1970 г. до 31% в 1980 г., но снизилась до 23% в 1983 г.; доля сырья за эти 13 лет уменьшилась с 12 до 7%. Что касается доли развивающихся стран в совокупном импорте развитых государств, то по топливу она увеличилась с 64 до 72% за 70-е годы, но уменьшилась до 58% к 1983 г., а по сырью она уменьшилась с 28,5% в 1970 г. до 24,5% в 1983 г. [28, 1985, May, с. XXXIV, XXXVIII, XLVI].

Вместе с тем весьма характерно, что в главных капиталистических государствах значительное расширение импортного компонента в потреблении топлива и минерального сырья происходило при постоянном увеличении роли поставок из развивающихся стран. Это хорошо видно из табл. 9.

За суммарными данными скрывается немало острых ситуаций, характеризующихся еще более высоким удельным весом поставок некоторых видов минерального сырья из развивающихся стран. Показательно, например, что ФРГ, являющаяся одним из крупнейших импортеров основных сырьевых товаров, получает из развивающегося мира около 75% всего своего импорта сырья. ЕЭС получает из развивающихся стран 95—100% потребляемого им уранового концентрата и кобальта, а также половину объема основных видов металлосодеждающего сырья

(кроме железной руды). США покрывают поставками из этих стран 100% импорта каучука, 82% олова, 56% алюминия, 50% марганца, 45% кобальта, 39% вольфрама [167, 1985, т. 6, № 1, с. 56].

Империалистические государства прилагают немалые усилия для того, чтобы форсировать развитие внутренней ресурсной базы, усилить режим экономии сырья и топлива, увеличить использование альтернативных источников энергии и синтетических или искусственных сырьевых материалов. Характерно, однако, что усилия по экономии энергии и освоению альтернативных энергисточников вызывают острую конкуренцию между монополиями. В конкурентной борьбе наиболее сильные позиции имеют те же нефтяные гиганты, которые по-прежнему придают огромное значение своей деятельности в развивающихся странах. Обращает на себя внимание тот факт, что ТНК США, например, именно благодаря деятельности в нефтяной и горнодобывающей промышленности развивающихся стран получают там прибыли, более чем вдвое превышающие прибыли этих ТНК в развитых государствах: по данным за 1977—1982 гг., соответственно 22,7% и 12,8%, тогда как в обрабатывающей промышленности они получают 11,5% в первой группе стран и 11,1% во второй [193, 1982, August, с. 17; 1983, August, с. 19; 1984, August, с. 23]. Вместе с тем замещение нефти в энергобалансе развитых капиталистических государств обуславливает рост значения развивающихся стран как поставщиков других источников энергии.

В целом можно констатировать, что попытки Запада повысить степень самообеспечения ископаемым сырьем, каковы бы ни были последствия таких попыток, отнюдь не ослабили к середине 80-х годов устремления империалистических стран в отношении природных богатств развивающегося мира и усилили межмонополистическую борьбу за доступ к этим богатствам, несмотря на определенные попытки скоординировать на международном уровне систему их эксплуатации. Есть основания также предположить, что индустриальный Запад даже в случае дальнейшего повышения степени самообеспечения своей экономики отдельными видами сырья и первичными энергоресурсами использует такую ситуацию для усиления давления на развивающиеся страны в переговорах по сырьевым проблемам, а также для расширения своего участия в добывающих отраслях этих стран. Следовательно, рост такой самообеспеченности может крайне противоречиво влиять на стратегию экспансии Запада в развивающемся мире и активизировать ее неокolonналистский аспект.

Капиталистические государства стремятся обеспечивать себе стабильные поставки первичных энергоресурсов и сырьевых материалов из развивающегося мира путем укрепления позиций на различных новых участках его энергосырьевого комплекса и в других сферах хозяйства освободившихся стран, а также об-

щей модернизацией методов экспансии. Эта линия проводилась уже в период распада колониальных империй. Сегодня она переплетается с новыми формами взаимосвязей в системе экономических отношений центров и периферии мирового капиталистического хозяйства, отражая некоторые новые явления в его развитии, новые хозяйственные запросы и возможности обеих названных групп государств. Важно отметить, что данная линия осуществляется в условиях борьбы освободившихся стран за укрепление суверенитета над своими природными ресурсами и расширение масштабов их национальной переработки, что составляет одно из важных направлений общей политики индустриализации этих стран.

Обращает на себя внимание рост доли нефтяной промышленности (включая переработку нефти) в отраслевом распределении капиталовложений США в развивающемся мире. За период с 1977 по 1984 г. она увеличилась с 4,8 до 32,5% в результате вложений главным образом вне стран — членов ОПЕК [193, 1985, August, с. 34]. Весьма примечательно, что в течение 70-х годов собственность ТНК в нефтяной промышленности капиталистического мира уменьшилась с 94 до 45%, а их доля в реализации нефти и нефтепродуктов снизилась лишь с 91 до 83% [37, с. 4].

Характерно также, что начиная с 1980 г. в отраслевом распределении инвестиций главных капиталистических государств в развивающемся мире стала вновь расти доля горнодобывающей промышленности. Так, в капиталовложениях США этот показатель, снизившись с 11% в 1971 г. до 4,2% в 1980 г., затем вновь увеличился до 5,5% в 1983 г.; в японских капиталовложениях он снизился с 29% в 1973 г. до 24% в 1980 г., а в течение первых лет нынешнего десятилетия — превышал 25% [38, с. 67].

Сохраняется значительная заинтересованность развитых капиталистических государств в получении из развивающегося мира сельскохозяйственного сырья. США, например, постоянно закупают в этих странах около $\frac{1}{4}$ импортируемого ими сельскохозяйственного сырья [23, 1984, с. 73, 77]. За период с 1968 по 1981 г. импортный компонент в национальном потреблении сельскохозяйственного сырья США и Канады вырос с 4 до 7%, у ЕЭС — с 6 до 8%, у Японии — с 6 до 9% [23, 1984, с. 477]. Многие отрасли легкой промышленности западноевропейских государств традиционно базируются на поставках сельскохозяйственного сырья из развивающихся стран и прежде всего хлопка, сизаля и джута. Напомним, что эти страны являются монопольными производителями некоторых видов аграрного сырья, в первую очередь продуктов тропического земледелия.

Разумеется, энергосырьевой комплекс развивающихся стран не является средоточием хозяйственных интересов основных капиталистических государств. Вне этого комплекса находятся многие направления взаимосвязей обеих групп государств и важные стимулы неокOLONиальной экспансии. Однако он состав-

ляет одно из важнейших связующих звеньев системы неокOLONиальных отношений. Проблемы, прямо или косвенно им обусловленные, выпукло проявились в процессе формирования этой системы и заметно воздействуют на ее трансформацию.

В период распада колониальной системы сохранение прямых позиций империализма в горнодобывающей промышленности бывших колоний и прежде всего кабальные концессионные договоры составили важнейшие участки формировавшейся в то время системы зависимости молодых государств от индустриальных центров империализма. В новых условиях межимпериалистического соперничества за природные ресурсы освободившихся стран и их борьбы за укрепление национального суверенитета и индустриализацию именно стремление мирового капитализма сохранить периферийный участок своей энергосырьевой базы в немалой мере способствовало расширению отраслевого диапазона и модернизации форм экономической экспансии.

В настоящее время этот процесс продолжается. Не ослабевает стремление развитых капиталистических государств сохранить или расширить свои позиции в сфере энергосырьевых комплексов развивающихся стран как непосредственно в добывающей промышленности, так и на разных уровнях переработки сырья и топливно-энергетических ресурсов на месте. Это достигается на основе эволюции и переплетения форм инвестирования капитала и контрактных отношений. Усилия освободившихся стран по освоению своих природных ресурсов открывают мировому капитализму новые возможности по использованию этих ресурсов и одновременно новые участки приложения капитала и дополнительные каналы сбыта техники, технологии и технических услуг.

Место развивающихся стран в капиталистическом промышленном производстве

Как отметили авторы книги «Развивающиеся страны в современном мире: новая сила в мировой политике и экономике», «сырьевой кризис... несколько затенил другой, но не менее важный по своему характеру процесс, а именно возрастание зависимости (также приобретший необратимый характер) стран развитого капитализма и от сбыта своей продукции на рынках развивающегося мира» [102, с. 45]. Сразу добавим, что и сам этот кризис стимулировал экспортные устремления главных капиталистических государств в развивающемся мире в силу, во-первых, необходимости покрытия возросших затрат на импорт сырья и топлива, во-вторых, резкого расширения импортных возможностей у экспортеров нефти и сырья, в-третьих, роста потребностей в капитальных товарах у стран, активизировавших освоение собственных природных ресурсов, а также у стран, форсировавших в данных условиях экспортные виды производства.

Названные обстоятельства наложились на развернувшийся в течение 60-х годов процесс индустриализации развивающегося мира, активизировали этот процесс по ряду географических и отраслевых направлений, обусловили дальнейшую эволюцию международного капиталистического разделения труда. Соответственно задача реализации товаров на рынках развивающихся стран приобрела для экономики капиталистических государств количественно и качественно иное значение. Правильно оценить его можно, видимо, лишь в общих рамках анализа взаимосвязанных процессов их промышленного развития, с учетом «выноса» производства на территорию потребителя. Это последнее из упомянутых явлений, как мы попытаемся показать ниже, имело противоречивое воздействие на промышленный экспорт из развитых государств, иногда сужая его масштабы и всегда меняя его структуру. Оно кардинально повлияло на усиление роли развивающихся стран как поставщиков промышленных изделий на мировой рынок и стало новым звеном всей системы отношений мирового капиталистического хозяйства.

Следует подчеркнуть, что индустриализация освободившихся стран, будучи главным направлением их политики по созданию и расширению экономической базы государственной самостоятельности, тесно связана с рядом направлений империалистической экспансии. Она отразила объективные закономерности эволюции международного капиталистического разделения труда, интенсификации мирохозяйственных связей и интернационализации экономики в условиях резкого превосходства главных капиталистических государств над развивающимися странами. Задача развития национальных производительных сил постоянно вынуждала освободившиеся страны широко опираться на финансовые ресурсы, технику и технологию, научно-технические знания и опыт организации производства ведущих капиталистических государств, что существенно облегчило последним возможность наращивать экономическую экспансию в различных частях развивающегося мира.

При этом неизменно проявлялась одна из важнейших черт зависимого характера развития освободившихся стран — «опережающий рост их потребностей по сравнению с медленно меняющейся системой работ, духовных элементов производительных сил по сравнению с материальными элементами» [99, с. 42—43]. Такое свойство отражалось конкретно в том, что «коэффициент, характеризующий степень вытеснения ввозимых потребительских товаров импортом промежуточной, т. е. исходной, продукции, необходимой для их изготовления на месте, повсеместно имел тенденцию к росту... Из-за слабого развития производства средств производства исходная продукция для выпуска потребительских изделий превратилась в развивающихся странах в одну из крупнейших статей импорта» [100, с. 131].

Более высокие темпы роста промышленного производства в освободившихся странах по сравнению с развитыми капитали-

стическими государствами сочетались с расширением потока промышленных товаров из последних в первые. Доля развивающихся стран в общей стоимости экспорта развитых, снижавшаяся в течение 60-х годов из-за очень интенсивного обмена между индустриальными государствами, выросла за 1970—1983 гг. с 18 до 22%. Это произошло в результате роста доли «промышленных изделий» (с 20 до 25%) и за счет статьи «машины, оборудование и транспортные средства» (с 22 до 28%). Характерен соответственно и рост доли машин и оборудования в общей структуре экспорта развитых стран в развивающиеся — с 41% в 1970 г. до 45% в 1983 г. [28, 1985, May, с. XLVIII, L, LII].

Такая интенсификация потока машин и оборудования сопровождалась активным участием развитых капиталистических государств в строительстве в развивающихся странах производственных и инфраструктурных объектов, т. е. экспансией там мирового капитала, дальнейшим освоением периферии мирового капиталистического хозяйства как части его промышленного потенциала. Ниже мы остановимся на вопросе о воспроизведении принципиальных различий в характере промышленного роста основных капиталистических государств и группы развивающихся стран, а также на различиях в рамках этой группы. Пока же лишь подчеркнем расширение общей роли развивающегося мира как рынка сбыта промышленных товаров для основных капиталистических государств и своеобразное выравнивание в процессе такого расширения меры участия основных географических регионов, хотя за региональными показателями скрыто большое разнообразие в активности импорта отдельными странами или группами, составленными по характеру экономического развития. Так, в экспорте из развитых стран машин и оборудования доля стран ОПЕК выросла с 4,3% в 1970 г. до 10,3% в 1983 г.

Вполне очевидно, что наибольший спрос на промышленное оборудование предъявляют преимущественно страны, форсирующие индустриализацию своей экономики. При этом характерно, что и те страны развивающегося мира, которые достигли относительно высокого уровня, продолжают наращивать такого рода спрос быстрее, чем собственное производство. Как видно из табл. 10, на десять стран развивающегося мира устойчиво приходится примерно 70% его промышленного производства (по стоимости, добавленной промышленной обработкой).

Они и являются основными импортерами промышленного оборудования из главных капиталистических государств. Но характерно, что такое лидерство (при некотором снижении доли лидирующей десятки и сдвигами в очередности мест) сохранялось на фоне высоких темпов индустриализации большого круга развивающихся стран. Широкий спрос на различные виды машин и оборудования предъявляют и такие страны — члены ОПЕК, как Саудовская Аравия, Индонезия, Кувейт, а также Сингапур и Малайзия, входящие в группу крупных промышлен-

Таблица 10

Доля стоимости, добавленной промышленной обработкой (СДПО), в ценах 1975 г. *, %

1963 г.		1973 г.		1981 г.	
страна	доля СДПО	страна	доля СДПО	страна	доля СДПО
Бразилия	19,6	Бразилия	20,7	Бразилия	22,7
Индия	13,5	Мексика	12,4	Мексика	13,9
Мексика	10,7	Индия	9,1	Индия	8,6
Аргентина	9,0	Аргентина	8,4	Южная Корея	4,9
Венесуэла	3,8	Турция	4,2	Аргентина	4,8
Турция	3,4	Венесуэла	3,1	Турция	3,7
Перу	2,8	Южная Корея	2,8	Индонезия	2,8
Филиппины	2,8	Филиппины	2,5	Филиппины	2,6
Чили	2,4	Перу	2,3	Венесуэла	2,5
Египет	2,1	Иран	2,1	Гонконг	2,3
Всего	70,1		67,6		68,8

* Источник: [25, с. 21].

ных экспортеров, но не в десятку стран с наиболее крупным промышленным потенциалом.

При этом, разумеется, различия в направлениях и стадийности индустриализации в отдельных частях развивающегося мира соответствует и растущее разнообразие номенклатуры промышленного экспорта туда главных капиталистических государств, а в то же время и форм экономических связей между двумя группами государств мирового капиталистического хозяйства. Наиболее индустриализированные развивающиеся страны втягиваются в эту систему на все более широкой основе производственных взаимосвязей.

Однако в силу узости внутреннего рынка и одновременно под воздействием международного монополистического капитала промышленный рост целого ряда освободившихся стран приобрел экспортную ориентацию. На протяжении многих лет экспорт промышленных товаров оттуда рос вдвое быстрее, чем их производство [42, с. 142; 150, 1985, № 2, с. 154]. Суммарная доля развивающихся стран в промышленном экспорте несоциалистического мира выросла с 1963 по 1983 г. почти в 2,5 раза, тогда как их доля в промышленном производстве — в 1,7 раза [25, с. 39; 30, с. 5, 14].

В промышленном импорте развитых стран доля поставок из развивающихся увеличилась с 6,4% в 1970 г. до 12,9% в 1984 г. В структуре импорта первой группы стран из второй доля промышленных изделий выросла за этот период с 22,6 до 32,9%, а за вычетом топлива — с 34,4 до 63,8% [28, 1986, Мау,

Таблица 11

Доля развивающихся стран в мировом капиталистическом производстве (I) и экспорте (II) промышленных изделий *, %

1968 г.		1970 г.		1973 г.		1980 г.		1983 г.	
I	II	I	II	I	II	I	II	I	II
9,2	2,8	10,0	5,6	10,9	7,4	14,0	9,9	15,3	12,0

* Источник: [25, с. 16, 39].

с. XLVIII, L, LII]. Доля импорта из развивающихся стран в национальном потреблении промышленных изделий выросла за период с 1968 по 1982 г. у США и Канады с 0,8 до 2,7%, у ЕЭС с 1,1 до 2,3%, у Японии с 0,9 до 1,7% [23, 1983, с. 544; 1985, с. 510—511] (табл. 11).

Постепенное втягивание развивающихся стран в мировое капиталистическое разделение труда происходит на все более широкой основе, при растущем разнообразии их производственных взаимосвязей с индустриальными центрами капитализма. В структуре импорта промышленных изделий развитыми государствами из развивающихся стран существенно выросла доля поставок машинотехнической продукции и изделий металлообработки. Тем не менее развивающиеся страны по-прежнему преимущественно «одевают» и «обувают» развитые государства, поставляют им мебель и игрушки в обмен на приобретаемые оттуда капитальные товары.

Принципиальное значение имеет и постоянное отставание индустриализирующихся стран (разных стран в разной мере) от развитых капиталистических государств с точки зрения технологии и производительности труда. Опережающий рост производства промышленных товаров в первой из названных групп стран в сравнении со второй происходит за счет более быстрого роста количества занятых в нем работников.

Показательны данные о продукции различных категорий промышленности для расширения торговли промышленными товарами. В 70-е годы экспорт развитых стран расширялся за счет «промышленности, основанной на переработке природных ресурсов» на 27%, «старой трудоемкой продукции» — на 16%, «старой капиталоемкой продукции» — на 15%, «новой трудоемкой продукции» — на 37%, «новой капиталоемкой продукции» — на 5%. Соответственный вклад по категориям товаров у основных экспортеров промышленной продукции развивающегося мира равнялся 32, 36, 8, 22 и 2%, а у других развивающихся стран — 79, 14, 2, 4 и 1%. В результате даже у основных промышленных экспортеров доля капиталоемкой продукции составляла к началу 80-х годов лишь 10% их промышленного экспорта, а у других развивающихся стран — 3% [24, с. 197].

По данным 1978 г. о торговле в несоциалистическом мире, развитые капиталистические государства сбывали в развивающихся странах 14,1% своего экспорта «старой трудоемкой продукции», 29,4% «новой трудоемкой продукции», 26,3% «старой капиталоемкой продукции» и 20,3% «новой капиталоемкой продукции». В то же время в импорте развитых стран поставки из развивающихся по названным группам товаров составляли соответственно 21,4, 5,6, 3,9 и 3,4% [24, с. 204].

В целом интенсификация включения развивающихся стран в промышленное производство мирового капиталистического хозяйства сопровождается постоянным ростом дефицита в торговле этих стран промышленными товарами с развитыми государствами, хотя соответственное отношение экспорта к импорту удерживалось примерно на одном уровне (27—28%) в течение 70-х годов и выросло почти до 50% в середине 80-х годов в результате резкого снижения закупок развивающимися странами в условиях кризиса их платежеспособности (подсчитано по [28, 1985, May, с. XLVIII, L, LII]).

Степень зависимости развивающихся стран от торговли с развитыми капиталистическими государствами оценивается, в частности, таким показателем, как отношение чистого экспорта (экспорт минус импорт) к внешнеторговому обороту. У всех наиболее развитых освободившихся стран постоянно сохраняется внушительная отрицательная величина чистого экспорта, причем торговый коэффициент по промышленным товарам составил в 1978 г. 51% у Бразилии, 65% у Мексики, 98% у Венесуэлы, 44% у Сингапура, 18% у Индии и т. д. [24, с. 203].

Взаимосвязь структурных сдвигов в центре и на периферии мирового капиталистического хозяйства

Оценка основных направлений интенсификации взаимосвязей развивающихся и развитых капиталистических государств отражает весьма устойчивый характер международной производственной специализации каждой из этих двух групп стран. В принципе международная производственная специализация, особенно в условиях современного мира, служит одним из важнейших факторов использования выгод международного разделения труда и ускорения экономического прогресса. Однако специализация развивающихся стран сохраняет ущербный и зависимый характер, что обусловлено двумя обстоятельствами.

Во-первых, подавляющее большинство из них не обладает достаточной материально-технической и финансовой базой, а также необходимой квалифицированной рабочей силой для динамичной перестройки своей экономики и создания новых производств, отвечающих требованиям мирового рынка. Экономическая структура этих стран инерционна. Во-вторых, специализация

развивающихся стран сохраняется или модифицируется главным образом в силу потребностей мирового капиталистического рынка, т. е. в зависимости от условий воспроизводства международного монополистического капитала. Мировое капиталистическое хозяйство формирует международную специализацию развивающихся стран как непосредственно — путем экспорта предпринимательского капитала (что будет проанализировано в следующей главе), так и косвенно — через механизмы мирового капиталистического рынка. При этом воздействие центров капитализма становится важным дифференцирующим фактором — специализация отдельных групп развивающихся стран происходит крайне неравномерно.

Однако эволюция структуры материального производства в странах Запада и прежде всего рост доли технически передовых и наукоемких видов продукции неизменно стимулируют тенденцию обновления структуры производства в масштабах всего мирового капиталистического хозяйства. Основные направления ее развития в 70-х годах были, например, так сформулированы ЮНИДО: «Непрерывный рост трудоемкого производства, потребляющего большие объемы сырья, в развивающихся странах; растущее перемещение капиталоемкого производства на последних ступенях производственного цикла в развивающиеся страны; сохранение ранних стадий производственного цикла капиталоемких секторов в развитых странах; а также сохранение и расширение в развитых странах промышленности с интенсивным использованием людских ресурсов, т. е. промышленности, требующей развитого сектора обслуживания, научно-исследовательских возможностей, высококвалифицированной и мобильной рабочей силы» [17, с. 9].

Приведенные выше статистические данные свидетельствуют о том, что эволюция международного капиталистического разделения труда проходила в 60—70-е годы именно по этим направлениям. Такой процесс в главных своих чертах сформировался в условиях относительно устойчивого роста мирового капиталистического хозяйства 60-х — начала 70-х годов. Он соответствовал объективным тенденциям развития индустриальных центров и отражал особенности процесса индустриализации освободившихся стран. Однако его общая схема изначально строилась на очень противоречивой основе.

Перспектива быстрого нарастания указанного процесса зависела от значительного углубления дифференциации развивающегося мира — форсированного экономического роста в одних его частях, сохранения преимущественно сырьевой специализации в других и неизбежной консервации отсталости в третьих. Вплетение развивающихся стран в систему внутриотраслевого капиталистического разделения труда базировалось на использовании относительно дешевой рабочей силы и развитии в этих странах трудоемких и материалоемких производств, а также некоторых видов капиталоемкого производства, прежде всего

экспортного назначения. При этом капиталистические центры уделяли преимущественное внимание странам с наиболее емкими и перспективными внутренними рынками, а также странам, способным быстро наращивать экспортное производство, что обычно подразумевало существенное участие западных предпринимателей.

Наиболее ярким явлением в этом плане стало возникновение узкого круга «новых индустриализирующихся стран» как новых очагов развития мирового капитализма, а по сути дела, его плацдармов, сохраняющих глубокую ущербность участников системы неоколониальных отношений. Здесь уместно вспомнить меткое замечание В. Л. Тягуненко о том, что при сохраняющемся у монополий стремлении к получению сверхприбылей и на традиционном пути понижения трудовых издержек производства «упор теперь делается... на количество и качество рабочей силы развивающихся стран» [114, с. 225].

Однако наряду с крайне неравномерным участием развивающихся стран в эволюции международного капиталистического разделения труда сама эта эволюция стала испытывать кризисные ситуации едва лишь сложились ее основные контуры. Дело в том, что характерное для 60-х и начала 70-х годов нарастание хозяйственных взаимосвязей между развитой и отсталой частями мирового капиталистического хозяйства на базе устойчивого роста промышленного производства в той и другой группе государств обусловило ориентацию их деловых и правительственных кругов на использование такого взаимодействия для решения ряда важных социально-экономических задач. Провозглашенная Западом политика «равного партнерства» совпала с интересами верхних слоев общества во многих развивающихся странах, придающих решающее значение задачам национальной индустриализации, невыполнимой без широкого экономического обмена с индустриальными государствами. Империалистические же силы связывают перспективы удержания освободившихся стран в орбите мирового капитализма со стратегической установкой на дальнейшее, более органичное, хотя и неравноправное, включение этих стран в систему мирового капиталистического хозяйства посредством форсирования развивающихся там капиталистических отношений.

В этих условиях сформировалась идея существенного расширения доли развивающихся стран в промышленном производстве капиталистического мира по указанным выше направлениям. На конференции ЮНИДО в Лиме в 1975 г. была провозглашена задача доведения к 2000 г. доли этих стран в мировом промышленном производстве до 25%, что в принципе соответствовало расчету индустриальных стран резко форсировать перестройку структуры своей экономики, а на этой базе расширить экспансию в развивающихся странах.

Непосредственным стимулом для выдвижения идеи о доведении к 2000 г. доли развивающихся стран в мировом промыш-

ленном производстве до 25%, видимо, была цель активизации позиций Запада в этих странах в условиях обострившейся проблемы поставок оттуда резко вздорожавшей нефти, что побуждало расширить встречные поставки промышленных товаров и прежде всего, естественно, инвестиционных товаров. Однако «реальным обеспечением» такого сдвига была перспектива перестройки структуры экономики развитого капитализма по направлениям, вырисовывавшимся именно в начале 70-х годов.

Весьма показательным, что широко принятая в последние годы в мировой экономической литературе и в официальных документах международных организаций формулировка «перемещение промышленных мощностей из развитых в развивающиеся страны» возникла как сокращенная редакция формулировки «реорганизация некоторых производственных мощностей, действующих в развитых странах, и создание новых промышленных предприятий в развивающихся странах». Именно так она фигурировала в «Лимской декларации» и «Плане действий», принятых на II Генеральной конференции ЮНИДО [27, с. 12]. Таким образом, первоначальное английское «redeployment» не употреблялось для обозначения перемещения из одной страны в другую, а отражало задачу частичной перестройки промышленной структуры в национальных рамках индустриальных государств. В дальнейшем термин «перемещение» не только оторвался от своего исходного смысла, но и стал часто употребляться тождественно понятию «экспорт предпринимательского капитала в развивающиеся страны» или даже для обозначения прямой дислокации труда промышленных предприятий.

Разумеется, в наиболее крупных по масштабам промышленного производства странах, таких, как Бразилия, Мексика, Аргентина, Индия, основным стимулом его роста является внутреннее потребление. Тем не менее и в этих странах, как и во многих других, ускоренный рост немалого числа отраслей обрабатывающей промышленности и их втягивание в мировой капиталистический рынок происходили в основном в расчете на западного потребителя. Это втягивание стимулировалось кредитной политикой западных государств и банков, причем само оно связывалось с перспективой структурной перестройки в развитых капиталистических государствах. Выталкивание отсюда определенных видов производства должно было сопровождаться форсированным ростом других, более передовых видов, которые и компенсировали бы «экспорт» рабочих мест в развивающиеся страны, и стимулировали общий рост экономики.

Следовательно, «перемещение промышленных мощностей» из индустриальных государств в развивающиеся страны как одно из важнейших направлений дальнейшей интеграции этих стран в мировое капиталистическое хозяйство в интересах мирового капитализма прежде всего связано с соответствующей перестройкой структуры производства, а в определенной мере и структуры потребления именно в самих индустриальных госу-

дарствах, т. е. с широким комплексом хозяйственных и социальных мероприятий внутренней и внешней политики этих государств.

Поэтому необходимым условием ускорения индустриализации большинства развивающихся стран стало обеспечение свободного или преференциального доступа товаров новых промышленных предприятий этих стран на рынок индустриальных государств. Однако процесс интеграции освободившихся стран в мировое капиталистическое хозяйство уже начиная с середины 70-х годов разворачивается в условиях кризисного обострения всех социально-экономических проблем Запада, что нарушает некоторые тенденции, сформировавшиеся в течение 60-х — в начале 70-х годов. При этом более широко стали проявляться негативные стороны «догоняющей» индустриализации развивающихся стран. Большинство товаров именно новых отраслей промышленности этих стран стали вступать в конкуренцию с продукцией «устаревающих» видов производства индустриальных центров.

В результате во второй половине 70-х годов сложилась контртенденция модернизации «старых» видов производства в национальных границах индустриальных государств. Она базируется на техническом прогрессе и модернизации управления производством, позволяющих делать эти отрасли более рентабельными путем снижения трудоемкости производства. Вместе с тем проявляется действие социально-экономических факторов и прежде всего обострение проблем структурной безработицы. Именно на эту чрезвычайно болезненную для Запада проблему накладывается конкуренция со стороны развивающихся стран, которые на основе закономерной для мирового капиталистического хозяйства специализации стремятся значительно увеличить свою долю в промышленном производстве по первичной переработке сырья, а также в производстве текстиля, одежды, обуви, кожи и кожаных изделий, минеральных удобрений и ряда других товаров.

Глубокий циклический кризис 1980—1982 гг., проходивший на фоне обострения структурного кризиса мирового капитализма, ослабил многие из побудительных мотивов к перемещению в развивающиеся страны промышленных производств, резко ударил по экспортным доходам этих стран, но вместе с тем и обусловил сокращение их закупок в индустриальных государствах. Все это не могло не обострить конкуренцию между отдельными частями государственно-монополистического капитализма (ГМК) Запада, поскольку и тенденция форсирования такого перемещения, и различные ее контртенденции противостоят в значительной мере в силу интересов тех или иных групп национального и международного бизнеса, а также в зависимости от сдвигов в экономической политике правительств ведущих капиталистических государств.

Вместе с тем на протяжении 70-х и особенно в начале 80-х

годов неизменно обострялось противоречие между инвестиционной и таможенной политикой ведущих капиталистических государств, которые усилили различные средства таможенного ограничения по отношению к товарам из развивающихся стран, прежде всего продукции их обрабатывающей промышленности, что в немалой мере ущемляло интересы действующих там западных ТНК.

Этот «новый протекционизм» существенно отличается от протекционизма предшествующего периода, когда меры ограничения импорта из развивающихся стран наряду с мерами его поощрения применялись Западом главным образом для стимулирования роста в этих странах определенных видов производства, ориентированных на получение из индустриальных государств инвестиционных товаров и экспорт туда своей продукции. «Новый протекционизм» направлен на прямое торможение складывающихся тенденций взаимодополняемости различных частей мирового капиталистического хозяйства и в то же время на сохранение в индустриальных государствах модернизирующихся «старых» отраслей. Такая политика отражает кризисный этап развития мирового капиталистического хозяйства и тормозит объективный по своей сути процесс интеграции в эту экономическую систему развивающихся стран. Она находится в противоречии с общей политикой экономической экспансии в этих странах международных монополий, а такое противоречие показывает, что перспектива форсирования роста в развивающемся мире капиталистических отношений связана с рядом важных внутриэкономических проблем индустриальных государств. Такого рода форсирование — уже как общая проблема развития мирового капитализма — усложняет задачу перестройки экономической структуры индустриальных центров и соответственно обостряет межмонополистическую борьбу.

Фактическое развитие событий в начале 80-х годов, позиция индустриальных государств на различных международных форумах и весьма показательные в этом плане декларации совещаний на высшем уровне ведущих капиталистических государств свидетельствуют о том, что Запад неизменно видит общую перспективу преодоления модифицирующихся противоречий в отношениях с развивающимся миром на путях расширения там прямых позиций ТНК и создания новых форм производственных взаимосвязей между двумя группами стран (см. гл. 3).

При этом направления поиска тактических решений по-прежнему связываются с перспективой дальнейшего втягивания развивающихся стран в воспроизводственные процессы индустриальных капиталистических государств и расширения масштабов их включения в сферы деятельности международных монополий. Отмеченные тенденции торможения процессов такого рода свидетельствуют о частичной трансформации хозяйственной заинтересованности мирового капитализма в освободившихся

странах, поскольку структурная перестройка в экономике капиталистических центров приобретает новые черты и направления, проходит крайне неравномерно и резко усложнена социальными проблемами мирового капитализма.

Вопрос о дальнейшей трансформации такой заинтересованности представляется весьма сложным именно ввиду зависимости этого процесса от масштаба, темпа и направлений структурной перестройки. Ускоренное нарастание технологического прогресса обуславливает такие сдвиги в структуре издержек производства, которые дают главным капиталистическим государствам дополнительные преимущества перед основным массивом развивающегося мира. Так, перспектива сосредоточения в освободившихся странах значительной части трудоинтенсивных видов производства и расширения экспорта оттуда соответствующих промышленных изделий, т. е. перспектива, которая десять лет назад вырисовывалась вполне отчетливо, становится все более противоречивой, хотя трудно предположить ее сужение.

Нам представляется, что, так же как в случае с сырьевыми и энергетическими ресурсами, определенный рост «самообеспеченности» развитых государств трудовыми ресурсами в результате массированного применения трудосберегающей техники (подробнее об этом см., например, [150, 1984, № 5]) прежде всего усилит конкурентные способности этих государств и расширит их маневренные возможности в общем плане неокOLONиальной экспансии. Это обстоятельство может скорее интенсифицировать ее, нежели ослабить. Сама по себе конкуренция между ТНК неизбежно, на наш взгляд, будет постоянно подогревать хозяйственную заинтересованность капиталистических государств в развивающихся странах, лишь модифицируя и расширяя диапазон такой заинтересованности, которая, говоря иначе, означает интенсивную экспансию.

Анализ всего этого комплекса вопросов весьма сложен, поскольку перспектива происходящих ныне структурных сдвигов в экономике главных капиталистических государств и возможные последствия этих сдвигов для эволюции международного капиталистического разделения труда пока очень трудно оценить. Ясно, что структурная перестройка на Западе в течение первой половины 80-х годов еще больше «оторвалась» от процесса «перемещения» в развивающиеся страны отдельных видов производства. Эти два процесса происходят отнюдь не с той степенью синхронности, как предполагалось ранее. Такой «отрыв» прежде всего отражает интенсификацию процесса структурной перестройки промышленного производства в основных странах мирового капитализма, тогда как в развивающихся странах за редким исключением процесс обновления промышленной структуры и модернизации производства происходит значительно медленнее. Специфика кризиса 1980—1982 гг. и условий выхода из него усилили разрыв между развитыми и развивающимися странами в этом плане. Все сильнее сказываются фактор техно-

логической модернизации, потенциальные возможности западных стран в деле развития науки и техники и быстрого освоения научно-технических достижений.

Однако формировавшийся в течение 60-х и особенно 70-х годов общий характер эволюции международного капиталистического разделения труда принципиально не меняется. Отмеченные на статистическом материале этого периода тенденции взаимосвязанного роста промышленного производства по основным категориям продукции в двух частях мирового капиталистического хозяйства полностью сохранили свой характер и к середине 80-х годов. Внутри этих категорий нарастает разнообразие по отдельным видам производства. Вместе с тем дальнейшее развитие получит и тенденция дифференцированного участия различных групп развивающихся стран в процессе мирового капиталистического производства и в обмене промышленными товарами.

Представляется достаточно обоснованным замечание Н. Волкова и Н. Шмелева о том, что «структурная перестройка экономики ведущих капиталистических стран стала в то же время одной из причин появления новых промышленных центров на периферии капиталистического мира» [150, 1985, № 8, с. 38]. Такой процесс получает дальнейшее развитие. Периферия, о которой идет речь, вообще не имеет четкого состава и оказывается более или менее широкой в зависимости от критериев, от взятого (всегда произвольно) набора показателей. Важно и то, что сама эта группа стран, безусловно, оставаясь пока в рамках развивающегося мира, стимулирует развитие и некоторых других освободившихся стран. Новые импульсы эволюции международного капиталистического разделения труда и усиления конкуренции между капиталистическими государствами, видимо, интенсифицируют такого рода явления.

Показательно, что разработанные экспертами ООН прогнозы мирового промышленного роста, как правило, предполагают опережающий рост промышленности в развивающихся странах в сравнении с развитыми странами. При этом варианты более быстрого роста промышленности в мировом капиталистическом хозяйстве в целом включают и предположение о более сильном опережении такого рода и более интенсивном обмене между центром и периферией.

Определенное усиление асинхронности процессов перестройки структуры промышленного производства в развитых и развивающихся странах, а следовательно, усложнение такой перестройки в рамках всего мирового капиталистического хозяйства отнюдь не ослабляют экономической экспансии империализма в освободившихся странах. Но в этой ситуации он с новой силой стремится обеспечить здесь более подходящие условия для своей деятельности, больше «открыть» экономику молодых стран для ТНК, еще больше развить и разнообразить систему производственных связей с ними. О таком стремлении особенно крас-

неречиво свидетельствует политика МВФ и МБРР, оказывающих прямое давление на многие развивающиеся страны именно с целью модернизации этой системы.

ГЛАВА 3

ВЗАИМОСВЯЗЬ ОСНОВНЫХ ФОРМ НЕОКОЛОНИАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Главный институт неокOLONиальной системы

Важнейшим фактором формирования системы отношений мирового капитализма с развивающимися странами является деятельность ТНК. Включение этих стран в сферу деятельности международного бизнеса составляет принципиальную черту их экономического развития. Масштабы такого включения постоянно растут, а его формы заметно модифицируются. При этом специфика роста внешнеэкономических связей освободившихся стран и многие процессы их внутренней социально-экономической жизни все в большей мере обуславливаются именно глобальным характером стратегии ТНК, которая выражается в широком международном характере операционно разнообразной деятельности, в контроле над большими участками мирового рынка на индивидуальной (корпоративной) базе, в учете всех элементов интернациональной структуры компании как составных частей единого механизма, в соблюдении принципа получения дополнительных преимуществ не только путем экспансии самой по себе, но и в результате использования разницы в экономической ситуации в отдельных странах.

Характеризуя гигантское усиление могущества ТНК в мировом капиталистическом хозяйстве и системе его международных отношений, академик А. Г. Милейковский подчеркивает: «Решения, принимаемые генеральными директорами ТНК, включающими в сферу господства своих хозяйственных империй десятки стран, теперь в значительной мере определяют движение и товаров и капиталов в мировом масштабе. Состояние платежных балансов и уровень безработицы отдельных стран нередко зависят от этих решений в большей мере, чем от фискальной и кредитно-денежной политики их правительств» [150, 1984, № 6, с. 17].

Масштабы и интенсивность деятельности ТНК в мировом капиталистическом хозяйстве растут. За период с 1971 по 1980 г. их удельный вес в промышленном производстве повысился с 23 до 28% (подробнее см. [150, 1984, № 12, с. 30]), а доля заграничных филиалов в общем объеме продаж ТНК выросла с 30 до 40% [37, с. 2, 48], причем доля внутрикорпорационного обмена в мировом капиталистическом экспорте также достигла 40%. При этом повысилась степень глобализации и диверсифи-

кации деятельности ТНК и расширялся спектр новых форм зарубежной активности в результате развития широкой системы контрактных отношений. Наблюдаются дальнейшее усиление концентрации и централизации капитала, тенденция к перегруппировке в рядах монополистического капитала на основе слияний и поглощений, а также переплетение собственности ТНК с собственностью банковских, страховых и других финансово-кредитных учреждений и непосредственный рост транснациональных банков (ТНБ), которые активизировали свою деятельность на основе аккумуляции огромной массы «нефтедолларов». Заслуживает внимания и то обстоятельство, что ТНК довольно успешно приспособляются к новым условиям функционирования мирового рынка, модернизируя способы его освоения.

Все названные явления все больше входят в систему отношений Запада с развивающимися странами, где, по данным 1980 г., расположено 26,5% филиалов ТНК (27,5 из 104 тыс.), причем 42% из них принадлежит ТНК США, разместившим в развивающемся мире 35% своих зарубежных филиалов [37, с. 34, 35, 284]. Доля развивающихся стран в общем объеме зарубежных прямых инвестиций Запада оценивается в 25% (148 млрд. долл. на конец 1983 г.), причем 90% из них приходится на 20 стран, являющихся основными объектами приложения капитала [38, с. 28]. В конце 70-х годов 84 крупнейших ТНБ имели в развивающихся странах 2292 своих зарубежных отделений, что составляло 54% их общего числа (подсчитано по [34, с. 124—126]).

Обращает на себя внимание тот факт, что доля развивающихся стран и в общем объеме прямых западных инвестиций, и в филиальной сети ТНК превосходит долю этих стран в суммарном ВВП неосоциалистического мира (около 20% в 1980—1982 гг.). Следовательно, роль иностранных инвестиций, оцениваемая как их объемом, так и количеством филиалов ТНК в расчете на единицу ВВП, в развивающихся странах даже выше, чем в развитых капиталистических государствах.

Иностранные инвестиции и филиалы распределены по развивающимся странам в соответствии с достигнутым ими уровнем экономического роста и/или характером развития этих стран. Как видно из табл. 12, на самую крупную по размерам ВВП среди развивающихся стран — Бразилию приходится более 15% иностранных капиталовложений и 11% филиалов. На четыре крупнейшие страны Латинской Америки (30% ВВП развивающегося мира) приходится примерно такая же доля инвестиций и несколько меньшая филиалов (27%). Характерно, что в тех странах Юго-Восточной Азии, которые развивались в 70-е годы особенно высокими темпами, доля иностранных вложений превосходит относительные размеры их ВВП (за исключением Южной Кореи). В сумме шестнадцать стран, включенных в таблицу в качестве главных объектов зарубежных прямых инвести-

Таблица 12

Доля основных регионов и отдельных стран развивающегося мира в его суммарном ВВП (I), заграничных прямых инвестициях ТНК (II) и в сети их филиалов (III)*, %

Регион, страна	I	II	III	Регион, страна	I	II	III
Латиноская Америка	40,5	56,7	42,6	Южная Азия	—	5,0	5,7
Бразилия	12,3	15,4	11,0	Индия	7,2	2,9	2,9
Мексика	10,3	6,8	8,9	Иран	3,1	1,1	1,5
Венесуэла	3,0	4,1	3,6	Пакистан	1,3	0,9	0,7
Аргентина	3,9	3,8	3,2	Юго-Восточная Азия	—	22,1	27,4
Африка	13,8	12,4	15,1	Индонезия	3,7	6,6	2,4
Нигерия	3,2	1,3	2,2	Малайзия	1,1	3,3	3,8
Заир	0,3	1,4	0,6	Гонконг	1,3	2,4	7,8
Либерия	0,04	1,4	1,5	Филиппины	1,7	2,1	2,3
				Сингапур	0,6	1,9	5,5
				Южная Корея	2,8	1,7	1,7

* Источник: [36, с. 30, 298—310, 318—321; 51, с. 271—273].

ций развитых капиталистических государств, характеризуются по трем избранным показателям почти одинаково (56, 57 и 60%).

На наш взгляд, данные о сети филиалов ТНК в развивающемся мире служат не менее важной характеристикой позиций там империалистических государств, чем данные о капиталовложениях, но более полно представлены статистикой и поэтому необходимы для нашего анализа.

К экспансии в развивающемся мире ТНК побуждают в основном обычные мотивы интернационализации их деятельности — получение более высокой нормы прибыли, стремление обеспечить гарантированные поставки сырья на льготных условиях и другими путями снизить издержки производства; желание обойти тарифные и нетарифные барьеры, завоевать новые рынки сбыта и ограничить там деятельность конкурентов; необходимость использовать собственные свободные накопления, а также местные финансовые ресурсы.

Осуществление индустриализации развивающимися странами, стремящимися выйти на мировой уровень развития производительных сил и значительно увеличить свое промышленное производство, в принципе расширяет поле деятельности ТНК. Научно-техническая революция резко повысила масштабы капиталовложений, необходимых для создания жизнеспособных производственных предприятий, потребовала массовых рынков, намного превосходящих по размерам внутренний рынок большинства молодых государств. Эти обстоятельства наряду с тем фактом, что ТНК обладают собственностью на новую технологию и господствуют на многих участках мирового товарного

рынка, обуславливают вынужденную ориентацию развивающихся стран на привлечение иностранного капитала. Перспективы экономического роста этих стран оказываются связанными с ТНК, несмотря на очевидные негативные последствия деятельности международных корпораций для национальной экономической консолидации молодых государств, формирования там рациональной хозяйственной структуры, укрепления их позиций на международной арене.

На нынешнем этапе экономического роста индустриализирующихся стран, когда их местный капитал получил определенное развитие и, кроме того, они имеют возможность использовать международный рынок капиталов, отчасти меняются причины вынужденного допущения ТНК в развивающийся мир. Все более доминирующим мотивом становится получение новой техники, технологии и научно-технического опыта. Именно эти факторы расширяют сегодня каналы проникновения ТНК в ведущие отрасли национальной промышленного производства развивающихся стран и формируют новые линии их интеграции в мировое капиталистическое хозяйство. В этой связи представляется справедливым следующее высказывание известных экономистов Г. Зингера и Ф. Ансари: «Главное преимущество богатых стран состоит не в том, что они производят технически передовые виды продукции, а скорее в том, что они обладают современной технологией и на их территории расположены многообразные корпорации. Поэтому богатые индустриальные державы будут по-прежнему получать основные выгоды от любого типа коммерческих отношений с третьим миром, будь то торговля или инвестиции» [139, с. 37].

Вместе с тем важнейшим элементом неоколониальных отношений являются мощные позиции ТНК в сфере внешней торговли развивающихся стран. Международные корпорации контролируют, например, промышленный экспорт Сингапура на 92%, Бразилии — на 43, Мексики — на 34, Аргентины и Колумбии — на 30, Южной Кореи — на 27% [37, с. 137]. В то же время ТНК контролируют экспорт развивающихся стран по таким товарам, как бананы, рис, каучук, сырая нефть, более чем на 70%; какао, чай, кофе, пшеница, хлопок, джут, медь, олово — более чем на 80%; древесина, железная руда, бокситы — более чем на 90% [85, с. 71]. Такие показатели масштабов деятельности ТНК особенно сказываются на судьбе тех 32 стран развивающегося мира, которые кардинально зависят от сбыта одного вида сырья (кроме топлива).

Огромное значение в этом плане имеет деятельность ТНК, занимающихся маркетингом, который объединяет такие операции, как изучение рынка, реклама, передача информации, транспортная, складирование, развитие системы доставки и учета, упаковка, планирование «изменения моделей» и, наконец, общая связь с правительствами стран-импортеров. Для успешного осуществления этих операций необходимо иметь высокий меж-

дународный уровень и широкие масштабы ведения операций. Сказанное обуславливает явное преимущество наиболее крупных транснациональных торговых фирм, которые подчас имеют большее влияние, чем ТНК, непосредственно занятые в производстве, предлагая модели, материалы, технологию и практику кредитования предприятий. Сочетание контроля над новой техникой и технологией, товаропроводящей сетью и маркетингом позволяет ТНК широко влиять на товарную специализацию промышленного производства развивающихся стран, масштабы промышленного производства развивающихся стран, масштабы и географическую структуру их промышленного экспорта и в конечном счете в значительной мере приспособлять процесс индустриализации этих стран к интересам международного бизнеса.

Расширение позиций ТНК в развивающемся мире происходит и на основе их деятельности в форме участия в национальных «предприятиях совместного владения» («джойнт венчер»), а также в форме широкой сети различных неакционерных соглашений — о продаже лицензии с предоставлением технологии и технических услуг; о предоставлении права пользоваться товарным знаком ТНК; о строительстве предприятий «под ключ» (действие контракта завершается только с началом выпуска продукции) или «под ключ», включая подготовку местного персонала («продакт-ин-хэнд»); об управлении предприятием; о «разделе продукции» добывающих предприятий в уплату за их создание и разведывательные работы («продакшн-шеринг»); об обеспечении изыскательских работ; наконец, следует упомянуть «международные субконтракты» о поставках из развивающейся страны деталей или готовой продукции [60, с. 14—17].

Весьма характерно, что все перечисленные виды неакционерных соглашений, а также участие в «предприятиях совместного владения» в западной экономической литературе, как правило, называются «новыми формами международных инвестиций» и рассцениваются как своеобразное промежуточное звено между «классической» международной деятельностью фирм и экспортом товаров [60, с. 12]. Такая оценка представляется нам обоснованной, поскольку, с одной стороны, все эти виды деятельности самым непосредственным образом связаны с задачами торговой экспансии или подчинены им (включая все большие масштабы экспорта технологии, знаний и услуг), а с другой стороны, они дают западным фирмам возможность получать определенный предпринимательский доход и осуществлять контроль над деятельностью партнеров, т. е. осуществлять задачи, аналогичные тем, которые достигаются путем «классического» инвестирования. Все эти формы и само их разнообразие усиливают маневренность деятельности ТНК в развивающихся странах и возможность комбинировать свои виды деятельности, варьируя более выгодные отраслевые и географические направления. Весьма важным является то обстоятельство, что многочисленные национальные предприятия развивающихся стран, связанные с

западными фирмами неакционерными соглашениями или допускающие такие фирмы в роли «младшего партнера» совместных предприятий, как правило, зависят от них в области технологии и новой техники, доступа к источникам кредитования и рынкам сбыта.

Однако, на наш взгляд, именно собственность ТНК над частью средств производства в развивающихся странах в форме прямых инвестиций создает важнейший канал включения этих стран в мирохозяйственные связи капитализма. Она создает производственную базу и цементирует всю систему взаимоотношений индустриальных государств с развивающимися странами. При этом она повышает эффективность других форм экономических связей, некоторые из которых целесообразны для развитых государств именно и только ввиду приносимых ею доходов и фактических преимуществ. Получая в развивающихся странах доход на вложенный капитал, ТНК приобретают право распоряжаться частью их прибавочного продукта, что имеет далеко идущие последствия именно ввиду огромного превосходства этих корпораций в научно-техническом плане, а также по масштабам и формам организации производства и сбыта продукции.

ТНК контролируют примерно 40% промышленного производства развивающихся стран [85, с. 161]. При этом обращает на себя внимание тот факт, что именно главные объекты прямого инвестирования стали главными субъектами развития промышленности и экспорта ее продукции. Так, по данным конца 70-х годов, обрабатывающая промышленность Бразилии, Индонезии, Мексики, Сингапура, Индии, Нигерии, Южной Кореи, Филиппин, Колумбии, Гонконга, Малайзии, Перу, Таиланда, Эквадора, Марокко и Венесуэлы аккумулировала примерно одну четверть всех иностранных капиталовложений в развивающемся мире [37, с. 137]. В то же время большинство из этих стран были главными и в производстве и экспорте промышленной продукции развивающегося мира.

Вместе с тем прямое участие иностранного капитала в обрабатывающей промышленности развивающихся стран оценивают через долю филиалов ТНК в объеме продаж отрасли, количестве занятых, основных фондах и акциях. Такие показатели наиболее высоки — от $\frac{1}{3}$ до $\frac{1}{2}$ — в Аргентине, Бразилии, Чили, Колумбии, Мексике и Перу, а также в Малайзии и Сингапуре. Характерно, что в экспорте большинства основных экспортеров промышленных изделий тоже очень велика доля продукции филиалов ТНК — 50% у Латинской Америки в целом, 73% в Бразилии, 82% у Мексики [37, с. 134]. Разумеется, эти данные прежде всего отражают тот факт, что ТНК оказывают явное предпочтение тем странам, которые обладают большими запасами сырья, имеют перспективный внутренний рынок и значительный производственный потенциал и инфраструктуру. Прочие страны — объект активных усилий ТНК по монополизации

закупок там сырьевых и продовольственных товаров, всей сбытовой сети, коммунальных услуг и т. п. Весьма показателен тот факт, что на 35 «наименее развитых стран» приходится лишь 1,5% балансовой стоимости вложений ТНК в развивающемся мире, тогда как на 6 «новых индустриализирующихся стран» — 34%, а на основные нефтеэкспортирующие — 17% (по данным 1978 г.) [37, с. 30].

Промышленный рост ряда развивающихся стран происходит при значительно меньших объемах прямых иностранных инвестиций. В Индии на долю филиалов ТНК приходится лишь 13% продаж произведенной в стране промышленной продукции. Правительство здесь проводило последовательную политику ограничения иностранного участия в хозяйстве, создания сильного государственного сектора и поддержки национальной буржуазии. В то же время роль ТНК в некоторых других сферах деятельности в Индии намного выше, чем в обрабатывающей промышленности. Иностранные компании контролируют закупки чая в этой стране, например, на 95%. В начале 1985 г. индийское правительство ослабило систему законоположений по ограничению деятельности ТНК в Индии. Комментируя этот шаг, министр торговли США М. Белдридж заявил на встрече с членами Федерации индийских торгово-промышленных палат: «Новые меры в области экономики делают климат индийской деловой жизни более привлекательным для американских компаний» [144, 4.06.85, с. 2].

Быстрый промышленный рост при относительно небольшой доле прямых инвестиций ТНК характерен и для Южной Кореи. На наш взгляд, здесь сказалась политическая заинтересованность неокOLONиализма в стабилизации удобного ему режима и более крупных поступлениях сюда ресурсов в форме «помощи», которые были использованы местной буржуазией.

Растущая деятельность ТНК в развивающихся странах способствует повышению технического уровня отдельных отраслей их хозяйства. Однако она способствует и воспроизведению технологического разрыва между этой группой стран и индустриальным Западом. В последнее время ТНК стали направлять свою деятельность и на подрыв наиболее конкурентоспособных отраслей отечественной промышленности молодых государств. В условиях ускорения научно-технического прогресса и быстрых сдвигов в структуре производства моделирование стратегии развития освободившихся стран силой ТНК и ТНБ означает навязывание этим странам критериев и направлений структурной перестройки в интересах империалистического Запада, «планирование» их зависимого развития, а следовательно, и стабилизацию системы неокOLONиальных отношений. Вполне правы, на наш взгляд, те латиноамериканские ученые, которые разрабатывают концепцию зависимого развития освободившихся стран как воспроизведения качественного неравенства этих стран с главными капиталистическими государствами и отмечают, в частности, что зависимость — это «способ включения ме-

нее развитых стран в глобальную капиталистическую систему» (подробнее об этом см. [150, 1986, № 1, с. 67]).

Вместе с тем ТНК стимулируют процесс дифференциации развивающихся стран, избирательно прикладывая усилия там, где есть сырье, хороший рынок сбыта, выгодные условия предпринимательской деятельности в обрабатывающих отраслях промышленности. Втягивая одни страны в международное капиталистическое разделение труда на «правах» поставщиков сырья или промышленного придатка, ТНК способствуют консервации отсталости значительного числа развивающихся стран, делают почти недоступными для них плоды технологической революции. Вполне очевидно, что такой дифференцированный подход мирового капитализма к развивающимся странам отнюдь не означает ограничения неокOLONиальной эксплуатации узким кругом государств, в которых сосредоточиваются основные прямые инвестиции, и игнорирования остальной массы стран. Широкая сеть неокOLONиальной системы отношений помимо прямых инвестиций включает широкий спектр торгово-экономических и валютно-финансовых связей индустриального Запада с различными частями развивающегося мира. И хотя филиалы ТНК и ТНБ действуют практически во всех развивающихся странах, особенно важно то, что относительно слабая привязка той или иной страны к мировому капитализму через прямые производственные инвестиции означает, как правило, исключительную зависимость от мирового капиталистического рынка, т. е. от торгового капитала и, конкретно, от сети скупщиков и поставщиков, а также от транспортных и страховых компаний.

Модернизация форм экспансии капитала

Система неокOLONиальных отношений постоянно приспосабливается к конкретным социально-экономическим процессам в обеих группах стран, составляющих мировое капиталистическое хозяйство. Поэтому целесообразно анализировать реальное содержание и эволюцию этой системы главным образом сквозь призму модернизации ее основных форм. В этом плане интересны, с одной стороны, динамика притока в развивающиеся страны финансовых ресурсов, объема накопленных там иностранных инвестиций и масштабов их внешней задолженности, а с другой стороны, взаимосвязанная с такой динамикой трансформация форм производственных и валютно-кредитных взаимосвязей развивающихся стран с мировым капиталом в лице ТНК и империалистического государства.

Балансовая стоимость накопленных в развивающихся странах иностранных прямых инвестиций соответствует примерно 6% суммарного ВВП этих стран. В течение 1981 г. общая сумма поступивших туда иностранных финансовых ресурсов (90 млрд. долл.) соответствовала 4% их ВВП, а объем прямых инвести-

Таблица 13

Приток финансовых ресурсов из государств — членов КНР
в развивающиеся страны и международные организации *

Виды поступлений	1970 г.	1975 г.	1980 г.	1982 г.	1970 г.	1975 г.	1980 г.	1982 г.
	млрд. долл. (текущие цены и обменные курсы)				%			
ГПР	6,9	13,8	27,3	27,8	44	31	36	33
Субсидии	3,3	6,3	14,1	13,4	21	14	19	16
Двусторонние займы	2,4	3,5	4,0	5,1	15	8	5	6
Взносы в международные организации	1,3	4,0	9,2	9,3	8	9	12	11
Другие государственные поступления	1,1	3,9	5,3	7,4	7	9	7	9
Частные поступления	7,0	25,7	40,7	46,1	44	57	54	55
Прямые инвестиции	3,7	10,3	10,5	9,9	23	23	14	12
Портфельные инвестиции:								
двусторонние	0,7	9,3	17,2	23,7	4	21	23	28
многосторонние	0,5	2,5	1,5	5,2	3	5	2	6
Экспортные кредиты	2,2	3,5	11,5	7,3	14	8	15	9
Дары частных благотворительных обществ	0,9	1,3	2,4	2,3	5	3	3	3
Всего	15,9	44,8	75,6	83,7	100	100	100	100
Всего в ценах 1981 г.	41,1	68,5	73,3	85,5				

* Источник: [51, с. 203].

ций (15,7 млрд. долл.) — 0,6% ВВП (подсчитано по [51, с. 265, 273]). Доля чистого притока иностранного капитала в общей сумме валовых внутренних инвестиций развивающихся стран выросла с 10,7% в 1970 г. до 13,5% в 1980 г. (по оценке экспертов МБРР), причем в странах со средним уровнем дохода она выросла с 15 до 18%, а в наиболее отсталых — с 29 до 63% [162, 1983, № 12, с. 1166]. За этими показателями по группам стран, разумеется, скрываются принципиально различные структуры притока финансовых ресурсов. В последнем случае преобладают поступления по линии помощи, а вопрос об их превращении действительно в фонд накопления требует специального рассмотрения.

При анализе данных табл. 13 и 14 наиболее очевидны сдвиги в структуре притока и прежде всего — опережающий рост коммерческих поступлений. В рамках этих поступлений существенно увеличилась доля частных банков (с 29 до 38%), а также международных организаций (с 7 до 11%) за счет доли прямых инвестиций, которая уменьшилась с 36 до 23%. Этот сдвиг отражает модификацию неокOLONиальной экспансии за последние 10—15 лет. Следует, однако, подчеркнуть, что доля государ-

Таблица 14

Структура притока финансовых ресурсов в развивающиеся страны
и динамика его составных частей * (по ценам и обменным курсам 1981 г.)

Виды поступлений	1970 г.		1982 г.		Рост, млрд. долл.	Рост компонента, %	Доля притока, %
	млрд. долл.	%	млрд. долл.	%			
Всего	51	100	98	100	47	92	100
ГПР	21	41	35	36	14	67	30
двусторонняя от членов КНР	15	29	18	18	3	20	6
двусторонняя от членов ОПЕК	1	2	6	6	5	500	11
из других источников	2	4	3	3	1	50	2
через международные организации	3	6	8	8	5	167	11
Частные дары	2	4	2	2	0	0	0
Поступления на коммерческих условиях	28	55	61	62	33	118	70
частные							
прямые инвестиции	10	20	14	14	4	40	9
кредиты (банковский сектор и облигации)	8	16	23	23	15	188	32
государственные							
экспортные кредиты	7	14	12	12	5	71	11
прочие	1	2	5	5	4	400	9
через международные организации	2	4	7	7	5	250	11

* Источник: [51, с. 64].

ственной помощи развитию (ГПР) в поступлениях из стран членов Комитета помощи развитию (КНР), существенно уменьшившись к 1975 г., затем удерживалась примерно на уровне одной трети, т. е. осталась одним из важнейших средств обеспечения этой экспансии. В период с 1970 по 1977 г. объем ГПР удерживался примерно на уровне 14—15 млрд. долл., а к 1982 г. вырос до 19 млрд. долл., т. е. более чем на одну треть (по обменному курсу 1981 г.). Среднегодовые поступления по прямым инвестициям (по курсу 1981 г.) весьма устойчиво составляли примерно 9 млрд. долл. в 1970—1973 гг., упали до 3,3 млрд. долл. в 1974 г. и подскочили до 17,4 млрд. долл. в 1975 г., а в последующие семь лет держались примерно на уровне 13 млрд. долл. (подсчитано по [51, с. 62]). Колебания 1974 и 1975 гг. в значительной мере могут быть объяснены резким оттоком вложений из нефтяной промышленности и переводом затем части из них в другие отрасли, причем такой перевод происходил уже в русле новой активизации экспансии ТНК в развивающемся мире: имеются в виду поиск новых источников сырья, отраслевые дислокации вокруг старых источников, перемещение определенных видов энерго- и материалоемких производств к местам расположения природных ресурсов.

Вытеснение иностранного капитала именно из сферы добычи минерального сырья и первичных энергоресурсов было естественным основным направлением борьбы развивающихся стран за экономическую самостоятельность в 60-х и в начале 70-х годов, поскольку иностранные концессии и предприятия в этой сфере представляли собой наследие колониализма. Усилия развивающихся стран в этой области были подчинены задаче укрепления государственного суверенитета и престижа, а также скорейшего увеличения бюджетных поступлений и расширения государственного сектора. Борьба в данном направлении сочеталась с установкой на увеличение масштабов производства по переработке минерального сырья непосредственно в странах добычи, что обусловило приток иностранного капитала в соответствующие отрасли. Стремление индустриальных капиталистических государств сохранить свои позиции в сфере добычи сырья в развивающихся странах обуславливало повышение их активности в других сферах хозяйства этих стран, а также усилия по модернизации производственных взаимосвязей.

Вполне естественно поэтому, что многие из «новых форм международного инвестирования» и прежде всего «предприятия совместного владения», соглашения о «разделе продукции» стали первоначально применяться в сфере добычи нефти и сырья, где они заменили соглашения о концессиях, по которым иностранные вкладчики были полными хозяевами и получали доходы в 3—4 раза больше, чем вкладывали капитал (по оценке ЮНКТАД по 47 странам в 1968—1973 гг.). Когда позиции этих вкладчиков были резко потеснены, они стали обеспечивать себе стабильные поставки на основе соглашений «на обслуживание». Так, Международный нефтяной картель получал в 1981 г. на основе собственности лишь 18% сбываемой им нефти [186, 1982, № 7, с. 270].

Межимпериалистическая борьба за источники сырья и сферы приложения капитала также способствовала расширению отраслевого диапазона предпринимательской деятельности иностранного капитала в этих странах и модернизации форм такой деятельности. Стремление ряда западных государств утвердиться в зонах чужого влияния вынуждало их производить вложения капитала в новые отрасли промышленности и идти на относительно более выгодные для принимающих стран условия.

Именно сочетание таких факторов, как борьба развивающихся стран за укрепление экономической самостоятельности и конкурентная борьба между монополиями за проникновение в эти страны и захват местных рынков, вызвали к жизни ряд новых форм деятельности ТНК, включая перечисленные в предыдущем разделе «новые формы инвестирования». В большинстве случаев такие формы означали приспособление к условиям отсталых стран обычной предпринимательской практики ТНК и, как правило, переплетались с прямыми инвестициями, а по сути дела, на них опирались.

Практика создания «предприятий совместного владения» получила широкое распространение в конце 60-х годов. Соглашения о таких предприятиях нередко предусматривают иностранное участие в форме поставок оборудования, технологии или расходов по обеспечению сбыта продукции. Заключаются и соглашения о постепенном снижении доли собственности иностранной фирмы (или группы фирм) до 49% или менее, хотя первоначально она может составлять и более 50% или даже все 100%. Такие предприятия дают подчас развивающейся стране возможность для освоения того или иного вида производства и способствуют развитию местного частного или государственного капитала. В то же время они создают важные преимущества для иностранных инвесторов, позволяя им широко пользоваться местными источниками финансирования, а нередко и обходить законодательство развивающихся стран, направленное на ограничение хозяйничанья там иностранного капитала.

Соглашения о «совместных предприятиях», особенно те, которые предусматривают поэтапное расширение доли собственности развивающейся страны во владении предприятием, построенным иностранной фирмой, обуславливают тесное переплетение чисто торговых форм поставок оборудования и материалов, «оплачиваемых» посредством получения предпринимательского дохода в течение определенного срока владения данным предприятием, с непосредственно инвестиционной деятельностью.

Наряду с этим практикуются такие формы участия компаний из западных государств в индустриализации развивающихся стран, как разработка проекта, поставки комплектного оборудования и осуществление строительных и монтажных работ.

Специфической и все расширяющейся формой внедрения индустриальных капиталистических государств в экономику развивающихся стран в 70-е годы стала практика заключения контрактов «на управление» национальными предприятиями этих стран, включая обязательства по подготовке местных технических кадров и даже менеджеров. Это дает индустриальным государствам, представленным прежде всего в лице ТНК, возможность не только получать доход за услуги, но, главное, воздействовать на различные экономические и социальные аспекты индустриализации развивающихся стран. Такие контракты могут обеспечивать более высокий доход, чем прямые инвестиции, причем иностранная фирма получает право решения финансовых, административных и кадровых вопросов [60, с. 15]. В результате значительно расширяются каналы сбыта техники из государств, предоставляющих «управленческие услуги», и усиливается научно-техническая зависимость развивающихся стран от индустриальных центров мирового капитализма.

В течение 70-х годов тенденция распространения различных форм контроля над производством и воздействия на те или иные его параметры без владения капиталом получила широкое развитие в обрабатывающей промышленности молодых госу-

дарств. Новая стратегия инвестирования заключается в том, что иностранная компания расходует гораздо меньше средств на капитальные вложения, сохраняя право контроля над производством, выгоды от использования местной рабочей силы, возможность получать доход от использования технологии, предоставленной как бы в аренду без передачи собственности на нее развивающейся стране.

Следует заметить, что если прямые инвестиции традиционно являлись собой комплекс владения капиталом, предоставления «ноу-хау» по управлению, организации и технологии, то сейчас все эти формы могут быть экономически разделены и осуществляться разными фирмами. Это открывает перед развивающимися странами перспективу усиления их позиций в рамках кооперации с иностранными компаниями для приближения инвестиционных проектов к экономическим планам данной страны, улучшения условий финансирования подготовки кадров и более эффективного привлечения технологии. Однако такая модернизация форм получает развитие в условиях сохранения огромного экономического, прежде всего научно-технического, превосходства индустриальных центров мирового капитализма.

Модификация тактики ТНК происходит в значительной мере в силу наступления на их позиции развивающихся стран, которые стремятся владеть более значительной долей собственности предприятий. Однако путем участия в смешанных предприятиях и «контрактных отношениях» ТНК приобретают весьма эффективные рычаги контроля над производственными и инфраструктурными объектами и влетают в свою общую сеть. В целом развитие капитализма активизируется — как в материально-техническом плане с нарастающим привлечением местных ресурсов, так и в социально-экономическом плане, — поскольку мировой капитализм находит все более эффективные меры по возвращению местной буржуазии в качестве своей социальной опоры.

Вместе с тем принципиальное значение имеет тот факт, что развитие новых форм экспансии сопровождалось значительным ростом специфической новой сферы в системе неокOLONИАЛЬНЫХ отношений. Имеется в виду создание «свободных промышленных зон», которые представляют собой производственные анклавсы с особым режимом преференций для иностранного капитала и дают центру мирового капиталистического хозяйства значительные преимущества на данном этапе освоения «периферийных» стран со свойственными им слабостью инфраструктуры, низкой эффективностью управления и координации на общенациональном уровне и т. п. Именно в таких зонах ТНК могут эффективнее использовать дешевый труд, налаживать отдельные участки производственных процессов, начальные и конечные части которых остаются в развитых государствах, «обеспечивая» местное производство и привозным сырьем, и материалами, и сбытовой сетью. Вместе с тем именно создание таких зон позволяет раз-

витым государствам эффективнее использовать дифференцированность развивающегося мира и возможность варьировать и обновлять ассортимент участия различных стран в мировом производстве.

Весьма характерно, что развитие новых форм деятельности ТНК в развивающихся странах, включая и форму создания «свободных зон», сопровождалось товарной диверсификацией деятельности корпораций и значительным увеличением доли их заграничных операций, что форсируется родительскими компаниями с целью лучшей адаптации к условиям мирового рынка. В этом процессе своей зарубежной деятельности ТНК стремятся прежде всего скопировать направление диверсификации продукции в стране базирования. В результате развивающимся странам навязываются новые виды продукции, что часто не соответствует интересам этих стран и в конечном счете ведет к нежелательной с точки зрения задач их развития деформации спроса.

На основе применения новых форм участия разрасталась и деятельность крупных торговых фирм Запада и особенно Японии. В непосредственной связи с модификацией и развитием системы производственных отношений с развивающимися странами постоянно нарастала и экспансия там различных кредитно-финансовых институтов развитых государств. Сегодня налицо усиление прямой эксплуатации этих стран ссудным капиталом и в то же время расширение его вспомогательной роли в неокOLONИАЛЬНОЙ системе отношений. «Гигантская задолженность стран Азии, Африки и Латинской Америки индустриально развитым капиталистическим государствам стала одним из важных каналов их эксплуатации империализмом, прежде всего американским», — подчеркивается в Программе КПСС [13, с. 135].

Как известно, переплетение форм ссудного и предпринимательского капитала является свойством развития мирового капитала. В последние 10—15 лет оно составило важнейшую характерную черту экстенсивной формы такого развития, т. е. через активизацию отношений с периферийными странами, и способствовало модернизации системы отношений между различными частями мирового капиталистического хозяйства.

Так называемый кризис задолженности развивающихся стран, который резко обострил противоречия валютной системы мирового капитализма, придал вопросу переплетения форм экспорта капитала характер специфического комплекса, узлового противоречия в системе неокOLONИАЛЬНЫХ отношений. Действительно, нарастание закономерных для данной системы процессов и противоречий достигло определенной кульминации в условиях исключительного по продолжительности циклического кризиса мировой капиталистической экономики, который, в свою очередь, наложился на продолжающийся кризис структуры мирового производства. Приток кредитных ресурсов стимулировал экономический рост определенного числа стран и способст-

вовал развитию их внешнеэкономической сферы, расширению доли экспортных видов производства. Но положительное воздействие займов на экономику все ощутимее перекрывалось увеличением бремени задолженности, которая стала сильным фактором торможения развития, съедая экспортную выручку и валютные резервы, требуя все новые средства для ее возмещения.

Характерно также, что именно в 70-е годы существенно вырос удельный вес внешних финансовых ресурсов, предоставляемых развивающимся странам на срок более 10 лет и используемых для финансирования капитальных вложений. Такой рост связан с постоянным увеличением там капиталоемкости производства, но, видимо, в немалой мере и с применением новых форм участия иностранного капитала, что не может не означать замены иностранных капиталовложений коммерческими кредитами. При этом обращает на себя внимание тот факт, что по мере модификации форм экспансии в развивающихся странах финансового капитала Запада происходило «удорожание» их экономического развития — повышение капиталоемкости растущих видов производства и в то же время расширение размеров относительно малоэффективных национальных капиталовложений из-за низкой организации и несостыкованности отдельных участков производства и слабой инфраструктуры в масштабах каждой страны.

Интересно подчеркнуть, что развивающаяся экономика стала получать ссуды не только от кредитных учреждений, но и от предпринимательского капитала непосредственно. Широкие кредитные операции проводились в развивающихся странах торговыми ТНК, часто переплетающими свою деятельность с промышленными фирмами и кредитными учреждениями.

В период между кризисами 1974—1975 гг. и 1980—1982 гг. международная кредитная система выполняла роль своеобразного компенсатора, давая развивающимся странам средства для поддержания экономического роста, сохранения их платежеспособности. Но в обстановке кризиса мировой экономики, резкого ограничения импорта из развивающихся стран, ухудшения условий торговли для этих стран и других последствий кризиса в индустриальных центрах ситуация с задолженностью стала критической, приобретая значение как бы самостоятельного фактора в системе неоколониальных отношений. Запад получил возможность использовать ее в качестве сильного дополнительного рычага давления на целый ряд социально-экономических процессов в развивающемся мире.

Таким образом, включаясь в процессы мирового капиталистического развития, освободившиеся страны все более болезненно испытывают на себе воздействие присущих ему негативных явлений. При этом они оказываются более уязвимыми, чем индустриальные государства. Такая уязвимость формировалась постоянно после распада колониальной системы политического господства империализма. Она особенно выпукло проявилась в

кризисной ситуации начала 80-х годов, когда острее проблемы развивающихся стран переплелись с негативными последствиями для них частичной переориентации структурной перестройки мировой капиталистической экономики. В фокусе задолженности получил дополнительное и весьма яркое подтверждение тезис, сформулированный в 1974 г. авторами книги «Развивающиеся страны: закономерности, тенденции, перспективы»: «Каждый раз потребности, запросы, мотивы и цели экономической деятельности развивающегося общества оказываются неизмеримо впереди того комплекса объективных средств их достижения, которые в данный момент могут быть найдены внутри самого общества» [99, с. 43].

Роль империалистического государства

Как отмечает академик А. Г. Милейковский, удержание господства над развивающимся миром «это вопрос расширенного воспроизводства капиталистических отношений» [150, 1965, № 8, с. 98]. Вполне естественно, что такое воспроизводство осуществляется при активном и многогранном участии империалистического государства. Последнее активно содействует своим монополиям как в процессе реализации продуктов производства, так и в ходе их непосредственной деятельности в развивающихся странах. Вместе с тем оно прикладывает значительные усилия для достижения общих хозяйственных целей, например, для обеспечения сырьевых и топливных нужд страны, что подразумевает определенную увязку частномонополистических интересов с общенациональными. В последнее время значительно расширилось участие государства в процессе перестройки структуры мирового капиталистического производства и усилилось его воздействие на характер включения развивающихся стран в мировое капиталистическое разделение труда.

Свою общую стратегическую установку — удержать многоликий развивающийся мир в сфере капитализма империалистическое государство осуществляет через систему гарантий, компенсаций и целевого поощрения предпринимательского и торгового капитала, путем финансовых мероприятий в рамках государственной помощи странам — импортерам капитала и торговым контрагентам, а также средствами таможенной и палоговой политики. Все эти меры дают возможность государству прямо или косвенно координировать деятельность частномонополистического капитала и влиять на ее отраслевые и географические направления. Таким образом, они составляют необходимую соединительную ткань системы неоколониальных отношений, причем исключительное значение имеет возможность государства активизировать или компенсировать наиболее слабые участки этой системы, а также включать в нее необходимые стабилизационные механизмы на государственно-монополистическом уровне.

Государственно-монополистическая основа экономической экспансии империализма в развивающемся мире с наибольшей очевидностью проявляется в системе мер по оказанию «государственной помощи развитию», т. е. в сложившейся системе правительственных экономических и политических мероприятий на базе экспорта капитала из государственных источников. Эта система имеет свои внутренние закономерности, подвержена воздействию механизма развития мирового хозяйства в целом и постоянно испытывает на себе остроту экономического соревнования двух мировых общественно-экономических систем. Она цементирует всю систему неокOLONиальных отношений посредством субсидий, займов и экспортных кредитов, как на двусторонней, так и на многосторонней основе.

Соотношение этих форм, а также общих объемов поступающих в развивающиеся страны государственных и частных финансовых ресурсов постоянно меняется в ходе эволюции неокOLONиализма. В течение последних двадцати лет наблюдалось последовательное уменьшение доли государственных средств в общем притоке финансовых ресурсов из центра на периферию мирового капиталистического хозяйства — с 60% в начале 60-х годов до 51% в 1970 г., 43% в 1980 г. и 47% в 1983 г. (при резком падении до 36% в 1981 г.) [50; 53, 1984, с. 201].

Следует подчеркнуть при этом три обстоятельства. Во-первых, отмеченные сдвиги были обусловлены постоянным наращиванием потока частных инвестиций и экспортных кредитов, а с 1973 г. особенно остро стало проявляться наплыв банковских займов.

Во-вторых, на протяжении 60-х годов сохранялась очень высокая доля поступлений государственных ресурсов, в том числе прямых дотаций в государственные бюджеты освободившихся стран. Такие дотации были призваны смягчить последствия крушения колониальной системы и воздействовать на социально-политическую ориентацию национальных правительств этих стран. Значительные поступления в форме «технической помощи» и льготных кредитов с условием закупки товаров стран-доноров были призваны поддержать конкурентные позиции империалистических монополий, причем бывшие метрополии действовали таким образом, поскольку оказались незащищенными перед лицом более сильных соперников, тогда как эти последние были вынуждены создавать рычаги неокOLONиальной экспансии.

В-третьих, абсолютный рост общего объема государственных поступлений и в том числе «государственной помощи развитию» продолжался. Такие поступления стали важным элементом нынешней системы отношений между двумя частями мирового капиталистического хозяйства. Так, объем ГПР вырос (в ценах 1981 г.) с 14,6 млрд. долл. в 1970 г. до 19 млрд. долл. в 1982 г., а государственные экспортные кредиты — с 1,5 до 2,5 млрд. долл. Отношение поступивших в развивающиеся страны госу-

дарственных средств из развитых капиталистических стран к ВВП этих последних увеличилось с 0,4% в 1971—1973 гг. до 0,49% в 1982 г., но затем снизилось до 0,43% в 1983 г., а отношение ГПР к их ВВП составило в указанные годы 0,34, 0,38 и 0,37% [53, 1984, с. 203].

На протяжении всего периода, прошедшего после развала колониальных империй, государственные финансовые ресурсы направлялись в освободившиеся страны с целью удержания этих стран в орбите капитализма посредством прямой поддержки пришедших в них к власти политических режимов, содействия экспорту в эти страны частных капиталов и создания экономических и социальных предпосылок для их капиталистического развития. В названных процессах все большее развитие получали формы прямой увязки предоставления финансовых средств по государственной линии с конкретными акциями предпринимателей из стран-доноров.

Достаточно точную характеристику значения ГПР в системе неокOLONиальных отношений можно найти непосредственно в официальных декларациях и программах ведущих капиталистических государств. В документах такого рода содержится, естественно, немало слов о гуманных целях и заботе о голодных и бедных. За этими словами видна острая озабоченность идеологов капитализма, вызванная перспективой нежелательных социальных последствий бедственного положения широких слоев многих стран развивающегося мира. Но особенно показателен тот факт, что рядом с декларациями о гуманных целях всегда можно увидеть перечень подлинных причин предоставления помощи и стимулов ее расширения в зависимости от конкретных задач империалистического государства и условий экспансии капитала в определенных странах и регионах периферии мирового капиталистического хозяйства.

Так, в западногерманских концепциях «помощи» помимо общеполитической задачи сохранения развивающихся стран в системе капитализма под лозунгом «антиколониализма» и «партнерства» ставится задача завоевания новых позиций в этих государствах, выдвигается требование равного участия в эксплуатации их ресурсов. Многие государственные деятели ФРГ подчеркивали, что западногерманская «помощь» должна быть направлена на преобразование «смешанной экономики» развивающихся стран в «свободную», т. е. частнокапиталистическую, экономику. Правительство ФРГ оперативно отреагировало на энергетический кризис. В начале 1974 г. оно разработало перспективную программу развития энергетики, в которой предусматривались дополнительные меры для облегчения доступа западногерманских фирм к зарубежным источникам энергетического сырья по каналам «помощи развитию». В 1983 г. парламент ФРГ утвердил 5-й специальный доклад правительства о политике «помощи развитию» освободившимся странам, в котором был сделан акцент на кооперацию с частным сектором и необходи-

мость увязки «помощи» с проблемой занятости в ФРГ [51, с. 80].

Консервативное правительство Англии, придя к власти в 1979 г., прямо заявило, что «все программы помощи будут направлены на содействие друзьям Великобритании и дискриминироваться будут те, чьи идеалы диаметрально противоположны идеалам Великобритании» [144, 1980, приложение № 8, с. 63]. Оно предприняло меры для повышения экономической отдачи «помощи» и прежде всего стимулирования экспорта частного капитала. Так, было принято решение об обеспечении более тесной увязки «помощи» с «политическими, промышленными и коммерческими» интересами страны.

Уже начиная с середины 70-х годов рост внешней задолженности развивающихся стран стал тормозить дальнейшую экспансию туда некоторых западноевропейских государств, что вызвало своеобразную заботу правительств ряда капиталистических стран об экономической эффективности расходования кредитных средств. Правительство ФРГ, например, установило приоритет предоставления кредитов для тех проектов, которые могут обеспечить более быструю валютно-финансовую отдачу, т. е. содействовать экспорту, расширению отдельных видов промышленного производства, ремесел, туризма. Такая ориентация кредитной политики сочеталась с направлениями экспансии частного капитала и общей стратегической установкой привязывания развивающихся стран путем воздействия на структуру их экономики, создания там определенных экспортных производств.

Вспомогательный характер «помощи» капиталистических государств развивающимся странам определенным образом отражается в ее географическом распределении. В целом можно зафиксировать распределение ролей между монополистическим капиталом и государственными средствами империалистических держав в системе неокOLONиальной экспансии следующим образом: ТНК действуют более самостоятельно в наиболее развитых из освободившихся стран, тогда как государство «заботится» о менее развитых. Однако «помощь» имеет и многоцелевой характер, причем различные капиталистические государства используют ее рычаги в развивающемся мире весьма неравномерно. В результате некоторые закономерности прорисовываются на весьма пестрой общей картине.

На долю «наименее развитых стран» приходится 18% ГПР, причем эти средства составили 89% всех финансовых поступлений туда на двусторонней основе. На долю других стран с низким доходом и на долю стран со средним уровнем дохода пришлось по 30%. В то же время коммерческие поступления распределялись по этим группам следующим образом: 0,7, 10,4 и 63,8%, причем на верхнюю подгруппу стран со средним доходом пришлось 53,6%.

Основными получателями ГПР из капиталистических государств на двусторонней основе были (по суммарным данным за

1980—1983 гг.): Египет, Индия, Бангладеш, Индонезия, Турция, Танзания, Пакистан, Судан, Кения, Филиппины. На эти 10 стран пришлось около 60% такого рода поступлений [63, с. 123].

В последнее время произошли заметные сдвиги и в целевом распределении «помощи», хотя четкую картину в этом плане составить нелегко из-за значительных колебаний показателей из года в год. Более активно стала использоваться государственная «помощь» для создания выгодных условий капиталовложений в аграрном секторе развивающегося мира — увеличилось число направляемых туда специалистов по сельскому хозяйству, расширился объем безвозмездных поставок сельскохозяйственной техники, химикалий, племенного скота, семян. Такого рода сдвиг в значительной мере объясняется тем обстоятельством, что отставание сельского хозяйства во многих освободившихся странах обусловило провал ряда проектов «помощи» промышленного характера. Таким образом, воздействие западных государств на эволюцию хозяйственной структуры развивающихся стран приобрело более широкий и комплексный характер.

Финансовую поддержку развивающихся стран как объектов неокOLONиальной экспансии империалистическое государство увязывает с непосредственным воздействием на экспортируемый в эти страны частномонополистический капитал. В этом плане показательны законодательные акты США, отразившие расширение системы государственных гарантий американских инвестиций в связи с риском политических и коммерческих санкций в развивающихся странах и дискриминационные меры в системе торговых преференций и «помощи» для стран, национализирующих американские инвестиции. США, как и другие капиталистические государства, предоставляют определенные налоговые льготы при инвестициях в развивающихся странах, оказывают своим монополиям широкую дипломатическую и информационную поддержку. Характерно, что деятельность английских монополий в развивающихся странах существенно активизировалась в результате проведенной нынешним консервативным правительством Англии либерализации системы экспорта капитала и валютного контроля. Правительство ФРГ широко практикует заключение с развивающимися странами «соглашений о поощрении капиталовложений или защите инвестиций», которые включают пункты о юридическом равноправии иностранных инвесторов и местных предпринимателей, о беспрепятственном переводе прибылей и «соответствующем» возмещении при национализации.

Экономические соглашения развитых государств с развивающимися странами на правительственном уровне стали важным элементом неокOLONиальной системы отношений с момента нефтяного кризиса. Именно кризис системы обеспечения мирового капиталистического хозяйства первичными энергоресурсами и дефицитными видами сырья в результате наступления развивающихся стран на позиции Международного нефтяного карте-

ля и других империалистических монополий показал, что к середине 70-х годов империализм утратил ряд важных рычагов организации отношений с зависимыми странами в момент выхода этих стран на новый уровень задач и требований. В результате он начал обновлять свой неокOLONиальный арсенал с целью восстановления условий стабильного использования ресурсов развивающегося мира для нужд развития экономики капитализма.

В тот период в практику вошли новые формы соглашений с развивающимися странами, главным образом западноевропейских государств и Японии, которые были вынуждены пойти на долгосрочные межгосударственные соглашения с экспортерами энергоресурсов, минуя посредничество нефтяных ТНК и в ряде случаев действуя отдельно от США. Большое развитие получили компенсационные соглашения.

Характерны также конвенции и договоры об ассоциации целого ряда развивающихся стран с ЕЭС, которые свидетельствуют о стремлении его членов удержать ориентированные на них источники сырья и одновременно улучшить в этих странах климат для своей деятельности путем предоставления им даже невзаимных преференций и налаживания таких механизмов, как стабилизационный фонд. Особенно показателен тот факт, что согласно Ломейским конвенциям осуществляются меры по стабилизации цен на ряд экспортируемых из ассоциированных стран видов минерального сырья («Сисмин»), что способствует расширению в этих странах позиций сырьевых монополий ЕЭС.

Именно ради сохранения или приобретения доступа к стабильным источникам сырья и первичных энергоресурсов западноевропейские государства и Япония широко практикуют заключение с развивающимися странами межгосударственных соглашений, предусматривающих сотрудничество по целому ряду отраслей. Стержнем таких соглашений, как правило, являются обязательства о поставках сырьевых и топливных ресурсов. Во многих случаях соглашения прямо нацелены на развитие в освободившихся странах горнодобывающего и энергетического секторов экономики. Показательно, что экономический и социальный комитет ЕЭС осуществляет специальные меры стимулирования (через государственные соглашения) разработки энергетического сырья в странах, не являющихся экспортерами нефти [170, 8—9.01.1982].

Проводя политику обеспечения стабильных и диверсифицированных источников энергосырья, западноевропейские государства добиваются, как правило, весьма выгодных многоцелевых соглашений с развивающимися странами. Это вполне естественно, поскольку страны — экспортеры сырья стремятся резко форсировать индустриализацию своей экономики и заинтересованы именно в разносторонних межгосударственных соглашениях. Такие соглашения предусматривают поставки инвестиционных товаров, кредиты и дотации, техническое содействие и подряд-

ное строительство, а также различные формы производственной кооперации, включая создание предприятий совместного владения.

Характерна в этом отношении оценка политики Франции одним из алжирских правительственных чиновников, М. Саидом, который в официальном выступлении перед иностранными корреспондентами обвинил французскую сторону в «меркантильном подходе» к Алжиру, поскольку, подписав соглашение на поставку во Францию алжирского природного газа, Париж, по его словам, надеялся заполучить контракты на строительство всех объектов пятилетнего плана экономического развития АНДР [178, 22.12.1982, с. 26—29]. В то же время еженедельник «Жён Африк», говоря о позиции Франции в этом вопросе, отмечал, что в свое время Париж согласился на выгодную для Алжира цену на газ, исходя из «политических» соображений, продиктованных намерениями укрепить через отношения с Алжиром свои позиции среди «прогрессистских» государств Тропической Африки [178, 22.12.1982, с. 26—29].

Неизменным компонентом многоцелевых межгосударственных соглашений является договоренность об оказании «технической помощи», которая стала в настоящее время важным рычагом осуществления стратегии экономической экспансии Запада в развивающемся мире. По этому каналу предоставляются средства и услуги в форме, во-первых, участия в изучении и оценке природных ресурсов; проектирования и строительства отдельных промышленных объектов; во-вторых, работы различных экспертов, консультантов, проектировщиков, исследователей — специалистов западных стран; в-третьих, содействия в подготовке местных кадров; в-четвертых, организации в отдельных развивающихся странах показательных предприятий и хозяйств как в городах, так и в сельской местности.

Многие капиталистические государства содействуют в рамках «технической помощи» развитию образования в освободившихся странах и непосредственно готовят квалифицированных рабочих и технический персонал для филиалов действующих в этих странах ТНК. Таким образом осуществляется значительное воздействие на формирование там всей структуры административных и научно-технических кадров. Более того, создается исключительно эффективный механизм воздействия на структуру и общий характер экономического развития освободившихся стран, а во многих случаях также усиливается и обретает различные формы система «выкачки умов» из этих стран — создается, по выражению американского ученого У. Уайта, «академический империализм» (см. [78]).

Совокупность названных рычагов государственной политики позволяет существенно влиять на общую ориентацию социально-экономического развития многих освободившихся стран, на эволюцию их хозяйственной структуры. Вместе с тем расширяется основа для конкретных форм участия частномонополистиче-

ского капитала в развитии этой структуры и для непосредственного в нее проникновения.

Новый этап активизации участия империалистического государства в системе неокOLONиальных отношений связан с мерами правительств ведущих западных государств по регулированию вывоза ссудного капитала. «Кризис задолженности» побудил США и ряд других капиталистических государств принять в 1983—1984 гг. программы по контролю, стимулированию и координации деятельности банков.

При всем этом вполне очевидно, что капиталистические государства связывают перспективу общей стабилизации мирового капиталистического хозяйства с массовой экспансией в развивающиеся страны частномонополистического капитала.

ГЛАВА 4

ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКИЕ ЦЕНТРЫ В СИСТЕМЕ НЕОКОЛОНИАЛИЗМА

Многогранная система неокOLONиальных отношений мирового капиталистического хозяйства характеризуется определенными различиями в масштабах, формах и методах, а также в отраслевых и географических приоритетах экспансии различных империалистических государств в развивающемся мире. Такие различия нередко порождают противоречия между этими государствами. На периферии мирового капиталистического хозяйства отражаются многие конфликтные ситуации экономического взаимодействия индустриальных капиталистических государств — торговые, таможенные, валютные и иные «войны». В первой половине 80-х годов одним из главных факторов обострения межимпериалистических торгово-экономических и валютно-финансовых противоречий стало взвинчивание ставки ссудного процента Федеральной резервной системой США и искусственное завышение обменного курса американского доллара. Это не преминуло сказаться на экономическом положении многих развивающихся стран и на их внешних связях не только с США, но и с другими капиталистическими государствами.

Империалистические государства постоянно стремятся использовать освободившиеся страны в качестве опорных пунктов для укрепления своих международных экономических позиций, для расширения возможности борьбы со своими конкурентами. Такое стремление ведет к росту противоречий и соперничеству между этими государствами. Однако налицо и тенденции усиления их партнерства. Империалистический Запад придерживается общей стратегической установки в отношении освободившихся стран, в рамках которой складывается определенное единство действий неокOLONиальных сил. При этом развивается и мо-

дифицируется система распределения ролей между развитыми государствами, на которую постоянно воздействуют конкурентная борьба, силы монополистических союзов и политического давления, а также не в последнюю очередь процесс деколонизации в различных частях развивающегося мира.

Специфика неокOLONиальной экспансии основных капиталистических государств

Особенности неокOLONиальной экспансии главных капиталистических государств, естественно, обусловлены характером и масштабами общих внешнеэкономических задач этих государств и самой спецификой «национально-обособленных империализмов». Здесь уместно вспомнить меткое замечание В. И. Ленина о том, что «капиталисты делят мир не по своей особой злобности, а потому, что достигнутая степень концентрации заставляет становиться на этот путь» [12, с. 372]. Вместе с тем хорошо известны положения К. Маркса и В. И. Ленина о капиталистической конкуренции монополий. И действительно, неокOLONиальная экспансия на современном этапе развития мирового капитализма представляет собой специфическую форму конкуренции империалистических государств на базе достигнутого каждым из них национального производства и сложившегося характера ГМК. Такая конкуренция специфична постольку, поскольку она происходит на периферии мирового капиталистического хозяйства, т. е. проявляется при взаимодействии высокондустриальных государств с экономически отсталыми странами, что позволяет монополиям использовать различные силовые приемы, выходящие за рамки обычной практики капиталистической конкуренции в развитых странах, всячески ограничивая права своих «младших партнеров» (см., например, [73]). Вместе с тем налицо и специфика участия «национально-обособленных империализмов» в неокOLONиальной системе.

При сопоставлении экономических показателей развитых государств обращают на себя внимание различия в степени международной ориентации хозяйства, т. е. в соотношении масштаба внешней экспансии и внутреннего экономического потенциала, и различия в формах этой экспансии. В течение 70-х годов квота экспорта и импорта товаров в ВВП существенно увеличилась у всех развитых государств. Однако она остается значительно более низкой у Японии и особенно США в сравнении со всеми западноевропейскими государствами (кроме Греции и Испании).

Что касается другого важнейшего показателя анализируемых различий — соотношения между объемом заграничных прямых инвестиций и ВВП развитых государств, то общая картина здесь несколько иная. У США этот показатель примерно равнялся среднему для всех развитых государств в 1960 г. (6,2 и

Таблица 15

Соотношение между экспортом и импортом товаров и услуг и ВВП *

Страна, сообщество	Отношение экспорта к ВВП				Отношение импорта к ВВП			
	1960 г.	1970 г.	1980 г.	1983 г.	1960 г.	1970 г.	1980 г.	1983 г.
США	4,7	6,8	9,9	8,1	3,8	8,4	9,4	10,4
Япония	7,6	9,6	16,7	18,7	7,0	11,9	12,7	11,5
ФРГ	15,6	21,1	28,7	32,1	12,4	19,0	27,0	27,1
Англия	19,5	23,7	29,7	28,6	23,4	26,0	30,4	31,5
ЕЭС	15,6	17,9	23,4	24,5	16,8	18,7	25,7	25,4

* Рассчитано по: [53а, 1983, № 34, 1984, № 35].

6,4%), а затем стал превышать его (в начале 70-х годов — 8,6 и 7,7%, а в 1980 г. — 8,1 и 6,5%). Для Японии было характерным постоянное наращивание этого показателя с весьма низкого уровня 1960 г. (соответственно по указанным выше годам — 0,7, 3,3 и 4,1%). Из стран Западной Европы этот показатель был постоянно высоким у Великобритании, которая превосходила по нему весь капиталистический мир более чем в два раза в 60-е годы и примерно на 50% к концу 70-х годов. В то же время ФРГ, значительно превысив этот показатель за рассматриваемый период, продолжала отставать от среднего уровня примерно на одну треть в начале 80-х годов.

В общем объеме заграничных прямых инвестиций трех империалистических центров доля Западной Европы, постепенно нарастая в течение 70-х годов, примерно сравнялась с долей США в начале 80-х годов (45%). Доля Японии составила к этому времени около 10% [150, 1984, № 1, с. 46]. Основными экспортёрами капитала среди западноевропейских стран были, по имеющимся данным конца 70-х годов, Великобритания и ФРГ, у которых объем зарубежных инвестиций соответствовал примерно 1/5 американских вложений. Однако весьма показательно, что условно чистая продукция зарубежных филиалов американских ТНК (265 млрд. долл. в 1981 г. [150, 1984, № 1, с. 44]) превосходит товарный экспорт США (117%), а западноевропейских (278 млрд. долл.) составляет лишь 37% экспорта стран Западной Европы (рассчитано по [28, 1985, June, с. XVIII; 150, 1984, № 1, с. 44]).

Как видно из табл. 15, у США и Японии лишь в течение 70-х годов стало повышаться относительное значение внешнеторгового обмена для их экономического роста, причем у США в начале нынешнего десятилетия данный показатель даже уменьшился. Следует, однако, оговориться, что у Японии это соотношение менялось на фоне более высоких темпов прироста ВВП. Такое опережение было особенно характерно для 60-х годов, но и в последующее время японская внешнеторговая экспансия

нарастала весьма активно и все больше переплеталась с зарубежной предпринимательской деятельностью. Западноевропейские государства постоянно наращивали свои внешнеторговые связи начиная с высокого уровня 1960 г. В суммарном экспорте развитых капиталистических государств удельный вес Западной Европы устойчиво составляет примерно 60%, а ЕЭС — 50%, тогда как удельный вес США снизился с 24% в 1960 г. до 16% в 1985 г., а в Японии вырос соответственно с 4,7 до 14% [28, 1986, June, с. XVIII].

В целом можно констатировать преобладание торговой формы экспансии у большинства западноевропейских стран, что обуславливает относительно большую уязвимость их позиций в мировом капиталистическом хозяйстве. Вместе с тем следует подчеркнуть и то обстоятельство, что западноевропейский капитал наращивает свою экспансию за рубежом при относительно менее сильной хозяйственной базе, чем у США и Японии, хотя налицо и стремление преодолеть такое положение путем форсирования экспорта капитала — рост зарубежной предпринимательской деятельности главных стран Западной Европы опережает темп роста их ВВП.

Весьма показательны результаты исследований конкурентоспособности развитых капиталистических государств, проводимых международной организацией «Юропиен менеджмент форум». Конкурентоспособность определялась на основе десяти факторов, каждый из которых, в свою очередь, оценивался по нескольким одинаковым для всех стран критериям. По общему итогу наиболее сильные конкурентные позиции в 1981—1983 гг. были у Японии, тогда как США занимали 3-е место (после Швейцарии), ФРГ — 4-е, Англия — 13-е, Франция — 15-е [150, 1985, № 12, с. 156—157]. Однако в 1984 г. США вышли на 1-е место, а Япония переместилась на 3-е. Большой интерес представляет оценка именно отдельных факторов конкурентоспособности, т. е. слагаемых преимуществ каждого государства на мировом рынке. Так, по данным 1981—1983 гг., Япония лидировала в силу превосходства ее позиций по «экономическому потенциалу и темпу роста экономики» (I), «эффективности промышленного производства» (II), «уровню развития науки и техники, скорости освоения научно-технических достижений» (III), «участию в международном разделении труда» (IV). США обеспечили себе итоговое 3-е место по таким факторам, как «динамичность и емкость внутреннего рынка» (V), «воздействие государственного регулирования экономики» (VI), «наличие и уровень квалификации трудовых ресурсов» (VIII), «обеспеченность природными ресурсами и уровень развития инфраструктуры» (IX). ФРГ оказалась относительно сильна по I, III, V (третьи места) и IV и VI факторам (пятые места).

Такого рода «свойства национальных империализмов» проявляются, естественно, и в характере и масштабах их экспансии в развивающихся странах, обуславливая и общее «отношение» к

этим странам, и формы, и направления такой экспансии. Что касается торговли товарами, то все развитые государства в той или иной мере расширили обмен с развивающимся миром в течение 70-х годов. Наиболее интенсивно такого рода переориентацию торговой экспансии провели США и Япония, причем последняя покрывала закупками в развивающихся странах 60% своего импорта в течение 1980—1982 гг., направляя туда около 45% своего экспорта. Западная Европа лишь 20% своего внешнеторгового оборота ориентирует на эти страны, хотя характерно, что в торговле ЕЭС, рассчитанной за вычетом обмена внутри Сообщества, они занимают примерно 40%. В 1982 г. в американском экспорте в развивающиеся страны готовые изделия заняли 67%, в том числе машины и оборудование — 47%, в японском соответственно 96 и 68%, во внешнем экспорте ЕЭС — 78 и 45%. Доля топлива в импорте США из этих стран составила 27%, тогда как у Японии такой показатель равнялся 50%, а у ЕЭС — 35%.

В географическом размещении прямых инвестиций трех центров современного капитализма доля развивающихся стран увеличилась, по имеющимся данным, с 21% в 1976 г. до 24% в 1981 г. у США, с 23 до 25% у Западной Европы и с 53,8 до 55,4% у Японии [193, 1984, August, с. 18; 150, 1984, № 2, с. 28]. В стоимостном выражении эти доли составили в 1981 г. соответственно 55, 56 и 26 млрд. долл. Что касается доли развивающихся стран в объеме заграничных прямых инвестиций главных капиталистических государств в обрабатывающую промышленность, то она выросла у США с 18% в 1973 г. до 21% в 1981 г. и у Японии — с 66% в 1970 г. до 68% в 1980 г., но понизилась за период с 1971 по 1980 г. у ФРГ — с 28 до 24% и у Англии — с 20 до 18% [37, с. 141].

Характерна специфика географических и отраслевых направлений деятельности предпринимательского капитала Запада в развивающемся мире. Как видно из табл. 16 и 17, наибольшая часть филиалов американских ТНК сконцентрирована в Латинской Америке, причем США с огромным преобладанием лидирует в этом регионе среди инвесторов капитала. Наряду с этим обращают на себя внимание такие факты, как предпочтение, оказываемое Японией и Англией странам Южной и Юго-Восточной Азии, Францией — Африке, а ФРГ — Латинской Америке. По имеющейся сети филиалов США уступают только в Африке и только бывшим метрополиям. При этом Англия следует за США во всех основных географических регионах и даже в группе АСЕАН.

Таким образом, для общей географии капиталовложений индустриальных государств в освободившихся странах характерно длительное сохранение после распада колониальной системы империализма связей между бывшими метрополиями и колониями, включая такое направление, как США — Латинская Америка. Концентрированное внимание Японии к странам ЮВА

Таблица 16

Доля филиалов ТНК ведущих экспортеров капитала в основных регионах развивающегося мира в 1980 г. *, %

Страна	Латинская Америка	Африка	Западная Азия	Южная Азия и ЮВА	АСЕАН
США	62,1	15,9	36,7	33,5	33,8
Япония	3,5	1,4	3,0	12,5	12,0
Англия	10,1	40,2	26,3	25,6	24,9
Франция	3,1	18,1	6,2	1,3	0,8
ФРГ	5,9	4,6	7,0	3,2	2,8

* Рассчитано по: [37, с. 318—321].

тоже в определенной мере связано с исторической (хотя и весьма своеобразной) традицией колониальных захватов и особенно военной оккупацией. Однако такое внимание в настоящее время в немалой мере обусловлено самой спецификой географического положения Японии.

Данные о сети филиалов ТНК в основном соответствуют общим пропорциям географического размещения прямых инвестиций капиталистических государств в развивающемся мире и служат одной из важнейших характеристик соотношения там позиций этих государств.

Имеющиеся данные не позволяют составить четкую картину динамики изменения отраслевых направлений экспорта капитала различных государств в развивающемся мире, хотя очевидно, что каждое из них выполняло свою определенную роль в общем продвижении этого империалистического фронта.

Характерно, что в середине 70-х годов рост доли обрабатывающей промышленности в общих капиталовложениях Запада в развивающемся мире был обусловлен соответствующими сдвигами в отраслевой структуре инвестиций основных экспортеров капитала — США и Англии, тогда как у Японии эта доля почти не изменилась, а такой динамичный экспортер капитала, как ФРГ, наращивал свои вложения главным образом в добывающей промышленности и сфере услуг. Однако доля обрабатывающей промышленности в американских вложениях в развивающемся мире, увеличившись с 34,1% в 1971 г. до 39,1% в 1976 г. [36, с. 242], в дальнейшем стала снижаться и составила лишь 33,4% в 1980 г., хотя в начале 80-х годов она снова стала возрастать (36% в 1983 г.) [193, August, 1985, с. 34]. Доля вложений США в нефтяную промышленность развивающегося мира резко снизилась к 1977 г. (4,7%), но в дальнейшем неуклонно росла и достигла в 1984 г. 32,5% [193, 1985, August, с. 34].

Таким образом, нефтяной бизнес, включая и добычу и переработку нефти, вновь стал одним из важнейших направлений экономической экспансии США в развивающемся мире. Именно

Таблица 17

Доля основных регионов и отдельных стран развивающегося мира в сети заграничных филиалов главных капиталистических государств в 1980 г., *, %

Развивающиеся страны	Всего	США	Япония	Англия	Франция	ФРГ
Общее число филиалов (тыс.)	27,5	11,7	1,8	6,0	1,4	1,3
% от общего числа	100	44,2	6,6	22,8	5,3	4,9
Латинская Америка	42,0	60,5	22,4	18,0	24,0	51,3
Бразилия	10,8	11,8	13,7	4,5	9,9	26,5
Мексика	8,8	16,0	1,8	1,4	3,0	7,7
Аргентина	3,2	3,8	0,6	1,5	3,8	6,2
Африка	14,9	4,9	2,9	29,6	59,0	14,4
Нигерия	2,2	0,8	1,0	5,3	2,7	3,2
Кения	1,7	0,3	0,2	5,8	0,2	1,3
Зимбабве	1,6	0,2	...	6,2	0,1	...
Западная Азия	2,6	2,2	1,2	2,9	3,2	4,0
Саудовская Аравия	0,5	0,3	0,5	0,6	0,2	0,5
Кувейт	0,5	0,1	0,1	0,4	0,4	0,7
Южная Азия и ЮВА	32,6	25,6	67,1	41,6	8,7	23,4
Гонконг	7,7	5,7	18,4	11,4	1,5	2,9
Сингапур	5,4	4,7	7,0	7,8	0,9	3,7
Индия	2,9	2,6	0,9	5,1	0,8	4,0
Филиппины	2,3	3,5	5,0	0,5	0,2	1,3

* Рассчитано по: [37, с. 318—321].

он обеспечивает им преобладающую долю доходов. Обращает на себя внимание, однако, то обстоятельство, что в латиноамериканском регионе доля вложений в данную сферу ниже (23% в 1983 г.), тогда как здесь сосредоточено 80% вложений США в обрабатывающую промышленность развивающихся стран.

В общей сумме английских инвестиций в развивающемся мире, по данным на конец 1978 г., на обрабатывающую промышленность приходится 54%, на предприятия в сфере торговли — 21%, на транспорт и судоходство — 10%, а доля добывающей промышленности весьма низкая — 3% [37, с. 294].

В потоке прямых инвестиций ФРГ в развивающийся мир в 1980 г. доля обрабатывающей промышленности составила 68%, а добывающей — лишь 2% [37, с. 295]. По совокупным данным о потоке японских капиталовложений за период с 1951 по 1980 г., на долю обрабатывающей промышленности пришлось 43%, на долю сферы услуг — 30%, а добывающей промышленности — 24%. При этом, однако, характерно, что в общих заграничных вложениях и в обрабатывающую, и в добывающую сферы промышленности доля развивающихся стран составляет по 70% [37, с. 296].

Сопоставление приведенных данных в отношении масштабов и динамики торгово-экономической экспансии капиталистиче-

ских государств и места в ней развивающихся стран позволяют очертить основные контуры специфики такой экспансии.

США наращивали внешнеторговую экспансию в развивающемся мире главным образом на основе сделанных там прямых капиталовложений и постоянно расширяли эту основу. Иными словами, обе эти формы экспансии неизменно переплетались, причем осуществлялись они на очень сильной хозяйственной базе национального внутреннего рынка и при высокой степени самообеспеченности сырьем и энергоресурсами. США существенно превосходят любую капиталистическую страну по масштабам деятельности ТНК и обширности их филиальной сети. В списке 382 крупнейших ТНК значится 177 американских, 47 японских, 40 английских, 25 западногерманских, 23 французских [37, с. 366]. Значительное преобладание американских ТНК в общей сети владений империалистических государств в развивающемся мире отчетливо видно по данным табл. 17.

Однако весьма существенное значение, на наш взгляд, имело то обстоятельство, что задача активизации американской экспансии в развивающемся мире была тесно увязана с общей задачей усиления позиций США на мировом рынке. Именно такая увязка в немалой мере обуславливала проведение американскими правящими кругами жесткой линии по отношению к освободившимся странам и создание блока сил империалистических государств под руководством США. Уже в период формирования американской позиции после энергетического кризиса в середине 70-х годов сказались три фактора. Во-первых, относительно меньшая зависимость американской экономики от топливно-сырьевых поставок из развивающихся стран, во-вторых, желание США использовать создавшуюся ситуацию для восстановления частично утраченной лидирующей роли в капиталистическом мире и, наконец, обычный для государственно-монополистического капитализма США расчет на то, что его интересы лучше могут быть обеспечены на базе деятельности мощных американских монополий в условиях либо «свободной конкуренции», либо глобальных мер, предпринимаемых всем империалистическим лагерем при сохранении принципа «свободного предпринимательства». Такой расчет и определил основную линию американской экономической экспансии в развивающемся мире во второй половине 70-х и в начале 80-х годов. Эта экспансия в немалой мере способствовала общей консолидации сил неокOLONИализма в условиях кризиса мировой капиталистической экономики в начале нынешнего десятилетия.

В 1983—1985 гг. США возглавили новую кампанию воздействия на развивающиеся страны в условиях резкого ухудшения финансового положения этих стран. При этом весьма характерно, что США одновременно наносили крайне болезненные удары и по своим конкурентам. Наряду с повышением таможенных тарифов и введением ограничительных квот американское правительство выступало против осуществления, в частности, мер со-

действия таким производителям меди, как Замбия и Чили [191, Мау, 1985, с. 90], по линии МБРР и Межамериканского банка развития.

Принципиально важным представляется то обстоятельство, что США, фактически руководя действиями МВФ и МБРР, направленными на приватизацию государственного сектора развивающихся стран, преследуют прямую цель усилить там позиции американского капитала. В целом же очень характерно, что осуществляемая в последние годы американским правительством политика усиления позиций США в мире, несмотря на наличие определенных сфер соперничества с другими главными капиталистическими государствами, существенно форсирует неокOLONиальное наступление на освободившиеся страны.

Такие меры, как взвинчивание ставок на американском рынке ссудного капитала и повышение обменного курса доллара, направлены на изменение международного положения США в альянсе мирового капитализма. Их причины лежат глубоко внутри самой американской экономики, которая стала терять лидирующие позиции в капиталистическом мире, хотя она и базируется на самом мощном производственном и военном потенциале. Названные акции имеют прямые негативные последствия для развивающегося мира и вызывают различные явления, так или иначе противоречащие интересам этих стран, сужающие перспективу укрепления их экономической независимости. Иными словами, специфика империализма США, проявляясь на данном этапе развития капитализма в стремлении восстановить свои лидирующие позиции, весьма ощутимо отражается и на положении этой страны в системе неокOLONиальных отношений. США были и остаются лидером этой системы.

Япония отвела развивающимся странам исключительно большое место в решении своих внешнеэкономических задач. Однако весьма характерной чертой японской экспансии является то, что именно завоевание товарных рынков наряду с вынужденной ориентацией на широкие импортные поставки до недавнего времени опережали рост вывоза капитала. На протяжении 70-х годов это обусловило очень активное участие государства в организации экономических отношений с освободившимися странами с опорой преимущественно на универсальные торговые компании, осуществляющие одновременно функции торговых, управленческих и холдинговых фирм, а также на предоставление этим странам значительных финансовых ресурсов из государственных источников.

В течение последних 5—7 лет универсальные торговые компании Японии все в большей мере занимаются и предпринимательской деятельностью как в сфере добычи и переработки сырья, так и в сфере производства полуфабрикатов и готовых изделий. Наряду с этим нарастает и экспансия японских промышленных монополий. Однако тот факт, что именно торговые компании форсировали экспорт капитала из Японии и преобла-

дают среди основных его инвесторов, наложил существенный отпечаток на общий характер внешнеэкономической экспансии этой страны, проявился в специфике расширения ее позиций в развивающемся мире и оказал, как нам кажется, существенное воздействие на модернизацию всей системы неокOLONиальных отношений.

Как было отмечено выше, на развивающиеся страны приходится 55% японских зарубежных инвестиций и около 60% общего товарного экспорта, причем почти 70% экспортируемых туда товаров составляют машины и оборудование. Добавим, что на эти страны приходится около 60% японского сбыта специализированного оборудования и 45% сбыта основных средств производства («машины и оборудование» за вычетом автотранспортных средств и бытовой техники). Вместе с тем следует учитывать, что в последнее время оплата труда в Японии повысилась примерно до уровня ведущих капиталистических государств и стала значительно превосходить такую оплату в развивающихся странах.

Оценивая эти показатели, можно заключить, что японская экспансия в развивающихся государствах опирается главным образом на преимущества производственной и управленческой технологии и преследует прежде всего цель завоевания рынков сбыта. Такие преимущества позволяют Японии успешно конкурировать с другими империалистическими государствами на рынках развивающихся стран, в которых японские монополии стремятся внедриться в сферу производства, сочетая цели эксплуатации дешевой рабочей силы, сбыта товаров производственного назначения, переноса туда отдельных компонентов производства с задачей повышения своих общих конкурентных позиций на мировом рынке.

Своеобразие широко диверсифицированной деятельности универсальных монополий, использующих богатую гамму форм и методов, позволяет Японии получать огромные выгоды от экспансии в развивающихся странах. Концентрируя свои усилия в определенном круге стран, она нередко идет на предоставление им относительно более выгодных условий производственного сотрудничества, сохраняя возможность контролировать в своих интересах сферы совместной предпринимательской деятельности.

Характерной чертой японской экспансии в развивающихся странах остается высокая доля государственных средств в общей сумме направляемых туда финансовых ресурсов — 53% за период 1977—1982 гг. и 66% в 1982 г., тогда как у всех стран — членов Комитета помощи развитию такой показатель в среднем составил соответственно 38 и 42%, а у США — 36 и 32%. Вместе с тем своеобразие заключается в предоставлении государственных средств преимущественно на коммерческих условиях. Япония существенно превосходит средний для развитых государств показатель по соотношению общей суммы таких государственных расходов и ее ВВП (0,55 и 0,46% в 1981—1982 гг.) и

резко отстает по соотношению ГПР—ВВП (0,28 и 0,37% в указанные два года) [51, с. 206, 207, 260, 261, 265].

Для западноевропейских стран также характерно очень активное участие в организации экономических отношений с освободившимися странами. Отчасти мы затрагивали такую их черту в предыдущей главе, оценивая в целом империалистическую роль государства в неокOLONIALной системе. Для анализа специфики действий главных субъектов этой системы важны детали и учет исторически сложившихся особенностей. В этом плане следует подчеркнуть, что для многих стран Западной Европы и для ЕЭС в целом очень большое значение сохраняет исторически сложившаяся и модифицированная система связей бывших метрополий с бывшими колониями.

Распад колониальных империй резко ускорил структурную перестройку в экономике западноевропейских государств и активизировал новые формы их внешнеэкономической экспансии и межимпериалистического соперничества. Однако метрополии перестроили свои экономические отношения с бывшими колониями под девизом «уйти, чтобы остаться». Приложив для этого большие усилия, они тем самым смогли до известной степени смягчить последствия распада колониальной системы. Фактически бывшие метрополии на долгие годы сохранили колониальную географию своей внешнеэкономической экспансии, пытаясь занять новые позиции и в других регионах развивающегося мира. Переход от колониальных к неокOLONIALным методам эксплуатации требовал очень активного государственного участия в организации экономических отношений с освободившимися странами и вызвал значительные расходы по линии ГПР.

Создание ЕЭС и его дальнейшее расширение усилили экспансионистские возможности стран—членов Сообщества в развивающемся мире. Комплексные формы межгосударственных соглашений ЕЭС со странами АКТ свидетельствуют о стремлении западноевропейских стран удержать сориентированные на них источники сырья путем предоставления невзаимных преференций и создания таких механизмов, как стабилизационный фонд. Вместе с тем метрополии стран—членов ЕЭС получили преференциальные условия для предпринимательской деятельности в странах АКТ (подробнее см. гл. 5 настоящей работы).

Однако «коллективизация» утраченных колоний породила относительно узкую в географическом отношении ориентацию этой экспансии, что обуславливает преимущественно государственные меры регулирования внешних хозяйственных связей. Латиноамериканские страны неоднократно предпринимали безуспешные попытки добиться более благоприятных условий для реализации своих товаров на рынках ЕЭС. Главными препятствиями в торговле между Латинской Америкой и странами ЕЭС являются протекционистский характер сельскохозяйственной политики этого объединения, а также его преференциальные соглашения со странами АКТ.

В отношениях ЕЭС с освободившимися странами значительная роль отводится политическому фактору.

Отмеченная общая специфика ряда внешнеэкономических аспектов развития западноевропейского капитализма отнюдь не исключает противоречий между членами Сообщества, поскольку, используя его силу и преимущества, они стремятся проводить собственные линии экспансии в развивающемся мире, которые нередко существенно отклоняются от общего русла и принятых правил.

Особенно может быть выделена ФРГ, наиболее сильное государство Западной Европы, которая, вступив в ЕЭС, получила «приданое» бывших метрополий и эффективно им пользуется, но в то же время проводит активную политику экспансии в развивающемся мире вне рамок стран АКТ. Именно ФРГ является инициатором расширения договорных отношений ЕЭС с другими освободившимися странами. Не менее важно то обстоятельство, что ФРГ стремится к лидерству в ЕЭС, как минимум в тандеме с Францией, но в то же время имеет и амбиции глобального капиталистического лидера в союзе с США.

Так же как и США, ФРГ претендует на роль главного принципиального защитника долгосрочных интересов империализма, т. е. выступает в роли идеолога неокOLONIALизма и глобальной «привязки» развивающихся стран к мировой капиталистической системе. Участие ФРГ в ЕЭС нередко ведет к обострению ее противоречий с США, а западногерманская экспансия в других регионах развивающегося мира подчас тормозится этим участием, во многих случаях усложняет отношения Сообщества как со странами АКТ, так и с некоторыми другими развивающимися странами.

Главные линии межимпериалистического соперничества в развивающемся мире

Специфика национальных экономик различных капиталистических государств, различия в задачах и характере их внешнеэкономической экспансии в развивающихся странах находят свое отражение в противоречии между национальными и коллективными формами неокOLONIALизма. Это противоречие тесно взаимосвязано с более общим противоречием развития современного капитализма—между тенденцией усиления экономического национализма отдельных империалистических государств и процессом консолидации сил мирового капитализма на базе интернационализации производства.

Происходившие в течение 70-х годов процессы деколонизации освободившихся стран и выдвигание этими странами требования о перестройке международных экономических отношений существенным образом способствовали возникновению кри-

зисных явлений в системе регулирования отношений в рамках всего мирового капиталистического хозяйства. Вместе с тем уже в конце прошлого десятилетия и с особой силой в течение мирового капиталистического кризиса 1980—1982 гг. отчетливо проявился тот факт, что формирующаяся система экономических отношений индустриальных центров империализма с развивающимися странами испытывает на себе весь груз проблем, стоящих перед мировым капитализмом, и прежде всего комплекса обострившихся внутренних социально-экономических проблем главных капиталистических государств.

Оценка специфики экспансии в развивающемся мире отдельных империалистических государств с учетом противоречивых тенденций усиления неоколониальной политики современного капитализма хорошо оттеняет наиболее общую характерную черту межимпериалистического противоборства. Наряду с борьбой за рынки развивающегося мира, за внедрение в его экономику и установление там зон преимущественного влияния все более важной сферой этого противоборства становится соперничество за рычаги регулирования системы международных отношений.

Именно в плане общего регулирования международной сферы столкновения центров мирового капитализма приобретают политическую остроту, затрагивают проблему стабилизации всей капиталистической системы мирового хозяйства. «Спор о принципах» на международном уровне или камуфлирует столкновение конкретных экономических интересов империалистических государств или «подводит итоги» обычного дележа по силе (на уровне национальных ТНК или государства), фиксируя уже занятые позиции. В то же время такой «спор» ведется в расчете на проведение определенных линий экспансии, осуществление конкретных мер для завоевания новых позиций в развивающемся мире.

Характерно, например, что США и ЕЭС на протяжении многих лет одинаково декларируют необходимость либерализации международной торговли и в то же время взаимно обвиняют друг друга в осуществлении протекционистских мер, наносящих ущерб и самим принципам и конкретным интересам каждого из них, и фактически расширяют и разнообразят меры борьбы за рынки развивающегося мира. Показательно, что США законодательным путем лишают таможенных преференций страны, предоставившие ЕЭС «обратные преференции» в силу Ломейской конвенции. Как справедливо замечают авторы книги «Внешнеэкономическая политика США», США стремятся «дезинтегрировать складывающуюся хозяйственную периферию ЕЭС, которая в условиях развивающегося сырьевого кризиса выступает как один из источников конкурентоспособности» [77, с. 64], и даже пытаются отколоть от ЕЭС его партнеров по конвенции, обещая таможенные преференции тем странам, которые отменяют обусловленные ею преференции.

В конце 1982 г. «Общий рынок» отклонил требования США о прекращении государственного субсидирования экспорта сельскохозяйственных продуктов из стран ЕЭС и настаивал на том, чтобы США прекратили политику жесткого протекционизма, закрывающую американский рынок для европейских товаров [144, 4.12.1982, с. 1]. В данном случае мы имеем пример переплетения линий соперничества за рынки освободившихся стран и за рынки центров мирового капитализма. Межимпериалистические противоречия такого рода особенно обостряются в случаях применения чисто политических мер контроля и дискриминации.

Так, западноевропейские государства очень болезненно воспринимают любые дискриминационные мероприятия в области международной торговли, проводимые администрацией Р. Рейгана. Представители ЕЭС заявили американской администрации официальный протест в связи с законопроектом о введении контроля за экспортом американских фирм, имеющих предприятия за пределами США, а также компаний, выпускающих продукцию по американским лицензиям. В случае нарушения такого контроля компании будут лишены права ввоза товаров в США [144, 7.05.1983, с. 1].

Показательны действия империалистических государств в отношении международных товарных соглашений. На рубеже 70-х и 80-х годов США, например, активизировали свою политику в этом вопросе, стали постоянно участвовать в товарных конференциях. Это, однако, не означает признания ими необходимости эффективного международного регулирования товарных рынков. Активность США в данном вопросе фактически направлена именно на то, чтобы не допустить сковывания рыночных сил, т. е. действий монополий. Американская позиция на всех конференциях подчинена установке на то, чтобы единственным инструментом в соглашении были запасы, операции с которыми осуществлялись бы в ритме, соответствующем изменяющимся ситуациям на рынке. Соглашения нужны США, видимо, как юридическое прикрытие до сих пор минимально контролируемой деятельности монополий.

Некоторые западные государства нередко не участвуют в определенных товарных соглашениях, исходя из возможности решающим образом влиять на мировой рынок данного товара с позиции силы, даже оставаясь вне рамок международного соглашения. Характерным примером такой тактики является позиция ЕЭС в отношении международного соглашения по сахару, в котором оно не участвует. Официально это европейское объединение обуславливает свое присоединение к данному соглашению расширением для него квоты и повышением минимальной цены сахара до уровня, установленного в системе расчетов ЕЭС со странами АКТ.

Сложными противоречиями отмечены попытки главных капиталистических государств скоординировать свою энергетиче-

скую политику. В этом плане характерны, во-первых, претензии США руководить такой политикой, сплотив блок западных государств вокруг принципа безоговорочной конфронтации с развивающимися странами; во-вторых, стремление стран Западной Европы и Японии к прямым контактам с экспортерами энергоресурсов в форме межгосударственных договорных соглашений отдельно от США и минуя посредничество международных нефтяных монополий; в-третьих, достижение согласия стран — членов Международного энергетического агентства по вопросу темпов природного их потребления топливно-энергетических ресурсов и развития альтернативных источников энергии с целью снижения совокупного импорта нефти.

Такое усиление межимпериалистических противоречий весьма показательно. Энергетический кризис резко обострил взаимоотношения между основными центрами сил мирового капитализма, поставил их перед лицом сложных проблем, углубил «неравномерность зависимости» отдельных звеньев мирового капиталистического хозяйства от источников энергетического и ряда других видов сырья. В этих условиях общий фронт империалистических государств против развивающегося мира мог бы быть сформирован лишь под эгидой США. На это не идут Западная Европа и Япония, прежде всего потому, что находят возможным более оперативно удовлетворить свои хозяйственные интересы с опорой на государственные меры регулирования отношений с развивающимися странами, а во-вторых, потому, что боятся лидерства США, которое чревато для них негативными последствиями в широком круге вопросов и создает перспективу нежелательного обострения отношений со многими освободившимися странами или прямо противоречит ряду сложившихся форм такого рода отношений. При этом координация действий соперничающих центров силы достигается лишь в определенных рамках, при совпадении их хозяйственных интересов.

Не менее острым является межимпериалистическое соперничество в отношении форм и методов участия в дальнейшем освоении источников энергоресурсов в развивающемся мире. Как известно, МБРР финансирует энергетические проекты в целом ряде развивающихся стран. За период с 1980 по 1982 г. были предоставлены средства в объеме 2 млрд. долл. на разнообразные мероприятия: изыскание нефти в Египте, Либерии, Бенине, Кот-д'Ивуаре, Танзании и других странах, освоение производства спиртового топлива из сахарного тростника в Бразилии и т. д. В 1982 г. 25% всей суммы кредитов МБРР было выделено на развитие энергетики. Такая практика вызывает недовольство и сопротивление правительства США, поскольку противоречит интересам американских нефтяных монополий, которые имеют возможность действовать за границей без «подстраховки» и кредитной опоры, располагая надежным плацдармом в самих США и соответственной возможностью маневра. Западноевропейские компании, напротив, существенно заинтере-

сованы в международном финансировании для снижения риска от неудач в геологоразведочных работах и расширения перспективы внедрения в добывающие отрасли промышленности развивающихся стран.

Энергетические проблемы остаются одной из причин столкновения США и многих других индустриальных капиталистических государств. США не допустили создания международного энергетического филиала МБРР, несмотря на то что эта идея в принципе встречала одобрение на совещаниях «большой семерки» в Венеции в 1980 г. и в Оттаве в 1981 г. Правительство США в данном случае видит в лице такого рода международной организации прямого конкурента американским монополиям и действует в защиту интересов этих монополий, рассчитывая на них в решении своих хозяйственных задач, в частности обеспечения страны энергоресурсами. При этом страдают интересы и развивающихся стран и западноевропейских государств, а также Японии. Этот пример наряду со многими другими свидетельствует о том, что определенное расширение общих позиций неокOLONиализма в развивающемся мире как бы выводит империалистических соперников на новые рубежи противоречий.

При этом отчетливо проявляются стремление США к лидерству и желание американского правительства придать своей позиции более идеологизированный характер ради укрепления престижа США как главного защитника принципиальных основ «свободного предпринимательства» и «рыночного подхода». На практике защита такого рода основ означает неограниченную свободу действий в развивающемся мире международных монополий. Однако в расчетах правящих кругов США такая свобода должна лишить большинство государств их конкурентных преимуществ, причем действительно «рыночный подход» США отстаивают тогда, когда вполне уверены, что интересы американского государственно-монополистического капитализма будут обеспечены на базе деятельности мощных монополий США. В то же время США отстаивают принцип глобальной поддержки экспансии в развивающемся мире международного бизнеса, принцип коллективного неокOLONиализма, на базе которого правящие круги этого империалистического государства рассчитывают завоевать для себя лидирующие позиции. Противоречия коллективного неокOLONиализма рассматриваются в следующей главе.

ГЛАВА 5 КОЛЛЕКТИВНЫЙ НЕОКОЛОНИАЛИЗМ

Сущность, формы и методы коллективного неокOLONиализма

Распад колониальной системы привел к уничтожению барьеров, ограждавших ранее территории, эксплуатировавшиеся от-

дельными метрополиями, т. е. тем или иным национальным империализмом. Монополистический капитал получил несравнимо большую возможность экспансии в рамках всего мирового капиталистического хозяйства. В то же время появились новые формы эксплуатации отсталой периферии, опирающиеся на коллективный подход империалистических сил. В результате возник новый механизм экономического передела развивающегося мира, в основе которого лежит, как писал в свое время В. И. Ленин, «соединение и переплетение разных национальных капиталов в единое интернациональное целое» [10, с. 232], что и является объективной основой коллективного неокolonизма.

Развитие системы неокolonизма отношений неизменно шло через союз и соперничество империалистических государств, через объединение и острую борьбу отдельных отрядов частного монополистического капитала, подобно тому как и общее развитие мирового капиталистического хозяйства представляет собой постоянное чередование и переплетение конкуренции и монополии. Крушение колониальной системы усилило такого рода соперничество, но в то же время потребовало и объединения сил мирового капитализма. Нарастание процесса интернационализации производства и концентрации капитала, а также усиление роли государства на национальном и международном уровнях создавали объективные основы коллективных действий империалистических государств и их монополий. Усложнение общих задач мирового капитализма перед лицом повышения роли освободившихся стран в мировой экономике и политике заставляло империалистические силы предпринимать попытки решать их коллективными или скоординированными усилиями. Во многом эти процессы усилились в результате обострения кризисных явлений в мировом капиталистическом хозяйстве, обострения социально-экономических проблем в центрах современного капитализма.

Развитие мировой системы социализма с новым, социалистическим международным разделением труда вызвало стремление мирового монополистического капитала к разработке глобальной стратегии, ставшее еще более настойчивым в ответ на решительный поворот многих молодых государств к всестороннему сотрудничеству с мировым социализмом, на переход некоторых из них к строительству социализма и на некапиталистический путь развития. Такие процессы всемирно-исторического значения, а также усиление борьбы освободившихся стран за укрепление суверенитета над природными ресурсами, развитие коллективных форм национально-освободительного движения и, в частности, политика коллективной опоры на собственные силы — все эти явления, в свою очередь, вызвали обратную реакцию империализма и усиливали тенденции к межимпериалистическому «сотрудничеству» на различных уровнях.

Процесс формирования системы коллективного неокolonизма значительно ускорился в результате развития экономиче-

ской интеграции стран Западной Европы. Создание ЕЭС, несомненно, смягчило для экономики бывших метрополий последствия распада колониальной системы, но вместе с тем потребовало разработки и проведения в жизнь единой системы комплексной неокolonизальной привязки бывшей колониальной периферии к западноевропейским центрам.

Огромная концентрация капитала, интенсивное углубление международного разделения труда, резко возросшая интернационализация производства и интеграционные процессы в развитых капиталистических странах привели к возникновению колоссальных транснациональных комплексов, действующих одновременно во многих странах. Появление и бурное развитие ТНК обусловили качественно новые явления в современном мировом капиталистическом хозяйстве, относительное уменьшение роли национальных факторов при одновременном усилении позиций, говоря словами В. И. Ленина, «международно-переплетенного капитала» [9, с. 232].

В течение 60-х и 70-х годов формирование коллективных форм неокolonизма в значительной мере базировалось на значительном росте международного бизнеса, развитии ТНК. Огромные масштабы деятельности, колоссальные финансовые средства, международный характер операций ТНК обеспечивают им исключительные возможности для достижения глобальных стратегических задач современного империализма. «Развивающимся странам навязывается модель транснационализированного развития, цель которой состоит в превращении этих стран в „плацдармы экспорта“ промышленных изделий на мировой рынок», — отмечает Ф. Кастро [85, с. 158]. В то же время, поскольку производственная деятельность ТНК представляет собой единый процесс с внутрифирменным разделением труда, отдельные стадии которого осуществляются в различных странах, эти корпорации особенно внимательно относятся к положению в странах пребывания, к внешнеэкономической сфере жизни современного капиталистического мира. Стремясь предотвратить проведение глубоких прогрессивных социально-экономических преобразований в развивающихся странах и приход к власти в них революционных сил, ТНК проявляют большой интерес к разработке единой глобальной внешнеэкономической и внешнеполитической стратегии в отношении молодых государств, к координации своих действий в области международных экономических отношений. Как пишет известный бразильский экономист С. Фуртадо, ТНК, «действующие в странах периферии, благодаря своим привилегированным связям во многих странах мира и особым отношениям с финансовой системой государства образуют систему, обладающую определенной степенью солидарности и формирующую собственную структуру и динамику. Эта система ставит задачи включения периферийной экономики в мировую капиталистическую систему» [189, vol. 14, № 74, с. 423—424]. Именно поэтому ТНК, самая могущественная и

одновременно наиболее агрессивная группа современного монополистического капитала, стали наиболее важной движущей силой, обеспечивающей создание и развитие системы коллективного неокOLONIALИЗМА, превратившись, как отмечалось в докладе М. С. Горбачева на XXVII съезде КПСС, в «проводников гонимого государственного гегемонизма, имперских вождельцев правящих сил» США и других ведущих держав Запада [13, с. 15].

Активизация деятельности ТНК в этой области особенно усилилась в результате обострения общего кризиса капитализма, циклических и структурных кризисов 70-х годов, усиления борьбы развивающихся стран за новый международный экономический порядок. Появление на международной арене «группы 77», повышение интереса к экономическим проблемам в Движении неприсоединения и возникновение коллективной экономической дипломатии развивающихся стран вызывают осознанное стремление империалистических кругов Запада, во-первых, сделать систему неокOLONIALИЗМА более гибкой, лучше приспособить ее к изменившимся условиям и, во-вторых, обеспечить большую координацию действий и объединение усилий империалистических держав в области международных экономических отношений. Для этого предпринимаются попытки создания наднациональных международных механизмов, обеспечивающих решение данной задачи, разработки коллективного стратегического курса на экономическую «привязку» развивающихся стран к мировой системе империализма. Активную роль в этом играют и империалистические ТНК и ТНБ, создавшие ряд постоянно действующих международных организаций, исследовательских институтов и др. «Повсюду, где действуют ТНК, — пишет французский экономист Ф. Перру, — они создают определенную экономическую и социально-политическую структуру, которую они формируют в соответствии со своей внутренней логикой — логикой частной прибыли. ТНК являются в высшей степени активным элементом системы, формирующим по своему усмотрению среду для своей экспансии в мировых масштабах» [187, 1978, № 1581, с. 3].

Анализ современных тенденций и процессов, обуславливающих формирование системы неокOLONIALИЗМА, исследование главных целей, направлений и форм его развития позволяют обрисовать определенные контуры коллективной стратегии неокOLONIALИЗМА, которые складываются в результате взаимодействия и соперничества различных сил в системе неокOLONIALИЗМА отношений центра и периферии. Ее основными целями являются:

стремление не просто удержать освободившиеся государства в сфере мирового капиталистического хозяйства, а интегрировать развитие производительных сил в этих странах в воспроизводственные процессы международного капитала на условиях сохранения их зависимости;

обеспечение эволюции международного капиталистического

разделения труда в интересах высокоразвитых капиталистических стран, т. е. формирования подсистемы неокOLONIALИЗМА разделения труда, в процессе которого возрастают зависимость и эксплуатация развивающихся стран;

создание в развивающемся мире более благоприятных условий для деятельности ТНК ради обеспечения в конечном счете их контроля над механизмами, управляющими экономическими процессами в мировых масштабах; поскольку ТНК заинтересованы в сохранении позиций не в какой-то отдельно взятой стране, а во всей мировой капиталистической системе в целом, их политика в отношении развивающихся стран имеет определенные «общие правила игры», направленные на развитие капитализма в развивающихся странах и на их все углубляющееся включение в мировое капиталистическое хозяйство на положении зависимых партнеров;

обеспечение иностранным монополиям гарантированного, стабильного доступа к сырьевым, энергетическим и трудовым ресурсам освободившихся стран;

целенаправленный и всеобъемлющий контроль над процессами индустриализации и структурной перестройки экономики развивающихся стран с целью постоянного воспроизведения их зависимости от иностранных финансовых и материальных ресурсов (предоставление необходимых денежных средств, технологии, перевод «нижних этажей промышленного производства» из развитых в развивающиеся страны);

попытка широкомасштабного социально-исторического реванша у национально-освободительного движения, блокирования попыток демократической перестройки международных экономических отношений, ужесточения монополистического давления на развивающиеся страны;

разработка социальной стратегии неокOLONIALИЗМА: развитие связей империалистических кругов с социальной верхушкой развивающихся стран, набирающей там силу периферийной буржуазией, государственным аппаратом.

Необходимость претворения в жизнь поставленных задач обусловила возникновение и дальнейшую эволюцию специфических форм коллективного неокOLONIALИЗМА, создание и последующее развитие его институционального механизма. Тенденция к усилению координации действий ведущих империалистических держав в отношении развивающихся стран появилась сразу же после выхода на мировую арену большинства молодых государств, но особенно усилилась в 70-е годы, явившись как бы ответной реакцией на развернувшуюся борьбу освободившихся стран за НМЭП. Совместной разработке развивающимися странами развернутой программы перестройки международных экономических отношений, активизации их коллективной экономической дипломатии капиталистические страны противопоставили свою скоординированную деятельность. Выработка коллективного подхода ведущих капиталистических держав к

проблема перестройки системы мировых экономических отношений идет на двух уровнях — глобально-стратегическом и практическом.

Согласование и координация позиций ведущих империалистических держав, выработка общих оценок международной обстановки в целом, положения в отдельных регионах и странах, наиболее насущных проблем в отношениях развитых и развивающихся стран происходят прежде всего на многочисленных совещаниях руководителей развитых капиталистических держав, на ежегодных конференциях в верхах «большой семерки» — США, Канады, Японии, Англии, ФРГ, Франции и Италии, в рамках Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), ведущих международных финансовых организаций — МБРР, МВФ, МАР и др. Этому подчинена также деятельность различных координационных советов других многочисленных постоянно действующих международных организаций.

Совещания «семерки», ставшие регулярными с 1975 г., обязательно включают в повестку дня наиболее острые проблемы взаимоотношений Запада с развивающимся миром. Как показывает опыт этих совещаний, несмотря на серьезные противоречия между партнерами, вызванные столкновением их собственных торговых, финансовых и других интересов, они, как правило, вырабатывают общую позицию в отношении развивающихся стран. Она базируется на принципах свободного перемещения капиталов и товаров на мировом рынке, господства «свободного предпринимательства» и игры рыночных сил, всемерного поощрения притока частного иностранного капитала в развивающиеся страны. Эти принципы прикрываются лозунгами «партнерства» развивающихся и развитых капиталистических стран.

Вначале на совещаниях «семерки» доминировали вопросы долгосрочной энергетической политики, имевшей своей основной целью изменение возникших в мировом капиталистическом хозяйстве к началу 70-х годов условий, позволивших освободившимся государствам резко повысить экспортные цены на нефть. Разработка ведущими западными державами скоординированной долгосрочной стратегии в этой области, носящей откровенно империалистический характер, началась в Рамбуйе (1975), была продолжена в Пуэрто-Рико (1976), Лондоне (1977) и Бонне (1978). Лидерам «семерки» удалось достичь согласия по комплексу взаимосвязанных мер, которые должны были обеспечить совместный ответ ведущих капиталистических держав на энергетический кризис, вызванный политикой сырьевых объединений развивающихся стран и прежде всего ОПЕК. На этих совещаниях был принят ряд решений, призванных «нормализовать» положение с нефтью в мировом капиталистическом хозяйстве, в частности сократить импорт нефти в соответствии с программой, рассчитанной до 1985 г., и снизить ее роль в производстве и потреблении энергии, развивать производство альтернативных источников энергии, привести уровень внутренних цен на нефть в

соответствие с мировыми и т. п. [128, с. 17]. На совещании в Токио (июнь 1979 г.) в рамках этой стратегии было решено поддерживать нефтяной импорт в 1980—1985 гг. на уровне 1978 г., были также предусмотрены квоты для каждой из стран с целью ограничения импорта [128, с. 21]. Выработка долгосрочной энергетической политики продолжала оставаться в центре внимания участников встречи США, Англии, Франции и ФРГ в январе 1980 г., встречи «семерки» в июне 1980 г. в Венеции. Участники этих совещаний приняли решение о сокращении доли нефти в энергетическом обеспечении Запада с 53 до 40% в 1980 г. за счет увеличения производства и потребления угля и ядерной энергии [128, с. 24].

Еще одной важной проблемой, по которой на совещаниях «семерки» принимаются согласованные решения (или делаются такие попытки), является совместная политика Запада в отношении программы НМЭП в целом, а также деятельности международных экономических организаций, где развивающиеся страны в последнее время пытаются изменить свой статус и добиться большего равноправия. Важное место в повестке дня занимают проблемы «помощи развитию» и защиты интересов иностранных частных капиталовложений в развивающемся мире, а также вопросы колоссальной внешней задолженности молодых государств (об этом подробно см. гл. 6).

В экономической декларации, принятой в Лондоне в мае 1984 г., главы государств и правительств «семерки», «признавая экономическую взаимозависимость промышленных и развивающихся стран», решили: вместе с развивающимися странами добиваться стимулирования более широкого допуска частных капиталовложений; поощрять в этих странах практические меры по экономии ресурсов и увеличению собственного производства продуктов питания и топливно-энергетических ресурсов; поощрять деятельность Международного валютного фонда, играющего главную роль в осуществлении развивающимися странами-должниками необходимых перемен в их экономической и финансовой политике; содействовать притоку в развивающиеся страны долгосрочных прямых инвестиций частного капитала из высокоразвитых стран.

Как отмечалось в Политическом докладе Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева XXVII съезду партии, происходящий в последние 10 лет на Западе процесс выработки единых решений в области международной экономической политики отражает полные явных и скрытых противоречий «взаимоотношения трех основных центров современного империализма — США, Западной Европы и Японии», стремление «подвести три центра современного империализма под одну крышу» [13, с. 15, 16]. Основная цель решений, принимаемых на встречах «семерки», — таким образом контролировать и изменять развитие мирового капиталистического хозяйства, чтобы сохранить там господствующие позиции, обеспечивающие возможность

продолжения неокOLONиальной эксплуатации центром периферии.

В этом сложном и противоречивом процессе ведущая роль принадлежит США, которые особенно настойчиво проводят свою линию на утверждение в системе международных экономических отношений вообще и в отношениях «Север—Юг» в частности жесткой политики, основывающейся на принципах свободного рынка и всемерного развития частного предпринимательства, американоцентристского представления об экономической взаимозависимости. И на совещаниях «семерки», и на встречах на высшем уровне лидеров высоко развитых капиталистических и развивающихся стран Р. Рейган настаивал и продолжает настаивать на том, что объективные нужды экономического развития молодых государств тождественны развитию частного предпринимательства, открытию рынков и максимальному улучшению условий для частного иностранного капитала, прежде всего созданию «благоприятного» внутривнутриполитического климата для деятельности ТНК. Администрация Р. Рейгана отвергает программу НМЭП как направленную на насильственное «статистико-бюрократическое» перераспределение богатств в пользу развивающихся стран, резко выступает против идеи многостороннего регулирования мировой торговли путем различного рода соглашений, межгосударственного сотрудничества по экономическим проблемам, создания новых международных органов и фондов помощи и т. п. Эта исключительно жесткая и агрессивная позиция вашингтонской администрации встречает определенные возражения со стороны Франции и Канады, однако в решениях последних совещаний «семерки» все явственнее выступает американская позиция. Несмотря на то что попытки координации экономической политики ведущих капиталистических держав не всегда оканчиваются достижением согласованных мер, проведение ежегодных совещаний на высшем уровне свидетельствует о тенденции создания системы коллективного неокOLONиализма, в которой совещания «семерки» занимают центральное место и выполняют роль «коллективного лидера» [128, с. 93].

Значительное воздействие оказывают встречи «семерки» на деятельность ОЭСР, ГАТТ, международных финансовых организаций — МБРР, МВФ, МАР и др. В ряде случаев, когда в рамках этих организаций представителям ведущих капиталистических держав не удавалось преодолеть разногласий, в том числе и касающихся комплексов взаимосвязанных мер в отношении развивающихся стран, импульс, придаваемый совещаниями в верхах, становился решающим для выработки названными организациями скоординированной экономической политики в отношении развивающегося мира. Важную роль играют также ежегодные сессии ОЭСР, тесно и непосредственно связанные с экономическими совещаниями лидеров западного мира.

Созданная в 1961 г. ОЭСР насчитывает 24 участника; в нее

входят западноевропейские государства, США, Канада, Япония, Австралия, Новая Зеландия. ОЭСР является одной из ведущих международных организаций современного капитализма, обеспечивающих координацию действий и разработку единой экономической политики как в рамках всего мирового капиталистического хозяйства, так и в области отношений развитых капиталистических стран с развивающимся миром. Стратегическая линия обсуждается и формулируется в виде общих рекомендаций на ежегодных сессиях совета ОЭСР. Что касается связей с развивающимися странами, то ОЭСР заботится прежде всего о двух проблемах — разработке единой концепции и условий предоставления государственной помощи этим странам и выработка скоординированной позиции развитых стран на крупнейших международных встречах, форумах, посвященных проблемам развивающихся стран и перестройке международных экономических отношений.

В вопросах, касающихся помощи, ОЭСР через специальный Комитет содействия развитию осуществляет координирующие функции, разработывает единые условия ее предоставления, определяет принципиальный подход к ее распределению по странам и отраслям экономики, к соотношению между «государственной помощью развитию» и притоком в развивающиеся страны иностранных частных капиталовложений, а также к использованию иностранного коммерческого кредита. Стратегия помощи ОЭСР целенаправленно формирует такое развитие и размещение хозяйственных отраслей в развивающихся странах, которое полностью отвечает интересам империалистических кругов Запада.

Практическая координация действий развитых капиталистических стран, разработка совместного подхода к проблемам перестройки международных экономических отношений осуществляется через Исполнительный комитет. В него входят высшие официальные лица на уровне заместителей министров стран — членов ОЭСР, которые несколько раз в год проводят консультации по проблемам международных отношений и внешнеэкономических связей. Кроме того, перед началом или во время сессии Исполнительного комитета проводятся встречи представителей ведущих стран ОЭСР, а иногда представителей только пяти основных капиталистических держав современного мира.

Существуют и межправительственные группы по координации политики западных стран в отношении развивающихся стран, занимающиеся отдельными конкретными вопросами, — например, группа по сырью, в которой под эгидой Исполнительного комитета ОЭСР координируется политика в отношении товарных соглашений и общего фонда по сырью. Подобная же группа занимается проблемами финансовой помощи развивающимся странам и состоит из представителей ведомств и организаций западных стран, организующих распределение этой помощи. Действует также группа по проблемам финансовых отноше-

ний с развивающимися странами, куда входят представители министерств финансов.

Механизм координации политики стран — членов ОЭСР дополняется органами, согласовывающими политику стран ЕЭС в отношении стран АКТ, а также других развивающихся государств и их объединений.

Коллективный неокOLONиализм ЕЭС

В современном коллективном неокOLONиализме ведущее место занимают отношения между ЕЭС и 66 странами АКТ. Именно здесь создана пока что единственная в своем роде замкнутая коллективная неокOLONиальная система «особых отношений», имеющая собственную организационную структуру, механизм принятия и реализации решений, финансовые фонды для осуществления программ, принимаемых наднациональными органами. Исторически сложившиеся внешнеэкономические связи с бывшими колониальными владениями и зависимыми территориями имеют для стран — членов ЕЭС большое значение. Именно поэтому с момента создания ЕЭС оно начало проводить коллективную политику по формированию неокOLONиального механизма, регулирующего их внешнеэкономические отношения с бывшей колониальной периферией.

Изменения в расстановке сил за прошедшие десятилетия, борьба освободившихся стран за свои экономические интересы и выдвижение ими программы НМЭП отразились на характере и содержании отношений ЕЭС с развивающимися странами, регулировавшихся сначала Римским договором (1957), затем двумя Яундскими конвенциями (соответственно периоды 1963—1969 гг. и 1971—1975 гг.), а потом I, II и III Ломейскими конвенциями (периоды 1976—1980 гг., 1980—1984 гг. и 1985—1990 гг.).

Яундские конвенции представляли собой лишь слегка подретушированный вариант, по словам английского экономиста Р. Грина, «колониальных меркантилистских отношений» западноевропейских стран с обширной зоной их традиционного влияния в развивающемся мире, были «бесстыдно неокOLONиалистскими», поскольку ЕЭС рассматривало отношения с «ассоциированными государствами, по существу, с точки зрения статических выгод: их сырьевые продукты — наш промышленный экспорт, инвестиции и квалифицированные кадры» [136, с. 5].

Усиление борьбы за экономическую независимость, выдвинутые развивающимися странами требования структурной перестройки международных экономических отношений, а также увеличение числа молодых государств, ассоциированных с ЕЭС, рост их единства и стремление к взаимному сотрудничеству серьезно повлияли на позиции обеих сторон и вынудили ЕЭС разработать более гибкий и модернизированный механизм «особых отношений» между двумя группами стран.

Одной из главных стратегических целей ЕЭС является гарантированное обеспечение европейских стран необходимыми сырьевыми и продовольственными товарами. Для этого в рамках I Ломейской конвенции был создан механизм стабилизации экспортных доходов стран АКТ, названный системой «Стабекс». Этот механизм действует в отношении ряда тропических и других продовольственных и сырьевых товаров (кофе, чай, какао, арахис, бананы, кокосовые орехи, пальмовые продукты, хлопок, сизаль, древесина, кожи и шкуры и др.). Во II Ломейской конвенции система «Стабекс» была дополнена системой «Сисмин», охватывающей некоторые виды минерального сырья — медь, фосфаты, бокситы и глинозем, кобальт, марганец, железную руду, олово. Эта система распространяется только на экспорт стран АКТ в ЕЭС («условие рынков ЕЭС»). III Ломейская конвенция несколько усовершенствовала систему расчетов «Стабекс» и расширила полномочия «Сисмин».

Созданный в соответствии с Ломейскими конвенциями фонд стабилизации предоставляет странам АКТ займы и субсидии в том случае, когда из-за снижения мировых цен на перечисленные товары или уменьшения объема их продаж экспортные доходы какой-либо страны АКТ падают ниже гарантированного минимума, определяемого как средний доход за пять предыдущих лет. Получение таких займов и субсидий требует соблюдения определенных условий: на данный товар должно приходиться не менее 6,5% экспорта страны («порог зависимости»), а сокращение доходов от его экспорта должно быть не менее 6,5% среднего уровня за пять предшествующих лет («порог колебаний»). При увеличении экспортных доходов страны АКТ (даже наименее развитых) должны возместить полученную компенсацию. Если падение экспортной выручки является результатом собственной торговой или внутриэкономической политики стран АКТ, то они лишаются права пользования средствами фонда.

Хотя разработка системы «Стабекс» не завершена и определенное «совершенствование» ее отдельных звеньев продолжается, главное в ней, с точки зрения ЕЭС, достигнуто. Она обеспечивает две наиболее важные для западноевропейского империализма задачи. Первая из них — обеспечить и закрепить за странами ЕЭС источники сырья в зоне АКТ и создать выгодные условия западноевропейским компаниям для инвестиций в экспортные отрасли стран АКТ. Вторая — избежать драматических политических и экономических последствий дестабилизации внутренней и внешней обстановки в развивающихся странах в случае резкого падения их экспортных доходов.

Система «Стабекс» была разработана неокOLONиалистскими кругами ЕЭС и предложена развивающимся странам АКТ как противовес Интегрированной программе по сырью, являющейся одним из основополагающих элементов программы НМЭП. Эта система — своего рода модель компенсационно-финансового механизма, регулирующего режим международной торговли

сырьевыми товарами в интересах западноевропейского монополистического капитала.

Она не предусматривает создания буферных запасов отдельных видов экспортных товаров, которые позволяли бы сохранять в определенной степени стабильность экспортных цен, не включает никаких вариантов индексации цен и не предусматривает каких-либо обязательств стран ЕЭС перед государствами АКТ по закупкам их сырьевых и продовольственных товаров.

Система не влияет на рыночный механизм ценообразования в мировой торговле. В то же время она не стимулирует экспорт тех товаров, которые конкурируют с европейской продукцией, тем самым укрепляя и сохраняя существующее неокOLONиальное разделение труда между двумя сторонами. Из действия системы «Стабекс» исключаются товары, подвергавшиеся обработке, и промышленные изделия. Единственные входящие в нее статьи экспорта, прошедшие промышленную обработку, — это отдельные виды растительного масла, паста и масло какао, кожа, пиломатериалы. Закреплению монокультурной сырьевой специализации экспорта стран АКТ служит и применение в рамках «Стабекс» «порога зависимости», в результате чего возможность получения компенсации предпочтительнее у тех стран, где данный вид сырья занимает больший удельный вес в общем объеме экспорта.

Задача ЕЭС — создать систему «особых отношений», чтобы еще теснее привязать страны АКТ к Сообществу, — обеспечивается так называемым «условием рынков ЕЭС» (стабилизационная схема охватывает только экспорт этих стран в ЕЭС). При этом Сообщество обладает достаточно серьезными возможностями оказывать воздействие через «Стабекс» как на политику стран АКТ в области производства сырья, так и на их торговую политику: уже говорилось, что компенсация не предоставляется в том случае, если снижение экспортных доходов происходит в результате политики правительства данной страны. В этом же направлении действует и ограниченность размеров компенсации, связанная с наличием так называемых «порогов зависимости» и «порогов колебаний». Это порождает конкуренцию между самими развивающимися странами за получение такой компенсации, а также дает возможность Европейскому фонду развития (ЕФР) осуществлять строгий контроль за распределением точно определенной и весьма небольшой суммы финансовых средств, выделяемых для компенсации. Достаточно сказать, что в период действия II Ломейской конвенции страны АКТ получили через «Стабекс» лишь 50% средств, требовавшихся им для покрытия их экспортных потерь.

Значительное место в неокOLONиальной системе «особых отношений» ЕЭС—АКТ отводится невзаимным торговым преференциям. В соответствии с Ломейскими соглашениями правом беспоплатного ввоза в ЕЭС из стран АКТ пользуются все минеральные и подавляющая часть сельскохозяйственных сырье-

вых товаров. Что касается экспорта готовой промышленной продукции странами АКТ на рынки стран — членов ЕЭС, то по Ломейским конвенциям его объем ограничивается сложной системой контингентирования и лимитирования. При заключении II Ломейской конвенции страны ЕЭС добились оговорки, что принцип невзаимности торговых преференций для стран АКТ не должен использоваться в ущерб отношениям ЕЭС с остальными развивающимися странами. Эти же условия сохраняются и в III Ломейской конвенции. ЕЭС оставляет также за собой право в случае ухудшения экономической ситуации принимать в отношении экспорта из стран АКТ защитные односторонние меры, в частности восстанавливать таможенные пошлины и компенсационные сборы на сельскохозяйственные товары, а также использовать статью о «защите национального производства от зарубежных конкурентов» в торговле промышленными изделиями и полуфабрикатами. В значительной степени в результате торгово-таможенного режима, созданного Ломейскими конвенциями, товарная структура торговли стран АКТ с ЕЭС в период их действия остается практически неизменной. Развивающимся странам не удалось добиться тех сдвигов в товарной структуре их внешней торговли, к которым они стремились.

Финансовая «помощь» ЕЭС странам АКТ являлась и продолжает оставаться важным инструментом коллективной неокOLONиалистской стратегии западноевропейских монополий. Ломейские соглашения выдвигают в качестве основного критерия выделения средств Европейским фондом развития уровень экономического развития стран, получающих «помощь» (чем он ниже, тем большая часть «помощи» выделяется данной стране), а не численность населения, как было предусмотрено Яундскими конвенциями. Такой перенос центра тяжести в общем объеме «помощи» ЕЭС на «наименее развитые страны» АКТ диктуется стремлением и необходимостью ослабить подспудно нарастающее народное недовольство в этих странах и предотвратить зреющие там опасные для империалистических позиций серьезные внутренние конфликты, порождаемые отсталостью и экономическим застоєм. Одновременно следует отметить возросший интерес Европейского фонда развития к наиболее развитым странам АКТ, обеспечивающим благодаря их достаточно емким и динамичным рынкам благоприятные возможности для приложения европейского частного капитала. Отраслевое распределение «помощи», направляющейся в страны АКТ через ЕФР, отчетливо демонстрирует цели, преследуемые Сообществом.

Основная часть средств (40% по I Ломейской конвенции, 32% по II) идет на сельскохозяйственное развитие. Финансируемые ЕЭС сельскохозяйственные объекты и программы развития ориентированы преимущественно на экспорт, направляющийся традиционно в страны Западной Европы. Второе место занимают средства, выделяемые на создание экономической и социальной инфраструктуры, что обеспечивает более благоприятные

условия использования природных и эксплуатации людских ресурсов этой зоны транснациональными корпорациями и стимулирует приток в развивающиеся страны частного иностранного капитала из Западной Европы.

Хотя государства АКТ получили в соответствии с последними конвенциями право более активно участвовать в решении вопросов, связанных с распределением средств ЕФР, с разработкой проектов промышленного развития и с привлечением к их финансированию национальных банков развивающихся стран, тем не менее окончательное решение о принятии или отклонении того или иного проекта по-прежнему принадлежит представителям руководящих органов ЕЭС. Это предоставляет им широкие возможности оказывать влияние на планирование одновременных структурных изменений в развивающихся странах и в конечном счете позволяет монополистическому капиталу стран — членов ЕЭС вмешиваться в социально-экономическое развитие зоны АКТ.

Представители ЕЭС на переговорах о заключении II и III Ломейских конвенций требовали внесения в конвенции статей о защите прямых европейских капиталовложений и заключения обеспечивающих их неприкосновенность двусторонних соглашений, а также о свободе перевода капиталов и прибылей за границу. Европейский парламент в одном из своих докладов в 1983 г., в период переговоров относительно III Конвенции, высказал пожелание, чтобы в ней были предусмотрены возможности для расширения частных капиталовложений и гарантий для них в странах АКТ. В тексте конвенции отсутствуют четко зафиксированные обязательства развивающихся стран относительно подобных гарантий. Однако на последних переговорах представителями ЕЭС был остро поставлен вопрос о создании совместного страхового фонда ЕЭС—АКТ для гарантирования частных иностранных инвестиций. ЕЭС удалось добиться улучшения для себя договорных условий, обеспечивающих защиту европейских капиталов, а следовательно, и содействующих их притоку туда.

Вся эта сложная и гибкая система «особых отношений» ЕЭС с развивающимися странами АКТ призвана создать там благоприятные условия для инвестиций частного западноевропейского капитала и обеспечить надежное закрепление бывшей колониальной периферии в качестве источника сырьевых и энергетических ресурсов. Зависимость стран АКТ от ЕЭС поддерживается и односторонностью их взаимных экономических связей — эти молодые государства в значительной степени зависят от преференциальных рынков сбыта своих экспортных товаров, в странах Сообщества, от «помощи», выделяемой им в рамках конвенции, от системы стабилизации их экспортных доходов и т. п. Страны АКТ получают из стран ЕЭС около половины импортируемых ими товаров (в том числе 85% их общего импорта готовой промышленной продукции), тогда как на рынки АКТ в 1982 г. на-

правлялось лишь 6,4% экспорта ЕЭС. На долю стран АКТ в 1982 г. приходилось лишь 5,5% импорта ЕЭС. Сохранение такой односторонности, естественно, способствует реализации коллективной неокOLONиалистской стратегии ЕЭС.

Разработанный и осуществляемый коллективным неокOLONиализмом ЕЭС механизм их «особых отношений» со странами АКТ используется им как модель для формирования взаимоотношений со всем развивающимся миром. Авторы книги «ЕЭС и третий мир», изданной под редакцией К. Стивенса [54, с. 60—61], обоснованно отмечают, что отношения ЕЭС с освободившимися государствами представляют собой весьма сложную «пирамиду привилегий», внутри которой формируются торговые и финансовые отношения между Сообществом и развивающимся миром. На вершине этой пирамиды находятся страны, подписавшие Ломейские конвенции. В ее основании — развивающиеся государства, которые пользуются лишь Генеральной системой торговых преференций. Промежуточную ступень занимают страны, заключившие двусторонние или региональные соглашения о предоставлении им определенных льгот в области торговли либо о предоставлении им финансовой помощи. Поскольку страны АКТ пользуются торговыми льготами, предоставляемыми не только членами ЕЭС, но и другими «участниками пирамиды», изменение отношений ЕЭС с одной группой стран может воздействовать и на отношения Сообщества с другими государствами, входящими в эту сложную структуру.

Подобным же образом система «Стабекс» предлагается ЕЭС остальным развивающимся странам в качестве модели нового компенсационно-финансового механизма, а также используется высокоразвитыми капиталистическими державами в поисках нового подхода к этим государствам и их региональным группировкам. Например, Франция на конференции 1981 г. по проблемам «наименее развитых стран» обещала распространить систему «Стабекс» на экспорт всех этих стран. Ведутся переговоры относительно создания подобной схемы, обеспечивающей экспорт членов АСЕАН в Японию. Страны Тихого океана также проявляют интерес к подобной компенсационной системе, охватывающей их экспорт в Австралию. Эта линия принесла уже определенные плоды. В экономической декларации VIII конференции глав государств и правительств неприсоединившихся стран в Хараре (1986) выдвигавшееся ранее в рамках программы НМЭП требование о введении индексации цен было заменено предложением о создании глобальной системы компенсации экспортных потерь по типу «Стабекс».

Поскольку режим, регулирующий в рамках Ломейских конвенций связи между ЕЭС и странами АКТ, превратился в основу политики западноевропейского империализма в отношении всего развивающегося мира, он, по сути дела, является ответом коллективного неокOLONиализма ЕЭС на требования развивающихся стран о создании НМЭП.

Коллективный неокOLONиализм ЕЭС вступает в противоречие с неокOLONиальными устремлениями других империалистических центров, прежде всего США. В данном противоречии проявляется весьма своеобразная черта соперничества между США и ЕЭС. Это — противоречие между коллективным неокOLONиализмом в масштабе всего мирового капиталистического хозяйства, роль лидера которого играет американский империализм, и «сепаратным коллективным неокOLONиализмом». Противоборство с США заставляет страны ЕЭС укреплять Ломейские конвенции, дающие им определенные преимущества и содействующие экспансии их монополистического капитала в 66 развивающихся стран.

Процесс формирования системы коллективного неокOLONиализма усиливается тем глубоким кризисом, который переживает современный капитализм. Развитие и укрепление мировой социалистической системы, во многом содействовавшие росту политического влияния развивающихся стран на международной арене, нарастание национально-освободительного движения и усиление коллективных действий молодых государств, направленных на реализацию программы НМЭП, сохраняющаяся острота глобальной энергосырьевой проблемы — все эти глубинные причины способствовали развитию коллективных форм неокOLONиализма, созданию системы координации экономической и социальной политики империализма, призванных обеспечить в новых условиях возможность продолжения эксплуатации народов и природных ресурсов формально суверенных государств Азии, Африки и Латинской Америки.

ГЛАВА 6

ПОВЫШЕНИЕ РОЛИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ВАЛЮТНО-ФИНАНСОВЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ В СИСТЕМЕ НЕОКОЛОНИАЛИЗМА

В послевоенный период неизмеримо выросло значение международных валютно-финансовых отношений. Это — объективный и в целом прогрессивный процесс мирового экономического развития, его неотъемлемая, органическая часть. Удовлетворяя растущие потребности в углублении международного разделения труда, эти отношения образуют — в каждый данный момент — необходимый механизм, не только опосредствующий, но и во многом определяющий масштабы, характер и тенденции экономического взаимодействия государств. Они выступают активной основой (а тем самым и предпосылкой) дальнейшей интенсификации мирохозяйственных связей.

По мере развития мирового капиталистического хозяйства эти отношения складываются в разветвленную, многоуровневую и разнонаправленную систему, которая становится ведущим звеном в движении международного капитала. С ростом международного обмена в его различных формах эта система расширяется и усложняется, а ее воздействие на отдельные сферы и зоны мирового капиталистического хозяйства существенно усиливается. Особое место занимают международные валютно-финансовые отношения в экономических связях освободившихся стран с государствами развитого капитализма. Это обусловлено прежде всего тем, что с завоеванием политической независимости по мере укрепления экономических основ новых государств ускорился необратимый процесс распространения товарно-денежных отношений — не только по форме, но и по существу — между центром и периферией мирового капитализма. Помимо того, международные валютно-финансовые отношения сами представляют наиболее сложную сферу мирового капиталистического хозяйства, в которой развитые капиталистические государства располагают долговременными преимуществами.

Важной особенностью послевоенной эволюции данной системы стало создание и упрочение ее «высшего» эшелона — широкой сети межгосударственных валютно-финансовых учреждений. Доминирующие позиции среди них принадлежат Международному валютному фонду и Международному банку реконструкции и развития. Они начали свою деятельность раньше других подобных институтов и намного превосходят остальные по масштабам операций. По данным 1983 г., членами МВФ являются 146 государств, в том числе 116 развивающихся стран. За 1947—1983 гг. МВФ предоставил кредиты на 84 млрд. долл., из которых 62% приходится на развивающиеся страны. Эти страны были должны МВФ почти 30 млрд. долл. [67, с. 14—17, 26—27].

Если у МВФ в довоенный период имелся предшественник, конечно не столь развитый и влиятельный, в лице Финансового комитета Лиги Наций, то МБРР стал совершенно новым образованием в послевоенном международном кредите. В МБРР участвует 144 страны, из них 114 развивающихся. В течение 1947—1983 гг. МБРР выдал займов на 89,6 млрд. долл., в которых доля развивающихся стран составила 86%. Они остались должны этому банку 29,6 млрд. долл. [65, 1983, с. 158—159, 164—166, 197—198, 218—220]. К нему тесно примыкает созданная в 1956 г. Международная финансовая корпорация (МФК) со 128 участниками, из которых 107 являются молодыми независимыми государствами Азии, Африки и Латинской Америки. В последние годы она быстро расширяет свои операции, направленные на развитие частного предпринимательства в освободившихся странах. В 1985 г. ее инвестиции достигли 937 млн. долл. [65, 1986, с. 33]. С МБРР непосредственно связана Международная ассоциация развития, в которой участвует 131 страна, в их числе —

104 развивающихся. В течение 1960—1983 гг. МАР предоставила кредитов на 20 млрд. долл., из них 98,6% пошло развивающимся странам. Их задолженность равнялась 17,4 млрд. долл. [65, 1983, с. 197—198, 218—220]. Суммы активов МВФ и МБРР с МФК и МАР ставят их в ряд крупнейших финансовых институтов капиталистического мира.

История МВФ и МБРР насчитывает уже более 40 лет. За прошедшие годы менялись приоритеты, методы и условия их деятельности. Важным направлением изменений стала постепенная переориентация с обслуживания потребностей развитых капиталистических государств на операции с освободившимися странами, что и составляет основной предмет анализа в данной главе. В ходе этой переориентации империалистические державы настойчиво добивались использования ведущих международных валютно-финансовых учреждений для защиты собственных корыстных интересов.

В отношениях МВФ и МБРР с развивающимися странами достаточно четко выделяются несколько этапов. В укрупненном виде они охватывали следующие периоды: со второй половины 40-х годов до середины 70-х годов, после этого рубежа до начала 80-х годов и, наконец, самые последние годы, по-видимому, открывают новый этап в этих взаимосвязях. Однако расположить материал в главе в строго хронологическом порядке не представилось возможным. В одних случаях предпосылки и «вызревание» проблем приходилось на один период, а их «выход на поверхность» и то или иное решение происходили уже в последующее время. В других случаях, как, например, в освещении позиции развивающихся стран, оказалось трудным разорвать единый сюжет на отдельные части. Попытка совместить хронологические результаты рассматриваемых процессов с их логическими выводами предпринята в кратком заключении к главе.

Формирование валютно-финансовых центров мирового капитализма

Фундамент послевоенной международной валютно-финансовой системы заложила Бреттонвудская конференция, проведенная в июле 1944 г. Создавая эту систему, империалистические державы добивались нескольких главных целей. Определяющей выступала задача укрепления экономики капиталистического мира перед лицом растущего могущества мирового социализма. Первым шагом в данном направлении служили меры по восстановлению подорванной войной экономики европейских стран. Но этим, конечно, не ограничивались потребности в новой валютно-финансовой системе. Ставилась задача обеспечить устойчивое и долговременное развитие всего мирового капиталистического хозяйства. Необходимым условием для этого служило

предотвращение безудержного соперничества развитых капиталистических государств в валютно-финансовой сфере, характерного для довоенного времени, которое привело к дезорганизации международных расчетов, платежей и движения финансовых ресурсов. Достижение этой цели зависело от ограничения частнокапиталистической стихии в развитии мирового хозяйства, усиления межгосударственного регулирования международных экономических, в том числе и валютно-финансовых отношений.

Другой кардинальной целью было обеспечение «навечно» господствующего положения империалистических держав в мировом капиталистическом хозяйстве. Важную предпосылку для этого представляло сглаживание и введение в контролируемые рамки межимпериалистических противоречий, в первую очередь между США и остальными развитыми капиталистическими государствами. С одной стороны, США получали особое положение как наиболее богатая и могущественная страна мирового капитализма. Американский доллар был признан ключевым средством международных расчетов и платежей и наряду с золотом наделен функцией мировых денег, что создавало особо благоприятные условия для зарубежной экспансии компаний США. С другой стороны, устанавливались определенные границы для свободы действий США, им создавался некоторый противовес в лице западноевропейских государств, а затем и Японии.

Этим целям подчинялось создание двух межправительственных валютно-финансовых институтов, получивших в дальнейшем статус специализированных учреждений ООН: МВФ как инструмента по регулированию валютных курсов, контролированию международных расчетов, устранению временных дефицитов платежных балансов и МБРР в качестве учреждения по межправительственному стимулированию государственных и частных долгосрочных капиталовложений, а также анализу национальных программ развития и оценки инвестиционных проектов. Уже в ходе своей организации эти международные валютно-финансовые институты как бы подгонялись под мерки развитых капиталистических государств. Так, их основатели исходили из того, что трудности в устранении дефицитов платежного баланса носят краткосрочный и по преимуществу ликвидный характер, т. е. порождаются временной нехваткой валютных ресурсов. А сама нехватка коренится не в сфере производства, а связана с обменом товаров и услуг и осуществлением валютных расчетов. В деятельности МБРР упор предполагалось делать на обслуживании западных европейских стран, модернизации их хозяйства. Даже само слово «развитие» было добавлено в название банка по настоянию латиноамериканских стран. В то же время нужды развивающихся стран, по существу, выпадали из поля зрения и МВФ и МБРР.

Уже в начале послевоенного периода возникли противоречия, а затем и прямой конфликт между создававшейся международ-

ной валютно-финансовой системой и изменявшимися условиями мирового развития. Быстро росло число независимых государств в Азии и Африке. Вместе со странами Латинской Америки они стали разворачивать борьбу за укрепление своей экономической самостоятельности. Однако доминировавшие еще в международных валютно-финансовых отношениях двусторонние связи между освободившимися странами и развитыми капиталистическими государствами все более демонстрировали свою ограниченность и недостаточность как для одной, так и для другой группы государств, хотя, разумеется, по разным, даже противоположным причинам. Специального же механизма многосторонних отношений между этими странами не существовало.

Решающими звеньями такого объективно необходимого многостороннего механизма развитые капиталистические государства сделали не какие-то новые учреждения, а именно уже действовавшие МВФ и МБРР. Такой выбор представляется совсем не случайным. Он позволял избежать многолетней процедуры, требовавшейся для подготовки соответствующего проекта, согласования мнений участвующих сторон, которых теперь насчитывалось много десятков, с осознанной разностью интересов, а также пуска в действие нового международного валютно-финансового учреждения. Под руками же были хорошо отлаженные институты, пользовавшиеся солидной международной репутацией. К тому же они сочетали межгосударственный статус с функционированием по образу частной акционерной компании, в которой права участников определяются их долей в капитале. Весьма весомым соображением в пользу выбора МВФ и МБРР у развитых капиталистических государств, несомненно, было то, что они занимали руководящие позиции в этих учреждениях.

Последнее обеспечивалось разными путями. Устав МВФ, в частности, предусматривал получение согласия правительств на использование их национальных валют. Поскольку операционными валютами фонда являлись сначала американский доллар и английский фунт стерлингов, а затем и валюты некоторых других западных стран, то их правительства в силу этого обладали большими возможностями влиять на деятельность этой международной организации. Свою роль играет и то, что большинство ответственных постов в МВФ и МБРР занимают представители развитых капиталистических государств, а среди сотрудников — выходцев из развивающихся стран преобладают выпускники университетов США и Западной Европы.

Но, конечно, самым верным путем получить преимущественное положение было ограничение голосов развивающихся стран при принятии решений в этих учреждениях. За 1947—1983 гг. их доля в МВФ увеличилась с 25 до 35% и в МБРР — с 20 до 29%, хотя за эти годы количество развивающихся стран — участников названных учреждений выросло более чем в пять раз [65, 1983, с. 182—184; 118, с. 120; 146, № 6, с. 60]. Молодые независимые государства неоднократно требовали увеличения

Таблица 18

Займы системы МБРР * развивающимся странам
(среднегодовые данные) **, %

	1960— 1966 гг.	1970— 1973 гг.	1974— 1979 гг.	1980— 1983 гг.
Абсолютные размеры (млрд. долл.) ***	0,35	1,11	3,20	6,52
Доля в общем притоке внешних ресурсов в развивающиеся стра- ны ****	3,8	4,4	4,9	6,4
Удельный вес в притоке ресурсов в развивающиеся страны на мно- госторонней основе ****	59,1	46,0	43,2	47,5

* Займы Международного банка реконструкции и развития вместе с Международной ассоциацией развития и Международной финансовой корпорацией.

** Источник: [53, 1971, с. 34, 189; 1978, с. 228; 1983, с. 51; 1984, с. 64, 214].

*** За вычетом погашения.

**** Отношение к экспорту капитала из развитых капиталистических государств в развивающиеся страны и международные организации и учреждения.

своих квот в основном капитале МВФ и МБРР и соответственно повышения удельного веса их голосов. Однако все такие попытки отклонялись развитыми капиталистическими государствами. Используя свое господствующее положение, эти государства провели последний пересмотр квот в МВФ таким образом, что их удельный вес в основном капитале с начала 1984 г. возрос с 62,6 до 64,8% [59, 1984, № 5, с. 16—17].

Переориентация на обслуживание экономических связей развитых капиталистических государств с освободившимися странами затронула в первую очередь МБРР, который первоначально предназначался для финансирования экономики государств Западной Европы. Так, за первые два года его деятельности (1947—1948) пяти западноевропейским странам было предоставлено 500 млн. долл. [118, с. 123—125]. Однако для США, основного поставщика ресурсов банка, политически более выгодным было предоставлять средства западноевропейским странам по двусторонним соглашениям. В итоге место главного источника финансирования этих стран заняли американские программы «обеспечения взаимной безопасности» и «план Маршалла», по которым за 1949—1956 гг. было предоставлено около 20 млрд. долл. [118, с. 123, 125]. В последующие годы страны Западной Европы смогли получать крупные средства на частных рынках капитала, что уменьшало их заинтересованность в ресурсах МБРР. Это создавало возможность расширения связей банка с развивающимися странами.

Другой причиной указанной переориентации стало разверты-

тера отношений в мировом капиталистическом хозяйстве. Правильную оценку можно дать лишь в контексте общей политики системы МБРР. Благодаря ассоциации империалистические державы приобрели эффективный рычаг давления на те развивающиеся страны, которые недостаточно охватывались операциями МБРР и МФК.

Участие развивающихся стран в МВФ с его жесткой схемой проведения национальной валютно-кредитной политики было не столько добровольным, сколько принудительным. Оно служило необходимым условием для членства в МБРР и, следовательно, получения там финансовых ресурсов. Это участие было также для освободившейся страны как бы знаком доверия и признания со стороны правительств и банков развитых капиталистических государств. Известный египетский экономист Исмаил-Сабри Абдалла, бывший советник президента Г. А. Насера и министр планирования этой страны, отмечал: «Единственной причиной участия многих развивающихся стран в МВФ служит их страх потерять свой престиж в международных финансовых кругах и тем самым лишиться доступа к коммерческому кредитованию. Не получающие же таких кредитов опасаются возможности лишиться двусторонней государственной помощи за отказ от сотрудничества с учреждением, которое опекают страны, предоставляющие такую помощь, а также быть исключенными из числа членов МБРР» [166, 1980, № 2, с. 52]. Не подвергая сомнению оценку такого крупного специалиста, все же, пожалуй, следует высказать еще одно соображение. Оно заключается в том, что многие освободившиеся страны надеялись на возможность увязки решения международных валютных проблем с получением дополнительных средств на финансирование своих нужд.

В течение 50—60-х годов политика МВФ в отношении развивающихся стран концентрировалась на вопросах упорядочения международных расчетов и поддержания стабильности валютных курсов. В 50-е и особенно в 60-е годы возникла серьезная нехватка международной ликвидности, регулирование которой возлагалось на МВФ. Отношение золотовалютных резервов к импорту развитых капиталистических и развивающихся стран уменьшилось с 83% в 1948 г. до 57% в 1958 г. и 34% в 1968 г. [107, с. 174—177].

Недостаточность ликвидности усугублялась тем, что значительная ее часть состояла из американских долларов. В результате пополнение золотовалютных резервов зависело от состояния платежного баланса США и уже поэтому не могло представлять надежную основу для увеличения внешнеэкономических операций. На преодоление таких существенных слабостей международной валютной системы было нацелено решение МВФ о выпуске с января 1970 г. нового международного средства платежа, получившего название «специальных прав заимствования» (СПЗ). До 1981 г. было распределено 21,4 млрд. СПЗ.

Однако создание СПЗ не оправдало надежд освободившихся стран на сколько-нибудь значительное улучшение их положения в международных валютных отношениях. Предоставление СПЗ пропорционально квотам означало, что развивающиеся страны получали небольшую долю дополнительных ликвидных средств. Под давлением США отвергались предложения освободившихся стран о новых выпусках СПЗ и увязке данных ликвидных средств с увеличением финансовой помощи этим странам под предлогом того, что такие меры несут опасность ослабления финансовой дисциплины стран-получателей и стимулирования мировой инфляции. Тем самым, несмотря на крупные общие объемы выпущенных СПЗ, проблема нехватки ликвидности у развивающихся стран была ослаблена лишь частично. К тому же неравномерность распределения международных валютных резервов не только не уменьшилась, но, наоборот, оказалась закрепленной еще более прочно. Практически сохранялась и монополия национальных валют империалистических держав в международных расчетах.

С середины 60-х годов явственно обозначился разрыв между официальным курсом и покупательной способностью многих западных валют, в первую очередь американского доллара, из-за неравномерности роста производительности труда, неодинаковых темпов инфляции в отдельных развитых капиталистических государствах, резких и неуправляемых перемещений многомиллиардных сумм краткосрочных капиталов. Кульминацией валютного кризиса стал отказ в одностороннем порядке правительства США от обмена долларов на золото по твердому курсу, что представляло один из основополагающих элементов Бреттонвудской валютно-финансовой системы. На смену фиксированным курсам валют постепенно утвердились плавающие валютные курсы.

Однако вместо ожидавшейся стабилизации произошел дальнейший подрыв устойчивости платежных операций и расчетов. Как показали факты, в последующие годы еще больший простор получили действия стихийных рыночных сил. Курс даже ключевых валют не только не укрепился, но, напротив, стал еще более неустойчивым. Он оказался оторванным от состояния внешнеэкономических расчетов страны. Курс американского доллара смог повышаться при огромном дефиците торгового баланса США, тогда как курс западногерманской марки и японской иены пошел вниз, несмотря на крупное положительное сальдо торгового и текущего платежного баланса этих стран.

Валютный кризис начала 70-х годов и введение плавающих валютных курсов во многом усугубили экономические трудности развивающихся стран, создали дополнительные предпосылки для вмешательства в их дела МВФ и соответственно командующих в нем империалистических держав. Большие потери несли развивающиеся страны от резко возросших валютных рисков, поскольку они, как правило, не располагали достаточными ком-

пенсационными механизмами. При плавающих валютных курсах усиливались колебания мировых цен на сырьевые товары, составляющие основу их экспорта. Из-за непредсказуемости движения валютных курсов многим затруднялось заключение необходимых для этих стран долгосрочных экономических и кредитных соглашений. В то же время плавающий валютный курс облегчил правительству США манипулирование курсом доллара. Все говорит о том, что такой валютный порядок благоприятствует произволу империалистических держав в международных экономических отношениях, расширяет их возможность перекладывать свои трудности на другие страны, заставляет развивающиеся страны расплачиваться за дезорганизацию валютных отношений мирового капиталистического хозяйства.

Предоставление МВФ права контроля за валютной политикой стран-участниц на деле обернулось закреплением привилегий одних государств и ущемлением интересов других. Страны с положительным сальдо платежного баланса практически освобождены от обязательств по его выравниванию, хотя сохранение такого состояния в течение длительного времени явно нарушает стабильность международной валютной системы. Санкции к этим странам не применяются, так как они не обращаются за кредитом к МВФ, на предоставление или отказ в котором как раз и опирается механизм воздействия этого международного учреждения. Особенно велики привилегии у стран с ключевыми валютами. Они выпадают из-под международного контроля и мер наказания даже тогда, когда, как показывает пример США, в одностороннем порядке изменяя курс своей денежной единицы, они наносят прямой ущерб другим странам и расшатывают международную валютную систему. В то же время к странам с дефицитом платежного баланса предъявляются суровые требования в отношении их экономической политики. Таким образом, условия международной валютной системы лишь внешне, формально выступают как бы затрагивающими в равной мере всех участников МВФ — и развивающиеся страны и развитые капиталистические государства. В действительности же они носят сугубо дискриминационный характер, поскольку развивающиеся страны не располагают теми возможностями «обходить» МВФ и соответственно установленные им правила, которые имеются у развитых капиталистических государств. На практике происходило грубое игнорирование особенностей экономического положения и специфики внутренней валютной и финансовой систем освободившихся стран.

Перегруппировка сил неокOLONиализма

Непрерывная цепь глубоких экономических потрясений, происшедших с середины 70-х годов, убедительно продемонстрировала дальнейшее обострение общего кризиса всей капиталистической системы. Переплетение структурных кризисов — валют-

но-финансового, топливно-энергетического, сырьевого и продовольственного — с очередными циклическими кризисами перепроизводства не только увеличило силу ударов, но и обозначило серьезное расстройство мирохозяйственных связей капитализма. Особенно тяжелые последствия легли на нефтеимпортирующие страны развивающегося мира.

Нехватка собственных ресурсов у этих стран вызвала быстрый рост у них дефицита платежного баланса и внешней задолженности. Размеры задолженности у нефтеимпортирующих стран выросли, по оценке МВФ, с 292 млрд. долл. в 1977 г. до 768 млрд. долл. в 1985 г. [66, 1985, № 10, с. 103]. Еще более быстрыми темпами увеличивались платежи по этому долгу. Здесь решающим фактором явилось беспрецедентное повышение ставок на частных рынках капитала. Среднегодовая стоимость долга поднялась с 4,5% в 1972—1973 гг. до 8,8% в 1985 г. [66, 1984, № 9, с. 72; 1985, № 10, с. 100, 106].

Время платежей по внешней задолженности в 1985 г. достигло огромной суммы в 140,8 млрд. долл., из которых 76,2 млрд. долл. приходилось на проценты и 64,6 млрд. долл. на погашение самого долга [66, 1985, № 10, с. 106]. Подавляющая часть этих средств поступала транснациональным корпорациям и частным банкам. Валютно-финансовые трудности многих развивающихся стран достигли такой степени, что они оказались вынужденными резко свернуть импорт не только машин и оборудования, но и предметов первой необходимости. В течение 1983—1984 гг. 34 страны были поставлены перед необходимостью принятия крайней меры — заключения соглашений о реоформлении своей задолженности [52, с. XVIII].

Конечно, проблема долга связана с действием совокупности внешних и внутренних (низкая эффективность инвестиций, непроизводительное расходование части заемных средств и др.) факторов. Однако эти факторы проявляют себя через механизмы международной валютно-финансовой системы, которая выступает своеобразным интегратором противоречивых процессов в мировом капиталистическом хозяйстве.

Быстрое расширение внешнего кредитования развивающихся стран происходило вначале в условиях относительного избытка свободных денег (нефтедолларов), по относительно низким процентным ставкам и стимулировалось политикой банков и государств Запада. Так, с 1980 г. развитые капиталистические государства практически перестали увеличивать свою «официальную помощь» освободившимся странам, заставляя их обращаться к частным банкам и международным валютно-финансовым учреждениям, в первую очередь к МВФ и к системе МБРР. Поэтому, несмотря на значительное удорожание кредита с конца 70-х годов, многие развивающиеся страны вынуждены были продолжать заимствования на международном рынке капиталов, чтобы компенсировать падение экспортной выручки и поддерживать уровень экономической активности.

Кредиты МВФ развивающимся странам
(среднегодовые данные)*, %

Распределение кредитов	1947— 1973 гг.	1974— 1979 гг.	1980— 1983 гг.
Абсолютные размеры (млн. СПЗ) **			
развивающиеся страны ***	67	943	6695
в том числе нефтемпортёры ****	69	946	6409
Доля в кредитах МВФ развивающиеся страны ***	19,2	53,5	108,1
в том числе нефтемпортёры ****	19,8	53,6	103,4
Удельный вес кредитов МВФ в финансировании дефицита пла- тежного баланса стран-нефте- импортёров	—	2,6	7,4

* Источник: [67, с. 15—40].

** За вычетом погашения

*** По классификации МВФ

**** Кроме стран ОПЕК.

В этих условиях структура внешнего долга развивающихся стран-нефтемпортёров претерпела крайне неблагоприятные для них изменения. Если в начале 70-х годов на долю частных кредитов приходилось около $\frac{2}{3}$ долга, то в 1985 г. — примерно $\frac{2}{3}$. Резкое повышение доли «дорогих» частных займов при одновременном взлёте процентных ставок обусловили лавинообразный рост выплат в погашение долга. За этот период только процентные платежи развивающихся стран поднялись с 7—9 млрд. долл. до 76 млрд. долл., т. е. в 10 раз [66, 1983, № 5, с. 202, 204; 1985, № 10, с. 103, 106]. Другим неблагоприятным фактором явилась валютная структура долга, поскольку более 70% внешних обязательств должны были погашаться в долларах США. Рост курса доллара с конца 70-х годов также привел к резкому увеличению выплат. Таким образом, «свободная игра» рыночных сил в валютно-финансовой сфере мирового капитализма загнала развивающиеся страны в долговую «западню». Проблема внешней задолженности выступает как одно из наиболее важных последствий неокolonнальной политики империализма, как своего рода тяжелая плата за неравноправные условия участия этих стран в мировом капиталистическом хозяйстве.

В резком ухудшении валютно-финансового положения большого числа молодых независимых государств Азии, Африки и Латинской Америки империалистические державы увидели благоприятную возможность развернуть широкое наступление на позиции развивающихся стран. В то же время они понимают,

что некоторые из прежних методов экспансии стали терять свою эффективность, что требует внесения определенных коррективов в их политику. Наиболее подходящими для выполнения новых задач были признаны международные валютно-финансовые учреждения, в первую очередь МВФ. Уже с середины 70-х годов в его деятельности на первый план стала выходить функция кредитования временных дефицитов текущего платежного баланса молодых независимых государств.

Выполнение фондом роли «форпоста» в стратегии неокolonнализма прежде всего касается распределения его ресурсов по группам стран (табл. 19).

В кредитных отношениях МВФ с развивающимися странами обозначились два рубежа. Выступавшие внешне как резкие перепады в абсолютных размерах притока средств, они скрывали за собой существенные сдвиги в политике как развивающихся стран, так и самого фонда. Первым рубежом послужил кризис мирового капиталистического хозяйства 1974—1975 гг. Тогдашний перелом еще явственнее заметен, если сравнить средние показатели 1970—1973 гг. с последующим периодом. В эти годы поступление фондовых кредитов в нефтемпортёрские страны упало до 5 млн. долл. в среднем за год.

Прямым следствием кризиса середины 70-х годов явилось стремительное увеличение дефицита текущего платежного баланса нефтемпортёрских стран с 10,2 млрд. долл. в 1973 г. до 30,9 млрд. долл. в 1974 г. и 39,1 млрд. долл. в 1975 г. [66, 1984, № 9, с. 30]. Не имея возможности удовлетворить свои финансовые потребности за счет долгосрочных и среднесрочных государственных и частных ресурсов, эти страны обратились к МВФ. Нехватка средств была настолько острой, что они соглашались на получение кредитов по условиям повышенной жесткости.

Вторым рубежом стал кризис мирового капиталистического хозяйства 1980—1982 гг., когда произошло еще более серьезное ухудшение валютно-финансового положения развивающихся стран. В эти годы платежные трудности значительно усугубились из-за сокращения поступлений с частных рынков капитала. Международные банки стали отказываться в кредитах даже тем развивающимся странам, которые были их обычными клиентами и платежеспособность которых не опускалась ниже общепринятого стандарта «доступа на частные финансовые рынки». В этой обстановке у многих нефтемпортёрских стран тяжелое валютно-финансовое положение перешло в состояние кризиса внешнего долга, и они были вынуждены брать средства у МВФ на любых «жестких» условиях. Спрос на кредиты МВФ увеличился и со стороны относительно «благополучных» развивающихся стран. Их привлекало то, что кредиты МВФ оказывались дешевле кредитов частных банков. Так, в 1983 г. ставка дорогих кредитов МВФ составляла 10,5—10,8% в год, а регулярных 6,6%, тогда как стоимость кредитов на европейском

рынке для развивающихся стран равнялась 12,7%. К тому же для стран с низким уровнем дохода на душу населения, а также наиболее пострадавшим от роста цен на нефть МВФ давал скидки с дорогих кредитов порядка 3—5% стоимости предоставленных средств [49, с. 15].

Важным отличием по сравнению с 70-ми годами было то, что крайне необходимое молодым независимым государствам внешнее финансирование на всех западных источниках было поставлено в непосредственную зависимость от решений фонда. Прежде страны, попадавшие в тяжелое финансово-экономическое положение, имели возможность уклониться от обращения к МВФ. Они прибегали к кредитам коммерческих банков, хотя и более дорогим, но не связанным с жесткими требованиями при их получении. В настоящее время фонд становится почти невозможно «обойти». Коммерческие банки, как правило, стали предоставлять отсрочку долгов и новые кредиты только при условии немедленного вступления страны в переговоры с МВФ в целях согласования «стабилизационной программы». «Парижский клуб» официальных западных кредиторов, в свою очередь, ждет подписания кредитного соглашения с директором фонда, прежде чем принять окончательное решение об отсрочке погашения государственной задолженности [146, 1985, № 6, с. 74—78].

На политику фонда ориентировались в 1982—1985 гг. и все прочие институты, участвовавшие в чрезвычайных международных акциях по урегулированию кризисов внешней задолженности Мексики, Аргентины, Бразилии, Боливии, Уругвая, Чили, Эквадора, Коста-Рики, Мадагаскара, Перу, Замбии, Судана, Заира и других стран. В числе этих институтов — Банк международных расчетов, МБРР, региональные банки и национальные организации развития, органы ЕЭС. Поступление официальной «помощи» и прямых инвестиций также все сильнее начинают определяться взаимоотношениями национального правительства с МВФ [146, 1985, № 6, с. 75].

Более четкую и далеко идущую политико-экономическую направленность в 80-е годы приобрели «стабилизационные программы», выполнение которых предусматривается как предпосылка для получения от фонда большинства видов кредита. Империалистические державы придают этим программам стратегическое значение, рассматривая их осуществление как важное условие укрепления валютно-финансовой системы мирового капитализма, как основной путь преодоления долгового кризиса развивающихся стран в своих интересах. Это предопределяет особое внимание к «стабилизационным программам» МВФ. Об их содержании говорит анализ 59 кредитов, предоставленных МВФ развивающимся странам с января 1981 по июнь 1984 г. [146, 1985, № 6, с. 74—78].

Во-первых, огромную роль играют меры по ограничению внутреннего спроса. Основным средством достижения этой цели

считается сокращение дефицита госбюджета (путем налоговых реформ, отмены государственных субсидий, повышения цен и тарифов на товары и услуги госсектора и т. д.), меры по регулированию кредитно-денежной сферы и ограничение заработной платы. Такой подход способен нанести серьезный ущерб экономике развивающихся стран. Английские специалисты Т. Киллик, Г. Бэрд, Дж. Шарпли и М. Саттон, занимавшиеся анализом «стабилизационных программ», пришли к выводу, что программы фонда угрожают подрывом национального благосостояния с точки зрения производства, занятости и развития [158, 1985, № 4, с. 75].

Во-вторых, для этих программ характерны требования ослабления государственного контроля над ценами на внутреннем рынке, девальвации национальной валюты. Однако они не учитывают в должной мере ни нынешние условия мирового капиталистического хозяйства, переживающего длительное ухудшение условий производства и торгового обмена, ни экономическое положение в самих развивающихся странах. Предусмотренные этими программами меры по увеличению экспорта и сокращению импорта не только скорее всего окажутся неэффективными, но и угрожают возвратом к политике «разорять соседа», проводившейся в 30-е годы.

В-третьих, проводится линия на сдерживание хозяйственной деятельности государства. Сюда относятся требования о сокращении текущих правительственных расходов, ограничении государственных капитальных вложений, либерализации частнокапиталистической деятельности. Очевидно, что основная тяжесть от сокращения импорта, девальвации, устранения государственных субсидий и контроля над ценами, удорожания коммунальных услуг падает на трудящиеся массы. В известном докладе международной комиссии под председательством В. Брандта, опубликованном в 1980 г., отмечалось: «Жесткие требования МВФ часто накладывают ненужное и политически неприемлемое бремя на беднейшие страны» [61, с. 215—216].

О результатах проведения в жизнь «стабилизационных программ» красноречиво свидетельствует опыт Мексики, который широко рекламируется МВФ как наглядный успех его рекомендаций. Что же там произошло? Как писал журнал «Саут», соглашение с МВФ привело к закрытию или передаче в частные руки 200 государственных предприятий, увеличению безработицы в 1984 г. на 300 тыс. человек, снижению жизненного уровня рабочих и мелкой буржуазии в 1983 г. на 30% [191, 1985, № 24, с. 71]. Одновременно были ослаблены ограничения на импорт товаров, а также облегчен доступ иностранным компаниям в мексиканскую промышленность. Совершенно закономерно, что навязанные МВФ предложения по стабилизации экономики решительно осудил Р. Д. Гомес, руководитель национальной коллегии экономистов Мексики и президент Ассоциации экономистов Латинской Америки и Карибского бассейна. Эти предло-

жения, заявил он, ведут к дальнейшему обнищанию трудящихся масс и углублению экономических трудностей развивающихся стран [144, 20.04.1985, с. 8].

Противоречивый характер во второй половине 70-х и в 80-е годы имело отношение империалистических держав к системе МБРР. С одной стороны, наряду с МВФ она используется как могущественное орудие подчинения развития освободившихся стран интересам укрепления мирового капиталистического хозяйства. Учитывается то, что, опираясь на свой престиж на международных рынках капитала, МБРР способен мобилизовать и направить в эти страны значительное количество валютно-финансовых ресурсов. Весомым фактором служит лучшая репутация системы МБРР в развивающемся мире по сравнению с МВФ. Занимаясь финансированием конкретных проектов, эта система в прошлом реже вступала в конфликты со странами-заемщиками и не оказывала на них столь неприкрытого грубого нажима, как фонд. Роль этой группы как организации долгосрочного кредитования рассматривается Западом в качестве предпосылки установления контроля над экономикой молодых государств на длительный период. Поэтому в последние годы в деятельности МБРР вносились такие изменения, которые способствовали выполнению предназначенной ему задачи в модернизированной политике неокOLONиализма. В рамках банка начал функционировать ряд новых механизмов кредитования, для которых характерен отход от традиционного принципа предоставления кредитов под конкретные проекты. В их числе «финансирование структурной перестройки», введенное в 1980 г. Это долгосрочные займы, которые могут использоваться на оплату любого импорта, за исключением оружия и предметов роскоши.

В то же время под нажимом США набирают силу тенденции ограничения масштабов кредитных операций системы МБРР, усиления коммерческих начал и политических мотивов в ее деятельности, внедрения принципов градации развивающихся стран при предоставлении им займов.

Дискриминация по политическим мотивам развивающихся стран при предоставлении займов всегда широко практиковалась МБРР. Длинный список случаев, когда резко уменьшалась или совсем прекращалась выдача средств определенной категории развивающихся стран, продолжает расти. Среди них — Алжир в первые десять лет после завоевания независимости, Бразилия при президенте Гуларте, Гренада при правительстве Бишопа, Никарагуа после 1982 г., Чили при президенте Альенде, Ямайка при правительстве Мэнли и др.

В последние годы влиятельные круги в США, а за ними и в ряде стран Западной Европы стали настаивать на том, что следует пойти еще дальше по пути увеличения числа предъявляемых требований при предоставлении займов. В их перечне должное место отводилось критериям общей экономической по-

литики страны. «Краткосрочные макроэкономические условия, связанные с программами МВФ, — заявил тогдашний президент МБРР А. Клаузен, — будут естественно увязываться с контролем и условиями, которыми оговариваются займы Мирового банка» [171, 17.07.1984]. Как видно, речь идет о том, чтобы узаконить и сделать более эффективными политические требования, предъявляемые при выдаче займов, превратить отдельные в прошлом мероприятия в целенаправленную систему.

К середине 1985 г. наметилось определенное изменение в соотношении тех сил на Западе, которые формируют его политику в отношении международных валютно-финансовых учреждений. На сессии МБРР и МВФ в 1985 г., проводившейся в Сеуле (Южная Корея), ведущие западные державы выступили с согласованной позицией по проблемам задолженности развивающихся стран. Ее стержень составляет «план Бейкера», названный по имени министра финансов США Д. Бейкера, активно навязывавшего американское лидерство всему мировому капиталистическому хозяйству.

Основное содержание «плана Бейкера» сводится к трем пунктам:

а) крупные страны-должники обязаны разработать и проводить в жизнь широкую программу эффективной структурной перестройки своей внутренней и внешней экономической политики в целях сокращения инфляции, содействия росту производства и приспособления к меняющимся условиям мирового рынка;

б) в разработке и контроле за проведением соответствующих мероприятий стран-должников, опирающихся на рыночный механизм, центральное место отводится МВФ и международным финансовым учреждениям — МБРР и сходным с ним;

в) при выполнении первых двух пунктов предполагается возобновление кредитов крупным должникам из числа развивающихся стран со стороны частных банков, предположительно в размере 20 млрд. долл. в ближайшие три года (1986—1988). Параллельно в эти же годы займы МБРР и других международных финансовых учреждений должны быть увеличены на 50% — с 18 млрд. долл., как намечалось ранее, до 27 млрд. долл. Разъясняя свои предложения в сенате США 23 октября 1985 г., Д. Бейкер отметил, что он имеет в виду 15 основных должников, прежде всего Бразилию, Мексику, Аргентину, Венесуэлу, Уругвай, Колумбию, Перу, Боливию, Югославию, Филиппины, Нигерию и др. [57, с. 20].

Такая неожиданная на первый взгляд «щедрость» Вашингтона, в течение длительного времени отказывавшегося увеличить свои взносы в международные организации, сокращавшего объем «помощи развитию» по многосторонним каналам, настаивавшего на соблюдении в международных валютно-финансовых отношениях принципа «спасение утопающих — их собственное дело» и т. п., имеет свое объяснение. Стратегия, разработанная и принятая на сеульской сессии, нацелена на укрепление кре-

дитной системы мирового капитализма, в первую очередь на оказание помощи частным банкам-кредиторам. Их прежние и новые займы получают защиту МВФ и МБРР в виде гарантий кредитов и контроля за политикой стран-заемщиков. Вместо поисков путей кардинального решения проблемы внешней задолженности развивающихся стран этот план предлагает лишь долгосрочку подлежащей выплате задолженности. Это грозит опасными для всей системы валютно-кредитных отношений мирового капиталистического хозяйства осложнениями. При этом не предусматривается предоставление отсрочек по уплате процентов, в чем больше всего нуждаются развивающиеся страны.

В финансовом отношении «план Бейкера» также не сулит сколько-нибудь значительного увеличения притока частных банковских ресурсов в развивающиеся страны. Предусматриваемый им прирост в среднем за год новых банковских кредитов должен будет составить примерно 7 млрд. долл. По оценке ЮНКТАД, это равняется всего 1,5% общей суммы задолженности освобожденных стран иностранным банкам на конец 1985 г. [32, 1985, с. 100].

Такие показатели намного меньше, чем были в предыдущие годы. Так, за 1980—1983 гг. среднегодовой приток банковских кредитов вырос на 11,7%, а его объем находился на уровне 31 млрд. долл. [58, с. 33]. Кубинская газета «Гранма» справедливо заметила: «„План Бейкера“ — это глоток кислорода, который дают развивающимся странам, чтобы те совсем не задохнулись и, что важнее всего для его авторов, продолжали платить банкам-кредиторам проценты» (цит. по [147, 1986, № 7, с. 10]). Если принять во внимание получаемые банками проценты, то финансовая недостаточность «плана Бейкера» становится еще более очевидной. Исходя из существующих тенденций, эксперты ЮНКТАД сделали такой подсчет. В течение 1986—1988 гг., т. е. в период действия этого плана, развивающимся странам предстоит выплатить банкам в виде процентов на 76 млрд. долл. больше, чем они получают банковских кредитов [32, 1985, с. 109]. Таким образом, «план Бейкера» далеко не компенсирует крупного оттока средств из развивающихся стран в сейфы западных банков.

«План Бейкера» является отражением определенной эволюции в подходе валютельных кругов США к проблеме задолженности стран развивающегося мира. Признавая неэффективность прежних мер по преодолению чрезвычайных валютно-финансовых трудностей, он представляет собой попытку использования американским империализмом долговой зависимости для усиления нажима на развивающиеся страны, когда эти страны настойчиво стремятся увязать выплату внешнего долга с поддержанием экономического роста. Показательно, что одним из ключевых элементов этого плана служит установление тесного контакта — вплоть до полного согласования действий — между группой Мирового банка и МВФ. Если учесть также прочные

связи этих учреждений с правительствами развитых капиталистических государств и с частными банками, то перед развивающимися странами реально возникает крайне опасная угроза образования могущественного фронта кредиторов, руководствующегося рыночными принципами и политическими пристрастиями империалистических держав.

Империалистические страны продолжают упорно препятствовать расширению участия развивающихся стран в управлении международными валютно-финансовыми учреждениями. В ведущих институтах — МВФ и МБРР и отчасти в региональных банках развития сохраняется доминирующее влияние развитых капиталистических государств или по крайней мере серьезная зависимость от их позиции.

Анализ деятельности МВФ и системы Мирового банка за послевоенный период показывает, что она претерпела значительную эволюцию под воздействием обострения противоречий в мировом капиталистическом хозяйстве, усиления межимпериалистической борьбы. Немалую роль играло сопротивление освобожденных стран диктату империалистических держав. Защищая особое место МВФ и системы МБРР в международных экономических отношениях, эти державы маневрируют, идут на частичные уступки развивающимся странам, допускают отступление по одним вопросам, с тем чтобы, как правило, с лихвой компенсировать упущенное укреплением своих позиций по другим вопросам.

Как показывает опыт, степень реализации требований освобожденных стран во многом зависела от сочетания трех моментов — международного политического климата, общей обстановки в мировом капиталистическом хозяйстве и политики самих развивающихся стран.

Представляется далеко не случайным, что международные валютно-финансовые учреждения резко увеличили предоставление средств освобожденным странам во второй половине 70-х годов, когда дала себя знать разрядка международной напряженности. Определенные результаты приносит и борьба развивающихся стран против негативных последствий деятельности МВФ и МБРР. Она ведется как в широком контексте за установление нового международного экономического порядка, так и путем критики правил и методов, непосредственно применяемых МВФ и МБРР. В своей борьбе прогрессивные силы развивающегося мира опираются на могучую поддержку социалистического содружества. Они черпают опыт из примера справедливых и демократических методов деятельности финансово-экономических организаций социалистических стран.

НЕОКОЛОНИАЛЬНАЯ ЭКСПЛУАТАЦИЯ
ТРУДОВЫХ РЕСУРСОВ
РАЗВИВАЮЩИХСЯ СТРАН

Эксплуатация рабочего класса
на предприятиях ТНК

Одна из основных форм неокOLONиальной эксплуатации трудовых ресурсов развивающихся стран состоит в использовании местной рабочей силы на предприятиях ТНК. Размеры и структура занятости, создаваемой ТНК в развивающемся мире, находятся в прямой зависимости от величины капиталовложений и в обратной — от органического строения капитала, применяемого этими предприятиями. Как было показано в предыдущих главах, инвестиционная экспансия ТНК в развивающиеся страны является составной частью общего процесса распространения их деятельности за пределы национальных границ, отражающего растущую интернационализацию производства в мировом капиталистическом хозяйстве, получившую резкое ускорение в послевоенный период.

В гл. 3 была дана характеристика прямых иностранных капиталовложений как важнейшей составной части системы неокOLONиализма. Там же отмечалось, что ТНК в наибольшей степени воздействуют не только на инвестиционные потоки, торговлю и технологический обмен между центром и периферией мирового капиталистического хозяйства, но и на количественные и качественные параметры использования живого труда, получающие все более выраженный характер неокOLONиальной эксплуатации рабочей силы развивающихся стран. ТНК имеют возможность непосредственно влиять на условия воспроизводства местной рабочей силы.

Хотя большая часть прямых иностранных капиталовложений ТНК в 70-х годах приходилась на индустриально развитые капиталистические страны, а в развивающемся мире размещалось лишь около 1/4 инвестиций, относительное воздействие международных монополий на общий ход социально-экономического развития оказывалось наиболее заметным в периферийных областях капиталистической экономики (см. [35, с. 9, 11]). Это объясняется главным образом относительной слабостью собственно производственного потенциала многих молодых национальных государств по сравнению с наиболее могущественными ТНК.

По нашим расчетам, доля прямых иностранных капиталовложений в расчете на единицу продукции обрабатывающей промышленности в развивающихся странах примерно в 2,5 раза выше соответствующего показателя стран развитого капитализма. Данные по отдельным развивающимся странам, в которые

Таблица 20

Развивающиеся страны:
прямые иностранные
капиталовложения и кредиты *,
млрд. долл.

Год	Прямые инвестиции	Займы	
		Государственные	Частные
1970	2,3	6,9	5,8
1973	4,6	11,9	10,7
1975	8,4	18,0	20,6
1977	7,9	28,0	28,1
1979	8,8	38,0	41,8
1981	21,9	37,2	68,7
1982	23,0	44,7	50,0
1983	12,7	54,8	29,7

* Источник: [32, Supplement 1985, с. 257].

направляются основные потоки иностранных прямых инвестиций, свидетельствуют о сохранении тенденции к росту доли ТНК в промышленном производстве этих стран.

О растущей заинтересованности ТНК в эксплуатации трудовых и иных ресурсов развивающегося мира свидетельствуют данные о динамике капиталовложений в развивающиеся страны и о предоставленных им кредитах (табл. 20).

С точки зрения неокOLONиальной эксплуатации труда первостепенное значение имеет не доля развивающихся стран в общих иностранных инвестициях ТНК, а тот факт, что в развивающиеся страны ТНК переводят из промышленных центров мирового капиталистического хозяйства преимущественно трудоемкие производственные процессы. Следовательно, если во

Таблица 21

Динамика нормы прибыли
по иностранным капитальным вложениям *,
%

	Начало 60-х годов	Начало 70-х годов	Конец 70-х годов
На все капиталовложения	12,7	13,0	14,4
В развивающихся странах (а)	17,9	21,0	25,2
В индустриально развитых капиталистических странах (в)	10,2	10,5	11,9
Отношение $\frac{a}{b}$	175,5	200,0	211,8

* Источник: [153, 1981, № 1, с. 24].

Таблица 22

Динамика прямых инвестиций
в развивающиеся страны
и вывоза из них прибылей
по прямым инвестициям*,
млрд. долл.

Год	Прямые инвестиции (1)	Вывоз прибылей (2)	Превыше- ние (2 над 1)
1980	8	26	18
1981	22	29	7
1982	23	25	2
1983	13	21	8
Всего ...	66	101	35

* Источник: [32, Supplement 1985,
с. 256—257].

всех капиталовложениях на долю развивающихся стран приходится около 25% иностранных инвестиций ТНК, то направляемый в развивающиеся страны капитал эксплуатирует гораздо более значительное число рабочих, чем равный по размеру капитал, вложенный в странах развитого капитализма.

Опережающий рост новых инвестиций ТНК в экономику развивающихся стран определяется прежде всего возможностью извлечения повышенных прибылей. Данные табл. 21 свидетельствуют о значительном увеличении нормы прибыли монополий в развивающихся странах. Особенно заметен этот рост по сравнению с соответствующими показателями в развитых капиталистических странах.

Зафиксированная в таблице дифференциация в норме прибыли является существенным количественным выражением степени неокOLONиальной эксплуатации трудовых ресурсов развивающихся стран.

Масштабы неокOLONиальной эксплуатации рабочей силы развивающихся стран наиболее явно выступают при анализе размеров вывезенных иностранными компаниями прибылей. Так, по данным ЮНКТАД, с 1970 по 1980 г. эта сумма оценивалась в 139,7 млрд. долл., что более чем вдвое превышает приток новых инвестиций в развивающиеся страны — 62,6 млрд. долл. — за тот же период [152, 1986, № 3, с. 78].

Рост среднегодового вывоза доходов иностранного капитала в середине 70-х годов по сравнению с серединой 60-х годов достиг пятикратного размера. Скачкообразный рост оттока прибылей отражает то, что «масштабы ограбления народных масс развивающихся стран со стороны ТНК все увеличиваются» [153, 1981, № 1, с. 29].

Данные о прямых инвестициях и о вывезенных из развивающихся стран прибылях на прямые инвестиции, которые отражают далеко не всю приносимую ими прибыль, так как не учитывают ту ее часть, которая используется внутри развивающихся стран или вывозится под иными категориями платежного баланса, за последние годы приведены в табл. 22.

Таким образом, систематическое изъятие в пользу империалистических государств части прибавочной стоимости, создаваемой трудящимися развивающихся стран, вовлеченными в орбиту неокOLONиальной эксплуатации, представляет собой устойчивую, характерную черту экономических отношений между центром и периферией мирового капиталистического хозяйства. Вместе с тем обе отличительные тенденции, а именно увеличение нормы прибыли, а также ее части, вывозимой в развитые капиталистические страны, свидетельствуют об усилении неокOLONиальной эксплуатации трудового потенциала развивающегося мира.

В результате ускоренного притока иностранных капиталовложений в развивающиеся страны численность рабочих и служащих, занятых в них на дочерних предприятиях ТНК, достигла весьма солидной величины. В статистике занятости в развивающихся странах не выделяется занятость на предприятиях, принадлежащих ТНК. Поэтому точное число рабочих, подвергающихся эксплуатации на этих предприятиях, неизвестно. Можно судить об этом, исходя лишь из отдельных оценок. Согласно таким оценкам, численность рабочей силы развивающихся стран, ставшей объектом прямой неокOLONиальной эксплуатации со стороны ТНК, составила в 1980 г. около 4 млн. чел., что соответствует примерно 10% числа занятых на предприятиях ТНК во всем мире [20, с. 111].

Эта оценка представляется неточной и весьма заниженной. Так, для стран Латинской Америки в ряде исследований число трудящихся, работающих на предприятиях, принадлежащих ТНК, на начало 80-х годов оценивалось в 2—2,7 млн. человек [148, 1981, № 7, с. 75; 1983, № 7, с. 51]. Однако колумбийский экономист Х. С. Кольменарес считает, что на предприятиях, принадлежащих ТНК и расположенных в латиноамериканских странах, занято не менее 5 млн. человек [125, с. 119]. Эта оценка примерно соответствует данным ООН, согласно которым на таких предприятиях в крупнейших странах Латинской Америки работает до 30% всех промышленных рабочих [37, с. 136].

Если принять для Латинской Америки число рабочих на предприятиях ТНК в 5 млн. человек, то для всех развивающихся стран это число увеличивается до 12,5—13 млн. человек, так как на долю Латинской Америки приходится около 40% всех капиталовложений и всей деятельности ТНК в развивающихся странах. Эта цифра согласуется и с расчетом (упрощенным и весьма приблизительным), в котором за основу принимается общая сумма иностранных капиталовложений в развивающихся

Сравнение технико-экономических показателей цементных заводов во Франции и Индии *

Показатели	Франция		Индия				
	I	II	I	II	III	IV	V
Производственная мощность (тыс. т)	500	900	311	586	244	351	420
Штат (чел.)	133	352	625	1926	797	1636	1857
Производственная мощность в расчете на одного занятого (тыс. т)	3,76	2,56	0,49	0,30	0,31	0,21	0,23
Штат на тыс. т мощн. (чел.)	0,27	0,39	2,0	3,29	3,27	4,66	4,42

* Источник: [136а].

ся странах (около 120 млрд. долл. на начало 80-х годов) и средняя величина коэффициента капитал/труд. Иными словами, средняя стоимость одного рабочего места оценивается примерно в 10 тыс. долл. (120 млрд. долл., деленные на 10 тыс. долл., дают 12 млн., т. е. цифру, близкую к вышеприведенной оценке числа рабочих, занятых на предприятиях ТНК во всех развивающихся странах).

На начало 80-х годов, согласно данным, широко распространенным в западной периодической печати, только корпорации США эксплуатировали непосредственно на своих предприятиях, размещенных в развивающемся мире, не менее 6 млн. человек (см. [151, 18.10.1984]). Если считать, что на долю ТНК США приходится примерно половина всех прямых капиталовложений Запада в развивающихся странах, то общее число эксплуатируемых ТНК в развивающихся странах составит 12 млн. человек, что еще раз подтверждает верность приведенной выше цифры.

Наконец к такому же итогу подводит и оценка доли развивающихся стран во всех иностранных инвестициях ТНК. Учитывая более низкий технический состав капитала в промышленности развивающихся стран, можно ожидать, что одна и та же сумма инвестиций в этих странах приводит в движение большее количество живого труда, чем в государствах развитого капитализма.

В этом отношении представляет интерес сравнение промышленных предприятий, производящих аналогичную продукцию, в развивающихся и развитых странах. В табл. 23 приводятся данные по двум цементным заводам во Франции и пяти цементным заводам в Индии.

Следовательно, на предприятиях должно быть занято не менее 20% всей рабочей силы, эксплуатируемой ими за пределами национальных границ, а скорее всего больше, что согласуется с цифрой 12 млн. человек.

Возрастание масштабов предпринимательской деятельности ТНК в развивающихся странах оценивается в новейшей светской литературе как повышение роли неокOLONиальной эксплуатации в производственной сфере в отличие от распределительной сферы, которая раньше была основной областью, где формировалась неокOLONиальная прибыль.

НеокOLONиальная эксплуатация рабочего класса развивающихся стран оказывает противоречивое воздействие как на положение рабочих этих стран, так и на общее состояние использования трудовых ресурсов. С одной стороны, иностранные предприятия предоставляют дополнительные рабочие места, наличие которых особенно важно в странах с острой проблемой занятости. Эти предприятия часто организуют подготовку для себя рабочих кадров определенных специальностей, что дает возможность некоторой части местных трудящихся получить соответствующие специальности, познакомиться с новой техникой и технологией, приобрести навыки точной работы и строгого соблюдения высоких стандартов. В большинстве случаев заработная плата на предприятиях, принадлежащих ТНК, оказывается несколько выше того уровня, который характерен для предприятий национального частного и даже государственного секторов в этих странах.

С другой стороны, продукция этих иностранных предприятий часто вступает в конкуренцию с традиционным местным производством, в результате чего значительно больше людей теряют работу в этих традиционных производствах, чем получают работу на новых рабочих местах на предприятиях ТНК.

В то же время предприятия, принадлежащие ТНК, привлекая более высокой заработной платой лучшие по качеству рабочие кадры в развивающихся странах (в Индонезии, например, как сообщает Всеиндонезийский совет профсоюзов, рабочие принадлежащей иностранному капиталу нефтяной компании «Станвак Индонезиа» получают самую высокую в стране заработную плату по сравнению с оплатой труда на всех остальных предприятиях), лишают тем самым национальные отрасли хозяйства дефицитной квалифицированной рабочей силы. Советский исследователь И. П. Мадицкий связывал неблагоприятное воздействие инвестиций ТНК на структуру и распределение по отраслям экономики развивающихся стран квалифицированных рабочих и служащих именно с тем, что на их предприятиях установлена более высокая заработная плата [153, 1983, № 3, с. 124]. Английские экономисты П. Бакли и М. Кассон отмечали, что «многонациональные предприятия... используют самую квалифицированную рабочую силу, имеют более высокий процент занятого инженерно-технического персонала и получают более высокую норму прибыли» [124, с. 31].

В результате затрудняется формирование такой отраслевой структуры, которая требуется для решения основной задачи освободившихся стран: преодоления отсталости и достижения

экономической самостоятельности. Лучшие кадры сосредоточиваются на предприятиях ТНК, которые, как правило, относятся к приоритетным отраслям, в первоочередном развитии которых заинтересованы развивающиеся страны, а к отраслям, приносящим более высокую норму прибыли и отличающимся ускоренной окупаемостью капиталовложений, т. е. производящим потребительские товары не первой необходимости, часто предметы роскоши, рассчитанные на потребление высших слоев общества. Французский исследователь А. Липитц, отмечая в своей книге «Миражи и чудеса» эту особенность участия ТНК в индустриализации развивающихся стран, пишет, что в Бразилии, например, из 120 млн. человек населения этой страны «только 10%, присваивающие две трети общественного богатства, образуют рынок потребительских товаров длительного пользования, даже предметов роскоши» [134, с. 82]. Отрасли же, производящие средства производства и потребительские товары первой необходимости, развиваемые в рамках государственного сектора или сектора национального частного капитала, вынуждены полагаться на менее качественные кадры, зачастую испытывая нехватку квалифицированных рабочих и образованных специалистов.

Более высокая зарплата на предприятиях ТНК создает иллюзию лучшего положения занятых на них рабочих и вызывает раскол молодого рабочего класса развивающихся стран, поскольку в нем выделяется привилегированная верхушка. Действительно, рабочие на этих предприятиях обладают преимуществами в оплате труда, в возможностях повышения квалификации, престижа работы. Однако им приходится дорого расплачиваться за эти преимущества. На предприятиях, принадлежащих иностранному капиталу, степень эксплуатации, как правило, выше, чем в остальных отраслях хозяйства, так как вследствие более высокой производительности труда на основе использования относительно более современной техники и технологии там меньшая часть рабочего дня приходится на необходимое рабочее время (выше относительная прибавочная стоимость). Степень этой эксплуатации зависит от социально-экономической структуры той развивающейся страны, в которой действуют филиалы ТНК, от тех законодательных и иных рамок, в которые они поставлены. В наихудшем положении находятся рабочие предприятий ТНК в странах, где у власти находятся антинародные режимы, подчиняющие национальные интересы своих стран требованиям мировых монополий. На многих предприятиях, принадлежащих ТНК, в таких странах запрещается деятельность профсоюзов, этим предприятиям предоставляется право по своему усмотрению объявлять локауты, вводить потогонные системы заработной платы, не считаясь с местными обычаями, определять другие условия труда рабочих.

В ряде развивающихся стран капиталистической ориентации, стремящихся привлечь иностранный капитал и предо-

ставляющих ему различные привилегии, сводящиеся в конечном счете к созданию дополнительных условий повышения эксплуатации трудящихся, создаются свободные промышленные зоны, на которые не распространяется национальное трудовое и иное законодательство и где иностранные предприятия пользуются особыми привилегиями. Свободные промышленные зоны имеются в таких странах и территориях, как Аргентина, Антилы, Багамы, Белиз, Бразилия, Гаити, Доминиканская Республика, Египет, Индия, Колумбия, Малайзия, Марокко, Мексика, Панама, Сальвадор, Саудовская Аравия, Сенегал, Сингапур, Чили, Шри-Ланка, Южная Корея, Тайвань, Филиппины.

Помимо предоставления общеэкономических привилегий (освобождение от импортных пошлин невозводимое оборудование, сырье и другие материалы, от налогов и акцизов, от ограничений, налагаемых на иностранный капитал за пределами таких зон и т. д.) предприятия ТНК, расположенные в свободных промышленных зонах, часто освобождаются от какой-либо ответственности за судьбу эксплуатируемой ими рабочей силы. Поэтому в таких зонах размещаются предприятия, работа на которых связана с высоким риском производственных травм или с быстрым наступлением профессиональных заболеваний. В настоящее время к таким производствам относятся, в частности, сборка миниатюрных электронных приборов, выпуск микрокомпьютеров, другая точная работа, для выполнения которой приходится перенапрягать глаза. Быстрое ухудшение зрения никак не компенсируется такими предприятиями, которые просто часто меняют своих рабочих, не защищенных ни профсоюзами, ни трудовым законодательством. Быстрая потеря трудоспособности рабочими, занятыми на предприятиях, принадлежащих ТНК, отражает повышенную интенсивность труда, которая реализуется в абсолютной прибавочной стоимости.

Экономия на издержках, связанных с обеспечением охраны труда и безопасности производства, а также с соблюдением необходимых мер предосторожности на особо опасных предприятиях и производствах, деятельность которых наносит повышенный ущерб окружающей среде, ТНК получают от своих капиталовложений в развивающихся странах дополнительную прибыль. Неизбежным же результатом для рабочих, а часто и для населения окружающих районов становятся несчастные случаи на производстве, травматизм и даже гибель людей по вине администрации ТНК. Всю ответственность за трагедию в индийском городе Бхопале, где в декабре 1984 г. в результате утечки ядовитого газа из хранилища химического завода, принадлежащего американской корпорации «Юнион карбайд корпорейшн», погибло от отравления более 2,5 тыс. человек, несет и руководство данной ТНК и администрация США. Как писали по этому поводу индийские газеты, «администрация Рейгана в угоду крупным концернам отменила действие закона, согласно которому американские компании, действующие за рубежом,

должны руководствоваться теми же законами и положениями по охране труда и безопасности производства, что и в самих США. Вашингтонская администрация сняла с монополий ответственность в этих вопросах, способствовав тем самым сбыту и развивающиеся страны недоброкачественного оборудования и устаревшей технологии».

В развивающихся странах ТНК получают возможность добиваться гораздо более высокой степени эксплуатации, чем в странах развитого капитализма, в результате действия следующих факторов.

Прежде всего, на предприятиях ТНК, расположенных в развивающихся странах, устанавливается заработная плата хотя и более высокая, чем на других предприятиях этих стран, но гораздо более низкая, чем у тех же категорий рабочих в странах базирования этих ТНК. Таким путем мировой монополистический капитал извлекает для себя пользу из международных различий в величине стоимости и цены товара рабочей силы, из относительной слабости молодого рабочего класса развивающихся стран, его недостаточной организованности.

В Сингапуре, где уровень заработной платы относительно высок по сравнению со многими другими развивающимися странами, заработная плата рабочих в начале 80-х годов составляла всего 25% уровня Японии и 14% уровня США или ФРГ. По сравнению с Японией, где уровень заработной платы, как правило, ниже, чем в Северной Америке или в Западной Европе, такие развивающиеся страны, расположенные в зоне экономического влияния Японии, как Сингапур, Таиланд, Индонезия, Малайзия и Филиппины, отличаются гораздо более низкой заработной платой рабочих сходных квалификаций. Так, оклады инженера-механика и квалифицированного рабочего в конце 70-х годов составили от уровня Японии соответственно: в Сингапуре — 57 и 18%, в Таиланде — 37 и 7, в Индонезии — 63 и 12, в Малайзии — 54 и 16, на Филиппинах — 15 и 7%.

Если брать общие и усредненные показатели по всем развивающимся странам, то, согласно оценкам советских специалистов, «зарплата рабочих в странах Азии, Африки и Латинской Америки в 5—10 раз ниже зарплаты рабочих в государствах развитого капитализма» [73, с. 28]. Норма эксплуатации в одной из современных отраслей обрабатывающей промышленности, электротехнической, в Малайзии и на Филиппинах в два с лишним раза выше, чем в развитых капиталистических странах. (Этот вывод сделан на основании сравнения соотношений добавленной стоимости и заработной платы в данной отрасли, которые составляли в середине 70-х годов в США 2 : 1, в Англии 1,8 : 1, в Голландии 1,9 : 1, в Малайзии 4,6 : 1, на Филиппинах 4,4 : 1). С этими оценками согласуются данные по отдельным отраслям промышленности и по конкретным развивающимся странам в сравнении с некоторыми западными государствами. Так, в текстильной промышленности заработок рабочего

составляет в Южной Корее 5—10%, в Сингапуре, Эквадоре, Гонконге — 10—30% уровня ФРГ. В Заире на филиалах ТНК заработная плата африканского рабочего в 35 раз ниже заработка белого рабочего. В Бразилии, где сосредоточены весьма крупные западногерманские инвестиции, средняя заработная плата в промышленности в 6,5 раза ниже, чем в ФРГ; на сотне предприятий, принадлежащих американским ТНК, заработная плата в среднем в 6 раз ниже, чем в США.

Наглядно представить себе разницу в средней почасовой оплате в обрабатывающей промышленности в развитых капиталистических и развивающихся странах в начале 80-х годов позволяют следующие цифры (долл. США) [42а, с. 697, 705]:

Швеция	8,99	Тайвань	0,92
США	7,27	Сингапур	1,02
ФРГ	6,73	Бразилия	1,28
Япония	6,66	Мексика	1,94
Великобритания	5,37	Индия	0,30
Финляндия	5,14	Малайзия	0,37
Италия	5,03	Аргентина	1,02
Испания	3,60	Таиланд	0,57
Южная Корея	0,97	Филиппины	0,31
Гонконг	1,13	Пакистан	0,28

При этом уровень производительности труда на предприятиях ТНК, расположенных в развивающихся странах, вполне сопоставим с тем, который характерен для стран развитого капитализма. Интенсивность же труда, как правило, выше: рабочих в развивающихся странах заставляют работать «на износ», в результате чего они теряют свою рабочую силу за короткий срок работы на этих предприятиях и затем заменяются новыми рабочими. Английский экономист Г. Шмитц, работающий в Сассекском университете, рассказывает, например, о том, что на ткацкой фабрике на Тайване одна работница обслуживает 150 станков, передвигаясь от одного к другому для скорости на роликовых коньках. На этой фабрике производится ткань, предназначенная для экспорта в США, которая должна одержать верх в острой конкурентной борьбе с американской тканью, защищенной к тому же высокими таможенными пошлинами [138, с. 102].

Итак, для неокOLONиальной эксплуатации рабочих, занятых на предприятиях ТНК в развивающихся странах, характерны две особенности. Первая — более высокая норма прибавочной стоимости по сравнению со странами развитого капитализма из-за более низкой стоимости товара рабочая сила. Вторая — повышенная интенсивность труда, из-за которой заработная плата оказывается недостаточной для восстановления потребленной рабочей силы.

Помимо этого на предприятиях ТНК, расположенных в развивающихся странах, обычно устанавливается более продолжительный рабочий день, чем тот, который существует в раз-

витых капиталистических странах благодаря длительной борьбе пролетариата. Тем самым создается возможность и для получения абсолютной прибавочной стоимости. Такая возможность особенно велика в развивающихся странах, в которых у власти стоят антинародные режимы, предоставляющие иностранному капиталу всевозможные привилегии. Так, в Южной Корее у трети всех рабочих рабочий день продолжается не менее 15 часов. На предприятиях, принадлежащих ТНК США и расположенных в Сингапуре, рабочий день почти в 1,5 раза длиннее, чем на аналогичных предприятиях в США, в Южной Корее — почти в 2 раза; средняя рабочая неделя на предприятиях, принадлежащих ТНК в этой стране, составляет 60 часов. Такая же продолжительность рабочей недели характерна и для предприятий ТНК, расположенных в некоторых латиноамериканских странах.

Низкая стоимость рабочей силы в развивающихся странах является особенно важным фактором, стимулирующим ТНК вкладывать свои капиталы в промышленные предприятия, чья продукция предназначена на экспорт. Как отмечал финский экономист Киммо Кильюнен, «по мере расширения инвестиций в предприятия обрабатывающей промышленности с экспортной ориентацией издержки на рабочую силу становятся главным фактором при выборе объекта этих инвестиций» [163, 1981, № 1, с. 43].

Вместе с тем одним из результатов противоречий неокOLONиальной системы становится довольно быстрое возрастание стоимости рабочей силы в развивающихся странах как из-за удорожания предметов потребления, так и из-за увеличения потребностей рабочих, т. е. расширения того набора жизненных средств рабочего и его семьи, который составляет основу формирования стоимости рабочей силы.

Активизируется и борьба рабочего класса молодых государств за свои права, чему содействует укрепление его организаций, прежде всего профсоюзов, а также политика правительств в странах прогрессивной социально-экономической и политической ориентации. В этой связи реально ожидать относительного сокращения прибыльности инвестиций ТНК в развивающихся странах, ослабления стимулов к перемещению в эти страны промышленных производств из центров мирового капиталистического хозяйства, особенно в условиях, когда распространение промышленных роботов в развитых капиталистических странах уменьшает долю расходов на заработную плату в общих издержках производства.

Эксплуатация трудящихся за пределами предприятий ТНК

НеокOLONиальная прибыль составляет не только прибавочный продукт, но и часть необходимого продукта, производимо-

го в различных укладах. Через неокOLONиальную систему во всемирный кругооборот капитала поступает продукция товаропроизводителей, предприятий местной буржуазии, государственного сектора.

Масштабы неокOLONиальной эксплуатации труда за пределами предприятий транснациональных корпораций, расположенных в развивающихся странах, тем больше, чем органичнее эти предприятия внедряются в хозяйственную ткань этих стран, чем больше они выходят за границы тех анклавов, которыми ранее была ограничена их основная деятельность. В последнее время предприятия ТНК в развивающихся странах все больше распространяют свою активность на сферы, тесно связанные с функционированием национальной экономики, что становится новой важной чертой их экспансии.

По своей сути не могут носить анклавного характера такие широко распространяемые виды деятельности ТНК в развивающихся странах, как их внешнеинвестиционная деятельность (заключение контрактов на использование их лицензий, на предоставление управленческих услуг, осуществление маркетинга и т. д.). Но и инвестиционная деятельность также выходит за пределы традиционных анклавов.

Отмечая «сдвиг от вложений в первичные отрасли к инвестициям в обрабатывающую промышленность многонациональными корпорациями», авторы исследования, изданного Международной организацией труда, подчеркивают, что «инвестиции многонациональных предприятий в обрабатывающую промышленность главным образом ориентированы на производство для внутреннего рынка принимающих стран» [20, с. 9]. Капиталовложения в сферу услуг также ориентированы на обслуживание внутреннего рынка. А инвестиции в обрабатывающую промышленность и в сферу услуг в настоящее время занимают основное место в сумме всех капиталовложений ТНК в развивающихся странах, даже в тех, которые служат традиционными источниками сырья для мировой капиталистической промышленности. В Аргентине, Бразилии и Мексике на их долю приходится более 90% всех прямых иностранных капиталовложений, в Индонезии — больше 50%, на Филиппинах и в Таиланде — больше 80%, в Заире — около 50% только в обрабатывающую промышленность. Если взять все развивающиеся страны, то доля сельского хозяйства и добывающей промышленности в иностранных прямых инвестициях за десятилетие, с середины 60-х годов по наше время, резко снизилась — с 45,4 до 18,2%.

Основными линиями связей предприятий ТНК с национальной экономикой служат внутренняя торговля, использование ТНК транспортной и иной инфраструктуры страны, сферы услуг, топливно-энергетической базы, местной кредитной системы и т. д. Через каналы внутренней торговли предприятия ТНК вступают в экономическую связь с местными поставщиками

сырья, материалов, комплектующих изделий и других товаров, необходимых для их производственного функционирования, а также с потребителями продукции, выпускаемой этими предприятиями для реализации на внутреннем рынке. Эта связь во все большей степени приобретает форму субподрядных отношений, в которых производственное взаимодействие ТНК с местными предприятиями закрепляется на постоянной основе неравноправного, по существу, характера, обычного для соглашений между монополией и мелкими фирмами.

В опубликованном недавно исследовании английского института по изучению развития бразильской промышленности приводится пример крупной автомобильной фирмы в Бразилии, являющейся филиалом американской автомобильной ТНК, которая нанимает 25 тыс. рабочих. Еще столько же рабочих заняты изготовлением различных узлов и деталей для этой фирмы на предприятиях, находящихся с ней в субподрядных отношениях. Общее число таких предприятий достигает 4 тыс. [138, с. 164].

Вступая в рыночную связь с другими капиталистическими предприятиями, филиалы ТНК тем самым включаются в систему распределения прибавочной стоимости, созданной во всем капиталистическом укладе развивающейся страны и образующей прибыль предпринимателей вне зависимости от того, кто ее производит — рабочие, занятые на данном предприятии, или работающие в других отраслях промышленности; сказанное обусловлено законами образования цены производства, раскрытыми К. Марксом в двух первых отделах III тома «Капитала». Согласно этим законам, предприниматели в отраслях с более высоким органическим строением капитала получают больше прибыли, чем производится прибавочной стоимости рабочими, занятыми на их предприятиях: эти предприниматели участвуют в эксплуатации рабочих, создающих прибавочную стоимость в отраслях с более низким органическим составом капитала.

На предприятиях ТНК, продукция которых поступает на внутренний рынок, органическое строение капитала, как правило, выше среднего. Следовательно, их прибыль улавливает прибавочную стоимость, созданную рабочими других предприятий, в отраслях с более низким органическим строением капитала. К этому добавляются дополнительные преимущества предприятий ТНК, обусловленные монопольным положением наиболее крупных из них. Какова бы ни была степень концентрации производства и капитала в национальном секторе частного предпринимательства, предприятия ТНК противостоят этому сектору как организации, входящие в систему мирового монополистического капитала и, как правило, получающие монопольную прибыль. В образовании этой монопольной прибыли также участвует прибавочная стоимость, создаваемая рабочими национального сектора частного предпринимательства и присваиваемая

предприятиями ТНК через механизм ценообразования. При этом предприятия ТНК, расположенные на территории развивающихся стран, могут служить лишь передаточными станциями, через которые указанная прибавочная стоимость поступает в центральные учреждения этих ТНК — здесь вступает в действие механизм внутрифирменного обмена с его системой трансфертных цен.

Неоколониальной эксплуатации подвергаются и трудящиеся, занятые в отраслях хозяйства, представленных и некапиталистическими укладами. Производимая здесь продукция поступает в общую систему отношений распределения и обмена мирового капиталистического хозяйства. К таким трудящимся относятся крестьяне, производящие сельскохозяйственную продукцию на экспорт в страны развитого капитализма. Значительная часть такой продукции выращивается не на крупных капиталистических плантациях, а в мелких хозяйствах, которые крестьяне ведут на свой страх и риск. На Филиппинах, например, производством табака, предназначенного на экспорт, занимается около 60 тыс. хозяйств, в большинстве своем мелких.

В конечном счете продукция этих хозяйств попадает в товаропроводящую сеть ТНК и через соответствующую цепь производственных и непроизводственных операций — к потребителям в странах развитого капитализма или в развивающихся странах в качестве продукции ТНК. В сфере мелкого товарного производства отношения эксплуатации не могут складываться, если производитель не отделен от средств производства. Поэтому проводимые в ряде развивающихся стран после освобождения аграрные реформы, осуществляющие принцип «землю тем, кто ее обрабатывает», служат фактором, противостоящим процессу первоначального накопления капитала.

Мы не касаемся здесь проблем, связанных с изменениями в распределении земельной ренты, ограничивая свое внимание лишь теми формами прибавочного продукта, которые поступают в каналы системы неоколониальных отношений.

Отношения эксплуатации мелкого товаропроизводителя складываются при их вступлении в экономические связи с иностранным капиталом как непосредственно (агенты ТНК сами скупают урожай экспортных культур у крестьян, часто за несколько месяцев до его сбора, вследствие чего получаемые товаропроизводителями деньги, выполняя функцию средства платежа, служат формой авансированного торгового капитала), так и через посредников — местных торговцев, перекупщиков. Такие товаропроизводители попадают в сферу рыночных отношений специфического характера, резко отличающихся от отношений обычного местного рынка, обслуживающего простое товарное производство. Они, с одной стороны, лишены свободы выбора, а с другой — становятся участниками не местных и даже не национальных рынков, а мирового капиталистического рынка, на котором цена их продукции устанавливается на то-

варных биржах, расположенных в далеких от мест производства центрах мировой капиталистической торговли. Однако между такой ценой и ценой, по которой товаропроизводители вынуждены отдавать свою продукцию, существует огромная разни́ца, фактические размеры которой увеличиваются «второсортностью» национальных валют многих развивающихся стран. Вот почему для мелкого крестьянина, производящего продукцию на экспорт, характерны в развивающихся странах, используя выражение В. И. Ленина, «чрезмерный труд и недоиспользование», «широкое принижение потребностей и усиление интенсивного труда» [6, с. 176].

Товарное производство в сельском хозяйстве развивающихся стран насаждается различными организациями и учреждениями, входящими в институциональную структуру неокOLONиализма: международными, национальными, региональными и западными банками и их объединениями, торговыми фирмами и т. д. В ряде стран, развивающихся по капиталистическому пути и служащих особенно прочными плацдармами неокOLONиалистских сил, реализуются программы такого сельского развития, которое фактически означает создание мелкого квазифермерского хозяйства. Предприниматель-квазифермер, осуществляющий здесь производство путем приложения собственного труда, подвергается жестокой эксплуатации, замаскированный характер которой заметно искажает сущность складывающихся при этом отношений.

В соответствии с названными программами специальные агентства с участием специалистов из западных стран тщательно отбирают из числа молодых, энергичных и предприимчивых мужчин, происходящих из бедных семей, кандидатов, которых подвергают соответствующей идеологической обработке. Этим молодых людей превращают в самостоятельных хозяев — им предоставляется банковский кредит для покупки или аренды земли (в первом случае земельный участок закладывается в банке и служит обеспечением ипотечного кредита), для приобретения инвентаря и других средств производства. С ними заключаются контракты на поставку ими производимой в новых хозяйствах продукции по заранее фиксированным ценам. Денег, вырученных за продукцию в таких хозяйствах в течение года продукты, едва хватает на оплату покупаемых средств производства, погашение кредитов и выплату высоких банковских процентов (или арендной платы), налогов и осуществление других обязательных платежей. Остающаяся в распоряжении квазифермеров часть дохода от их хозяйства формально называется прибылью, хотя она по своим размерам часто мало чем отличается от заработной платы наемного рабочего. В то же время такой квазифермер считает себя полным собственником своего хозяйства, рассчитывает со временем разбогатеть, находится в плену иллюзий о самостоятельности и равенстве своих отношений с эксплуататорами, работает чрезвычайно усердно,

не считаясь со временем, ограничивает свое личное потребление крайним минимумом. К положению такого квазифермера вполне применима характеристика, данная В. И. Лениным самостоятельному мелкому производителю, который «защищает себя от падения такими средствами, от употребления которых он падает гораздо ниже, чем наемный рабочий. Эти средства — удлинение рабочего дня, понижение жизненного уровня и уровня потребностей» [5, с. 417].

Прибавочный продукт, производимый трудом такого квазифермера, получает различную форму — банковского процента, торговой прибыли капиталистических организаций, скупающих и перепродающих его продукцию, прибыли транспортных предприятий, обслуживающих его хозяйство, арендной платы и налогов и т. д. Значительная часть этого прибавочного продукта в конечном счете включается в неокOLONиальную прибыль.

Путем участия в эксплуатации рабочих на предприятиях, принадлежащих национальному капиталу в развивающихся странах, а также трудящихся докапиталистических укладов, мировой монополистический капитал значительно расширяет масштабы своей предпринимательской деятельности. Система неокOLONиализма обеспечивает повышение нормы прибыли путем вовлечения в мировое капиталистическое хозяйство производств с более низким органическим составом капитала. Через неокOLONиальные каналы прибавочный продукт, создаваемый в докапиталистических укладах, превращается в капиталистическую прибыль, присваиваемую монополистической буржуазией стран развитого капитализма.

Эксплуатация мигрантов

Международная миграция трудовых ресурсов развивающихся стран — важная составная часть неокOLONиального механизма эксплуатации. Перемещение людских масс из мест их обитания на хозяйственные территории, где их труд необходим для обеспечения капиталистических центров определенной продукцией, всегда органически входило в систему эксплуатации афро-азиатских и латиноамериканских народов. Наибольший ущерб такое насильственное перемещение людей нанесло Африке, которая лишилась, по некоторым оценкам, не менее 100 млн. человек в результате длившейся веками работорговли, послужившей основой хозяйственного освоения Нового Света. В пределах британской колониальной империи большое число населения Индии перемещалось на остров Цейлон, в английские владения в Африке, в Южной Америке. В качестве пушечного мяса массы молодых мужчин из колоний вывозились колониальными державами для участия в войнах.

После второй мировой войны широкое распространение практически во всех странах развитого капитализма получило

использование труда иностранных рабочих, большая часть которых прибывала из развивающихся стран. В США приезжали иммигранты из Мексики, Пуэрто-Рико, других латиноамериканских стран, а также из стран Азии и Дальнего Востока, во Францию — преимущественно из североафриканских государств, в Англию — из многих стран Содружества, в ФРГ — из Турции, ряда арабских государств и т. д.

По данным ООН, в середине 70-х годов в центрах мирового капиталистического хозяйства проживало 9,5 млн. иммигрантов из стран Азии, Африки и Латинской Америки, а за 60-е и 70-е годы только в Западную Европу прибыло от 30 до 40 млн. человек. Другими словами, общий масштаб неокOLONиальной эксплуатации рабочих-мигрантов вполне сопоставим с масштабами эксплуатации трудовых ресурсов развивающихся стран на предприятиях ТНК, расположенных на их территории.

Ряд проблем, возникающих в связи с эксплуатацией иностранных рабочих, получил освещение в советской экономической литературе [68; 84; 90; 94; 95; 116]. Однако при выявлении сущности и оценке масштабов неокOLONиальной эксплуатации необходимо вновь обратить внимание на роль рабочих-мигрантов из развивающихся стран в воспроизводственном процессе мирового капиталистического хозяйства.

Английский экономист Д. Харви (Оксфордский университет) связывает необходимость привлечения трудовых ресурсов развивающихся стран к работе в промышленных центрах мирового капиталистического хозяйства с возникновением абсолютной нехватки там рабочей силы. В своей книге «Границы капитала» он пишет: «Расширение предложения труда достигает своих пределов, когда все работоспособное население участвует в трудовом процессе. В то время как этот предел почти достигнут в некоторых развитых индустриальных хозяйствах, имеются крупные резервы рабочей силы в других частях мира. История капитализма наполнена примерами разрушения докапиталистических хозяйств и разорения населения или действием рыночных сил, или физическим насилием. Это случилось с ирландцами в середине XIX века (один из излюбленных примеров Маркса), но мы можем наблюдать тот же процесс в действительности сегодня, когда мексиканцы и пуэрториканцы втягиваются в рабочую силу Соединенных Штатов, алжирцы становятся частью французского пролетариата, югославы, греки и турки становятся частью шведской рабочей силы и т. д. [131, с. 165].

Д. Харви неправ, утверждая, что в странах развитого капитализма достигнут предел использования трудовых ресурсов. Наоборот, трудовые ресурсы этих стран используются в настоящее время далеко не полностью. Даже в периоды циклического подъема там сохраняется высокий уровень безработицы. В начале 80-х годов общее число безработных в странах развитого капитализма колебалось вокруг уровня в 30 млн. человек.

В США и Западной Европе безработица составляла от 8 до 13% всей рабочей силы.

Чем же в этих условиях определяются потребности капиталистического воспроизводства в трудовых ресурсах развивающихся стран? Определяющую роль сыграли здесь два основных обстоятельства. Первое связано с действительным образованием нехватки рабочей силы в отдельные послевоенные периоды в некоторых странах развитого капитализма или определенных районах этих стран — при этом не идет речь об общем абсолютном достижении пределов национальной рабочей силы в этих странах. Дело заключается в типичной для капиталистической экономики диспропорциональности, которая в данном случае выразилась в одновременном наличии безработных и образовании дефицита трудовых ресурсов.

Второе обстоятельство связано с последствиями научно-технической революции и сдвигами в социальной структуре населения западных стран. В силу общего повышения уровня образования и профессиональной подготовки рабочих в странах развитого капитализма и других изменений в социальном положении трудящихся, происшедших под влиянием научно-технической революции и успехов их классовой борьбы, в этих странах возник относительный дефицит неквалифицированной рабочей силы, а заработная плата неквалифицированных рабочих как выражение стоимости и цены их рабочей силы значительно повысилась. В этих странах наметилась долговременная тенденция к снижению разницы в оплате квалифицированного и неквалифицированного труда местных рабочих. Данная тенденция сформировалась главным образом под влиянием распространения и повышения уровня общего образования и профессиональной квалификации рабочей силы [108, с. 316]. В Северной Америке и Западной Европе, отмечается в коллективном исследовании «Современная научно-техническая революция в развитых капиталистических странах», сокращается «разрыв в уровне оплаты труда различных слоев трудящихся... Этот процесс неразрывно связан с механизацией и автоматизацией производства, вызывающими распространение повременной оплаты труда, ликвидацию существенной разницы между оплатой квалифицированного и неквалифицированного труда, с распространением и повышением уровня общего образования и профессиональной квалификации рабочей силы» [108, с. 316].

Жители западноевропейских стран, даже не имеющие работы, часто не соглашаются заниматься такими видами трудовой деятельности, которые считаются унизительными, непрестижными или связаны с неприятными ощущениями (сбор и вывоз мусора, уборка улиц и т. д.). Этими видами трудовой деятельности особенно широко занимаются иностранные рабочие из развивающихся стран.

Для капиталистической экономики, как известно, решающее значение в процессе воспроизводства имеют не столько абсо-

лютные, сколько относительные показатели. Для капиталиста-предпринимателя важно не наличие рабочей силы само по себе, а уровень заработной платы. Характеризуя диалектическую зависимость между уровнем заработной платы и спросом со стороны капитала на рабочую силу, К. Маркс писал, что при повышении заработной платы «накопление вследствие повышения цены труда ослабевает, потому что притупляется стимулирующее действие прибыли» [2, с. 633]. В условиях повышения стоимости рабочей силы, происходящей в западных странах после второй мировой войны, возможность использования трудовых ресурсов стран Азии, Африки и Латинской Америки сыграла важную роль в преодолении этого барьера. Особенно ценной для капиталистического воспроизводства оказалась возможность привлечения неквалифицированной рабочей силы, которая действительно оказалась дефицитной во многих западных странах.

Следовательно, в системе неоколониализма рабочая сила развивающихся стран все больше становится «резервной армией труда» для стран развитого капитализма. В период повышенной хозяйственной конъюнктуры предприниматели могут привлекать иностранных рабочих на свои предприятия, в случае наступления кризиса отсылать их обратно в свои страны. В то же время некоторые предприниматели считают более предпочтительным брать на работу иностранных рабочих именно в период кризиса, когда для них особенно важно сократить издержки производства. Поскольку в период циклического подъема и в годы экономического кризиса в условиях резкого роста безработицы потребности капиталистических предпринимателей в рабочей силе развивающихся стран различны, довольно резко меняются как иммиграционное законодательство западных государств и проводимая в этих странах реальная политика по отношению к иностранным рабочим, так и тенденции самой миграции. Если численность иностранной рабочей силы в западноевропейских странах достигла максимального уровня в середине 70-х годов, особенно в период экономического подъема, то впоследствии более активно стала действовать система выталкивания мигрантов на родину. С 1978 г. во Франции, например, рабочим из Турции, Алжира, Марокко, Туниса стали выплачивать денежное пособие и компенсацию за транспортные расходы при условии принятия ими обязательства покинуть страну и не возвращаться в нее с целью заработка [22, с. 345].

За три года с начала кризиса 1974—1975 гг. в Швейцарии было ликвидировано 340 тыс. рабочих мест, причем основную массу уволенных составили иностранные рабочие, которых заставили покинуть эту страну. Хотя и не представляется возможным точно документировать изменения в объеме и структуре трудящихся-иммигрантов, находящихся в Западной и Северной Европе, уже к середине 1978 г. численность рабочих мест для

иммигрантов была, по оценкам, более чем на 1 млн. меньше по сравнению с тем, что имелось в 1973 г., когда иммиграция достигла своего апогея. По крайней мере 1,5 млн. трудящихся-мигрантов вернулись на родину или переехали в другие страны [15, с. 89].

Иностранным рабочим, как правило, можно не платить пособие по безработице, если они теряют работу. Они не получают права на пенсию по старости, не могут претендовать на многие виды социального обслуживания, права на которые добились своей борьбой трудящиеся США, Западной Европы, Японии. Иностранцы не везде регистрируются на биржах труда и не всегда попадают в официальную статистику безработицы развитых капиталистических государств.

Для предпринимателей использование импортируемой дешевой рабочей силы из развивающихся стран служит средством не только повышения прибылей в каждом отдельном случае, но и дополнительного давления на свой рабочий класс и его профсоюзы.

В отдельные периоды число иностранных рабочих в странах развитого капитализма достигало внушительных размеров — в ФРГ, например, в начале 70-х годов их было 2,3 млн. человек, или около 10% всей рабочей силы. Один из администраторов автомобильного завода «Даймлер-Бенц», Л. Шульц, заявлял, что «германская промышленность просто не могла бы пойти в своем развитии так далеко без помощи иностранных рабочих». К началу 80-х годов число иностранных рабочих в ФРГ увеличилось до 4,6 млн. человек; 4,1 млн. рабочих, в основном выходцы из Турции, Марокко и Туниса, трудятся на различных промышленных предприятиях и в сфере услуг во Франции. Иммигранты составляют 26% всех рабочих автомобильной промышленности этой страны. Особенно большую роль они играют в строительстве. «Если бы иностранные рабочие покинули Францию, то строительные площадки можно было бы закрыть», заявил один из руководителей профсоюза строительных рабочих, Ж. Мартин. Таким образом, в развитых капиталистических странах после второй мировой войны иностранные рабочие стали неотъемлемой частью их производительных сил.

Использование иностранной рабочей силы дало возможность реализовать в некоторых западноевропейских государствах, особенно небольших по населению, крупные народнохозяйственные проекты, выполнение которых требовало кратковременного применения такого большого числа работников, какое не могло быть легко мобилизовано в самих этих странах. Например, в Швейцарии на строительстве электростанции около Эмосона 90% всей рабочей силы составили иммигранты.

Мы не касаемся здесь проблемы «утечки умов» («брейн-дрейн») из развивающихся стран в центры мирового капиталистического хозяйства, подробно исследованной в советской эконо-

номической литературе [68; 149, 1981, № 10], хотя иммиграция квалифицированных специалистов развивающихся стран в развитые капиталистические государства составляет важный элемент неокOLONиальной системы отношений.

За границей находится 1,5 млн. пакистанцев. Помимо Северной Америки, Западной Европы и Японии рабочие-мигранты из развивающихся стран подвергаются эксплуатации международным капиталом в Израиле (туда вербуют рабочих даже из такой далекой страны, как Таиланд), в ЮАР (из многих близлежащих африканских стран, особенно Лесото), т. е. в государствах, занимающих специфическое и чрезвычайно важное место в системе неокOLONиализма.

На территории стран развитого капитализма особенно наглядно выступает используемое для повышения прибыли капиталистических предпринимателей различие между ценой и стоимостью рабочей силы, представленной трудящимися развивающихся стран. Нет никаких оснований полагать, что стоимость рабочей силы иностранных рабочих ниже, чем местных рабочих. Наоборот, она должна быть выше, так как больших расходов требует жизнь в новой местности, куда переселяется (постоянно или временно) рабочая семья. Вместе с тем заработная плата, получаемая рабочими-иностранцами, значительно ниже, чем та, которая устанавливается для местных рабочих. Это значит, что образуется разрыв между ценой рабочей силы (выражающейся в номинальной заработной плате) и ее стоимостью. И этот разрыв служит важнейшей особенностью данной формы неокOLONиальной эксплуатации труда.

В системе неокOLONиализма, следовательно, используются те приемы, которыми капиталистические предприниматели пользовались всегда. Еще в период, предшествовавший первой мировой войне, В. И. Ленин писал о том, что «капитализм создал особый вид переселения народов», что в развитые страны «привлекают наемных рабочих из отсталых стран», что «капиталисты эксплуатируют самым бессовестным образом рабочих-переселенцев» [8, с. 89]. Теперь эти приемы вошли составной частью в неокOLONиальную систему эксплуатации. А. Золберг считает международной миграцию рабочей силы развивающихся стран наиболее ярко выраженной формой пролетаризации в нынешнем мире (см. [22, с. 12]).

В неокOLONиальную систему эксплуатации труда входит и использование иностранной рабочей силы в развивающихся странах. Масштабы трудовой миграции между развивающимися странами возрастают. Так, в нефтедобывающих странах Ближнего Востока в 1975 г. насчитывалось 1,6 млн. иностранных рабочих, к 1985 г. их число увеличилось до 4 млн. человек. В Кувейте в 1982 г. население составляло 1,4 млн. жителей, причем кувейтцев среди них было лишь 566 тыс. человек, а 792 тыс. человек — или 58% всего населения страны — были иностранцами. Интенсивная миграция рабочей силы происхо-

дит между развивающимися странами Африки. Трудящиеся из стран Юго-Восточной Азии работают на капиталистических предприятиях в развивающихся странах, находящихся на расстоянии тысячи километров от их родины, — на Ближнем Востоке.

Международная миграция рабочей силы развивающихся стран оказывает противоречивое воздействие на их экономику. В кратковременном плане определенный выигрыш получают как сами рабочие-мигранты, которые покидают свои страны под давлением обостряющейся проблемы занятости или под влиянием надежд на быстрое приобщение к образу жизни современного развитого общества, и их семьи, сопровождающие этих рабочих или остающиеся в своих странах, так и государства, поставляющие рабочую силу для тех участников мирового капиталистического хозяйства, где она требуется в данный момент.

Ряд развивающихся стран проводит политику поощрения участия своих рабочих в трудовой активности за рубежом. Во-первых, эта политика может несколько смягчить проблему занятости, хотя бы временно. Во-вторых, денежные переводы этих рабочих на родину в некоторых случаях играют немаловажную роль в покрытии дефицита платежного баланса. В начале 80-х годов, например, переводы эмигрантов из Йеменской Арабской Республики на родину составляли около 1,7 млрд. долл. в год, что примерно равнялось всему годовому ВВП этой страны [72, с. 203]. Общее число жителей ИАР, находившихся в это время за пределами национальных границ, составляло 1,4 млн. человек, или 16,5% всего населения, от 43 до 42% взрослого мужского населения. В 70-х годах, по данным МБРР, денежные переводы эмигрантов составляли в Египте около 80% всех экспортных доходов, в Пакистане — 93%, в Иордании — 175, в Марокко и Буркина Фасо — больше 50, в Турции — 45%.

Вместе с тем в долговременном плане неокOLONиальная эксплуатация трудящихся-мигрантов оказывает на развивающиеся страны глубокое негативное воздействие. Некоторые из них начинают сами испытывать нехватку рабочей силы и даже прибегают к использованию рабочих-иммигрантов из других развивающихся стран. Отток наиболее качественной рабочей силы подрывает традиционные отрасли экономики, прежде всего сельское хозяйство. Эмиграция рабочей силы, а также квалифицированных специалистов становится существенным препятствием прогрессивному развитию экономики ряда молодых государств, в связи с чем некоторые из них переходят к политике ограничения эмиграции и поощрения возвращения рабочих-мигрантов на родину.

В то же время в других развивающихся странах возвращение рабочих-мигрантов, чей труд больше не требуется в местах их временной работы, создает новые экономические и социальные трудности. Сокращаются поступления иностранной валюты

в платежный баланс в виде переводов эмигрантов своим семьям, что вызывает диспропорции в этой важной области. Возникает проблема реадaptации людей, которые приобрели за годы своей жизни и работы в странах развитого капитализма квалификацию, потребности и стремления, не соответствующие условиям, существующим в их собственных странах.

Советские исследователи считают, что «миграция рабочей силы является для развивающихся государств вообще, а для арабских стран Ближнего Востока в частности мощным катализатором развития капиталистических отношений» [72, с. 93].

Возвращение мигрантов вызывает в ряде случаев появление в социально-экономической структуре развивающихся стран новых типов хозяйственных форм, так или иначе связанных с неокOLONиальной системой отношений. Например, своеобразной новой организационной формой использования трудовых ресурсов в неокOLONиальной системе капиталистической эксплуатации стало образование в Турции так называемых «рабочих компаний», держателями акций которых являются работающие в них турецкие реэмигранты, возвратившиеся из Западной Европы. В финансировании этих «рабочих компаний» участвует специально созданный для этой цели западногерманский банк [22, с. 362]. Покинувшие западноевропейские страны турецкие рабочие, охваченные этой системой, продолжают оставаться в сфере предпринимательской деятельности западноевропейского капитала.

НеокOLONиальная эксплуатация трудовых ресурсов развивающихся стран играет важную роль в кругообороте мирового капитала, действует в качестве одного из факторов, противодействующих тенденции средней нормы прибыли к понижению и обеспечивающих более высокие прибыли монополиями. Этот важный элемент неокOLONиальной системы дополняет остальные, в результате чего обеспечивается постоянное перемещение значительной части созданного на периферии мирового капиталистического хозяйства прибавочного продукта в его более развитые в экономическом отношении центры. Какие последствия это вызывает в воспроизводственном процессе и эволюции социально-экономической структуры развивающихся стран, будет показано в следующей главе.

Что же касается социально-экономической роли неокOLONиальной эксплуатации трудовых ресурсов развивающихся стран для империализма, то она была четко и исчерпывающе определена в Политическом докладе Центрального Комитета КПСС XXVII съезду партии. М. С. Горбачев отмечал: «Очевидно и то, что в условиях обострения противоречий капитализма, сужения сферы его господства неокOLONиализм становится все более важным источником средств, обеспечивающих монополистическому капиталу возможности социального маневрирования,

смягчения социальной напряженности в ведущих буржуазных государствах, для подкупа некоторых слоев трудящихся. Источником поистине уникальным — часовая оплата труда в развитых капиталистических странах превышает, иногда в несколько раз, дневной заработок рабочих в государствах Азии, Африки, Латинской Америки» [13, с. 18].

Из всего рассмотрения функционирования неокOLONиальной системы эксплуатации следует вывод об объективной обусловленности необходимости борьбы развивающихся стран против неокOLONиализма, за свои экономические интересы. Эта борьба служит предметом исследования второго раздела настоящей работы.

БОРЬБА РАЗВИВАЮЩИХСЯ СТРАН ЗА СВОИ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИНТЕРЕСЫ

В современных условиях существенно усложняется диалектика взаимодействия внутренних и внешних факторов общественного развития, как никогда тесной становится взаимосвязь в решении проблем отдельных стран и всего международного сообщества. Сложность положения развивающихся стран усугубляется к тому же тем обстоятельством, что внутренние факторы, национальный хозяйственный организм находятся здесь в процессе становления. Поэтому их экономика крайне чувствительна к воздействию внешних сил, которые могут оказывать преобладающее влияние на определенных этапах развития.

Как было показано выше, основой системы неравноправных экономических отношений неокOLONИализма является характер международного капиталистического разделения труда, базирующийся на асимметричном распределении факторов производства и потребительной силы между центром и периферией мирового капиталистического хозяйства. Хозяйственные механизмы неокOLONИализма и сегодня, после крушения колониальных империй, постоянно воспроизводят зависимость стран периферии. При этом формы зависимости изменяются, а ее структура, как и структура мирового капиталистического хозяйства, становится более сложной, многоярусной.

Стремление освободившихся государств перестроить отсталую и однобокую структуру своего хозяйства требует проведения активной экономической политики, которая неизбежно затрагивает интересы международного капитала и империалистических держав, встречает их сопротивление. Поэтому собственная экономическая активность многих молодых государств, внутренние хозяйственные мероприятия приобретают международное измерение, становятся важным фактором международной политики и международных экономических отношений.

Налицо фундаментальное противоречие двух процессов: один представлен функционированием неокOLONИальной системы империализма, другой — созидательной деятельностью освободившихся стран, направленной на решение собственных задач. Оба процесса опираются на вполне реальные, объективные основания: первый — на структуру производительных сил мирового капиталистического хозяйства (и соответственно структуру про-

изводства, распределения, обмена и потребления), второй — на национально-государственные общности и соответственно государственно оформленные национальные хозяйства, становящиеся самостоятельными субъектами мировых хозяйственных отношений. В истекшие десятилетия происходило острое противоборство указанных процессов со своими «подъемами» и «спадами».

Борьба развивающихся стран за экономическую самостоятельность и равноправные международные экономические отношения тесно связана с основными тенденциями и противоречиями современного мира. Это прежде всего — превращение социализма в могучую моральную и материальную силу; выход на дорогу самостоятельного исторического творчества многих завоевавших политическую независимость государств; развитие международного коммунистического и рабочего движения; развертывание нового массового демократического движения, в том числе антивоенного, антиядерного; научно-техническая революция; углубление общего кризиса капитализма.

В этих условиях задачи борьбы развивающихся стран за свои экономические интересы во многом определяются характером воздействия неокOLONИализма на процессы, протекающие в их национальном хозяйстве. Поэтому данный раздел книги открывается главой, посвященной рассмотрению такого воздействия.

ГЛАВА 8

ВОЗДЕЙСТВИЕ НЕОКОЛОНИАЛИЗМА НА ЭКОНОМИЧЕСКИЕ СТРУКТУРЫ РАЗВИВАЮЩИХСЯ СТРАН

Будучи реальным элементом современной международной жизни, неокOLONИализм оказывает многообразное и разностороннее воздействие на народное хозяйство развивающихся стран. При этом он не только формирует определенную среду и во многом условия их развития, но и сам испытывает на себе воздействие со стороны развивающихся стран, вызывающее изменения в его формах и методах. Вот почему на каждом конкретном этапе неокOLONИальные отношения выступают и как определенный компромисс между центром и периферией мирового капиталистического хозяйства, отражая развертывание глубинных противоречий капитализма как мировой системы. Отсюда следует, что изменения в неокOLONИальных отношениях есть, по существу, результат взаимодействия и противоборства сил в мировой капиталистической системе хозяйства — противоборства, идущего преимущественно на основе экономических

законов капитализма, но испытывающего также влияние мирового социализма.

Вместе с тем, как отмечалось в гл. I, поскольку большинство развивающихся стран, с одной стороны, по своей внутренней социально-экономической структуре еще далеко не стали капиталистическими и, с другой — занимают особое место в мировом капиталистическом хозяйстве, постольку неокOLONиализм выступает и как способ и форма более глубокого включения этих стран в капиталистическую систему хозяйства. В этом своем качестве неокOLONиализм также оказывается внутренне (качественно) противоречивым. Он одновременно служит и формой экспансии мирового капитала вширь, трансформируя докапиталистические формы общественного производства в развивающихся странах в капиталистические, и средством «утилизации» общественного продукта развивающихся стран центрами мирового капитализма. Это противоречие может быть сформулировано так: с одной стороны, неокOLONиализм функционирует на базе общих экономических закономерностей мирового капитализма и стремится сформировать более или менее однородное (с точки зрения условий движения и воспроизводства капитала) мировое экономическое пространство, включив в него и страны периферии. С другой стороны, он постоянно воспроизводит глубокие качественные различия экономических систем в центре и на периферии мирового капиталистического хозяйства. Тем самым сущностное содержание неокOLONиализма входит в неразрешимое противоречие со способом и формой его реализации.

Способствуя внедрению в экономику молодых государств отдельных элементов современных производительных сил, неокOLONиализм одновременно сдерживает формирование на периферии мирового капиталистического хозяйства целостных, национально-интегрированных хозяйственных комплексов. Под его воздействием процессы углубления общественного разделения труда в развивающейся экономике не просто деформируются, а ставятся в прямую зависимость от ее участия в международном капиталистическом разделении труда. В результате формируется объективная основа дальнейшего усиления экономической зависимости развивающихся стран, ограничиваются возможности достижения ими хозяйственной самостоятельности.

Деформация системы национального разделения труда

Опыт развивающихся стран свидетельствует о большом разнообразии форм общественного производства, возникающих здесь после достижения независимости. При сохранении большинства этих стран в орбите международного капиталистического разделения труда многие из них выполняют двойную

функцию: обеспечивают в новых условиях связь с мировым хозяйством и одновременно служат формированию национально-интегрированного хозяйства.

«Принципиальное отличие процессов модификации общественно-экономических, социально-политических и идеологических структур в период независимости от аналогичных процессов колониального времени, — отмечает Н. А. Симония, — заключается в том, что они носят характер национализации... Речь в данном случае идет не об изменении лишь юридического собственника, а о более широком и глубоком процессе трансформации иностранных или ориентированных вовне местных элементов общественных структур (экономических, социальных, политических, культурных и религиозных) в национальные» [119, с. 282—283]. В приведенном высказывании подчеркивается лишь одна сторона процесса, неразрывно связанная с другой — модификацией форм участия развивающейся экономики в международном разделении труда, в том числе ее взаимодействием с международным капиталом. Отметим и другую сторону: одновременно с процессом национализации (в широком смысле) в развивающихся странах нарастает в рамках мирового капиталистического хозяйства так называемый процесс транснационализации, который ограничивает экономическую эффективность национализации и в значительной мере выносит процесс реализации капитала за рамки отдельно взятой страны.

Достижение политической независимости кладет начало прежде всего процессу политико-правового становления национальной экономики. В рамках этого процесса идет активное размежевание с иностранным капиталом; одна часть иностранной собственности национализируется государством, другая — переходит в руки местных имущих слоев, третья — в зависимости от условий и накала освободительной борьбы — «убегает» за границу легальными и нелегальными путями, четвертая — преобладающая в количественном отношении — становится объектом государственного регулирования и контроля.

По своему социально-экономическому содержанию национальное регулирование деятельности иностранного капитала является государственно-капиталистической мерой и полностью соответствует нормам, принятым в развитых капиталистических странах. Однако в контексте борьбы за экономическое освобождение, будучи направленным на ограничение всевластия иностранного монополистического капитала, оно приобретает антиимпериалистический и общедемократический характер. Поэтому, как правило, его введение наталкивается на серьезное сопротивление иностранных монополий и империалистических держав и занимает достаточно длительный промежуток времени.

Одновременно это регулирование наталкивается и на реальные экономические границы, связанные с необходимостью обеспечения непрерывности производственного процесса. С одной стороны, на начальном этапе освободившиеся государства

не располагают реальными средствами для полного вытеснения или замещения иностранного капитала без серьезного ущерба для национальной экономики, с другой — и иностранные собственники не могут без потерь изъять свой капитал, вложенный в производство.

Все это и предопределяет объективную основу для компромисса. Освободившиеся страны, как правило, допускают деятельность на своей территории иностранного капитала, в то время как последний принимает меры государственного регулирования. Условия компромисса меняются. Вначале они определяются преимущественно соответственно экономической силе участников, а позже — по мере упрочения национальной экономики развивающихся стран и нарастания коллективных форм борьбы — также и общим соотношением сил между двумя частями мирового капиталистического хозяйства, на которое оказывает возрастающее воздействие и мировая система социализма.

Конкретным выражением этого компромисса уже в начальный период является так называемое «совместное» предпринимательство, которое, по мнению С. И. Тюльпанова, выражает «отличные от прошлого периода экономические отношения, возникшие как следствие распада колониальной системы империализма... новые реальные отношения, типичные для переходной экономики» [113, с. 293].

В принципе отношения, возникающие в процессе «совместного» предпринимательства, должны быть выгодны каждому из партнеров. Однако и здесь вступает в действие закон «экономической силы». Иностранные монополии получают гораздо большие преимущества, поскольку многие развивающиеся страны часто не в состоянии реализовать возможности, открываемые «совместным» предпринимательством. Как отмечалось в одном из документов ООН, «контроль, связанный с национальным участием в собственности, зачастую оказывался чисто символическим... а участие государства в акционерном капитале обеспечивало ТНК в ряде случаев финансовые выгоды, не подрывающая их влияния на управление производством» [31, с. 36].

Важно отметить, что для международных монополий форма совместных компаний весьма привлекательна и в чисто финансовом плане, поскольку позволяет им мобилизовать на внутреннем рынке большую часть необходимых капиталовложений. Тем самым достижение конкретных хозяйственных целей ТНК (контроль над местным рынком и развитием новых видов производства, расширение сбыта своей продукции в данной стране, организация специализированного производства, интегрированного в собственные международные структуры и т. д.) обеспечивается преимущественно за счет национальных ресурсов и снижает общие издержки ТНК в реализации их мирохозяйственной стратегии.

Вступая в «союз» с частным национальным капиталом, не-

редко определяемый соответствующим государственным законодательством, иностранные монополии получают не только финансовые выгоды, но и возможность избежать прямого государственного контроля, полнее проводить свою хозяйственную политику. Одновременно активизируется процесс накопления местного капитала, но направление его развития преимущественно определяется уже не национальными структурами (и задачами), а интересами соответствующих ТНК. «В данном случае национальный капитал развивающегося общества на деле обслуживает совокупный процесс воспроизводства в центрах капитализма, но одновременно получает — в виде „компенсации“ — возможность определенной экспансии в рамках национальной экономики» [101, с. 216].

Таким путем иностранные монополии стимулируют частнокапиталистическое развитие молодых государств, превращая в функционирующий капитал и часть эксплуататорской докапиталистической собственности и в определенной мере ускоряя процесс индустриализации. Однако это развитие служит прежде всего «стыковке» с мировым капиталистическим хозяйством, так как именно в его рамках иностранный капитал реализует себя как самовозрастающую стоимость. Поэтому под его воздействием эволюция экономических структур развивающихся стран приобретает производный, «отраженный» характер, хотя и происходит в рамках национальных границ.

Навязываемый неокOLONиализмом «отраженный» тип развития приводит к деформации процессов разделения труда в национальной экономике, поскольку связь между отдельными ее частями (не совпадающими с делением на современный и традиционный секторы) в значительной мере опосредуется международными капиталистическими структурами. В результате сдерживается формирование общенационального рынка, средней нормы прибыли и цен производства, «возникает дезинтеграция рынка средств производства, денежного капитала, рабочей силы, т. е. дезинтеграция рынка основных факторов производства» [79, с. 81]. Национальная социально-экономическая структура оказывается неполной и несостыкованной, приобретает не системный, а конгломератный характер.

Достаточно полно указанный вопрос исследован И. В. Следзевским на примере Нигерии, а некоторые его выводы применимы и к другим развивающимся странам. «В силу господства иностранного монополистического капитала, — отмечает он, — развитие местного капиталистического рынка не сопровождалось образованием общей для всех индивидуальных капиталов и устойчивой нормы прибыли... процесс капиталистического накопления осуществлялся при разных нормах накопления, которые формировались под давлением иностранных монополий и национального государства... Выделение и обособление форм капиталистического предпринимательства принимало черты конгломератного развития различных форм или секто-

ров хозяйства: местного капиталистического сектора и иностранного сектора» [106, с. 209—210].

Подобные явления свидетельствуют о том, что иностранный капитал, даже выступая совместно с частным национальным, как бы «дискриминирует» остальную — гораздо большую — часть местного капитала. А это означает, что, частично активизируя генезис капитализма и модернизацию его форм, он одновременно угнетает внутринациональные процессы капиталистического развития. В данной связи важно также отметить, что речь идет не только о разделении капиталов, но прежде всего о тех, кто за ними стоит, т. е. о расколе определенных социальных слоев и выделении из них слоя неокомпрадоров. «Во многих случаях иностранный капитал, приспособившись к новым условиям, идет на сотрудничество с местным капиталом, преобразуя свои филиалы и отделения в смешанные компании... Однако это лишь привязывает определенные звенья национального предпринимательства к ТНК... в среде местной буржуазии растет социальный слой неокомпрадоров» [79, с. 104—108].

Следствием такого хода развития является консервация или сдерживание распада полутрадиционных (промежуточных) структур, возникших еще в колониальный период. Это — типичная черта хозяйственного развития стран Азии, Африки и Латинской Америки, обусловленная, по существу, невозможностью стихийной и относительно быстрой капиталистической трансформации национальной экономики в условиях деформирующего воздействия мирового капиталистического хозяйства.

Данная проблема подробно разработана латиноамериканской школой периферийного капитализма, заложенной Р. Пребишем. Названный процесс отчасти основывается на том, что местный бизнес, как отмечает, например, И. В. Следзевский, сохраняет тесные связи с докапиталистическими видами собственности и богатства (ростовщицеством, купеческим капиталом, домовладением, сферой спекуляций недвижимостью и т. д.), а доход на капитал, вложенный в докапиталистические виды собственности, обычно выступает дополнительным регулятором нормы прибыли в местном частном предпринимательстве [106, с. 212]. Другой стороной этого процесса является растущее давление докапиталистической и капитализирующейся собственности на государство, стремление как бы «интегрироваться» в госсобственность и обеспечить тем самым поступление доходов независимо от результатов реального экономического процесса. И в том и в другом случае объективный результат один — сдерживание прогрессивной перестройки социально-экономической структуры развивающихся стран.

В широком смысле «смешанная» форма включает в себя в качестве производных и остальные формы «смычки» с иностранным капиталом, в том числе и иностранный капитал в «чистом» виде, в той мере, в какой он уже подчинен национальному регулированию. В то же время именно ее функционирова-

ние, особенно на начальном этапе экономической деколонизации, обуславливает глубокое внедрение элементов неокolonизма в саму экономическую ткань развивающегося общества, возникновение и упрочение здесь тех звеньев в экономике и социальной структуре, интересы и поведение которых определяются, собственно, их местом в неокolonизальной системе отношений.

Наличие таких звеньев служит, в свою очередь, основой для появления целой гаммы новых, порой более замаскированных форм неокolonизальной эксплуатации. Так, в последнее время широкое распространение получают неакционерные формы отношений в сфере производства, передачи технологии, производственного опыта, реализации продукции: подряды на строительство предприятий «под ключ» и на условиях производства готовой продукции, подрядные и условные подрядные соглашения с последующим разделом продукции в добывающих отраслях, управленческие контракты, соглашения о маркетинге и франшизе (см. [102, с. 51—54]).

Иностранный капитал в большинстве случаев навязывает молодым государствам свою логику развития, соответствующую интересам международного капитала и центров мирового капитализма, даже в том случае, когда финансовые результаты его деятельности благоприятны для принимающей стороны. В документах «Группы 77» достаточно широко охарактеризованы отрицательные последствия деятельности ТНК в развивающихся странах, признается и факт расширения косвенных форм контроля со стороны ТНК над их экономикой. Вместе с тем в качестве причины этого указывается, что «соотношение переговорной силы корпораций и отдельных развивающихся стран остается в огромной мере в пользу первых» [21, с. 3, 58—60]. Однако подлинная причина состоит в преобладании экономических механизмов, приводимых в действие ТНК, что и предопределяет их переговорную силу.

Отсутствие или слабость в большинстве развивающихся стран реальной экономической, институциональной и социальной базы (и механизмов) для контроля за деятельностью иностранного предпринимательства в наиболее широком плане связаны с общими законами развития капитала в условиях диспропорциональной, расслоенной экономики или же (что является, по сути, обратной стороной этого явления) со слабостью централизующего (интегрирующего, «национализующего») начала, которое, следовательно, и не может быть найдено на пути собственно капиталистического развития. Таким образом возникает еще один парадокс, которыми так богата действительность развивающихся стран: необходимость перестройки хозяйственных структур на основе учета эффективности затрат общественного труда и одновременно невозможность осуществить такую перестройку только на базе капитала, который исторически выступал как социальная форма, обеспечивающая пе-

реход к новой хозяйственной структуре именно путем жесткого сопоставления затрат и результатов труда через механизмы рынка, конкуренции и пр. Стремление разрешить этот парадокс и объясняет то центральное место, которое занимают сегодня вопросы государства, госсобственности и госсектора в теории и в практике развития.

Дело в том, что воздействие неокOLONиализма серьезно ограничивает возможности государственного регулирования и деятельности госсектора по созданию национально-интегрированной экономики. В результате социально-экономической структуры развивающихся стран оказывается как бы недостроенной: важные интегрирующие функции выносятся за пределы национального хозяйства, а экономическая деятельность национального государства испытывает возрастающее давление со стороны неокOLONиальной системы и — в зависимости от характера политической власти и правящих слоев — может становиться проводником долгосрочной стратегии империализма и неокOLONиализма.

В условиях включенности национального государства в мирохозяйственную систему капитализма его экономические функции приобретают двойственное, противоречивое содержание, имеющее как антикапиталистические и антиимпериалистические (национально-объединительные, включая национально-демократические), так и прокапиталистические и проимпериалистические элементы. Действительно, в чисто экономическом плане с достижением политической независимости национальное государство выступает как самостоятельный субъект в мирохозяйственных отношениях, как верховный собственник национальных природных ресурсов и поэтому основной получатель ренты от их эксплуатации, как посредник в международном взаимодействии и главный организатор перестройки народнохозяйственной структуры. Однако эти функции оно вынуждено выполнять в «сотрудничестве» с международным капиталом, в рамках мирового капиталистического хозяйства, которое, собственно, и дает свою «оценку» национальным усилиям, а тем самым ориентирует их в выгодном для себя направлении.

В результате отмеченных выше процессов разрывы в развивающейся экономике по мере ее роста могут усиливаться: появляются новые виды производства, в большей мере вертикально интегрированные в международные хозяйственные структуры и слабо взаимодействующие между собой. Национальное хозяйство тем самым как бы расчленяется на множество рядоположенных «блоков», мало связанных между собой продуктовыми потоками, что резко ограничивает материальные возможности углубления разделения труда в национальном масштабе и ставит этот процесс в зависимость от внешних факторов. «Преимущественно горизонтальная диверсификация нарождающейся в освободившихся странах индустрии, — справедливо отмечает А. Я. Эльянов, — не в последнюю очередь свя-

зана со специфическими формами экономики иностранного капитала, который стремится использовать процесс их индустриализации в своих собственных интересах» [120, с. 248].

Таким образом, неокOLONиальная система отношений базируется преимущественно на расчлененности, расслоенности развивающейся экономики, заложенных еще в колониальный период, воспроизводя их сегодня в новых формах в условиях политической независимости в противоборстве с тенденциями складывания национально-интегрированного хозяйства, т. е., по существу, в противоборстве с процессами упрочения национально-государственного суверенитета в экономической области. Поскольку же развивающаяся экономика расчленена как в технико-экономическом (народнохозяйственном), так и в социально-экономическом («укладном») отношениях, то неокOLONиализм использует различные формы и средства для ее удержания в системе мирового капиталистического хозяйства. Складывающиеся под его воздействием социально-экономические формы являются, с одной стороны, компромиссными, симбиозными (на уровне взаимодействия с развивающейся экономикой), а с другой — международно-интегрированными, миросистемными (на уровне мирового капиталистического хозяйства как целого).

Отмеченные два уровня выступают как необходимые и взаимодополняющие «этажи» в системе отношений мирового капиталистического хозяйства именно после крушения колониализма, поскольку расслоение встроеной в него национальной экономики «снимается» уже не в рамках отдельных колониальных империй, а в рамках всей мировой системы капиталистического хозяйства.

На национально-государственном уровне неокOLONиализм значительно более чувствителен к конкретным формам взаимосвязи с развивающимися странами, ибо они являются одновременно формами монополистической конкуренции и межимпериалистической борьбы (международного капитала и центров капитализма), с одной стороны, и формами хозяйственной интеграции и движения к экономической самостоятельности — с другой. Вот почему их становление протекает в острой борьбе освободившихся государств с конкретными носителями неокOLONиальных отношений (иностраным монополистическим капиталом, империалистическими державами). Эта борьба приобретает тем более ожесточенный характер, что в каждом конкретном случае речь идет о размере той доли прибыли, которую присваивает каждая из сторон.

Наличие же макроуровня, играющего сегодня все более важную роль в системе неокOLONиализма, делает ниже лежащий уровень как бы производным, позволяет придавать различным его формам общекапиталистический, по сути, характер, трансформировать их в неокOLONиальные (по линии центр — периферия мирового капиталистического хозяйства).

В силу подобной трансформации неокOLONиализм как система в определенных пределах «безразличен» к тем или иным конкретным социально-экономическим формам и их динамике постольку, поскольку они не подрывают процесс воспроизводства международного капитала. Более того, по мере складывания и усиления макроуровня неокOLONиальной системы степень этого «безразличия» возрастает, т. е. расширяются ее возможности использовать в своих интересах все более разнообразные формы. Одновременно возрастает и маневренность неокOLONиализма: в случае отклонения от принятых «правил игры» втянутые в его орбиту развивающиеся страны находятся под постоянной угрозой экономического давления и различного рода «санкций». Все это многократно увеличивает трудности борьбы развивающихся стран за экономическую самостоятельность.

Та двойственность, которая характерна для различных форм деятельности иностранного капитала на хозяйственной территории развивающихся стран, неизбежно переносится — уже через посредство национального государства — и на макроуровень, на уровень межгосударственных, международных экономических отношений. Однако на этом, более высоком, уровне она получает несколько иное содержание. Именно здесь сегментированные экономические структуры развивающихся стран обретают в конце концов определенную целостность. Но эта целостность и есть, собственно, мировое капиталистическое хозяйство, взятое в его социально-экономическом, «собственническом» измерении, т. е. как совокупность различных систем и форм собственности (национальных и международных). Поскольку же конституирующими элементами этой целостности (ее регулируемыми принципами, по выражению К. Маркса [4, с. 153]), являются «обезличенный» мировой капитал и ГМК центров империализма, то по отношению к национальным системам собственности развивающихся стран она выступает не как их органическое завершение, а как противостоящая и чуждая им сила. Пожалуй, именно эта черта мирового капиталистического хозяйства и составляет политэкономическую суть неокOLONиализма.

В той же мере, в какой мировое капиталистическое хозяйство выступает как совокупность государственно оформленных экономик, национальная экономика развивающихся стран получает статус самостоятельной государственной единицы, т. е. выступает как относительно целостный хозяйственный комплекс. В данном случае целостность национальной экономики задана, следовательно, не изнутри, а извне и носит поэтому «отраженный», производный, характер, будучи следствием особого свойства, специфической структуры мирового капиталистического хозяйства.

Сказанное выше не означает, что в рамках национальной экономики не идет «низовой» процесс формирования единого хозяйственного комплекса, конкретным выражением которого можно рассматривать, с одной стороны, государственный бюд-

жет и экономические функции государства в целом, а с другой — тенденцию к образованию средней нормы прибыли и цен производства в результате межотраслевого перелива капитала, стимулируемого государством.

В данном случае важно отметить противоречивое воздействие, оказываемое на этот процесс неокOLONиализмом. На национальном уровне, внедряясь в экономическую ткань развивающегося общества, создавая «смешанные» и промежуточные структуры, он не только тормозит указанный процесс, но и постоянно усугубляет расчлененный, расслоенный, конгломератный характер развивающейся экономики. На миросистемном уровне, напротив, он выступает по отношению к ней как к единому хозяйственному комплексу, объективно подталкивая тем самым и процессы национальной хозяйственной интеграции. А поскольку, во-первых, исходной основой неокOLONиальной эксплуатации является в конечном счете расчлененность экономических структур развивающихся стран и, во-вторых, эта расчлененность не может быть устранена только на основе движения капитала, постольку неокOLONиализм, выступая в данном случае как внешняя (миросистемная) сила, вызывает в развивающейся экономике такие процессы, которые направлены косвенно и на подчинение капитала решению общих национальных задач, ограничение сферы его действия. К данной ситуации вполне приложимо следующее высказывание К. Маркса: «Когда иллюзия относительно конкуренции как якобы абсолютной формы свободной индивидуальности исчезает, это служит доказательством того, что условия конкуренции, т. е. условия производства, основанного на капитале, уже ощущаются и мыслятся как подлежащие преодолению пределы и что поэтому они уже являются и все более и более становятся такими пределами» [4, ч. II, с. 156].

Воздействие неокOLONиализма на характер и направления экономического роста

Благодаря изменению баланса сил в мировом хозяйстве и модернизации внутренней структуры развивающихся стран темпы их экономического развития в последние три десятилетия ускорились по сравнению с длительным периодом, предшествовавшим второй мировой войне. Это позволило им повысить свою долю в ВВП несоциалистического мира и в его промышленном производстве с 12% в 1960 г. до примерно 18% в 1980 г. Начался процесс структурной (отраслевой и технологической) перестройки экономики на базе индустриализации, что обеспечивало относительно высокие темпы роста производительности труда и доходов на душу населения.

Вместе с тем в этот период в полной мере проявился противоречивый характер воспроизводственного процесса в развива-

ющихся странах, отражавший глубинные противоречия их развития по капиталистическому пути в условиях неравноправного положения в мировом капиталистическом хозяйстве. Экономический рост не был здесь равномерным и устойчивым: периоды ускорения чередовались с периодами замедления и даже отсутствия роста под влиянием структурных и циклических кризисов в развитой части мирового капиталистического хозяйства. Иными словами, инерционность экономики этих стран уменьшилась, но ее устойчивость не возросла. Особенно тяжелым для развивающихся стран оказалось начало 80-х годов, когда происходило снижение производства и в Азии, и в Африке, и в Латинской Америке.

Растущая вовлеченность в мировое капиталистическое хозяйство тормозит процесс внутривнутрихозяйственной интеграции развивающихся стран. В ряде из них неравномерность, свойственная капиталистическому развитию, привела к усилению социальной и технологической неоднородности экономики, нарастанию межотраслевых и межукладных диспропорций воспроизводства. Под влиянием неокOLONИализма заметно обострились социальные противоречия развития, выросли масштабы безработицы и нищеты, увеличилась поляризация доходов между различными социальными слоями населения.

Как уже отмечалось выше, внешнеэкономические связи развивающихся стран с промышленно-финансовыми центрами мирового капиталистического хозяйства оказывают на процесс накопления противоречивое воздействие. Удельный вес внешних источников в общей величине капиталовложений в развивающихся странах снижается. Но в целом норма накопления в развивающихся странах за годы независимого развития заметно возросла: с 14—16% до 25—27%. При этом расширение границ накопления происходило крайне неравномерно. Оно затронуло главным образом страны с относительно развитым промышленным потенциалом и (или) экспортным сектором. В нижнем эшелоне развивающихся стран отмечался весьма скромный рост или полное отсутствие такового.

Посредством привлечения внешних ресурсов многие развивающиеся страны пытались компенсировать нехватку внутренних источников накопления, а также снять перенапряжение, связанное со сравнительно низким уровнем производительности труда, наличием значительных структурных диспропорций в экономике, особенно на рынках инвестиционных и потребительских товаров. Это перенапряжение выразилось в дезорганизации сферы обращения, нарастании инфляционных тенденций даже в странах, экономика которых развивалась в сравнительно благоприятных условиях.

Вплоть до кризиса начала 80-х годов реальные размеры притока внешних ресурсов в развивающиеся страны увеличивались. В какой-то мере это позволило им расширить внутренние границы накопления, так как приток внешних ресурсов служит

не только дополнением к внутренним сбережениям, но и способствует превращению денежного накопления в реальное. Но в конечном счете использование иностранного капитала в этих целях привело к колоссальному обострению проблемы платежеспособности, породило и закрепило новые формы финансовой эксплуатации развивающихся стран.

На начальном этапе привлечение иностранного капитала, делая возможным расширение границ накопления, позволило развивающимся странам повысить темпы своего экономического роста и в известной мере эффективность общественного производства. Это относится в первую очередь к странам, которые смогли ослабить давление демографического фактора, включиться в новую систему международного разделения труда и начать освоение элементов научно-технической революции. При этом экономический рост в большинстве развивающихся стран под воздействием внешних факторов накопления приобретал достаточно выраженный капиталоемкий характер, а его темпы стали затухать.

Важнейшая причина затухания темпов экономического роста и нарастания затруднений в воспроизводственном процессе развивающихся стран связана с неблагоприятным воздействием на них внешних факторов, в первую очередь с обострением проблемы реализации продукции на мировом капиталистическом рынке. Со всей очевидностью определилась необходимость гибкого сочетания ресурсной модели развития, которой следовало большинство развивающихся стран на протяжении последних двух с лишним десятилетий, с перестройкой распределительного механизма в целях повышения уровня народного благосостояния и укрепления связи между промышленностью и сельским хозяйством.

Противоречивое влияние неокOLONИализм оказывает и на главные направления структурных (отраслевых и технологических) сдвигов в экономике развивающихся стран, связанных с процессом индустриализации, развертыванием мировой научно-технической революции, углублением международного разделения труда. Результаты, достигнутые развивающимися странами, очевидны: повысилась доля промышленности в их ВВП, вырос уровень производительности труда, увеличилась доля занятых в современных секторах (табл. 24). Но в целом процесс создания современных производительных сил носит здесь пока очаговый характер.

Развитие промышленности в странах Азии, Африки и Латинской Америки базировалось скорее на замещении импорта или расширении экспорта, чем на развитии внутреннего рынка как такового, т. е. преимущественно на связях этих стран с мировым рынком. Кроме того, оно в значительной мере ориентировалось на потребительский спрос сравнительно немногочисленных состоятельных слоев населения и следовало, как правило, капиталоемкой модели. Все это вместе взятое обусловило не-

Таблица 24

Отраслевая структура ВВП и занятости в развивающихся странах *, %

Отрасли хозяйства	Занятость			Доля в производстве ВВП		
	1960 г.	1970 г.	1980 г.	1960 г.	1970 г.	1980 г.
Сельское хозяйство и смежные отрасли	72	66	61	33	25	20
Промышленность, строительство, электроэнергетика, газо- и водоснабжение	11	13	14	25	31	33
Транспорт и связь, торговля и кредит, услуги	17	21	25	42	44	47

* Источник: [150].

только узость базы индустриализации в большинстве развивающихся стран и слабость трудопоглощающей способности промышленности, но и довольно значительные перепады в темпах ее роста, его зависимость от конъюнктуры мирового капиталистического рынка.

С проведением аграрных реформ и осуществлением «зеленой революции» очаги современных производительных сил, формировавшиеся первоначально в промышленности, стали возникать и в сельском хозяйстве. Как следствие этого, и сельское хозяйство оказалось в сфере активного воздействия на него внешних факторов, неокOLONиальных отношений. Роль этих внешних факторов возрастала и потому, что развитие современных форм хозяйства в аграрной сфере оказалось неспособным решить ни продовольственную проблему, ни проблему занятости. В результате нарастания продовольственного дефицита в развивающемся мире увеличивался импорт продовольствия из развитых капиталистических стран, росла продовольственная зависимость многих молодых государств, создавались условия для проведения неокOLONиальной политики «шантажа голодом».

Несмотря на происшедшие структурные сдвиги, развивающиеся страны и сегодня выступают главным образом как аграрная и сырьевая периферия с относительно небольшой индустриально-аграрной и индустриально-сырьевой зонами. В то же время в ряде стран происходят прогрессивные сдвиги в промышленной структуре; понижается доля добывающей промышленности, которая во все большей мере работает на внутренний рынок, растет доля обрабатывающей промышленности, а в ней — удельный вес тяжелой промышленности, ориентированной в основном на внутренний рынок. Эти сдвиги в определенной мере свидетельствуют о том, что в экономике развивающихся стран постепенно формируется национальный воспроиз-

водственный комплекс и что уже невозможно безоговорочно трактовать ее как аграрно-сырьевой придаток центров мирового капиталистического хозяйства.

Однако основные структурные диспропорции в экономике этих стран, особенно в промышленности, связанные с неокOLONиальным характером внешнеэкономических отношений, не были преодолены. Хотя тяжелая промышленность развивалась опережающими темпами, а ее доля в промышленном производстве возрастала, сохранилась главная диспропорция в их воспроизводственном процессе — несоответствие между фондами возмещения и накопления, определяющими суммарные потребности этих стран в притоке средств производства, и развитием отраслей первого подразделения, определяющим размеры этого притока из внутренних источников. Такова одна из причин усиления зависимости от импорта промышленной продукции. В 1970—1980 гг. при росте доли обрабатывающей промышленности в ВВП с 17 до 20% доля импорта в местном потреблении промышленной продукции возросла с 30 до 36%.

Определенный вклад в расширение промышленного потенциала, особенно в начальный период, внесла политика замещения импорта. Но по ряду объективных и субъективных причин, прежде всего вследствие давления рыночной стихии, отсутствия комплексного подхода к развитию, эта политика не всегда и не везде проводилась успешно. В результате нередко развивались отрасли, не способные сформировать основу экономической самостоятельности, появлялись мелкие отсталые предприятия, рентабельность которых поддерживалась исключительно протекционизмом, создавались производства с высоким уровнем импортного компонента, что вело не к сужению, а к росту импортных потребностей (см. [100, с. 127—131]). При этом более высокая степень обеспечения спроса на промышленную продукцию местным производством достигалась, как правило, в странах, которые располагают более емким внутренним рынком, т. е. где масштабы экономики и уровень ее развития более значительны.

Переход к стратегии экспортной ориентации позволил развивающимся странам в известной мере снять ограничения, налагаемые на экономический рост узостью внутреннего рынка, отсталостью отраслевых и технологических пропорций экономики. Однако, как было показано в гл. 1, особенностью неокOLONиального международного разделения труда является формирование производственной специализации развивающихся стран под определяющим воздействием экономических интересов развитого центра мирового капиталистического хозяйства. А этот центр нуждается лишь в таком развитии периферии, которое отвечает потребностям монополистического капитала в самовозрастании.

Под влиянием спроса развитых капиталистических стран структурные сдвиги в экспорте развивающихся стран выража-

лись главным образом в изменении профиля сырьевой ориентации: в изменении соотношения между экспортом сельскохозяйственного и минерального сырья, между экспортом горнорудного сырья и топливно-энергетических материалов при весьма скромном росте промышленного экспорта, особенно трудоемкой продукции.

Развитие экспортного сектора, особенно там, где оно осуществлялось иностранным капиталом, носило в значительной мере анклавный характер и сравнительно мало повлияло на перестройку отраслевой и технологической структуры экономики в целом. Одновременно с ростом вовлеченности развивающихся стран в мировое капиталистическое хозяйство, как уже говорилось, значительно усилилась их зависимость от процессов, происходящих в развитых капиталистических странах, и их чувствительность к структурным и циклическим кризисам. Вот почему, несмотря на растущее участие развивающихся стран в международном разделении труда и расширение их внешней торговли, экспортные поступления этих стран не обеспечивали покрытия их импортных потребностей, а их доля в мировом товарообороте относительно сокращалась.

В середине 70-х годов в связи с обострением энергосырьевых проблем падение доли развивающихся стран в мировой торговле приостановилось и начался ее рост, главным образом за счет увеличения стоимости экспорта нефти и соответственно доли нефтеэкспортирующих стран в мировом экономическом обмене.

Однако, поскольку рост доли этих стран в мировой торговле произошел главным образом за счет перераспределительных процессов и не подкреплялся соответствующими сдвигами в структуре экономики и физического объема экспорта, этот рост не обещал быть устойчивым. В начале 80-х годов в результате сужения спроса развитых капиталистических стран на энергосырьевые ресурсы и ужесточения протекционизма на рынках промышленных товаров доля развивающихся стран в импорте развитых капиталистических стран и в мировом экспорте стала вновь уменьшаться.

Таким образом, стратегия экспортной ориентации в рамках сохраняющейся неокOLONиальной системы отношений, не поддержанная прогрессивными преобразованиями экономической структуры развивающихся стран и перестройкой международных экономических отношений, не дала и не могла дать желаемых результатов. В этих условиях постоянное привлечение все новых и новых внешних ресурсов становится объективно необходимым элементом воспроизводственного процесса.

С особой силой отрицательные последствия зависимости развивающихся стран от состояния мировых рынков капитала и товаров и от процессов, происходящих в центре мирового капиталистического хозяйства, проявились во время циклического кризиса начала 80-х годов, приведшего к существенному ухуд-

шению внешних условий воспроизводства в этих странах. Значительно усложнились условия реализации производимых в развивающихся странах товаров на внешнем рынке. В результате этого дефицит баланса текущих операций образовался не только у импортеров нефти, но и у многих ее экспортеров. Баланс текущих операций по развивающемуся миру в целом, ранее сводившийся с активом, впервые после энергетического кризиса стал пассивен: +39,5 млрд. долл. в 1980 г. и — 81,8 млрд. долл. в 1983 г.

Замедлился, а затем и полностью прекратился приток внешних ресурсов в развивающиеся страны. На процессе воспроизводства в этих странах тяжело отразилось резкое сокращение объема и одновременно удорожание кредита вследствие роста процентных ставок и повышения курса доллара. Ухудшение финансового положения стран — экспортеров нефти ограничило массу ликвидных средств, обращающихся на международном частном рынке ссудного капитала. Рост бюджетных дефицитов в развитых капиталистических странах неблагоприятно повлиял на объем государственной «помощи развитию». Наконец, как уже говорилось, колоссальный рост платежей развивающихся стран в виде прибылей по иностранным инвестициям и процентов по внешним займам поставил многие из них на грань финансового банкротства.

В 1982 г. около двух десятков развивающихся стран были вынуждены пересмотреть сроки погашения внешней задолженности, а некоторые из них — и выплату процентов по займам. В этих условиях западные банки стали свертывать кредитование развивающихся стран. В 1982 г. приток частных кредитов в эти страны составил всего 25 млрд. долл. против 51 млрд. долл. в 1981 г., т. е. понизился почти до уровня 1978 г. (24 млрд. долл.). Возобновление кредитов этим странам было поставлено в жесткую зависимость от согласия МВФ. Более того, даже обсуждения пересмотра условий государственной или гарантированной задолженности все чаще координируются теперь с переговорами об урегулировании частных долгов.

В 1983 г. стабилизационные программы МВФ осуществляли уже четыре десятка развивающихся стран, что означает для них ограничение импорта и бюджета, свертывание инвестиционно-производственных программ, а также растущее подчинение внутренней экономической политики рекомендациям международных кредитно-финансовых институтов и стоящим за ними ТНК и ТНБ.

Под влиянием кризиса структурная перестройка экономики развивающихся стран резко замедлилась, а «Третье десятилетие развития», объявленное ООН на 80-е годы, было практически сорвано, так и не начавшись. Сужение спроса развитых капиталистических стран на энергосырьевые ресурсы и ужесточение протекционизма на импорт промышленных товаров из развивающихся стран привели к сокращению экспорта, ограни-

чению импорта, свертыванию производственных программ и в конечном счете приостановлению роста ВВП в развивающихся странах.

Вместе с тем кризис высветил новые грани вовлеченности развивающихся стран в систему мирового капиталистического хозяйства и в известной мере по-новому поставил вопрос о перспективах их экономического развития. Во-первых, произошла смена лидеров в верхнем эшелоне развивающихся стран. От экспортеров нефти лидерство перешло к промышленным экспортерам, которые, располагая более солидным производственным и технологическим потенциалом, оказались более приспособленными к меняющейся конъюнктуре в мировом хозяйстве. Однако против расширения экспорта промышленных товаров из этих стран империалистические государства стали в последнее время применять новый протекционизм, серьезно осложняющий условия воспроизводства в развивающихся странах, осуществляющих ускоренную индустриализацию.

Во-вторых, почти все крупные заемщики на международном рынке частного капитала, будь то экспортеры нефти или промышленные экспортеры, резко замедлили темпы своего развития.

В-третьих, более медленными, но и более устойчивыми темпами развивались крупные страны с относительно емким внутренним рынком и диверсифицированной промышленной структурой, менее зависимые от внешних факторов роста и соответственно от стихийных процессов, происходящих в центре системы мирового капиталистического хозяйства.

В-четвертых, низкими темпами при минимальных сдвигах в отраслевой и технологической структуре экономики развивались страны нижнего эшелона. Кризис сравнительно мало повлиял на эти страны, но лишь потому, что и раньше они не были ни крупными экспортерами товаров, ни крупными импортерами капитала. Однако, вызвав сокращение объемов «помощи развитию», ухудшение условий сбыта сырьевых товаров и возможностей внешнего кредитования, кризис еще более осложнил перспективы их экономического развития.

Не соответствующие интересам развивающихся стран и объективным задачам их экономического и социального прогресса, достижения хозяйственной самостоятельности и избавления от империалистической эксплуатации, воздействие неокOLONИализма на экономическую структуру этих стран требует от них использования всех доступных средств для борьбы за свои экономические интересы. Наиболее мощным средством такой борьбы служит национальное государство, созданное в результате победы антиколониальных революций, политического освобождения народов Азии, Африки и Латинской Америки. Роли национального государства в противодействии неокOLONИальной эксплуатации посвящается следующая глава.

НАЦИОНАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО В ПРОТИВОДЕЙСТВИИ НЕОКОЛОНИАЛЬНОЙ ЭКСПЛУАТАЦИИ

В 80-х годах империализм предпринял, по сути дела, массированное наступление на завоевания развивающихся стран, стремясь оказать прямое воздействие на весь механизм их общественного развития. В современной стратегии неокOLONИализма тесно взаимосвязаны два основных направления — саботаж программы НМЭП и воздействие на важные рычаги государственной хозяйственной политики. Главным объектом неокOLONИалистского наступления при множественности его целей является экономический суверенитет освободившихся стран. «Проводя политику неокOLONИализма, империализм стремится выхолостить завоеванный молодыми государствами суверенитет, сохранять и даже усилить контроль над ними», — подчеркивается в Программе КПСС [13, с. 135].

Фактически империализм ведет наступление на экономический суверенитет освободившихся стран с целью ослабить саму основу их самостоятельной политики, взять ее под контроль, чтобы рост национальной экономики происходил лишь постольку, поскольку это соответствовало бы внешнеэкономическим задачам западных держав. Через посредство МВФ и МБРР многим развивающимся государствам в числе мер так называемого «оздоровления» экономики и методов хозяйственной политики предписываются приватизация предприятий государственного сектора, содействие иностранному бизнесу и передача в руки частных предпринимателей ряда государственных экономических функций.

Таким образом империалистические государства стремятся облегчить свое внедрение в развивающиеся страны, больше «открыть» экономику этих стран для мирового капитализма. Вполне понятно, «расчистка» поля деятельности для ТНК подразумевает устранение одного из главных препятствий на пути империалистической экспансии — опоры этих стран на государственный суверенитет в сфере экономики. Ведь государственная экономическая политика и госсектор развивающихся стран, как правило, отражают национальные интересы, специфические требования их развития, которые игнорируются в ходе неокOLONИальной экспансии, поскольку зачастую они противостоят ее глобальным задачам и узкокорыстным целям ТНК.

В этих условиях перед многими освободившимися государствами с особой остротой встает проблема противодействия силам неокOLONИализма. Они вынуждены отстаивать уже завоеванные позиции на мировом рынке и в сфере международных отношений. Дальнейшее их продвижение по пути решения двуединой, по существу, задачи преодоления отсталости и укрепления экономической самостоятельности связано с перспективой

развития государственного механизма организации национальной экономики, совершенствования системы внешнеэкономических связей, повышения народнохозяйственной эффективности государственных форм производства, налаживания прямых контактов государственных организаций с иностранными фирмами и финансовыми учреждениями, расширения взаимовыгодного хозяйственного сотрудничества с социалистическими государствами и другими развивающимися странами.

В последние годы идеологи неокolonиализма усилили попытки принизить самую идею государственного участия в экономике, всячески подчеркивая отдельные неудачи и просчеты хозяйственной деятельности государства в развивающихся странах. Однако усложнение условий развития освободившихся стран и усиление неокolonиального давления на них отнюдь не обуславливают пересмотр вопроса о ведущей роли государства в их развитии и не могут поставить под сомнение тот факт, что государственный суверенитет, использующийся в сфере экономики, и государственный сектор, в котором во многих странах развиваются ключевые отрасли хозяйства, являются основой противоборства с диктатом империалистических держав. Напротив, опыт, приобретенный освободившимися странами за три десятилетия борьбы с неокolonиализмом, свидетельствует, что именно на этой основе создается реальная преграда стремлению ТНК контролировать социально-экономические процессы в молодых государствах. Стало ясно, что формирование главного условия успешного противоборства с иностранными монополиями — создания противостоящего им полюса экономической силы возможно только в результате целенаправленного и диверсифицированного развития хозяйства. Это, в свою очередь, связано с повышением роли государства в решении таких задач, как мобилизация и эффективное, по преимуществу плановое, использование собственных и заемных ресурсов в госсекторе, выработка и проведение в жизнь целенаправленной стратегии развития с учетом возможностей использования достижений научно-технического прогресса, укрепление позиций на мировом рынке, расширение равноправного сотрудничества с социалистическими государствами и другими развивающимися странами.

Выдвижение этих задач уже само по себе означает столкновение национальных интересов развивающихся стран с устремлениями империализма, а необходимость их решения приводит к формированию основного противоречия развития освободившихся государств, следующих по капиталистическому пути. Они развиваются как часть мирового капиталистического хозяйства, все больше вплетаясь в сеть его торгово-экономических, валютно-финансовых и научно-технических взаимосвязей. В то же время эти страны не могут полностью встать на путь создания условий, адекватных формам и методам действия международного бизнеса, поскольку это означало бы отказ от раз-

ностороннего развития национальной экономики, ее консолидации.

Таким образом, возникновение и расширение экономических функций государства в развивающихся странах стало естественным и необходимым процессом в конкретно-исторических условиях их общественного развития, важнейшим фактором его форсирования и организации. Вместе с тем нельзя упускать из виду, что экономическая деятельность государства может стать, и во многих странах действительно становится, проводником определенных неокolonиалистских акций империалистических держав. Примеров такого рода деятельности достаточно. К ней можно отнести, например, строительство государством современной производственной инфраструктуры для функционирования иностранного капитала в «свободных зонах», допущение в государственный сектор иностранного капитала при невозможности контроля над ним, различного рода компромиссы при образовании предприятий «совместного владения» и, наконец, проведение экономической политики «открытых дверей», предоставляющей полную свободу действий и государственное поощрение деятельности иностранного капитала.

Опыт развивающихся стран показывает, что направление государственной экономической политики в каждой из стран, и в частности характер внешнеэкономических связей и прямого участия государства в развитии народного хозяйства, в решающей степени зависит от соотношения классовых и политических сил. Их «равнодействующая» определяет социально-политическую ориентацию государственной власти, ее способность противодействовать экспансии ТНК или, напротив, потворствовать ей.

Непоследовательность и противоречивость государственной политики в отношении привлечения и использования иностранного капитала, имеющие место во многих странах, ослабляют их возможности противостоять неокolonиалистскому натиску, ведут к нестабильности политической ситуации, создают многочисленные «лазейки» для ТНК, изыскивающих новые формы проникновения в развивающиеся страны и добивающихся усиления неравноправной включенности этих стран в мировое капиталистическое хозяйство.

При оценке экономической деятельности государства в различных частях многоликого развивающегося мира наиболее очевидны успехи стран социалистической ориентации, развитие которых связано с ограничением элементов капитализма в их хозяйстве и процессом обобществления средств производства. Опора этих стран на экономическое сотрудничество с социалистическими государствами ставит серьезную преграду их неокolonиальной эксплуатации, резко ограничивает возможности воздействия на них центров мирового капитализма.

Далеко не однозначны результаты государственного вмешательства в экономику на различных участках и направлениях

развития стран, идущих по капиталистическому пути. Но при этом фактом остается то, что экономическая деятельность национального государства во многом определила формирование тех общих тенденций, которые вывели сегодня развивающиеся страны на новое место в мировой политике и экономике, и в то же время такой принципиально важной тенденции внутреннего развития этих стран, как «возрастание степени целостности производственного процесса и постепенный переход его по преимуществу на национальную основу» [102, с. 103].

Упрочение государственного контроля над деятельностью иностранного капитала

Одной из радикальных мер, которые предпринимает большинство освободившихся стран с начала независимого развития, является национализация иностранной собственности и переход ее в руки государства. В ходе национализации был создан и продолжает расширяться государственный сектор в их экономике, ставший базой индустриализации, ядром структурной перестройки национального хозяйства, опорой молодых государств в их борьбе с неокOLONIALИЗМОМ.

Во многих случаях империалистические силы всеми средствами пытались противостоять актам национализации, вплоть до самых грубых форм вмешательства во внутренние дела суверенных государств. Так было, например, в начале 50-х годов, когда иранское правительство Мосаддыка сделало попытку национализировать Англо-иранскую нефтяную компанию. Лишь с изменением соотношения сил между империализмом и социализмом и повышением роли развивающихся стран в мировых делах этим странам удалось добиться международно-правового признания своих законных прав на суверенитет над природными и другими экономическими ресурсами.

Наибольший размах процесс национализации иностранной собственности получил в 70-е годы. В 1971 г. Алжир стал первой из арабских стран, которая национализировала 51% нефтедобывающей промышленности и все производство и транспортировку газа [191, 1985, № 12, с. 65]. За период с 1960 по 1976 г. в результате полной или частичной национализации в руки государства в развивающихся странах перешли активы иностранных монополий, оценивающиеся в сумму около 33 млрд. долл. [102, с. 47].

Главным объектом национализации стала добыча и переработка минеральных ресурсов. В 1960 г. было национализировано 2,5% горнодобывающих предприятий, в 1971 г. — 43%, а к середине 70-х годов — уже 83% [29, с. 95]. Из всех актов национализации к началу 80-х годов около половины случаев имело место в сфере горнодобывающей промышленности, около одной трети — в обрабатывающей промышленности и план-

тационном хозяйстве, остальные — в банковском, страховом деле и в других отраслях инфраструктуры. По данным Центра ООН по транснациональным корпорациям, количество предприятий, национализированных с 1960 по 1976 г., составило 1369 [16, с. 317]. В течение 60-х годов в развивающихся странах в год происходило по 47 актов национализации, в первой половине 70-х годов — 140, а в период с 1977 по 1979 г. — по 16 [36, с. 234; 37, с. 11].

Наряду с этим развивающиеся страны добились пересмотра многих неравноправных договоров, что привело, в частности, к увеличению налоговых ставок и других выплат сырьевых ТНК, ограничению их доли в акционерном капитале добывающих предприятий, расположенных в развивающихся странах, к переходу во многих случаях иностранных предприятий в «совместное» владение и к другим сдвигам в структуре собственности в ряде отраслей хозяйства.

Эти акции развивающихся государств в целом подорвали позиции «старых» сырьевых и плантационных монополий и дали национальным правительствам возможность использовать важные отрасли сырьевого и аграрного секторов в интересах подъема всего народного хозяйства. В государственный бюджет стали поступать не только суммы концессионных платежей, но и большая часть ренты в горнодобывающей промышленности и плантационном хозяйстве. Национализация позволила приступить в этих отраслях к первичной обработке сырья и начать вывоз полуфабрикатов. К началу 80-х годов обработке подвергалось более $\frac{1}{5}$ экспортируемых развивающимися странами бокситов, свыше $\frac{1}{4}$ железной руды, более $\frac{1}{3}$ фосфатов, около $\frac{1}{2}$ марганцевой руды, от $\frac{2}{3}$ до $\frac{3}{4}$ цинковой, свинцовой, никелевой руд и т. д. [150, 1981, № 2, с. 35]. Национализация, следовательно, полностью оправдала себя экономически.

Массовая национализация иностранной собственности, несмотря на все трудности ее проведения и проблемы, которые она породила, стала первой серьезной преградой на пути дальнейшей экспансии иностранных монополий, действовавших в развивающихся странах. В то же время она позволила ряду государств выступить на мировом рынке в качестве монопольного экспортера некоторых видов продукции национализированных отраслей.

Широко известным примером успеха подобной антиимпериалистической деятельности государства в развивающихся странах является национализация нефтедобычи странами ОПЕК. В результате доля ТНК в нефтедобыче этих стран сократилась с 99% в 1965 г. до 25% в 1975 г. и до 10% в начале 80-х годов [48, с. 83]. Нефтедобывающие страны впервые в истории бывших колоний и полукolonий смогли разрушить механизм ценообразования на нефть, которым пользовался международный нефтяной картель, продиктовать свои условия центрам мирового капитализма в период острого политического кризиса,

ограничить поставки нефти в США, европейские капиталистические страны и Японию.

Весьма характерно, что во многих развивающихся странах именно национализация предприятий добывающей промышленности, в частности нефтедобычи, позволила развить в государственном секторе новые для этих стран виды деятельности: капиталоёмкую разведку, оценку, подготовку к эксплуатации и добычу не только нефти, но и многих других видов полезных ископаемых. Известно, что в развивающихся странах создано около 100 национальных государственных компаний, осуществляющих полный цикл нефтяных операций, от разведки до продажи нефти и нефтепродуктов. На их долю в 1981 г. пришлось 54% всех пробуренных в развивающихся странах новых скважин. В Мексике дорогостоящие разведывательные работы государственной нефтяной компании «Пемекс» привели к открытию огромных залежей нефти, которые разрабатываются с середины 70-х годов. В Индии в результате разведки, проводимой государственными компаниями при содействии СССР, существенно расширилась перспектива национального самообеспечения нефтью, увеличилась ее добыча [46, с. 27]. В результате национализации медных рудников доля крупнейших ТНК в добыче меди сократилась с 60% в 1960 г. до 23% в 1981 г. [150, 1984, № 4, с. 117].

В 80-е годы национализация иностранной собственности, сыгравшая в ряде стран огромную роль в становлении местной промышленности и всей системы государственного сектора, продолжалась. Правительство Перу в трудных условиях падения цен на нефть на мировом рынке и требований США выплатить задолженность приняло в августе 1985 г. решение о расторжении контрактов с тремя американскими нефтяными компаниями, деятельность которых наносила стране прямой ущерб. Они уклонялись от инвестиций в разведку новых месторождений нефти и использовали предоставленные для этого налоговые привилегии для выкачки дополнительных прибылей. Подчеркивая принципиальную правомерность актов национализации и их необходимость в будущем, президент Мексики М. де Ла Мадрид в первом отчете правительства Национальному конгрессу заявил: «Мы продвинулись вперед в области разработки правовых и административных основ национализации в соответствии со ст. 28 Конституции» [148, 1984, № 1, с. 38].

Надо, однако, отметить усиление и другой тенденции — денационализации, реприватизации ранее национализированной собственности. В результате определенного давления извне, сложностей управления национализированным хозяйством, обостряющейся финансовой и технологической зависимости от иностранных монополий ряд стран в последние годы был вынужден проводить такого рода акты. Так, правительства Пакистана, Бангладеш, Бразилии, Мексики, Аргентины, Турции, Малайзии, Танзании и других стран осуществляют продажу

частному капиталу части государственных предприятий, стараясь прежде всего избавиться от убыточных и малопродуктивных предприятий во «второстепенных» отраслях, например в текстильной. В Мексике государственная инвестиционная компания с 1985 г. публикует списки государственных предприятий, предназначенных для продажи. В 1986 г. их уже насчитывалось свыше 250 [150, 1987, № 2, с. 37].

Два противоположных процесса — постепенный выкуп иностранной собственности национальным капиталом (государственным и частным) и частичная денационализация или приватизация государственных предприятий продолжают «питать» такую широко распространённую форму предпринимательства, как «совместное владение». Эта форма стала своеобразным компромиссом в ходе борьбы национального государства за пересмотр концессионных форм операций иностранного капитала в добывающей промышленности и плантационном хозяйстве в 60—70-х годах. В итоге государство во многих случаях стало совладельцем бывших концессий и смогло осуществлять контроль над их деятельностью, в известной мере используя привлекаемый иностранный капитал в национальных интересах.

Акты частичной денационализации, зачастую вызванные неспособностью руководителей государственных предприятий обеспечить их рентабельность или выход на мировой рынок, также привели к образованию «совместных предприятий», но уже при другой расстановке сил. Подобные предприятия обеспечивают иностранному капиталу определенные льготные условия функционирования в принимающей стране и дополнительные прибыли, а развивающейся стране — возможность приобщения к технологическим новшествам и приобретения управленческого опыта. Во многих случаях иностранный партнер обеспечивает выход на мировой рынок с помощью маркетинга и торговой марки, а развивающаяся страна — производственные компоненты: соответствующую технологию, дешевую рабочую силу, инфраструктурные и некоторые управленческие услуги, природные факторы. Часто дешевая потребительская продукция таких предприятий проникает на рынки западных стран и реализуется там по конкурентоспособным ценам.

В настоящее время практика создания «совместных предприятий» получила распространение практически во всех «новых индустриализирующихся странах» — Бразилии, Аргентине, Мексике, Южной Корее, Тайване, а также во многих других. Она имеет свои особенности в сфере производства некоторых видов оборудования, в электронной промышленности, в отраслях по обработке сельскохозяйственной продукции и ее реализации. Вступая в соглашения о создании таких предприятий, государство в развивающихся странах отнюдь не всегда добивается сосредоточения в своих руках основных рычагов управления или даже контроля над хозяйственной политикой данного предприятия, хотя такие задачи и стоят в контексте борьбы за

лезных ископаемых в развивающихся странах, как правило, находятся под контролем правительственных организаций.

Вместе с тем политика этих стран по отношению к ТНК широко варьируется в зависимости от социально-политической ориентации той или иной страны, наличия хозяйственных ресурсов, уровня промышленного и технологического развития и т. п. Она может изменяться в одной и той же стране в ходе политических сдвигов или возникновения социально-экономической напряженности. В начале 80-х годов развивающиеся страны столкнулись с усилившимся противодействием со стороны империализма их политике ограничения иностранной собственности и подчинения деятельности иностранного капитала задачам национального развития. В результате во многих странах, по свидетельству экспертов Центра ООН по ТНК, в 80-е годы наблюдается «более прагматический подход с целью облегчить и ускорить приток иностранных инвестиций» [37, с. 57]. Ряд стран, включая и некоторые страны социалистической ориентации, например Танзанию, вынужден искать более гибкие методы регулирования деятельности иностранного капитала. В Аргентине, где закон 1973 г. довольно жестко ограничивал приток иностранных инвестиций, в 1980 г. были практически ликвидированы основные формы контроля над притоком и деятельностью иностранного капитала. Такого же рода сдвиги произошли и в Индонезии. Ослабление ограничительных мер по отношению к иностранному капиталу произошло в странах Андской группы, на Филиппинах, в Пакистане, Бангладеш, Шри-Ланке и других странах [37, с. 58].

В ходе кампании за денационализацию и свертывание госсектора в освободившихся странах США оказывают все более жесткий нажим на такие международные организации, как Азиатский банк развития и Международная ассоциация развития, предоставлявшие этим странам льготные займы для инфраструктурного строительства в госсекторе. В качестве средства давления используется сокращение взносов США в эти организации. К 1982 г. американские ссуды Международной ассоциации развития были уменьшены на 30% в сравнении с 1980 г. [156, 1985, № 11, с. 10].

Все эти факты отражают активизацию экспансии Запада в условиях нарастания трудностей развития освободившихся стран. Значительно осложняется борьба развивающихся стран с неокOLONИализмом на таком важнейшем участке, как укрепление государственных форм общественного развития. Оценивая эти процессы, важно иметь в виду, что изменение условий допущения иностранного капитала в национальную экономику стран Азии, Африки и Латинской Америки в первой половине 80-х годов происходило на фоне уже завоеванных позиций госсектора в ключевых отраслях хозяйства. При этом вполне очевидно, что большинство этих стран по-прежнему сталкивается с необходимостью привлечения иностранного капитала.

Государственное регулирование внешнеэкономических связей

Успехи индустриализации и появление многих развивающихся стран на мировом рынке в качестве поставщиков ряда промышленных товаров, а также необходимость форсирования экспорта для оплаты огромной внешней задолженности резко обостряют их борьбу против господства иностранного капитала, ТНК, в частности в товаропроизводящей сфере. В результате возникают новые тенденции, которые имеют большое значение для общей перспективы развития. Экспортная торговля готовой промышленной продукцией ряда стран Азии и Латинской Америки быстро растет. Однако эти страны в условиях ужесточающейся протекционистской политики Запада не могут использовать всех возможностей такого роста и получить соответствующие экспортные доходы. Главное препятствие для этого — «новый» протекционизм развитых капиталистических государств. Эксперты ЮНКТАД подсчитали, что если бы были ликвидированы тарифные и нетарифные барьеры против экспорта примерно 150 важнейших товаров развивающихся стран, то их валютная выручка могла бы увеличиться на 35 млрд. долл. в год, т. е. покрыть $\frac{2}{5}$ их выплат процентов по задолженности в 1985 г. [191, 1986, № 2, с. 35]. Тем не менее даже в этих условиях некоторым странам удается в отдельные годы несколько расширить свой экспорт. Так, в 1983 г. развивающиеся страны увеличили свои поставки в развитые капиталистические страны на 9,4 млрд. долл., а на рынки развивающегося мира — на 1,3 млрд. долл. [181, 1985, № 25]. Эти скромные успехи совершенно не адекватны их потребностям в расширении своих экспортных рынков и получении доходов от них на цели развития.

В принципе происходит все более тесное переплетение задач внутреннего хозяйственного развития, индустриализации, социально-экономических преобразований в освободившихся государствах, с одной стороны, и перестройки системы их внешнеэкономических связей с развитыми капиталистическими странами — с другой. Расширение в последние годы неокOLONИальной эксплуатации развивающихся стран через каналы этих связей обуславливает необходимость усиления и поиска новых форм борьбы за радикальное изменение таких связей. Ухудшение условий торговли, рост задолженности, «новый протекционизм» западных государств — все это имело резко негативное воздействие на положение развивающихся государств. В то же время, как было отмечено на конференции латиноамериканских стран в г. Кито в начале 1984 г., «в сложившихся условиях международные банки даже увеличили свои прибыли, заставив МВФ наблюдать за урегулированием долгов развивающихся стран». В результате «отток финансовых средств превратил Латинскую Америку в чистого экспортёра капиталов, что обескровливает ее экономику» [26, с. 13—14].

Чрезвычайно важна для развивающихся стран задача борьбы против господства иностранного капитала в сфере внешней торговли. Характерно, что после введения Соединенными Штатами новых налогов на экспортируемую из Бразилии сталь (это привело к фактической приостановке ее импорта) недоиспользование производственных мощностей сталелитейных заводов в этой стране резко возросло (до 60% в 1985 г.) [191, 1984, № 2, с. 61].

С решением названной задачи в значительной мере связаны общие перспективы индустриализации развивающегося мира, включая проблему повышения степени обработки сырья на месте. Монополизация ТНК международной торговли сырьевыми товарами привела к тому, что в 1980 г. они контролировали от 70 до 90% экспорта минерального и сельскохозяйственного сырья из развивающихся стран [33, с. 161]. В результате в начале 80-х годов доходы этих стран от экспорта сырьевых товаров составляли, согласно подсчетам экспертов ООН, незначительную часть конечной цены указанных товаров на рынках развитых капиталистических государств.

Трудности в торговле сырьевыми товарами сопровождались возрастанием потерь в области сбыта готовых промышленных изделий и полуфабрикатов, сталкивающегося с политикой протекционизма стран Запада, стремящихся не допустить эти товары на свои рынки. Министр финансов Бразилии Олаву Сетубал заявил в марте 1985 г., что «подход США к международным торговым проблемам — это прямое проявление политики с позиции силы: индустриальный мир во главе с США пытается силой увековечить несправедливую систему торговли, навязав ее таким странам, как Бразилия, находящимся на переходном этапе экономического развития». Он осудил давление богатых стран с целью «защитить свои технически устаревшие отрасли в ущерб экспорту стран, располагающих богатыми полезными ископаемыми и дешевой рабочей силой» [171, 2.07.1985].

Агрессивная протекционистская политика США и других капиталистических государств Запада торпедирует усилия развивающихся стран преодолеть кризис задолженности и ускорить свое развитие за счет наращивания экспорта. Так, в последние годы конгресс США принял свыше 300 ограничительных протекционистских законов, направленных против интересов Бразилии, Аргентины, Индии, «новых индустриализующихся» стран [191, 1985, № 11, с. 42, 119]. В первой половине 1985 г. экспортная выручка Аргентины, например, упала на 7% в сравнении с тем же периодом предыдущего года из-за протекционистских мер США и ЕЭС и снижения цен на мясо [191, 1985, № 12, с. 125]. Все это делает особенно важными государственную политику регулирования внешнеэкономических отношений развивающихся стран и необходимость для них добиваться соглашений по таможенным вопросам.

Жесткие позиции ТНК в сфере внешней торговли, усиление

протекционизма, демпинговой практики и других мер, ведущих к огромным потерям развивающихся стран (лишь в 1980—1982 гг. их экспортные потери составили 40 млрд. долл.) [150, 1983, № 10, с. 79], вынуждают эти страны расширять борьбу против засилья транснациональных корпораций на мировом капиталистическом рынке. В ходе работы международных экономических форумов, в частности на VI Конференции ЮНКТАД, состоявшейся в 1983 г. в Белграде, справедливо отмечалось, что успеха можно добиться, лишь сочетая усилия по созданию национального экономического потенциала в каждой из сфер хозяйства и борьбу на международном уровне за ликвидацию всех форм эксплуатации со стороны ТНК в области торговли и в смежных сферах.

Успехи, пусть пока и весьма скромные, достигнутые развивающимися странами в борьбе с империализмом, обусловлены несколькими факторами, значение которых возрастает. К их числу относится поддержка социалистическими государствами прогрессивных социально-экономических тенденций в развивающемся мире, включая разнообразные формы противодействия неокOLONиалистской политике Запада. Так, на сессиях ЮНКТАД, ЮНИДО, Генеральной Ассамблеи ООН и других международных форумах они вносят конкретные предложения по вопросам международной торговли, отвечающие и интересам освободившихся стран — стабилизации рынков сырья, ликвидации протекционизма, улучшения условий торговли для развивающихся государств, ее структурной перестройки. Важную роль в этой борьбе играет такой фактор, как возрастающее политическое влияние освободившихся стран на международной арене, проявляющееся, в частности, в активизации деятельности «группы 77», Движения неприсоединения, региональных объединений.

Совершенно очевидно, что большая часть проблем развивающихся стран в области торговли может быть решена на путях объединения их усилий на межгосударственном уровне. Эта перспектива тесно связана с укреплением государственных форм организации общественного развития, возможностью этих стран вырабатывать и последовательно проводить национальный курс развития в опоре на государственный сектор хозяйства. В последнее время обозначилась тенденция к укреплению их экономического сотрудничества, что вынуждает ТНК маневрировать, видоизменять свою стратегию, идти на отдельные уступки. Свидетельством сказанного является заключение в начале 80-х годов преференциальных торговых соглашений примерно между 90 освободившимися государствами; 50 стран заключили кредитные, клиринговые и другие финансовые соглашения и союзы (подробнее см. [93, с. 63—64, 69—70]). О том, что процесс объединения усилий развивающихся стран в борьбе против неокOLONиализма продолжает набирать силу, свидетельствуют и активные действия латиноамериканских государств.

Латиноамериканские страны больше двух лет проводят между собой встречи по вопросу о задолженности и торговле. Серьезная попытка достичь единства была предпринята в июне 1983 г., когда на встрече в г. Картахена в Колумбии была создана «картахенская группа». Эта группа, состоящая из одиннадцати стран, включая Мексику, провела несколько встреч, пытаясь согласовать действия стран-участников для решения проблемы долга, для совместных действий развивающихся стран. В начале 1984 г. на заседании «картахенской группы» в Санто-Доминго подчеркивалось, что проблема неравноправных внешнеэкономических связей развивающихся стран и их экономической эксплуатации, выразившаяся в наиболее острой форме в «долговом кризисе», уже не может быть решена экономическими и финансовыми мерами стран-должников. В мае 1985 г. на конференции стран региона в г. Бразилиа была принята декларация, решительно отвергающая курс МВФ, цель которого состоит в «навязывании молодым демократическим странам крайне жесткой бюджетной политики и принятия антинародных и антинациональных мер» [151, 9.09.1985]. Тогда же произошла встреча представителей 33 государств в Гаване, большинство которых высказалось за скорейшее установление нового, более справедливого международного экономического порядка и за развитие латиноамериканской интеграции. Все это говорит о том, что в борьбу против ужесточившейся неоколониальной эксплуатации втягиваются все более широкие силы различной политической ориентации.

Вместе с тем многие развивающиеся страны предпринимают серьезные меры по установлению государственного контроля над своей внешней торговлей. Некоторые из них ввели полную государственную монополию (Алжир, Афганистан, Бирма, Бангладеш, Сирия, Иран, Ирак, Мали, Марокко, Сомали, Ливия и др.). Подавляющее большинство освободившихся государств осуществляет монополию на торговлю отдельными, как правило наиболее важными, видами товаров. В ряде африканских стран это, например, экспорт арахиса, какао-бобов. Бангладеш, Бирма, Египет, Гайана, Перу установили государственную монополию на вывоз сахара, а в Аргентине, Бразилии, Мексике, Венесуэле, на Филиппинах, в Таиланде в этой сфере совместно действует национальный частный и государственный капитал. Во многих странах созданы государственные внешнеторговые организации (национальные корпорации) по торговле основным экспортным товаром: в Гане — какао, в Колумбии, Эфиопии, Бурунди — кофе.

Примером эффективного контроля государства над внешней торговлей может служить Танзания, где общенациональную политику в этой области проводит Совет по торговле. У него в подчинении находятся пять государственных компаний, сосредоточивших в своих руках примерно 45% импорта страны. Остальная торговля идет через ряд принадлежащих государст-

ву отраслевых корпораций. Правительственные организации осуществляют значительную часть торговли в Замбии, Кении, Нигерии, Гане. Они также используются для защиты молодой местной обрабатывающей промышленности от конкуренции ТНК и для содействия экспорту нетрадиционных товаров.

Во многих странах государство пытается законодательным путем пресекать наиболее одиозные и наносящие вред их экономике действия ТНК в сфере торговли. Так, в Мексике и Аргентине запрещены демпинговые продажи, в Индии, Пакистане, Бразилии, Аргентине объявлены незаконными «обусловленные продажи», установление перепродажных цен, исключительные агентские соглашения. Делаются попытки не допускать картельных соглашений ТНК о разделе рынков, установлении квот сбыта, согласовании цен, группового бойкота и т. п. При этом особое значение придается установлению государственного контроля над монополистическими ценами на промышленные и потребительские товары. В некоторых странах (в Индии, Пакистане, Бразилии, Колумбии и ряде других) созданы специальные органы для надзора за выполнением ТНК установленных государством норм и применения санкций в случае их нарушения.

В ходе борьбы развивающихся государств с западными монополиями в сфере внешней торговли становится очевидным, что наиболее эффективным направлением такой борьбы является создание и расширение государственных торговых предприятий и связанных с ними кооперативов. Во многих странах они осуществляют импорт продовольствия, борясь против взвинчивания цен со стороны ТНК. В области экспорта государственные торговые предприятия занимаются сбытом традиционных и новых сырьевых товаров, продают на мировом рынке экспортную продукцию мелких и средних производителей, стремясь воспрепятствовать искусственному занижению цен на нее. (В Индии, например, около 40% экспорта государственной торговой корпорации составляет продукция мелких и средних производителей.)

Борьба с засильем ТНК во внешней торговле связана и с перестройкой системы транспортировки товаров развивающихся стран, которая фактически полностью находилась в руках западных фирм. Сегодня многие страны делают успехи в создании собственного торгового флота и других средств транспортировки экспортируемых товаров. Внешнеторговые перевозки уже производятся Национальным торговым флотом стран ОПЕК, а также Аргентины, Бразилии, Индонезии, Сингапура, Филиппин, Малайзии и других государств.

Большинство развивающихся стран связывает перспективы своего дальнейшего развития с форсированием экспорта, несмотря на воздвигнутую стену неоколониалистского протекционизма. Однако это исключительно сложная задача. Ее масштабы видны хотя бы из подсчетов экспертов Банка Бразилии,

отметивших свыше 500 новых видов ограничений, введенных США на ввоз бразильских товаров [191, 1984, № 5, с. 87]. Тем не менее именно рост экспорта наряду с мерами по экономии валюты при импорте является основным направлением внешнеэкономической политики многих государств. В их числе — Мексика, Бразилия, ряд африканских стран, Индия и некоторые другие государства Азии. В Индии, например, в 1983—1984 гг. был сделан упор на усиление экспортной базы, расширено действие государственной Открытой генеральной лицензии, которая призвана содействовать ввозу товаров, необходимых для развития экспортных видов производства. Дополнительные льготы были введены для экспортеров, открывающих новые рынки сбыта. Ликвидирован запрет на вывоз ряда товаров, например сахарного тростника [175, 1983, № 7, с. 41]. В сложившихся условиях правительства многих развивающихся стран оказались вынуждены одновременно и ограничивать импорт, и вводить жесткие валютные меры по ограничению внутреннего потребления. Такие меры чреваты негативными последствиями для ряда направлений экономического развития и социального положения трудящихся.

Многие страны, и прежде всего латиноамериканские, выступают за то, чтобы тяготы, связанные с урегулированием задолженности, несли и частные банки Запада и ТНК, которые сохраняют или увеличивают свои доходы. На экономической конференции стран Латинской Америки в Кито в 1984 г. были приняты декларации и план действий, в которых впервые подчеркивалось, что странам-должникам следует предоставить право самостоятельно выработать программы по урегулированию задолженности; предусматриваемое урегулирование связывалось с такими мерами, как ослабление «нового протекционизма» западных держав и расширение экспортных возможностей освободившихся стран.

Осуществление жестких требований МВФ и МБРР означает в первую очередь наступление на жизненный уровень широких масс населения, ограничение внутреннего потребления, создающее драматическую социальную ситуацию. Программы «оздоровления» затронули государственное субсидирование цен на товары широкого потребления, которое практиковалось в 70-е годы во многих странах. Сокращение такого субсидирования, предпринятое рядом правительств, привело к скачку цен (на хлеб, рис, керосин, электроэнергию и т. п.). Так, в Боливии в 1984 г. «бюджетная экономика» вызвала рост цен на дешевые сорта хлеба вдвое, на керосин — в четыре раза [150, 1987, № 2, с. 38]. В результате «оздоровительных» мер МВФ в Гане индекс потребительских цен подскочил в 1984 г. на 75%, цены на кукурузу выросли на 533%, на рис — на 353%, на сахар — на 253% и т. д. По мнению многих наблюдателей, кредиты МБРР и МВФ увеличивают бедность и усиливают зависимость от Запада стран Азии, Африки и Латинской Америки [180, 24—25.07.

1985]. Все сказанное неизбежно приводит к давлению на политические режимы стран-должников и к росту антиимпериалистических настроений.

Характерно, что при этом на авансцену выходят страны, достаточно далеко продвинувшиеся по капиталистическому пути развития, в частности ряд латиноамериканских государств. Поэтому нельзя сказать, что новые рычаги неокolonизма направлены только против стран, принципиально вступающих в конфликт с мировым капитализмом. Более того, к крупнейшим должникам, а соответственно и «оздоравливаемым» по рецептам МВФ и МБРР принадлежат главные его партнеры, активно участвующие в перестройке мирового капиталистического производства как раз в соответствии с канонами и нормами, навязываемыми главными империалистическими державами и международным монополистическим капиталом.

Роль государства в структурной перестройке хозяйства

Национальное государство во многом определило формирование тех общих тенденций, которые вывели сегодня развивающиеся страны на новое место в мировой политике и экономике.

За годы независимости ряд развивающихся стран добился существенных сдвигов в структуре своего народного хозяйства (подробнее см. [100, гл. 3]). По своему хозяйственному потенциалу сегодня это уже совсем не те страны, которыми они были в 50-е годы. В национальном производстве и занятости возросла доля промышленности. Значительное развитие получила производственная инфраструктура, возникла сеть национальных валютно-кредитных учреждений. Многие страны расширили свои позиции на мировом рынке. Именно на основе укрепления государственного суверенитета в области использования природных ресурсов, благодаря деятельности государственного сектора в экономике в целом в большинстве молодых освободившихся государств в 60—70-х годах улучшились условия для ускорения развития. Прежде всего повысилась степень изученности и освоения их природных богатств, что привело к увеличению выявленных промышленных сырьевых ресурсов. Улучшилось качество их трудового потенциала, вырос уровень квалификации рабочей силы и начался процесс формирования национальных руководящих производственных и научно-технических кадров. Продолжают расширяться экономическое сотрудничество с социалистическими странами, вносящими весомый вклад в развитие многих стран, а также сотрудничество между самими молодыми государствами. Эти факторы сформировали в развивающихся странах общую основу для ускорения и расширения использования национальных природных, матери-

альных, трудовых и финансовых ресурсов, для дальнейшей перестройки хозяйственной структуры на базе применения научно-технических новшеств.

Во многих развивающихся странах государство сыграло значительную роль в консолидации национальной структуры хозяйства и мобилизации с этой целью ресурсов накопления капитала. В течение многих лет неизменно нарастало государственное финансирование капиталоемких отраслей экономики. На эти цели в начале 80-х годов отдельные страны выделяли от 25 до 50% средств госбюджета. Доля накопления в ВВП увеличилась в среднем по всему развивающемуся миру с 14% в 1950 г. до почти 25% к началу 80-х годов [100, с. 113]. Такой сдвиг в большой мере связан со структурной перестройкой экономики, которая происходит во многих странах в результате развития в госсекторе отраслей производственной инфраструктуры и производства средств производства, а также модернизации сельского хозяйства.

Опора на госсектор позволила Индии, Мексике, Бразилии и ряду других стран войти в число индустриально-аграрных государств. Это стало возможным прежде всего благодаря многолетним массивным инвестициям в госсектор. Во многих странах его доля в общих ежегодных капиталовложениях в экономику составляет половину или приближается к ней, а в ряде стран социалистической ориентации — примерно $\frac{9}{10}$ [101, с. 131]. Так, в Алжире доля государства в общих инвестициях по пятилетнему плану на 1985—1989 гг. должна составить около 90%; сходные цифры характеризуют долю государственных инвестиций в Ираке; в Аргентине эта доля планируется на уровне 47% (план на 1985—1989 гг.); в Египте — 76,7% (план на 1982—1987 гг.); в Сенегале — около 60% (план на 1986—1990 гг.); в Малайзии — примерно 50% (план на 1981—1985 гг.); в Замбии — 42% (план на 1979—1984 гг.); в Марокко — 31,2% (план на 1981—1985 гг.) [191, 1986, № 1, с. 67—80]. Доля государства по VI плану Индии (1979/80—1984/85 гг.) должна была составить 53%, а в Бразилии этот показатель в конце 70-х годов приблизился к 60% [160, 7.02.1979, с. 42].

В большинстве стран государственные капиталовложения растут более высокими темпами, чем частные инвестиции. Так, в Индии за три десятилетия (с 1951 по 1981 г.) капиталовложения в предприятия госсектора, функционирующие на основе финансовой автономии, с учетом государственных затрат на эксплуатацию железных и шоссейных дорог, портового хозяйства, связи и т. п. возросли в тысячу раз и оценивались в 300 млрд. и. рупий [46, с. 31], а в 1984 г. суммарные инвестиции в госсектор составили 354,1 млрд. и. рупий [164, 1985, vol. 16, с. 159].

Не меньшее значение для самостоятельного развития освободившихся стран имеет отраслевая направленность капиталовложений в рамках госсектора. Именно этот фактор определяет роль каждого из двух секторов — государственного и част-

ного — в стратегии развития и ее результатов в ходе экономического и социального прогресса. Еще большее значение имеет отраслевая направленность в формировании взаимоотношений национального государства с иностранным капиталом: в госсекторе создается основа для индустриализации, развиваются капиталоемкие, относительно менее рентабельные ключевые отрасли производства и инфраструктуры, а также энергетика, транспорт, связь и т. д. В ряде стран уже созданы и успешно развиваются многие новые отрасли хозяйства, преобразившие экономическую структуру, обеспечившие рост промышленности и закрепившие доминирующие позиции госсектора в народном хозяйстве. К ним относятся машино- и приборостроение, металлургия, производство электрооборудования (для внутреннего потребления и на экспорт), химическая промышленность и ряд других отраслей.

Роль госсектора в индустриализации развивающихся стран иллюстрируют следующие данные. В начале 80-х годов в Индии государственные предприятия производили около 80% всей стали, 100% угля и нефтепродуктов, 100% оборудования для добывающей промышленности, транспортного машиностроения и судостроения, 33% тракторов, от 30 до 45% различных видов искусственных удобрений. В Египте в госсекторе производится 100% чугуна, 74% стали, 70% проката, 100% кокса. В Мексике государственные предприятия преобладают в нефтяной, металлургической, химической отраслях промышленности, а также в сфере электроэнергетики, транспорта, связи, банковского дела [140; с. 23; 176, 1981, № 3, с. 417]. В Индии, например, в начале 80-х годов государству принадлежало около 60% производительного капитала в промышленности, энергетике, на транспорте. Государственные предприятия определяли спрос на капитальные товары на внутреннем рынке и в конечном счете — возможности индустриализации [169, 1.09.1985, с. 1513].

Структурная перестройка экономики неразрывно связана с использованием новых достижений науки и техники. В современных условиях развивающиеся страны все более отчетливо ощущают экономические последствия своего технологического отставания и ту роль, которую оно играет в формировании новых форм неокolonиальной зависимости. Выступая на 70-й сессии индийского конгресса по науке и технике 3 января 1983 г., Индира Ганди подчеркнула, что «в такой стране, как Индия, самообеспечение в области технологии необходимо, оно должно быть в центре технологической политики... Главная цель этой политики — развитие собственной технологической базы, эффективное внедрение и приспособление импортной технологии к национальным приоритетам и ресурсам» [161, 15.01.1983, с. 80—82]. Руководитель индийского департамента науки и технологии С. Варадераджан отмечал, что «акцент на современную новейшую технологию начал возрождать индийскую промышленность», прибавив, что «до независимости мы не были

даже в веке велосипеда» [184, 1983, № 23, с. 39]. Подобного рода высказывания характерны для политиков практически всех развивающихся стран, и большинство из них подчеркивает необходимость собственных усилий по развитию национального научно-технического потенциала.

Масштаб и сложность задачи научно-технического перевооружения экономики, стоящей перед развивающимися странами, огромны. Но возрастающая и все более дорогостоящая зависимость от Запада заставляет их так или иначе приступать к ее решению, ибо от этого зависит как ускорение развития, так и возможность этих стран противодействовать неокOLONиальной политике Запада и его ТНК. Очевидно и то, что порочный круг отсталости и зависимости, а также специфика частного национального капитала в развивающихся странах обуславливают там ведущую роль государства в решении такой задачи. Поэтому важнейшим направлением деятельности государства во многих странах становится создание национального научно-технического потенциала, использование современных достижений науки и техники.

Государственная политика в этом плане, естественно, зависит от экономического потенциала и социально-политической ориентации различных стран. Однако так или иначе она осуществляется по многим направлениям. Прежде всего остается неизменным почти полное государственное финансирование НИОКР. По подсчетам Н. Я. Шустовой, в середине 70-х годов государственные ассигнования превышали $\frac{2}{3}$ общих расходов на эти цели, а в странах, наиболее продвинувшихся на этом пути, таких, как Индия, Бразилия, Мексика, Уругвай, Египет, Кения, Тунис, Турция и др., они составляли около $\frac{9}{10}$ (в среднем доля государства в финансировании НИОКР в восьми индустриальных капиталистических странах составляла около 44% [100, с. 206]). Многие страны предприняли попытки планирования своего научно-технического развития и приступили к созданию научно-технической инфраструктуры. В настоящее время Индия, Пакистан, почти все латиноамериканские страны имеют государственные органы научно-технической политики: национальные советы по науке и технике или научно-технические отделы в планирующих организациях, а также государственные учреждения, регулирующие импорт технологии и оказывающие технические услуги промышленности и сельскому хозяйству. В странах Африки также повышается внимание к разработке научно-технической политики и созданию соответствующих институтов. К середине 80-х годов 30 африканских стран имели государственные организации по разработке такой политики и научно-техническому планированию, а пять стран располагали органами по координации научно-технических программ.

Особое значение на этапе широкого практического использования новых научно-технических средств приобретает госу-

дарственная кредитная система, способная оказать финансовое содействие не только крупным предприятиям, но и средним и мелким предпринимателям, фермерам и крестьянам.

В течение 70-х годов в индустриализирующихся странах постепенно менялось соотношение импорта и национального производства технологии в пользу последнего. Например, в Бразилии в конце 70-х годов государственные предприятия расходовали на производство собственной технологии больше средств, чем на импортную технологию. Индия, Аргентина, Бразилия, Мексика и некоторые другие страны начали экспортировать инженерно-консультационные услуги и технологию [162, 1984, № 12, с. 1163]. В ряде стран начали функционировать национальные комитеты и центры по науке и технологии, многие из которых опираются на поддержку международных экономических организаций, а в странах социалистической ориентации — прежде всего на сотрудничество с социалистическими странами.

За последнее время в наиболее развитых странах Азии, Африки и Латинской Америки уже созданы и функционируют специальные государственные научные центры, технические бюро, лаборатории, опытные станции и т. д., направляющие и осуществляющие всю деятельность — от создания новой техники и технологии до внедрения ее в местное производство, а также обеспечивающие адаптацию ее импортных компонентов к местным условиям и конкретным задачам. В Мексике, Бразилии, Индии, Пакистане государство создало национальные научно-технические центры или управления, в Нигерии функционирует Федеральный институт промышленных исследований, в Таиланде, Индонезии, Гане, на Филиппинах базой разработки, например, проблем биохимии являются государственные университеты и т. д. Более или менее успешно действует ряд региональных и субрегиональных центров по разработке и адаптации технологии, подобных африканскому региональному центру по проблемам солнечной энергии.

В результате усилий государства по созданию передовых отраслей производства, использующих новейшую технологию, в госсекторе некоторых стран уже складываются сложные диверсифицированные производственные комплексы. Они связаны с космическими и атомными разработками, вычислительной техникой, кибернетикой, микроэлектроникой, волоконной оптикой и т. д. Вместе с тем характерно, что во многих странах одновременно используется и новейшая, и «промежуточная», и традиционная технология.

В числе направлений НИОКР, которые под эгидой государства ведутся в Индии, — обширные программы по развитию национальной атомной энергетики, электроники, космических исследований, научных разработок в области сельского хозяйства и т. п. Характерна история выполнения государственной программы космических исследований. В настоящее время Ин-

дия имеет комплексную систему дальней космической связи и выполняет работы по созданию ракет-носителей, что позволит ей достигнуть полной независимости в этой области к концу 80-х годов. На начальном этапе в реализации программы участвовали США. Однако в дальнейшем индийское правительство отказалось от «сотрудничества» с США в этой области, приступив к выполнению программы космических исследований при содействии Советского Союза.

Успехи Индии в области производства компьютерной техники позволили снизить долю иностранных партнеров в совместном производстве этой техники с 50% до менее 40%, при том что подобное производство играет все более важную роль в передаче новой технологии [198, 25.02.1985]. Показателен факт превращения Индии в участника «совместных предприятий» в других развивающихся странах, обеспечивающего применение там научно-технических новшеств. Этот процесс начался в 1979 г., и сейчас индийские фирмы (государственные и частные) участвуют более чем в 200 совместных предприятиях стран развивающегося мира. Спрос на индийскую технологию, научно-технические консультации и экспертизу устойчиво растет в странах Азии, Африки и Латинской Америки [164, 1985, vol. 16, с. 160].

Успехи Индии в области НИОКР в большой мере связаны с государственной политикой в области высшего образования и подготовки научных кадров: эта страна занимает третье место в мире по их численности, приближающейся к 2 млн. чел. [137, с. 13].

Другие крупные страны, обладающие определенной промышленной и научно-технической базой, в частности латиноамериканские, начинают развивать производство национальных автоматических систем, компьютеров, телекоммуникационной аппаратуры для спутниковой связи, национальные информационные системы, осваивают производство электронной продукции альтернативных источников энергии и т. д. В начале 80-х годов Аргентина приступила к экспериментальному выпуску полупроводников, Мексика — к производству некоторых видов электронной аппаратуры. Работы в области электроники ведутся в Перу и Бразилии. В Бразилии разработана и освоена технология производства спиртового топлива из сахарного тростника, которое на 20% дешевле в расчете на т/км, чем нефтяное [165, 1983, № 6, с. 32]. В этой стране применяется собственная прогрессивная технология при строительстве гидроэнергетических сооружений всех типов — от гигантских до мелких. Горнодобывающая промышленность — другая сфера, где Бразилия смогла отказаться от услуг ТНК: от разведки до добычи все основано на местной технологии [191, 1984, № 6, с. 66], которая к тому же составляет и предмет экспорта, в частности, в африканские страны. Бразилия, по примеру Индии, также планирует создание спутника для хозяйственных целей.

Во многих других странах, особенно в странах социалистической ориентации, опирающихся на сотрудничество с социалистическими странами, государство приступает к созданию сети научно-технических учреждений. Предполагается, что она должна включать все звенья, опосредствующие движение от науки к производству, начиная от центров, где рождаются и хранятся идеи, — университетов, институтов, лабораторий, информационных центров, до предприятий, станций, консультационно-просветительских пунктов, обеспечивающих практическое применение полученных результатов в различных отраслях экономики, обучающих людей обращению с новой техникой собирающих и распространяющих научно-техническую информацию.

Вместе с тем научно-технические и в целом структурные сдвиги в экономике освободившихся стран, несмотря на усилия государства, не приобрели еще характера самоподдерживающегося процесса, опирающегося на внутренние источники развития. Одна из причин этого — постоянное пагубное воздействие неокOLONиализма, стремящегося подчинить эти сдвиги интересам центров мирового капитализма. Кроме того, в условиях углубления интернационализации производства и ускорения научно-технической революции усилия развивающихся стран по созданию современной структуры хозяйства не могут ограничиваться относительно узкими рамками отдельных, даже крупных государств. Решение стоящих перед ними задач требует широкого и эффективного международного сотрудничества, основывающегося на принципах равноправия и учета взаимных интересов всех государств. Система же неокOLONиальных отношений остается главным препятствием и на пути такого сотрудничества, вынуждая развивающиеся страны настойчиво выступать за кардинальную перестройку международных экономических отношений на принципиально новых началах.

Особенно тяжелое положение в научно-технической сфере сложилось в наименее развитых африканских и азиатских странах. Скудость государственных финансовых средств, недостаточный уровень экономического развития, отсталые социальные отношения, гипертрофированность влияния внешних факторов, нехватка или отсутствие необходимых кадров соответствующих специалистов — все это мешает данным странам приобщаться к современным достижениям научно-технического прогресса, использовать их для ускорения общественного развития. Вместе с тем к настоящему времени существует ряд технологий, весьма выгодных для специфических природных и хозяйственных условий этой группы стран, которые способны создать принципиально новые возможности их ускоренного развития. Речь идет о сравнительно простых и дешевых технологиях, таких, как биотехнология, генная инженерия, биогазовая технология для получения энергии и удобрений и др. Решать задачи внедрения подобных современных технологий в народное хозяйство отсталых стран под силу только государству, форсирующему

социальные сдвиги и опирающемуся на региональное и международное сотрудничество.

Задача укрепления и активизации госсектора с целью структурной перестройки отсталого хозяйства и соответственно расширения возможностей противодействия неокOLONиализму связана со сложной проблемой повышения народнохозяйственной эффективности и финансовой рентабельности государственных предприятий. Эта проблема имеет и идеологический и пропагандистский аспекты, поскольку в наступлении на госсектор его противники акцентируют внимание на сравнительно низких показателях чистой прибыли отдельных госпредприятий, игнорируя поступающие в бюджет доходы от налогов на эти предприятия, процентов по их кредитованию, различных сборов и т. п. Однако поступления именно по этим статьям возмещают значительную часть капиталовложений в госсектор. Так, в Индии, например, за десятилетие 70—80-х годов, по подсчетам индийских экономистов, в бюджет было отчислено $\frac{3}{4}$ валового дохода госсектора, и только за 1982—1983 гг. от налогов на прибыль госкорпорации казна получила 15,5 млрд. и. рупий [182, 1984, № 82, с. 5]. При этом часть стоимости, созданной в госсекторе, реализуется в частном секторе, который приобретает продукцию и услуги госпредприятий по низким ценам. Таким путем государство стимулирует развитие частного сектора.

Во многих развивающихся странах укрепилась тенденция к повышению рентабельности госпредприятий по показателю валовой прибыли, растет их инвалютная выручка. В той же Индии валовая прибыль государственных металлургических предприятий возросла за период с 1972—1973 по 1979—1980 гг. более чем в 10 раз, в тяжелом машиностроении — почти в 4 раза, в производстве транспортного оборудования — в 2 с лишним раза, в химической промышленности — почти в 3 раза. Валютная выручка госпредприятий за этот период возросла примерно в 5 раз и составила 121 млрд. и. рупий [46, с. 36]. Госсектор Мексики дает $\frac{3}{4}$ поступлений от экспорта [157, 1984, № 1, с. 119].

Доходность предприятий в госсекторе ниже, чем в частном национальном и особенно в иностранном секторах, в результате их производственной специфики. Отраслевая структура госсектора характеризуется развитием базовых отраслей; она подчинена задачам модернизации экономической структуры и одновременно целям социального прогресса. Крупные государственные предприятия, как правило, осуществляют большие затрат на создание жилищно-бытового комплекса (в 1980 г. на это пошло около 10% доходов госсектора Индии) [46, с. 46], на проведение здравоохранительных мероприятий, подготовку кадров и т. д., что является важным вкладом госсектора в общественное развитие. Вместе с тем скудость ресурсов развивающихся стран делает проблему рационального их расходования чрезвычайно острой. При этом чрезвычайно актуальна задача

правильного, всестороннего сопоставления затраченных средств и ресурсов с народнохозяйственными результатами.

Хозяйственная эффективность государственного сектора не поддается оценке только путем сопоставления затрат на развитие государственных предприятий и полученной от них чистой прибыли, как это делается противниками госсектора — представителями и идеологами крупного бизнеса. Принципиально важен сам факт, что процесс ускорения развития и модернизации экономики основывается преимущественно на деятельности крупных государственных предприятий в сфере производства и инфраструктуры. При этом и все другие формы воздействия государства на производство, и социальные отношения неизбежно опираются на госсектор. Индийские руководители, ученые и экономисты неоднократно подчеркивали, что социальные и экономические цели госсектора заключаются в ускорении процесса развития как в промышленности, так и в сельском хозяйстве, в создании в стране самообеспечивающейся экономики, в использовании собственных минеральных богатств, проведении технологических исследований и уменьшении зависимости от развитых стран, а также в подготовке квалифицированных кадров и обеспечении дополнительных ресурсов для ликвидации нищеты. Успех или провал деятельности госсектора должен, по их мнению, оцениваться по тому, как он способствует выполнению этих задач [129, с. 1, 7, 37].

Решая задачу укрепления государственного сектора в экономике, освободившиеся страны были вынуждены постоянно преодолевать противодействие основных капиталистических держав. Вся история участия государства в экономическом строительстве, в частности в развитии госсектора, неразрывно связана с такого рода противоборством, результатом которого стали и выработка форм вынужденного сотрудничества — во многих случаях противоречивых — с иностранным капиталом, и попытки приспособить последний к нуждам экономического роста и социальных сдвигов.

Задачи противодействия силам неокOLONиализма и сужения каналов эксплуатации освободившихся стран международным бизнесом неизменно составляют важнейшую сторону экономической деятельности государства в большинстве стран, включая и стратегию развития госсектора. Сегодня эти задачи усложнились. Происходит все большее переплетение задач внутреннего развития, укрепления национальной базы хозяйства и проведения с этой целью социально-экономических преобразований, с одной стороны, и мероприятий по перестройке системы внешнеэкономических связей с империалистическим Западом — с другой. Расширение неокOLONиальной эксплуатации развивающихся стран именно через каналы этих связей обуславливает необходимость усиления борьбы за такую перестройку.

В таких условиях развивающиеся страны пытаются активизировать борьбу за международный экономический порядок,

усилить свои позиции на международных экономических форумах.

Однако вполне очевидно, что перспектива борьбы развивающихся стран на международной арене и их объединения в движении против неокOLONиализма в огромной мере зависят от решения внутренних задач этих стран. Вся история деколонизации красноречиво доказывает, что усиление позиций освободившихся стран связано с укреплением государственного суверенитета в сфере экономики, укреплении государственного сектора и повышением его общественной эффективности. Именно это делает необходимым проведение в жизнь государственных мер и акций, запрещающих, ограничивающих или регулирующих деятельность иностранного капитала, и именно по данным направлениям ведет свое наступление неокOLONиализм.

ГЛАВА 10 ЗА ПЕРЕСТРОЙКУ МЕЖДУНАРОДНЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИИ

Борьба развивающихся стран за перестройку международных экономических отношений направлена своим острием против системы неокOLONиализма. Она прошла ряд последовательных этапов, которые, однако, не имеют четких границ: во-первых, разные страны достигли независимости в разное время, а во-вторых, в них ставились различные задачи и осуществлялись различные экономические мероприятия.

В целом для каждого этапа можно выделить ведущее направление и основные средства борьбы, использовавшиеся развивающимися странами против неокOLONиальной системы отношений, равно как и «набор» ответных мер со стороны неокOLONиализма. На каждом конкретном временном отрезке складывается определенный баланс противодействующих сил. При этом на отдельных уровнях системы неокOLONиализма (политическом и военно-политическом, внутри- и внешнеэкономическом, идеологическом, культурном) данный баланс складывается по-разному; на каждом «ярусе» разворачиваются свои противоборства, результаты которых через цепочку взаимовлияний сказываются на динамическом состоянии всей системы. Поэтому отставание развивающихся стран в решении задач на одном направлении или участке борьбы (например, на внутриэкономическом) создает опасность утраты уже достигнутого на других направлениях, т. е. делает их завоевания обратимыми.

Система неокOLONиализма достаточно гибко приспосабливается к меняющимся условиям, ограничивает возможности развивающихся стран в осуществлении выдвигаемых ими целей, ставит на их пути к экономической самостоятельности все но-

вые преграды и препятствия. В силу этого на каждом этапе борьбы им не удается решить свои задачи в полном объеме и груз нерешенных задач накапливается от этапа к этапу. Все сказанное ведет к дальнейшему обострению внутренних противоречий в неокOLONиальной системе и к расширению общего фронта борьбы с неокOLONиальной эксплуатацией.

В данной главе сделана попытка рассмотреть, как складывался баланс противоборствующих сил на отдельных этапах борьбы развивающихся стран за свое экономическое освобождение и изменение неправомерного положения в мировом капиталистическом хозяйстве. Подобный подход позволяет, на наш взгляд, полнее оттенить трудности борьбы, дать объективную оценку ее результатов и перспектив.

Этап первый: от политического освобождения к экономическим преобразованиям

Обретение государственной самостоятельности давало бывшим колониям и полуколониям мощное орудие борьбы прежде всего за консолидацию и укрепление национальной экономики. На начальном этапе они могли опереться в своей борьбе на единственно доступное им средство — силу государственной власти.

Первый этап экономической деколонизации, если иметь в виду основной массив освободившихся стран, охватывает период примерно с конца 40-х до середины 60-х годов. Его основное содержание — распространение результатов политической деколонизации на сферу экономики. Самый популярный лозунг этого времени — завоевание экономической независимости. В обстановке общего энтузиазма, вызванного политическим освобождением, названная задача сначала казалась относительно простой и доступной, к тому же ее решение подкреплялось и реальными политико-административными акциями молодых государств.

По сути же, это был период политико-правового становления национального хозяйства. Основные мероприятия этого времени — создание государственных экономических институтов, национализация собственности колониальной администрации, образование госсектора, национализация части собственности иностранных юридических лиц, установление контроля над хозяйственной деятельностью, включая деятельность иностранного капитала (принятие «кодексов инвестирования») и внешнеэкономические операции, попытки самостоятельного выхода на мировой рынок и т. д.

Эти меры, радикальность которых сильно различалась от страны к стране, закладывали базу самостоятельного экономического развития. Одновременно они закрепляли новый статус

освободившихся государств как формально равноправных участников всемирного хозяйства, структура которого тем самым претерпевала глубокое качественное изменение. В международном плане основные усилия развивающихся стран были сосредоточены (наряду с продолжением борьбы за политическое освобождение) на упрочении своего государственного суверенитета и налаживании политического сотрудничества, имевшего объективно антиимпериалистическое содержание и приведшего в 1961 г. к образованию Движения неприсоединения.

Становление национального правопорядка, включая различные виды хозяйственного законодательства, проведение тех или иных социально-экономических преобразований проходили в остром противоборстве с империалистическими странами и иностранными монополиями. «Империализм, — отмечает в этой связи мексиканский экономист А. Агиляр, — противится реформам, которые когда-то предпринимались самими капиталистами. Сегодня эти реформы считаются подрывными и неприемлемыми» [122, с. 40].

Стремясь сдержать процесс национального освобождения, империалистические страны использовали широкий арсенал политических и экономических средств. Именно в этот период принимаются внушительные программы государственной «помощи развитию», заключаются многочисленные соглашения об экономическом сотрудничестве, возникают ассоциации освободившихся государств с бывшими метрополиями, уточняются условия деятельности в освободившихся странах иностранного капитала, получают развитие смешанные компании и т. д. Тем самым не только возникают основные формы неокOLONИализма, но и сами эти формы складываются в более или менее целостную многоярусную систему неокOLONИальных отношений.

Формальное равенство развивающихся стран в международных экономических отношениях и было реализовано (закреплено) в целой системе двусторонних и многосторонних договорных отношений с развитыми капиталистическими государствами, которые венчали пирамиду реальных экономических связей между центром и периферией мирового капиталистического хозяйства.

Хотя основание пирамиды — движение капитала в международном масштабе — оставалось прежним, освободившиеся страны могли уже противопоставить международному монополистическому капиталу и стоящим за ним империалистическим центрам собственные «козыри» — экономическую силу государства, опиравшегося не только на свое право верховной собственности на хозяйственную территорию (постепенная реализация этого права и составляла содержание первого этапа экономической деколонизации), но и на потребность целостного социально-экономического развития данной страны. Поэтому достижение формального равенства бывших колоний и полуколоний в рамках мирового капиталистического хозяйства явилось громадным

историческим завоеванием народов колониальных и зависимых стран: был сделан решающий шаг от бесправия к государственной самостоятельности и — соответственно — суверенному равенству всех государств. В определенном (диалектическом) смысле дальнейшее развитие явилось реализацией, развертыванием этого исходного шага.

Термин «формальное равенство», если ставить акцент на его первом элементе, может вводить в заблуждение, принижая значение указанного шага и создавая впечатление, будто ничего существенного, качественно нового не произошло. Было бы также неверно делать упор лишь на «равенстве», как это делают буржуазные идеологи, игнорируя его социально-экономическую определенность.

Ограниченность достигнутого освободившимися странами «равенства» в рамках мирового капиталистического хозяйства со всей очевидностью выявилась уже в ходе первого этапа экономической деколонизации и заставила эти страны искать пути укрепления своей хозяйственной самостоятельности. Более того, в противоборстве с империализмом и неокOLONИализмом завоевание «формального равенства» оставалось зыбким и легко обратимым (в экономическом смысле), требовало постоянных усилий для его сохранения. Не случайно буржуазный немецкий экономист К. Зайтц позже отмечал, что в 50-е и 60-е годы в освободившихся странах «Европа пользовалась всеми преимуществами обладания колониями, не неся расходов по управлению ими» [127, с. 479]. В этом высказывании содержится признание того факта, что в упомянутые годы система отношений «развивающиеся страны — развитые капиталистические государства» вполне удовлетворяла интересам монополистической буржуазии Запада.

Создавая систему неокOLONИализма, монополистический капитал умело использовал не только объективную необходимость дальнейшего участия развивающихся стран в международном капиталистическом разделении труда, но и одновременность достижения ими политической независимости, различия в проведении внутренней экономической политики. Это обеспечивало монополистическому капиталу возможности маневра путем перевода капиталов (или угрозы такого перевода) из одних стран в другие, экономического бойкота разрозненных актов национализации, переключения в снабжении сырьем с одних стран-экспортеров на другие и т. п. Тем самым резко ограничивалась эффективность экономических мер молодых государств и, более того, усиливалась их взаимная конкуренция на мировом рынке товаров и капиталов.

С распадом колониальных империй в условиях углубляющейся интернационализации капиталистического производства обозначился еще один неблагоприятный для развивающихся стран фактор — быстро растущие масштабы международного движения капиталов между самими развитыми капиталистиче-

скими государствами. В этих условиях экспорт капитала в развивающиеся страны стал теснее зависеть от условий его циркуляции между капиталистическими центрами, все больше приобретаая «периферийный» характер: капитал, как правило, требовал здесь более выгодных условий приложения, чем в развитой капиталистической экономике.

Таким образом, мобильность капитала, относительно широкий выбор сфер его приложения, политика империалистических держав, сочетающая меры давления с частичными уступками, — все это ограничивало возможности эффективной самостоятельной экономической политики развивающихся стран, а тем самым сдерживало процесс экономической деколонизации. Поэтому и задачи первого этапа экономической деколонизации были реализованы лишь частично.

Тем не менее по историческим меркам результаты этого этапа представляются весьма внушительными. Экономический облик мира претерпел кардинальные изменения: десятки государств завоевали статус самостоятельных хозяйствующих субъектов, империалистические центры и международный монополистический капитал утратили прямой контроль над большей частью хозяйственной территории мира. Как говорилось об освободившихся странах на XXVII съезде КПСС, в результате антиколониальных революций «бесправные объекты империалистической политики в прошлом, они вышли на дорогу самостоятельного исторического творчества» [13, с. 8]. Экономическая деколонизация получила реальную основу — государственное оформленную национальную экономику, т. е. из лозунга превратилась в живую, набирающий силу процесс.

Что касается ликвидации хозяйственной отсталости, на передний план в развивающихся странах стали выходить собственные, внутренние факторы: прогрессивные преобразования в социально-экономическом строе, концентрация усилий на решении ключевых задач, организация государственного управления сложным процессом развития, внедрение плановых начал в экономику и пр. Началась перестройка народнохозяйственной структуры. На начальном этапе индустриализация развивающихся стран приобрела преимущественно форму импортзамещения. «Фактически стадия импортзамещающей индустриализации в развивающихся странах, — отмечает А. Я. Эльянов, — началась лишь в условиях, когда они приобрели реальную возможность подкрепить существующие рыночные стимулы различными формами государственного протекционизма, т. е. после завоевания и укрепления национальной государственности» [120, с. 212].

Судьба импортзамещения показательна с точки зрения тех ограничений, на которые натолкнулась в своем росте экономика развивающихся стран. Во внутреннем плане таким ограничителем явилась узость национального рынка, следствие незавершенности радикальных социально-экономических преобразова-

ний или отказа от них; во внешнем плане — вовлеченность в международное капиталистическое разделение труда, центростремительные (по выражению Р. Пребиша) тенденции мирового капитализма. Складывающаяся неоколониальная система экономически подталкивала развивающиеся страны в другую сторону — к ориентации на экспорт, а тем самым к более тесному участию в мировом капиталистическом хозяйстве. Характерно в этом плане более позднее признание Р. Пребиша: «Мы отказались от политики, принесшей результаты, а именно от замещения импорта, которое не ограничивалось отдельными странами, а где возможно распространялось на внутрирегиональную торговлю... Мы выбрали другую крайность: отказ от импортзамещения, отказ от взаимных торговых соглашений; все наше будущее связывалось отныне... с использованием рынков центров... мы отказались от политики, которая, несмотря на ее значительные и бесспорные недостатки, должна была бы быть продолжена и уточнена в свете опыта» [33, с. 6—7].

В конце первого этапа четко выявилась необходимость дальнейшего углубления борьбы развивающихся стран по двум основным линиям. Во внутреннем плане — за ускорение и углубление процесса социально-экономических преобразований; во внешнем плане — за коллективное противостояние системе неоколониализма и ограничение его негативного воздействия на экономическое развитие. Эта тенденция была связана с тем, что национальные масштабы противоборства с преимущественно международными формами монополистического капитала часто оказываются неэффективными, поскольку основные механизмы эксплуатации как бы выносятся за пределы конкретной страны и функционируют в рамках всего мирового капиталистического хозяйства.

Этап второй: консолидация внешнеэкономической позиции развивающихся стран

По мере продвижения по пути самостоятельного развития и накопления опыта становилось все более очевидным, что разрозненными национальными усилиями невозможно ослабить неблагоприятное воздействие факторов, связанных со складыванием системы неоколониализма. В этих условиях начинает постепенно формироваться общая внешнеэкономическая платформа освободившихся стран, зачатки которой появляются уже в ходе становления Движения неприсоединения. Так, на I Конференции глав государств и правительств неприсоединившихся стран в Белграде (1961), где отмечалось неравноправное экономическое положение молодых государств, указывалось на необходимость эффективного сотрудничества развивающихся стран в области экономики и торговли [45, с. 60].

Переход к совместным действиям, становление коллективных форм борьбы с проявлениями неокOLONиализма в мирохозяйственной сфере, определение ее основных направлений и сфер — таково главное содержание второго этапа борьбы развивающихся стран за перестройку международных экономических отношений. Хронологически он занял примерно 15 лет: с середины 60-х до конца 70-х годов. В свою очередь, он четко делится на два периода.

Первый отмечен двумя главными вехами — созывом в 1964 г. в Женеве Конференции ООН по торговле и развитию, превращение ее в постоянный орган ООН (ЮНКТАД), образование «группы 77» как объединения по координации экономической дипломатии развивающихся стран; принятием в 1974 г. исходных международных документов по новому международному экономическому порядку (НМЭП): Декларации и Программы действий на VI Специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН, Хартии экономических прав и обязанностей государств на XXIX сессии Генеральной Ассамблеи ООН.

Второй период охватывает вторую половину 70-х годов, когда развивающиеся страны, используя свой возросший политический вес и «переговорную» силу, попытались закрепить успех, связанный с решительными действиями ОПЕК и с одобрением в ООН программы НМЭП, и приступить к реализации ее конкретных положений. Уже к началу 70-х годов сложились устойчивые формы коллективной экономической дипломатии развивающихся стран, были постепенно сформулированы все их основные внешнеэкономические требования, составившие программу НМЭП (см. 192). Одновременно укрепление потенциала совместных действий на международной арене в это время позволило развивающимся странам несколько продвинуться вперед и в решении задач предыдущего этапа: провести новый тур массовых национализаций иностранных компаний, особенно в добывающих отраслях, в основном завершить создание системы государственных экономических институтов, включая кредитно-финансовые, принять более твердые меры по регулированию деятельности иностранного капитала.

Важно подчеркнуть, что не только совместные дипломатические усилия молодых государств, но прежде всего упрочение их самостоятельной экономической базы, а также кризисное обострение энергосырьевой ситуации заставили империалистические державы пойти на обсуждение вопросов НМЭП на международном уровне и фактически признать правомерность их постановки. Принятие программы НМЭП как общей задачи международного сообщества явилось, таким образом, и важнейшим результатом второго этапа борьбы за экономическую деколонизацию, и — в перспективе — одним из наиболее значимых политических средств дальнейшего усиления этой борьбы.

Программа НМЭП широко освещена в советской научной литературе (см. [92; 117; 102, гл. 8]). Здесь необходимо корот-

ко остановиться на ее основных положениях с точки зрения борьбы против неокOLONиализма. Важнейшая часть НМЭП — это свод основных политических принципов, призванных регулировать отношения между государствами. Наиболее полно они сформулированы в Декларации об установлении НМЭП и в Хартии экономических прав и обязанностей государств. Эти принципы отражают и закрепляют реальность и завоевания нашего времени: суверенное равенство государств, самоопределение народов, полный национальный суверенитет над природными ресурсами и экономической деятельностью, равноправное участие всех стран в решении мировых экономических проблем, право каждого государства избирать в соответствии с волей народа соответствующую политическую, экономическую, социальную систему и т. д. Одновременно в документах НМЭП провозглашается необходимость широкого и разностороннего международного сотрудничества с учетом особых интересов развивающихся стран, создания для этой группы стран специальных льготных механизмов.

В целом политическая платформа НМЭП закрепляет на высоком международном уровне итоги первого этапа экономической деколонизации: становление независимых государств, упрочение их политических и экономических позиций. Одновременно, учитывая имеющийся опыт, развивающиеся страны делают и определенный шаг вперед: настаивая на государственном суверенитете и демократизации международных экономических отношений, они одновременно указывают на свое неравноправное положение в мировом капиталистическом хозяйстве и требуют поэтому предоставления ряда уступок, т. е. пытаются проложить мостик от формального равенства к реальному. В этой связи предлагаются различные схемы регулирования мирохозяйственных связей на межгосударственном и международном уровнях. Именно с помощью такого регулирования предполагается противостоять действию неблагоприятных для развивающихся стран механизмов мирового капиталистического хозяйства, ограничить «свободную игру рыночных сил» и негативные последствия деятельности ТНК.

В программе действий по установлению НМЭП и других документах указанные выше принципы конкретизируются применительно к отдельным сферам мирового хозяйства. Основные предложения предусматривают следующие меры. Во-первых, стабилизацию доходов развивающихся стран от экспорта сырья и создание с этой целью нового механизма регулирования мировых товарных рынков. Во-вторых, предоставление льгот в таможенном режиме индустриально развитых государств для обеспечения сбыта готовых изделий промышленности развивающихся стран. В-третьих, перестройку международной валютно-финансовой системы, расширение притока внешних финансовых ресурсов на льготных условиях, включая увеличение безвозмездной помощи, облегчение бремени задол-

женности. В-четвертых, содействие ускоренной индустриализации развивающихся стран путем «перемещения» отдельных производств в развивающиеся регионы, льготной передачи технологии, расширения технической помощи, создания специальных фондов. В-пятых, регламентацию деятельности ТНК и ее подчинение национальным планам развития, запрещение ограничительной деловой практики. В-шестых, принятие особых мер в пользу «наименее развитых стран» [92, гл. 3; 102, гл. 5].

В чем же состоят, на наш взгляд, основные слабости данной программы НМЭП с точки зрения борьбы с неокOLONиализмом? Их несколько. Отметим прежде всего ограниченный, «локализованный» (т. е. преимущественно под углом зрения интересов одних развивающихся стран) подход к перестройке международных экономических отношений. Он проявляется как в «наборе» и иерархии поднимаемых проблем, так и в противопоставлении развивающихся стран остальной части мира. Собственно, одно вытекает из другого. Так, в ряде документов развивающихся стран глобальные проблемы человечества (в том числе проблемы мира, разоружения, разрядки) трактуются как частичные, особые, а специфические проблемы одной группы государств подаются как всеобщие. Однако без решения наиболее острых общих международных политических и экономических вопросов, требующих участия всех государств, невозможен и прогресс в направлении НМЭП, да и сам термин НМЭП утрачивает свое значение в качестве «мирового порядка».

Деление же мира на развивающиеся и остальные государства, на «бедный Юг» и «богатый Север», не только грубо искажает суть современной мирохозяйственной системы, но и серьезно ослабляет общий потенциал борьбы с империализмом и неокOLONиализмом. При таком подходе игнорируется важнейший исторический факт, состоящий в том, что именно мировой социализм создал возможность крушения колониальных империй и продвижения стран Азии, Африки и Латинской Америки к экономическому освобождению. В названной же концепции борьба народов за свободу, социальный и экономический прогресс подается как разновидность торговой сделки в полном соответствии с «правилами игры», задаваемыми неокOLONиализмом.

Другая серьезная слабость программы НМЭП — это отсутствие тесной связи между внешнеэкономическими требованиями и необходимостью внутренних преобразований. Правда, тезис об опоре на собственные силы, о первоочередной ответственности каждого государства за социальный, экономический и культурный прогресс фигурирует во многих документах. На IV конференции неприсоединившихся стран в Алжире (1973), в частности, указывалось: «Только правильная концепция развития, которая предполагает необходимые и специфические для каждой страны внутренние структурные перемены... может позво-

лить достигнуть целей прогресса, которые ставят перед собой наши страны... эти цели могут быть достигнуты лишь благодаря сознательному и демократическому участию народных масс, которые являются решающим фактором всякого национального усилия в направлении динамичного, эффективного и независимого развития» [45, с. 213].

Однако в большинстве развивающихся стран данный тезис остается лишь декларацией, и поэтому в них не создается достаточно прочной национальной основы для противодействия неокOLONиализму. Более того, во многих странах отказ от радикальных внутренних преобразований имел своим следствием рост и укрепление тех слоев, которые кровно заинтересованы во все более полной интеграции в неокOLONиальную систему. По этой причине и на коллективном уровне не были созданы реальные экономические рычаги взаимодействия развивающихся стран для эффективного отпора неокOLONиализму: дифференциация в «третьем мире» подрывала и его единства.

Ясно, что создание реальной (экономической) коллективной базы борьбы с неокOLONиализмом — дело крайне сложное и длительное, требующее совместной выработки и осуществления широкого комплекса политико-экономических мер, согласования долгосрочных стратегических целей развития, нахождения баланса между краткосрочными и долгосрочными задачами, между общегрупповыми и национально-государственными интересами и т. д. Однако факт остается фактом: конкретных шагов в этом направлении (исключая отдельные заявления) сделано не было. А отсутствие основы для коллективной борьбы привело к ряду негативных последствий.

Во-первых, в условиях глубоких кризисных потрясений, в полосу которых вошло с середины 70-х годов мировое капиталистическое хозяйство, в основном «сработали» рычаги государственно-монополистического регулирования, созданные империалистическими центрами и международным монополистическим капиталом, а предложения НМЭП о демократизации принятия решений по мировым экономическим вопросам остались фактически на бумаге. Во-вторых, деятельность международного монополистического капитала, прежде всего ТНК и ТНБ, по-прежнему оставалась практически неподвластной развивающимся странам, ибо у них не было ни согласованного подхода, ни, как отмечалось в ряде документов, достаточной «переговорной силы» на национальном уровне. В результате происходило расширение косвенных форм контроля ТНК над экономической деятельностью этих стран [21, с. 58—61]. Как это ни парадоксально, но именно ТНК самым активным образом «реализовывали» (разумеется, к своей выгоде) некоторые из рекомендаций программы НМЭП, касающиеся перестройки мировой промышленной структуры, расширения доступа развивающихся стран к мировым финансовым рынкам, облагораживания экспорта и даже в определенных пределах снижения в центрах

капитализма пошлин на отдельные экспортные товары из развивающегося мира.

Не случайно официальные представители Запада на различных международных форумах настойчиво подчеркивают эффективность существующих международных экономических институтов. Так, министр иностранных дел Великобритании лорд Каррингтон заявлял: «Важно не ослабить основы мировой торговли, валютной и финансовой системы, которые создавались постепенно и значительно повысили уровень процветания» [192, 1980, vol. 10, с. 293]. С тех же позиций выступал представитель ФРГ на VI Конференции ЮНКТАД.

Следует отметить, что выдвинутая развивающимися странами концепция взаимного экономического сотрудничества («Юг—Юг») в ее настоящем виде также пока мало способствует созданию совместной экономической базы борьбы с неокOLONIALИЗМОМ, так как в ней мало разработана диалектика взаимодействия двух групп связей: «Юг—Юг» и «Юг—Запад» и соответственно общая линия борьбы с неокOLONIALИЗМОМ. В условиях, когда решающим структурообразующим фактором мирового капиталистического хозяйства и национальных экономик развивающихся стран остается международный монополистический капитал, возникает опасность того, что механизмы неокOLONIALИЗМА, преобладающие в отношениях «Юг—Запад», будут распространяться (что, кстати, уже имеет место) и по линии «Юг—Юг». Иными словами, успешное и взаимовыгодное сотрудничество развивающихся стран между собой возможно лишь по мере создания реальных совместных форм и механизмов борьбы с неокOLONIALИЗМОМ.

Мало способствуют подлинной перестройке международных экономических отношений на основах равноправия и справедливости и сепаратные формы сотрудничества отдельных групп развивающихся стран с центрами мирового капитализма. В этом, в частности, убеждает достаточно длительный опыт «особых отношений» стран АКТ с ЕЭС в рамках Ломейских конвенций. По своему содержанию многие положения этих конвенций сходны с отдельными пунктами программы НМЭП: стабилизация торговли сырьем, компенсационное финансирование, свободный доступ на рынки ЕЭС, содействие индустриализации, финансовая помощь и т. д. Именно это обстоятельство и используется многими представителями «Общего рынка» для того, чтобы представить Ломейские конвенции в качестве «модели» новых отношений с развивающимися странами, «образца» в установлении НМЭП. Вторая Ломейская конвенция, писал английский исследователь Г. Келлейнер, «должна продемонстрировать, что... создан принципиально новый тип взаимоотношений... который можно использовать как модель для развития отношений между остальными странами Севера и Юга» [136, с. 183].

Однако длительный опыт реализации данной «модели» сви-

детельствует о том, что сдвиги в экономическом положении государств АКТ остаются крайне скромными. Как пишут африканские авторы, структура экономики стран континента несет на себе сильнейший отпечаток предшествующего колониального периода, а «усилия двух последних десятилетий, направленные на экономическое развитие африканского региона, лишь незначительно изменили зависимый статус экономики африканских стран» [132, с. 23, 24]. В отношениях ЕЭС и АКТ, отмечал посол Нигерии в ЕЭС П. Афолаби, сохранилась старая колониальная модель торговли — обмен необходимого «Общему рынку» сырья на его промышленные товары, а система стабилизации сырьевого экспорта стран АКТ («Стабекс») имела явную неокOLONIALИЗМскую направленность [194, 10.10.1983].

Действительно, структура торгового обмена стран ЕЭС и АКТ изменилась крайне незначительно. Примерно 98% экспорта государств АКТ ЕЭС приходится на сырье и лишь 2% — на промышленные изделия и полуфабрикаты. Около 3/5 их экспорта в ЕЭС падает всего на 4 товара, причем экспорт одного товара обеспечивает 1/3 экспортных поступлений большинства стран АКТ [167, 1980, vol. 1, № 2, с. 77]. Сохраняется и традиционная привязка их торговли к ЕЭС, на которое приходится около половины их внешнеторгового оборота.

Серьезные разногласия между странами ЕЭС и АКТ вызывает вопрос о повышении роли развивающихся стран в процессе принятия решений. Однако и в этом отношении сдвиги крайне незначительны. «Попытки стран АКТ добиться изменений в свою пользу, — отмечают английские авторы, — особенно неудачны в таких вопросах, как подлинное совместное управление, сотрудничество и равноправная интерпретация. Интерпретация конвенции и ее реализация остаются прерогативой ЕЭС» [136, с. 24].

Давая обобщенную оценку Ломейской конвенции, венгерский экономист Т. Паланкан справедливо отмечает, что она представляет собой компромисс, с одной стороны, между западноевропейскими монополиями и национальной буржуазией развивающихся стран и, с другой — между ведущими капиталистическими державами, «особую новую форму передела мировой капиталистической системы» [167, 1980, vol. 1, № 2, с. 86—88].

В условиях глубоких кризисных потрясений в мировом капиталистическом хозяйстве, растущей экспансии ТНК, более тесного переплетения экономических интересов части местной буржуазии и господствующих слоев отдельных развивающихся стран, с одной стороны, и монополистической буржуазии Запада — с другой, империализму удалось воспрепятствовать осуществлению основных требований НМЭП, используя при этом и слабости коллективной позиции «Группы 77». Запад широко проводил тактику проволочек, затягивания переговоров по техническим вопросам, раскола группы развивающихся стран и

заклучения сепаратных сделок. Безрезультатно закончились, в частности, попытки обсуждения и решения вопросов НМЭП в обход ООН в рамках так называемого «диалога Север — Юг» с участием ограниченного числа стран, предпринявшегося на Парижской конференции по международному экономическому сотрудничеству (1975—1977) и на встрече в Канкуне (Мексика, 1981).

Растерянность Запада и неоколониалистских кругов, вызванная в середине 70-х годов определенной утратой контроля над важными процессами в мировом капиталистическом хозяйстве (установление большинством нефтепроизводящих стран национального контроля над добычей топлива, крушение золотодевизного стандарта и расстройство международной валютной системы, четырехкратное повышение мировых цен на нефть со стороны ОПЕК и резкое ухудшение платежных балансов стран Запада, глубокий экономический кризис 1974—1975 гг.), постепенно сменилась настойчивыми попытками координации действий ведущих империалистических держав в отношениях как между собой, так и с развивающимися странами. С середины 70-х годов, как уже говорилось выше, происходит последовательное усиление коллективных форм неоколониализма (см. гл. 5).

Таким образом, коллективное наступление молодых государств под лозунгами НМЭП натолкнулось во второй половине 70-х годов на возрастающее и скоординированное сопротивление империалистических центров, на противодействие коллективных форм неоколониализма, приведшего в действие мощные экономические механизмы мирового капитализма. В то же время — и это следует подчеркнуть особо как важнейший урок второго этапа борьбы за перестройку международных экономических отношений — развивающиеся страны не смогли создать адекватных экономических механизмов взаимосвязи и противодействия неоколониализму, использовать реальные экономические рычаги давления на капиталистические центры. Образовался серьезный разрыв между «политикой» и «экономикой»: политико-дипломатическое единство, единство требований и деклараций никак не опирались на совместную, скоординированную экономическую политику разных стран (как внутреннюю, так и внешнюю), на единство реальных мер по ограничению неоколониалистского характера отношений с центрами мирового капитализма.

Все это объясняет, почему разобщающее воздействие империализма и неоколониализма на развивающийся мир оказалось более сильным, чем слабо подкрепляемое практикой стремление развивающихся стран к единству. В этих условиях широкое втягивание развивающихся стран в международное капиталистическое разделение труда, прежде всего по линии ТНК и ТНБ (см. гл. 4), которое происходило в течение всего второго этапа, в значительной мере разделило эти страны на груп-

пы с различными, а то и с противоположными интересами. В результате, продолжая заявлять о необходимости НМЭП, многие из них своими реальными экономическими действиями на деле способствовали скорее такой перестройке мирохозяйственных связей, которая не увеличивала, а сокращала степень их хозяйственной самостоятельности как на национальном, так и на групповом уровне. Поэтому борьба за реализацию программы НМЭП, лишенная достаточно прочной общей экономической базы, не дала весомых результатов. Еще раз была подтверждена верность положения о том, что «капитализм не может „вместить“ иного освобождения, кроме правового, да и это последнее всячески урезывает» [7, с. 345], что добровольно империализм ни на какие уступки не идет. Более того, перед многими развивающимися странами встала серьезная опасность частичной утраты той доли экономической самостоятельности, которой они добились в предшествующий период.

Современный этап

На рубеже 70-х и 80-х годов империализм перешел в широкое контрнаступление и практически отказался от переговоров по НМЭП. Все это предопределило переход к третьему, современному этапу борьбы за перестройку международных экономических отношений, который можно определить как этап сдерживания контрнаступления империализма и неоколониализма, этап поиска новых основ взаимодействия между центром и периферией мирового капиталистического хозяйства. Экономический кризис начала 80-х годов отчетливо продемонстрировал уязвимость мирохозяйственных позиций развивающихся стран. Этот факт в значительной мере связан с характером современного этапа НТР. Его важнейшая особенность состоит в том, что он носит комплексный, универсальный характер, охватывая все сферы хозяйственной деятельности. Еще одна важная черта нового этапа НТР, если иметь в виду его пространственно-географические рамки, заключается в том, что он охватывает в первую очередь развитые страны. В результате углубляется технологический разрыв между капиталистическими и развивающимися странами, возрастают качественные различия производственно-экономических систем в центре и на периферии мирового капиталистического хозяйства.

За счет ускорения технологической модернизации Запада удалось значительно сузить возможности экономического давления со стороны развивающихся стран и одновременно усилить их зависимость как покупателей новой техники и технологии и экспортеров специализированной продукции. Так, к середине 80-х годов Западу удалось решить проблему энергосырьевого обеспечения своей экономики и ослабить тем самым позиции развивающихся стран на этом участке мирового хозяйства.

Большую опасность для развивающихся государств представляет сегодня и усиление военного неокOLONиализма. В середине 70-х годов, в разгар энергетического кризиса, ведущие империалистические державы, прежде всего США, резко расширили поставки оружия во многие нефтеэкспортирующие страны, что позволило этим державам справиться со своими финансово-экономическими трудностями и одновременно добиться гарантированных поставок топлива. Этот шаг империалистических держав вызвал «цепную реакцию» милитаризации в других развивающихся странах, что было использовано Западом для усиления их зависимости в военно-политической, военно-экономической и военно-технической областях, и в то же время вынудило страны прогрессивной антиимпериалистической ориентации выделять дополнительные средства на укрепление своей обороны, отрывая их от выполнения народнохозяйственных программ.

По имеющимся данным, мировой экспорт оружия, две трети которого направляется в развивающиеся страны, вырос за 70-е годы в 4 раза. Импорт основных видов обычного оружия развивающимися странами увеличился с 2,5 млрд. долл. в 1970 г. до 10,5 млрд. в 1980 г.; в 1983 г. он составил 9,6 млрд., а в 1984 г. — 7,5 млрд. долл. [64, с. 370—371]. Резко возросли и ежегодные военные расходы развивающихся стран: 1970 г. — 29 млрд. долл., 1975 г. — 56,7 млрд., 1982 г. — 93,6 млрд. долл. [70, с. 52].

Массированный экспорт оружия и связанных с ним услуг, интернационализация военного бизнеса в целом — одна из новых форм зависимости развивающихся стран. Она активно используется империализмом в сочетании с комплексом военно-политических мер: блоковой политикой, укреплением системы зарубежного базирования, разжиганием внутренних конфликтов и поддержанием очагов напряженности в развивающемся мире, системой договоров и соглашений на двусторонней и многосторонней основе и т. д.

Эта новая форма становится сегодня важным средством не только политического подчинения развивающихся стран, но и их экономического закабаления, одним из основных элементов современной экономической системы неокOLONиализма. В целом империализм делает ставку на более полное включение военного фактора в свою систему отношений с развивающимися государствами. Курс Вашингтона на обострение международной напряженности и гонку вооружений направлен не только против СССР и социалистического содружества. Его непосредственной и очевидной целью — создание и упрочение новой, коллективной системы неокOLONиализма под эгидой США, подрыв самой возможности развивающихся стран выступать в качестве самостоятельной силы в мировой политике и экономике. Втягивание развивающихся стран в военную машину империализма представляет серьезную угрозу для проведения ими неза-

висимой внешней политики, для самостоятельного решения стоящих перед ними задач развития, а также для единства действий развивающихся стран в борьбе за установление нового международного экономического порядка.

Развитие капиталистических страны, усилив контрнаступление на суверенитет освободившихся государств, затормозили процесс перестройки международных экономических отношений. Фактически они в значительной мере урезали и те небольшие уступки, которые они уже сделали. В частности, Запад ввел дополнительные ограничения на импорт товаров из развивающихся стран, в рамках последних многосторонних переговоров с ГАТТ отказался от расширения «общей системы преференций», потребовал от развивающихся стран ослабления защиты их внутреннего рынка, создания более благоприятного климата для деятельности ТНК, подчинения внутренней экономической политики освободившихся стран условиям, выдвигаемым МВФ и МБРР. Все эти элементы позиции Запада весьма выпукло проявились на VI Конференции ЮНКТАД. На этом форуме развитые капиталистические государства потребовали также признать принцип так называемой «градации» развивающихся стран, предусматривающий сокращение льгот освободившимся странам в области помощи, торговли, финансов и т. д. по мере достижения ими определенного уровня экономического развития. Осуществление этого принципа рассчитано на ослабление единства развивающегося мира.

В сложившейся обстановке развивающиеся страны в определенной мере ослабили наступательный характер борьбы за НМЭП. Это выразилось прежде всего в том, что они заняли более компромиссные позиции по ряду вопросов. В последних документах развивающихся стран по НМЭП проглядывает более примиренческое отношение к иностранному капиталу, приглушена критика ТНК. Такая позиция характерна прежде всего для стран, где укрепившаяся национальная буржуазия занимает соглашательские позиции и ищет новые способы достижения своих узкоклассовых экономических интересов на пути сотрудничества с иностранным капиталом. В этом же направлении действует экономическое давление Запада, который стремится обеспечить свои интересы в развивающихся странах с помощью отдельных целевых уступок и новых форм взаимодействия с национальным капиталом.

Вместе с тем, учитывая возросшую агрессивность империализма и неблагоприятное воздействие международной напряженности на возможности перестройки международных экономических отношений, развивающиеся страны уделяют сегодня больше внимания вопросам борьбы за мир и разоружение. Как свидетельствуют документы последних конференций неприсоединившихся стран в Дели (1983) и Хараре (1986), этим вопросам придается сегодня решающее значение. Одновременно с этим представители развивающихся стран решительно осуж-

дают все формы экономической агрессии, применение некоторыми развитыми странами в политических целях подрывных и дискриминационных экономических мер против развивающихся стран.

Таким образом, и на современном этапе развивающиеся страны вынуждены ограждать себя от агрессивности империализма и произвoла международных монополий, т. е. в определенной мере продолжать решать задачи первого этапа экономической деколонизации. Остаются нерешенными и задачи создания совместной экономической базы для эффективной борьбы против неокOLONиальной эксплуатации. В то же время отмеченные выше процессы серьезно изменяют условия борьбы развивающихся стран против неокOLONиальной системы отношений. Практически закончился период, когда важным орудием борьбы являлись «разовые» политико-экономические акции типа безвозмездной национализации иностранной собственности или одностороннего решения ОПЕК о многократном повышении цен на нефть. На передний план выдвигается необходимость последовательных и планомерных мероприятий, направленных, во-первых, на укрепление основ комплексного экономического развития освободившихся стран на национальном уровне; во-вторых, на усиление координации экономической политики и стратегии на уровне всей группы развивающихся стран как в технико-экономическом (структурно-отраслевом) плане, так и в плане отношений с ТНК; в-третьих, на усиление взаимодействия развивающихся стран между собой и со странами социализма. Иными словами, речь идет о создании в развивающемся мире собственных, относительно независимых от центров капитализма механизма и структур экономического развития, о формировании действительно нового международного разделения труда, выгодного не только развитым капиталистическим странам, но и всем остальным участникам всемирного хозяйства.

Решение задач подобного масштаба требует, с одной стороны, значительного усиления в развивающихся странах экономической роли национального государства и, с другой — более тесной межгосударственной кооперации развивающихся стран. Диверсификация и тесное переплетение различных форм системы неокOLONиальной эксплуатации, ее широкое воздействие практически на все сферы общественной жизни развивающихся государств (политику, экономику, идеологию, культуру, образ жизни) серьезно осложняют борьбу с неокOLONиализмом, требуют ее выведения на качественно новый уровень. В современных условиях на передний план борьбы объективно выходят действия, направленные на укрепление мира и международной безопасности, ограничение гонки вооружений, на достижение всеобщего и полного разоружения, т. е. действия по упрочению главных условий независимого и свободного развития всех стран и народов. «Избавление от растраты огромных

ресурсов на военные нужды, — подчеркивается в Программе КПСС, — позволило бы направить плоды труда исключительно на цели созидания. Государства, вставшие на путь самостоятельного развития, были бы ограждены от посягательств извне, что облегчило бы их движение по пути национального и социального подъема» [13, с. 137]. Важное значение в зоне национально-освободительного движения приобретают в этой связи усилия по налаживанию систем коллективной безопасности, мирному урегулированию конфликтов, коллективному отпору агрессивным устремлениям империалистических держав, что предполагает повышение роли Движения неприсоединения, региональных и других организаций развивающихся стран.

Для ослабления экономических рычагов неокOLONиальной эксплуатации требуется более тесная координация экономической политики молодых государств, выработка совместных направлений стратегии развития на длительную перспективу, налаживание эффективного сотрудничества с социалистическими странами. Одновременно борьба с неокOLONиализмом неизбежно затрагивает и сферу внутренних отношений в самих развивающихся странах, поскольку проведение курса на упрочение политической независимости и экономической самостоятельности встречает сопротивление проимпериалистических кругов этих стран, прямо заинтересованных в дальнейшем функционировании неокOLONиальной системы.

ГЛАВА II

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО РАЗВИВАЮЩИХСЯ СТРАН В БОРЬБЕ С НЕОКОЛОНИАЛИЗМОМ

Как отмечалось выше, материально-техническим фундаментом неокOLONиальной системы является асимметричное распределение факторов производства (и соответственно потребительной силы) между центром и периферией мирового капиталистического хозяйства. Будучи характерной чертой макроструктуры этого хозяйства, данная асимметрия проявляет себя во внутренней дезинтегрированности национальных экономических систем развивающихся стран, т. е. становится и свойством их внутренней экономической структуры. Хозяйственные механизмы мирового капитализма постоянно воспроизводят данную асимметрию, закрепляя одновременно преимущественную ориентацию развивающейся экономики на его центры.

Именно указанное обстоятельство и предопределило в значительной мере трудности координации действий развивающихся стран в борьбе за НМЭП, выработки ими согласованной системы мер в области внутри- и внешнеэкономической политики.

В результате степень их взаимодействия в сфере экономики оказалась значительно более слабой, чем в политике.

В то же время именно взаимодействие на экономическом уровне может способствовать ослаблению неокOLONиалистского давления и формированию реальной основы для более равноправных экономических отношений с развитыми капиталистическими государствами. Естественно, при крайней пестроте развивающегося мира и сильном разобщающем воздействии со стороны центров мирового капитализма складывание системы экономических взаимосвязей освободившихся государств — процесс сложный и во многом противоречивый. В современных условиях его основой служит, с одной стороны, существование государствами оформленной экономики развивающихся стран, способной в известной мере противостоять «слепой» игре рыночных сил мирового капитализма, а с другой — наличие определенных элементов взаимодополняемости их хозяйственных структур, которая может быть значительно усилена при проведении соответствующего экономического курса.

Эволюция идей и форм экономического сотрудничества развивающихся стран

Уже в ходе национально-освободительных революций родились и окрепли идеи солидарности, взаимной поддержки и сотрудничества народов Азии, Африки и Латинской Америки. С достижением независимости эти идеи начали воплощаться в систему политических взаимоотношений молодых суверенных государств. Опираясь на поддержку социалистических стран и растущее взаимодействие между собой, развивающиеся государства вступили на путь экономической деколонизации. По мере продвижения по этому пути, по мере изменения задач национально-освободительного движения и эволюции системы неокOLONиальных отношений идея взаимного экономического сотрудничества развивалась и конкретизировалась.

Вначале, на рубеже 50-х и 60-х годов, экономическое сотрудничество развивающихся стран осуществлялось преимущественно в форме региональных интеграционных группировок. В это время на периферии мирового капиталистического хозяйства широкое распространение получила стратегия импортзамещающей индустриализации. Осуществление региональной экономической интеграции, по замыслу ее инициаторов, было призвано создать достаточно емкий рынок для крупного промышленного производства и обеспечить тем самым успех принятой стратегии индустриализации.

Создавая свои экономические объединения, развивающиеся страны, как правило, пытались воспроизвести в своих условиях западноевропейскую модель «Общего рынка», предусматривающую сначала либерализацию внутрирегиональной торговли, а

затем и создание единой хозяйственной территории, огражденной общим таможенным барьером, защищающим вновь создаваемую промышленность от конкуренции извне. В большинстве региональных группировок в Латинской Америке и Африке (Ближний и Средний Восток, Юго-Восточная Азия были в меньшей степени затронуты этими процессами) интеграция развивалась именно по такому пути. Все крупные экономические группировки были здесь созданы либо как таможенные союзы, либо как ассоциации свободной торговли.

Однако довольно скоро обнаружилось серьезное несоответствие использовавшейся модели интеграции условиям и потребностям освободившихся государств. Распределение выгод от снятия внутрорегиональных торговых барьеров происходило неравномерно, что усиливало и без того значительную разницу в уровнях экономического развития стран-участниц. При решении вопросов о размещении производительных сил часто преобладали националистические соображения. Терпели неудачу попытки проводить общую хозяйственную политику в интересах развития региона в целом.

Углубление социальной, экономической и политической дифференциации партнеров в результате «свободной игры» рыночных сил, предусматриваемой либерализационной моделью интеграции, вело к значительному усилению центробежных тенденций в подобных группировках. Поэтому после кратковременного периода роста внутрizonальной торговли практически во всех таких экономических союзах наступал период стагнации и усиления противоречий. Для преодоления подобных трудностей отдельные интеграционные объединения пытались создать перераспределительные механизмы компенсационного и корректирующего характера для более равномерного развития стран-партнеров. Однако и это не привело к желаемым результатам, так как взаимодействие участников во внешнеэкономической и внешнеполитической областях оставалось крайне слабым.

В отдельных группировках (Андский пакт) делались попытки не просто либерализовать и стимулировать взаимную торговлю, но и обеспечить взаимодополняемость хозяйственных структур и большую равномерность экономического развития отдельных стран-участниц путем распределения отдельных отраслей промышленности между партнерами. Однако и эти попытки не привели к усилению интеграционных объединений, которые к середине 70-х годов оказались в своем большинстве либо в состоянии стагнации, либо на пути к полному распаду.

Но в последнее время в развитии интеграционных процессов наметился определенный сдвиг в положительную сторону. Как это ни парадоксально, но те трудности, которые переживает развивающийся мир в настоящее время, — снижение уровня экспорта, вызванное спадом в мировом капиталистическом хозяйстве и усилением протекционистской политики государств в отношении промышленного экспорта из развивающихся стран,

обострение проблем с платежными балансами, колоссальная внешняя задолженность и определенные ограничения в связи с этим в получении новых кредитов на коммерческой основе — все это вызывает большее внимание и интерес освободившихся государств к усилению взаимных экономических связей в рамках интеграционных группировок. Усилились попытки разработать и реализовать программы по преодолению накопившихся к настоящему времени негативных явлений во внутрирегиональной торговле, финансовом и валютном сотрудничестве и т. п. В некоторых из экономических объединений развивающихся стран уже действуют программы взаимного внешнеторгового кредитования, создаются различные резервные фонды и другие механизмы подобного рода, обеспечивающие более благоприятные условия для внутрирегионального сотрудничества.

В некоторых интеграционных союзах, где противоречия между странами-участницами привели в середине 70-х годов к появлению различного рода ограничений во внутрирегиональной торговле, в настоящее время в связи с усилением трудностей со сбытом экспортных товаров, особенно промышленной продукции, на мировых рынках обнаруживается ярко выраженное стремление снова расширять внешнеторговые связи с соседями по группировке. Одновременно усиливается сотрудничество в валютно-финансовой области. В рамках ЦАОР, КАРИКОМ, Андской группы ведутся переговоры, исследования и консультации по вопросам снятия различного рода ограничений во внутрирегиональных отношениях, появившихся в 70-е годы.

Развивавшиеся сначала преимущественно в рамках интеграционного процесса тенденции регионального и субрегионального экономического сотрудничества получили дальнейшее развитие не только и не столько в рамках существующих интеграционных союзов, а на стыках этих союзов, в двусторонних экономических отношениях молодых государств, в деятельности ассоциаций стран — экспортеров сырья и т. п. Специфической формой активизации хозяйственных связей развивающихся государств стала деятельность ассоциаций стран — производителей сырья, прежде всего ОПЕК и ОАПЕК, стремившихся взять в свои руки контроль над рынками важнейших сырьевых товаров. В период с 1960 по 1983 г. было образовано около 30 товарных ассоциаций развивающихся стран, созданных на межгосударственной основе, в том числе Организация стран — экспортеров нефти (ОПЕК), Международная ассоциация бокситодобывающих стран (МАБС), Организация стран — экспортеров меди (СИПЕК), Ассоциация производителей вольфрама (АИЭК), Международная ассоциация производителей вольфрама, объединения производителей натурального каучука, бананов, перца, какао, кофе, джута, маслосемян и пр. После первоначальных успехов ОПЕК в разгар мирового энергетического и сырьевого кризиса роль сырьевых объединений развивающихся стран на мировых рынках к началу 80-х годов снизилась.

Опыт ассоциаций стран — производителей сырья, особенно ОПЕК, оказался достаточно противоречивым с точки зрения налаживания экономического сотрудничества в масштабах всего развивающегося мира. Он со всей очевидностью выявил зависимость отдельных групп стран-производителей от общих механизмов мирового капиталистического хозяйства и дал толчок выступлениям развивающихся стран за пересмотр сложившейся системы международных экономических отношений. Вместе с тем он оказался в целом малоприменимым для решения конкретных вопросов взаимного хозяйственного сотрудничества.

В то же время формирование международно-политических объединений развивающихся стран (Движение неприсоединения и «Группы 77»), равно как и повышение общего уровня их конфронтации с империализмом и ограниченные возможности чисто политических средств борьбы с экономическими механизмами неокOLONиальной эксплуатации, ставили перед развивающимся миром историческую задачу по созданию не только особых механизмов, но и собственной системы хозяйственных взаимосвязей. Необходимость более тесного экономического сотрудничества осознавалась также в связи с невозможностью ускоренного экономического роста в узких рамках национальной экономики малых и даже средних стран, без концентрации ресурсов и согласования стратегий развития отдельных стран.

Теоретическим фундаментом для разработки программ экономического сотрудничества развивающихся стран в рамках «Группы 77» и Движения неприсоединения стала концепция коллективной опоры на собственные силы. Ее основные принципы были впервые сформулированы в решениях III Конференции глав государств и правительств неприсоединившихся стран в Лусаке (1970), затем в общей позиции «Группы 77» в ООН и были одобрены в решениях VI специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН (1974). Дальнейшее развитие они получили в документах пятой (Коломбо, 1976), шестой (Гавана, 1979), седьмой (Дели, 1983) и восьмой (Хараре, 1986) конференций неприсоединившихся стран, в Арушской программе коллективного самообеспечения (1979), Международной стратегии развития на III десятилетие ООН (1981), Каракасской программе экономического сотрудничества между развивающимися странами (1981), Буэнос-Айресской платформе (1983) и др.

В самом общем виде стратегия опоры на собственные силы в развивающемся мире предполагает всемерную мобилизацию и использование собственных ресурсов для ускоренного экономического и социального развития, создание внутренних условий, позволяющих принимать самостоятельные решения в области хозяйственной жизни, направленные на обеспечение основных нужд населения. Ее проведение в национальных масштабах означает для отдельной развивающейся страны осуществление реального суверенитета над своими природными ре-

сурсами и внутриэкономической деятельностью. Поскольку развитые капиталистические страны препятствуют проведению в жизнь программы НМЭП, осуществляют протекционистскую политику в отношении промышленного экспорта молодых государств, то единственной реальной альтернативой, по мнению теоретиков неприсоединения, является проведение политики опоры на собственные силы как на национальном уровне, так и в глобальных масштабах.

Данная стратегия реализуется по мере углубления международного сотрудничества развивающихся стран, основывающегося на равноправии, учете взаимных интересов и взаимной выгоды, а также на расширении обмена товарами и услугами, обеспечивающего основные нужды населения. Реализация стратегии коллективной опоры на собственные силы, утверждается в многочисленных документах развивающихся стран, делает возможным более полное и эффективное использование существующих потенциальных ресурсов, создание большей взаимодополняемости национальных экономических структур и т. п. В то же время она содействует более сбалансированному развитию связей между западными державами и освободившимися государствами на основе диверсификации внешнеэкономических отношений развивающегося мира в целом. Укрепление торговых и экономических связей между самими молодыми странами воспринимается как компонент структурных изменений, необходимых для создания более рационального международного разделения труда. Как подчеркивается в принятой «Группой 77» Арушской программе коллективного самообеспечения, развивающиеся страны намерены интенсифицировать «совместные и согласованные усилия по мобилизации своих рынков и ресурсов с целью создания структуры подлинной экономической взаимозависимости... а также укреплять свою солидарность на переговорах с развитыми странами в отношении установления нового международного порядка» [18, с. 5].

В документах, содержащих основополагающие принципы коллективной стратегии развивающихся стран, признается несовершенство и неприемлемость современной системы международных экономических отношений, основанных на действиях стихийных рыночных сил, от чего выигрывают экономически более сильные участники, т. е. развитые капиталистические страны. Критика существующего положения дел в мировой экономике в этих документах достаточно остра и объективно носит антиимпериалистический характер. Вместе с тем, ориентируясь на перестройку внешнеэкономических связей и изменение положения освободившихся государств в системе мирохозяйственных связей, стратегия коллективной опоры отнюдь не ставит своей целью отказ от капиталистического характера экономических отношений как по линии «Запад — Юг», так и по линии «Юг — Юг». Речь идет лишь о том, чтобы противостоять наиболее односторонним формам неокOLONИализма, добиваться более

равноправного положения на мировом рынке для национальных производителей развивающихся стран, прежде всего для набирающей силу в наиболее развитых освободившихся странах периферийной буржуазии.

Стратегия коллективной опоры на собственные силы предусматривает создание системы экономических связей между развивающимися странами, охватывающей и их взаимные связи, и отношения с развитыми государствами, использование всех возможностей международного сотрудничества для ускорения темпов социально-экономического развития. Стремление к коллективной опоре на собственные силы, подчеркивал в своем докладе на VII конференции неприсоединившихся стран в Дели Ф. Кастро, «не означает попыток создания замкнутой системы или же экономического блока, а предусматривает расширение международного экономического сотрудничества, чтобы можно было полнее использовать все имеющиеся возможности, а также усилить позицию наших стран в борьбе за установление НМЭП... Сотрудничество „Юг — Юг“ не в состоянии сразу образовать единую законченную систему, а должно последовательно продвигаться вперед, создавая по мере расширения кооперации собственную инфраструктуру» [85, с. 182].

Целями стратегии коллективной опоры на собственные силы являются: максимальная активизация имеющихся возможностей для экономического и социального развития; укрепление позиций развивающихся стран в мировой экономике, их переговорных позиций по вопросам установления НМЭП; обеспечение более равноправных отношений с развитыми странами в системе мирового капиталистического хозяйства.

По существу, коллективная опора на собственные силы представляется освободившимся странам как глобальная система их взаимного экономического сотрудничества, эволюционирующая по двум основным направлениям: а) усиление и расширение субрегионального и регионального сотрудничества — как двустороннего, так и многостороннего — в тесной увязке с глобальным экономическим сотрудничеством развивающихся стран; б) разработка и осуществление взаимосвязанных мероприятий, механизмов политики, предназначенных для развития и поддержки новых форм сотрудничества. Очевидно, что экономическое сотрудничество развивающихся стран — это не чужеродная экономическая доктрина, а часть их собственной генеральной стратегии.

Основные направления формирования системы экономических взаимосвязей

В последние 10—15 лет постепенно начали обрисовываться контуры системы экономических отношений внутри обширной группы развивающихся стран, выявились ее сильные и слабые стороны. Программа экономического сотрудничества освободив-

шихся стран была разработана и впервые предложена на V Конференции неприсоединившихся стран в Коломбо (1976). На последующих конференциях Движения неприсоединения она была дополнена и конкретизирована.

Для основных документов неприсоединившихся стран по вопросам взаимного сотрудничества характерна вера в «безграничные возможности» использования их энергии и ресурсов для достижения в кратчайшие сроки таких целей, как удовлетворение основных потребностей населения, ликвидация нищеты, достижение хозяйственной самостоятельности. Как говорилось в Экономической декларации V Конференции неприсоединившихся стран, необходимо «укрепить общую волю и создать подходящие механизмы для того, чтобы использовать новые дополнительные возможности и ресурсы в рамках развивающегося мира ко взаимной выгоде и ради коллективного экономического прогресса» [45, с. 308]. В Гаване (1979) был сделан упор на необходимость принятия в этой области более энергичных мер, в частности реалистичных и осуществимых в ближайшее время планов и предложений. Одновременно отмечался разрыв между намеченной программой сотрудничества и ее реальным выполнением. В Дели (1983) основное внимание было перенесено на необходимость выделить наиболее жизнеспособные и приоритетные области сотрудничества, укрепить координацию на национальных уровнях по всем его аспектам. В Хараре (1986) основной упор был сделан на реализацию конкретных мер в области экономического сотрудничества — создание глобальной системы торговых преференций во взаимной торговле, координацию между интеграционными союзами, проекты многонационального сотрудничества в области промышленности, инфраструктуры, подготовки кадров.

«Группа 77», в свою очередь, разработала программу экономического сотрудничества освободившихся стран, практически повторяющую вариант, предложенный Движением неприсоединения. В 1979 г. в Аруше была принята Программа коллективного самообеспечения и рамок для переговоров, в которой экономическое сотрудничество между развивающимися странами было объявлено «ключевым элементом» в стратегии коллективной опоры на собственные силы. Дальнейшее развитие эта программа получила на конференции «Группы 77» по экономическому сотрудничеству между молодыми странами на высшем уровне в Каракасе (1981) и Буэнос-Айресе (1983). Здесь было положено начало созданию организационной структуры, в рамках которой должно осуществляться экономическое сотрудничество развивающихся стран. Принятая в Каракасе Программа действий в области экономического сотрудничества выделила в качестве приоритетных такие области, как взаимная торговля, сельское хозяйство и производство продовольствия, индустриализация, передача технологии, техническое и финансовое сотрудничество.

Одной из основных задач в области взаимного сотрудничества развивающиеся страны считают обеспечение должной увязки и координации различных конкретных программ. Несмотря на значительные трудности, определенные сдвиги в этом уже заметны: постепенно начинают функционировать механизмы координации действий, создаются совместные институты, обеспечивающие развитие многостороннего сотрудничества. Взаимная торговля — наиболее развитая и динамичная область экономического сотрудничества. Вначале ее рост был связан с сокращением или полной ликвидацией таможенных перегородок в отдельных интеграционных группировках, что ускорило формирование внутрирегиональных торговых и экономических связей, особенно между странами Латинской Америки. По данным ЮНКТАД, в целом объем взаимной торговли между участниками наиболее активных экономических группировок развивающихся стран (АСЕАН, ЮДЕАК, КАРИКОМ, ЦАОР, ЛАИ и др.) вырос к 1983 г. по сравнению с 1970 г. более чем в 10 раз.

Однако возможности, связанные с либерализацией взаимной торговли, довольно скоро оказались исчерпанными. Другими факторами, содействовавшими ее росту, стали, с одной стороны, происходившее в 1973—1974 гг. повышение цен на нефть, а с другой — рост промышленного экспорта «новых индустриализирующихся» стран. В результате торговля между развивающимися странами в 1970—1982 гг. возрастала более быстрыми темпами, чем их торговля с развитыми капиталистическими державами. Темпы роста взаимного экспорта составляли в 1970—1981 гг. 26,5%, а экспорта в развитые страны — 22%; соответственно импорт последних из развивающегося мира возрастал на 23,2% в год, тогда как импорт из развитых стран — на 16,8%. В целом доля взаимной торговли развивающихся стран в общем объеме мирового экспорта выросла с 3,5% в 1970 г. до 6,9% в 1984 г. (рассчитано по [28, 1986, с. XXXIV—XXXV]).

Повысилось значение рынков развивающихся стран для экспорта их промышленной продукции. Темпы роста взаимной торговли промышленными товарами составляли в 1970—1981 гг. 26,8%, тогда как рост торговли этими товарами с развитыми странами — 24,6% [39, с. 2] (табл. 25). Рынки партнеров из освободившихся стран имеют большое значение прежде всего для экспортеров из стран Южной и Юго-Восточной Азии. На этих рынках в 1984 г. сбывалось 23,8% экспорта готовых промышленных изделий, 28,5% экспорта машин и транспортного оборудования, 52,4% экспорта химических продуктов стран Южной и Юго-Восточной Азии и соответственно 25,6, 29,2 и 39,1% экспорта тех же товаров стран Латинской Америки. При этом основная часть взаимной торговли развивающихся стран является внутрирегиональной. На латиноамериканских рынках сбывалось в 1984 г. 75,0% экспорта Латинской Америкой в

Доля взаимной торговли
в экспорте и импорте развивающихся стран *,
%

Товары	Экспорт		Импорт	
	1970 г.	1982 г.	1970 г.	1982 г.
Продовольствие	15,0	26,7	27,7	30,5
Сельскохозяйственное сырье	21,4	31,0	48,6	38,0
Минеральное сырье и удобрения	6,3	13,3	38,0	5,2
Нефть, природный газ	20,5	28,2	82,4	84,6
Химические продукты	40,2	44,9	8,0	14,2
Черные металлы	46,4	52,4	8,2	13,5
Цветные металлы	6,1	20,7	23,1	32,6
Промышленные изделия	29,7	31,9	17,4	24,3
Машины и транспортное оборудование	44,2	42,2	3,3	8,6
Текстиль	23,0	27,3	27,4	35,6

*Рассчитано по: [23, 1985].

развивающиеся страны химических продуктов, 65,9% — готовых промышленных изделий, 57,6% — машин и транспортного оборудования. Значение внутрорегиональных азиатских рынков для экспортеров из Юго-Восточной Азии химических продуктов было также очень велико — 87,7% их экспорта в развивающийся мир (готовых промышленных изделий — 58,2%, машин и транспортного оборудования — 74,6%) [28, 1986, с. XXXIV—XXXV].

Произошли изменения в импорте развивающихся стран: в 2,6 раза увеличился в 1982 г. по сравнению с 1970 г. удельный вес поставок из освободившихся стран машин и транспортного оборудования, в 1,8 раза — химических продуктов, в 1,4 раза — готовой промышленной продукции (рассчитано по [23, 1985]). Темпы роста импорта готовой промышленной продукции развивающимися странами, поставляемой им партнерами из других освободившихся государств, составляли в 1970—1981 гг. 25,4%, тогда как темпы роста импорта промышленной продукции из развитых стран за эти же годы — 17,0% [23, 1985, с. 2]. В целом, за счет ввоза из развивающегося мира, молодые государства Азии, Африки и Латинской Америки получили в 1982 г. 15,9% их общего объема промышленного импорта (рассчитано по [23, 1983]). Такая тенденция способствует ослаблению их исключительно сильной зависимости от поставок промышленных изделий из развитых капиталистических стран.

Одним из основных элементов сотрудничества в области взаимной торговли должно стать взаимодействие государственных внешнеторговых организаций развивающихся стран и создание многонациональных предприятий этих стран в области торговли. Большие надежды возлагаются на координацию дей-

ствий государственных внешнеторговых организаций, которая может способствовать улучшению условий их торговли, а также росту взаимной торговли отдельными видами экспортных товаров. В некоторых регионах (например, в Южной и Юго-Восточной Азии) именно эти организации становятся важным инструментом расширения взаимной торговли. В Индии, Бирме, Пакистане, Бангладеш, Шри-Ланке они занимают важные позиции во внешней торговле, прежде всего в импорте продовольствия, нефтепродуктов, стратегических видов сырья, а также в экспорте различных видов товаров. На международной конференции представителей внешнеторговых организаций в 1982 г. в г. Любляна (Югославия) было принято решение о создании постоянной ассоциации государственных внешнеторговых организаций. На совещании внешнеторговых организаций ряда азиатских стран в Индонезии в январе 1982 г. рассматривались возможности увеличения взаимной торговли рисом и цементом, вопросы сотрудничества в области импорта растительных масел и чая [23, 1983, с. 7—8]. Следует отметить, что разработка совместной (или скоординированной) импортной политики государственных внешнеторговых организаций способствует укреплению позиции развивающихся стран в мировой торговле и позволяет им более успешно выступать против неокOLONIALИСТСКОЙ практики ТНК.

Другая перспективная форма экономического сотрудничества — создание многонациональных предприятий в промышленности, инфраструктуре, сельском хозяйстве. Часто оно осуществляется в результате так называемых трехсторонних соглашений, в соответствии с которыми одна сторона (как правило, страны-нефтеэкспортеры или их фонды развития) предоставляет капитал, другая («новые индустриализирующиеся» страны) обеспечивает технологию и «ноу-хау», подготовку квалифицированных кадров, а страна-получатель — природные ресурсы и рабочую силу. Такого рода сотрудничество укрепляет и диверсифицирует экономические связи между молодыми государствами, усиливает их экономическую независимость, поднимает на более высокую ступень процесс интеграции национальных экономик, позволяет рациональнее использовать (а иногда просто обеспечивает возможность разработать) природные, технические и финансовые ресурсы, особенно в малых развивающихся странах.

Большое значение придается развитию сотрудничества в области валютно-финансовых отношений. Валютно-финансовое сотрудничество включает в себя такие формы, как использование системы многосторонних (субрегиональных) или двусторонних клиринговых соглашений, предоставление займов и субсидий для урегулирования платежных балансов, предоставление кредитной помощи, деятельность валютных союзов, субрегиональных и региональных банков и фондов развития и т. д. В настоящее время действуют 7 клиринговых систем, куда входят

47 освобожденных стран, 5 кредитных соглашений, а также два валютных союза — на региональном и субрегиональном уровнях. Клиринговые и платежные соглашения между развивающимися странами на многосторонней и двусторонней основе позволяют в определенной степени нейтрализовать дестабилизирующее воздействие на их экономику резких колебаний ведущих валют западного мира. Кроме того, эти соглашения создают прочную основу для развития взаимной торговли и обеспечивают в дальнейшем возможность создания глобального платежного соглашения.

В развивающемся мире имеется значительное число многонациональных финансовых институтов, действующих в региональных и субрегиональных масштабах: Межамериканский банк развития (МАБР), Африканский банк развития (АФБР), Азиатский банк развития (АзБР), Центральноамериканский банк для финансирования развития, Андская корпорация развития, Карибский банк развития, Карибская инвестиционная корпорация и ряд других. Эти банки и корпорации ставят своей задачей финансирование инвестиционных проектов, особенно инфраструктурных объектов регионального масштаба (сооружение дорог, электростанций, систем водоснабжения, освоение природных ресурсов и т. п.).

Существует и расширяется также сотрудничество национальных банков освобожденных государств и многонациональных финансовых институтов развивающегося мира с целью финансирования многонациональных проектов. Так, Венесуэльский инвестиционный фонд и национальные финансовые институты ряда других латиноамериканских стран сотрудничают с Межамериканским банком развития, Национальная финансовая организация Мексики (НАФИН) создала для этих целей несколько инвестиционных фондов в рамках двух региональных финансовых организаций — Центральноамериканского банка для экономической интеграции и Андской корпорации развития. Эта же организация заключила двустороннее соглашение с Национальным банком экономического и социального развития Бразилии о сотрудничестве в финансировании многонациональных предприятий.

В 70-е годы появился новый источник финансовых ресурсов — нефтедоллары стран ОПЕК, что дало определенный импульс финансовому сотрудничеству освобожденных стран. Возросли финансовые потоки из стран — экспортеров нефти в другие районы развивающегося мира. Помощь стран ОПЕК другим молодым государствам предоставляется на двусторонней основе, через национальные агентства помощи развитию и через специализированные фонды.

Общий объем помощи ОПЕК другим развивающимся странам составлял в 1983—1984 гг. 5 млрд. долл. (по курсу 1983 г.), т. е. 13,6% всей официальной «помощи развитию», тогда как в 1975—1976 гг. эта помощь составляла 8,9 млрд. долл. (соот-

ветственно 27,8%). Значительная часть этих финансовых средств идет по межправительственным каналам, причем здесь большую роль играют специализированные национальные агентства помощи, созданные в Кувейте, ОАЭ, Саудовской Аравии и Ираке.

Например, Исламский банк развития в 1983—1984 гг. предоставил развивающимся странам 135 млн. долл., Фонд ОПЕК — 130 млн. долл., Арабский фонд экономического и социального развития — 69 млн., Арабский фонд для экономического развития Африки — 28 млн. Главными странами — получателями помощи ОПЕК являются Сирия (922 млн. долл. в 1983 г., 844 млн. долл. в 1984 г.), Иордания (соответственно 703 и 613), Бахрейн (155 и 208), ЙАР (201 и 183), Судан (361 и 118), другие арабские страны (144 и 259), Бангладеш (114 и 28), другие страны Азии (224 и 237), Кения (7 и 53), Сенегал (48 и 25), Танзания (44 и 12), другие африканские неарабские страны (216 и 217 млн. долл.) [63, с. 93].

Сокращение экспортных доходов от нефти обуславливает замедление или вообще прекращение финансирования многих проектов по программе экономического сотрудничества. Так, практически заморожено решение вопроса о создании «Южного банка», поскольку нефтедобывающие страны отказались предоставить необходимые для этого средства. Отсутствие финансовых механизмов и необходимых средств серьезно тормозит реализацию намеченных программ экономического сотрудничества.

В последние годы в области финансового сотрудничества развивающихся стран все большую роль играет взаимный экспорт частного капитала, в том числе крупных транснациональных корпораций, создающихся в самих этих странах (Аргентине, Бразилии, Колумбии, Перу, Гонконге, Индии, Южной Корее, Филиппинах, Сингапуре и Тайване). Например, в 1980 г. совокупные размеры капиталовложений индийских компаний в 117 действующих объектов за рубежом составили 44,6 млн. долл., а в 87 сооружаемых объектов — 71,1 млн. долл. Общая сумма инвестированного в других развивающихся странах индийского капитала (115 млн. долл.) намного превышает объем иностранных инвестиций в самой Индии за 1969—1980 гг. (70 млн. долл.). Основная часть капиталов и объектов с участием индийского капитала приходится на Юго-Восточную Азию и Восточную Африку [133, с. 23, 28, 30].

Сотрудничество развивающихся стран в области технологии предусматривает координацию деятельности региональных, субрегиональных, национальных центров по разработке технологии, создание международных институтов и разработку совместных программ в уже созданном Центре науки и технологии, сотрудничество в подготовке кадров и другие мероприятия.

В результате процесса индустриализации наиболее развитые из освобожденных государств стали не просто экспортера-

ми готовых изделий, но и поставщиками, прежде всего на «взаимные» рынки, промышленного оборудования и технологии. Хотя экспорт технологии этими странами стал активно развиваться лишь в последние годы, возникли новые для освободившегося мира формы сотрудничества, например, строительство наиболее развитыми странами (Индия, Бразилия) промышленных предприятий «под ключ» в различных отраслях промышленности ряда азиатских и африканских стран. Некоторые государства (Бразилия, Мексика) стали поставщиками сложного и приспособленного к условиям развивающихся стран промышленного оборудования. Между освободившимися государствами все чаще заключаются контракты о подготовке квалифицированных промышленных рабочих и технического персонала. В этих условиях все настоятельнее ощущается необходимость создания определенных механизмов контроля, планирования и межгосударственного регулирования происходящих процессов, что и предполагается осуществить программой экономического сотрудничества.

Сотрудничество в области регулирования деятельности ТНК — одно из важных направлений борьбы за экономическую деколонизацию в рамках стратегии коллективной опоры. На международном уровне основным здесь является осуществление совместных действий при разработке кодекса поведения ТНК, призванного стать правовым инструментом, с помощью которого международное сообщество могло бы контролировать и регулировать деятельность ТНК, исходя из интересов развивающихся стран. При этом особо подчеркивается необходимость добиваться от ТНК уважения основополагающих принципов, прежде всего полного суверенитета стран над своими природными ресурсами и экономической деятельностью, включая владение, эксплуатацию и право распоряжаться этими ресурсами, а также их право на национализацию. Разработка кодекса поведения, призванного упорядочить деятельность ТНК, позволила, по словам Ф. Кастро, «глубже изучить сущность и масштабы их воздействия на международную экономику и выявила огромные трудности, вызванные присутствием и деятельностью этих корпораций, с которыми сталкиваются правительства развивающихся стран при осуществлении своих планов и политики развития» [85, с. 164].

В области сельского хозяйства сотрудничество должно стимулировать большую самообеспеченность развивающихся стран продовольствием, сокращение их зависимости от мирового капиталистического рынка и продовольственной помощи. Как известно, поставки продовольствия и продовольственная помощь превратились в серьезное орудие неокOLONиалистской стратегии Запада. Поэтому в программе коллективной опоры на собственные силы важное место отводится обеспечению развивающегося мира собственными запасами продовольствия. С этой целью планируется создание совместных продовольственных фондов, а

также развитие инфраструктуры, обеспечивающей лучшее хранение, транспортировку и сбыт продовольственных и сельскохозяйственных продуктов.

Сотрудничество в области транспорта и коммуникаций предусматривает осуществление многосторонних проектов развития различных видов сообщения между молодыми государствами (морского, воздушного, железнодорожного, речного), совместное строительство судов, согласование транспортного законодательства, совместное создание сети телекоммуникаций.

Программа экономического сотрудничества — важный шаг на пути укрепления хозяйственной самостоятельности освободившихся государств. Она продолжает и развивает те тенденции, которые проявились в интеграционных группировках этих стран, но затем, в силу различных обстоятельств, замедлились или сошли на нет. В то же время она вобрала в себя и такие тенденции, которые не могли развиваться в узких рамках региональной интеграции. Это относится прежде всего к росту межконтинентальной и даже межконтинентальной торговли промышленными товарами. Программа сотрудничества отразила также происходящий в развивающемся мире, в первую очередь в небольшой группе стран, процесс индустриализации. В 1980 г. пять стран производили 61,4%, а более чем 115 стран — менее 40% промышленной продукции. На 5 стран (Бразилия, Южная Корея, Индия, Мексика, Аргентина) в 1975—1980 гг. приходилось 79% прироста промышленного производства освободившихся государств. На долю 8 стран (Мексика, Бразилия, Аргентина, Индия, Сингапур, Гонконг, Южная Корея, Тайвань) приходится более 70% экспорта промышленных изделий [85, с. 164].

Однако в программе экономического сотрудничества остается нераскрытым вопрос о возможностях и пределах переориентации экономической политики отдельных освободившихся государств и всего развивающегося мира в целом на взаимное сотрудничество в рамках проектируемой системы коллективной опоры на собственные силы. Какая часть их внешнеэкономических связей (внешняя торговля, финансовые потоки и др.) может быть без ущерба для развития, а еще лучше, стимулируя его, направлена в развивающуюся зону? Хотя взаимная торговля готовыми промышленными изделиями росла в 70-е годы и в начале 80-х годов достаточно быстрыми темпами, основными поставщиками наиболее важных видов промышленных товаров остаются развитые капиталистические страны. Пока что исторически сложившиеся системы транспорта и связи, экспортного кредитования, страхования, сбыта и распределения находятся в руках западных ТНК и направлены на обеспечение торговли между «Севером» и «Югом». В программе экономического сотрудничества констатируется, что существующие условия не служат развитию взаимной торговли и требуют существенных изменений, прежде всего перестройки торговой ин-

фраструктуры. Для этого же необходимо выделение значительных финансовых средств, которыми молодые страны не располагают.

Провозглашенная в концепции и программах коллективной опоры на собственные силы цель — достижение самообеспеченности продовольствием и ликвидация голода, свирепствующего сейчас во многих развивающихся странах, прежде всего в Африке, потребует очень серьезных социально-экономических перемен, проведения молодыми государствами радикальной аграрной политики. Более чем в 70 развивающихся странах за последние 20 лет наблюдалось чистое снижение производства продуктов питания на душу населения, а в отдельных из них произошло сокращение и абсолютного объема производства.

В программе остается практически неизученной также проблема экономического сближения национальных экономик, поисков возможностей для усиления их взаимодополняемости. Такие попытки делались, но далеко не всегда успешно, в рамках отдельных интеграционных объединений развивающихся стран. Однако пока что в программе экономического сотрудничества не найдены реальные пути сочетания форм и методов региональной и субрегиональной интеграции с формами сотрудничества на континентальном или глобальном уровнях.

Недостатком программы коллективной опоры на собственные силы является то, что в ней практически обходится вопрос о серьезных внутренних преобразованиях, необходимых для ликвидации экономической отсталости и зависимости. Хотя в документах «Группы 77» и Движения неприсоединения этот вопрос и упомянут, его постановка остается в основном чисто декларативной. Причина неразработанности данного вопроса состоит в том, что объединения развивающихся стран включают в себя свыше 120 государств, различающихся не только географическими условиями, размерами населения, наличием природных ресурсов, уровнем экономического развития, но и прежде всего социально-экономическими и политическими реалиями.

Программы коллективной опоры на собственные силы и экономического сотрудничества не нацелены непосредственно на борьбу с капиталистическими методами эксплуатации освобожденных народов. Все это дает основание предполагать, что реализация намечаемой коллективной стратегии может иметь своим следствием укрепление позиций буржуазии ряда развивающихся стран в мировом капиталистическом хозяйстве. В то же время несомненно, что осуществление индустриализации, развитие взаимной торговли готовыми изделиями и химическими товарами способствует борьбе с наиболее одиозными формами неокOLONиализма. Создание системы экономического сотрудничества между развивающимися странами определенным образом воздействует на соотношение сил на международной арене, укрепляя единство освобожденных государств, подводя

реальную базу под их коллективную дипломатию, ведущую борьбу за НМЭП, создает благоприятные возможности противостоять коллективной неокOLONиалистской дипломатии стран Запада. Стратегия опоры на собственные силы обеспечивает перевес в пользу центристских сил внутри развивающегося мира за счет тенденций к их дифференциации, созданию субимпериалистических центров, возникновению различных группировок, формирующихся вокруг наиболее крупных и сильных из освободившихся стран. Программа экономического сотрудничества имеет большое значение для создания более здорового климата доверия и дружелюбия в развивающемся мире, объединяющем большое число столь различных молодых государств, и тем самым выбивает почву из-под ног тех империалистических кругов, которые стремятся добиваться своих целей, проводя давнюю имперскую политику «разделяй и властвуй».

ГЛАВА 12

СОТРУДНИЧЕСТВО СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ И РАЗВИВАЮЩИХСЯ СТРАН

Реальной альтернативой зависимого развития для многих освобожденных государств становится крепнущее сотрудничество со странами социализма. За последнее тридцатилетие это сотрудничество, охватывающее широкий и постоянно обогащающийся новыми формами и направлениями круг отраслей — торговые и кредитно-финансовые отношения, проектно-исследовательские, научно-исследовательские, геологоразведочные и поисковые работы, поставки комплектного оборудования, запасных частей и материалов, содействие в строительстве и монтаже объектов и в их эксплуатации, в подготовке квалифицированных кадров, создании и развитии отечественной научно-технической инфраструктуры, в организации национального планирования, — превратилось в важную область мирохозяйственных связей.

Сотрудничество с развивающимися странами в преодолении их экономической отсталости и формирования самостоятельной национальной экономики, свободное от всяких элементов неравенства, диктата и дискриминации, возведено в странах СЭВ в ранг государственной политики, закреплено в официальных документах. Экономическое совещание стран — членов СЭВ на высшем уровне (июнь 1984 г.) с новой силой подтвердило этот принципиальный курс, указав, что «страны — члены СЭВ будут и впредь оказывать в меру своих возможностей экономическое и техническое содействие государствам, завоевавшим свободу и независимость, в их усилиях по развитию национальной экономики» [47, с. 18].

По мере расширения связей, все более тесного переплетения их направлений и усложнения форм сотрудничества начинает приобретать характер устойчивого разделения труда. Оно основывается на принципах равноправия, уважения суверенитета, невмешательства во внутренние дела, взаимной выгоды, содействия преодолению отсталости бывших колоний и полуколоний, передачи научного, технического и производственного опыта более развитых менее развитым странам, недопущения неоправданной концентрации преимуществ от сотрудничества у одной из сторон. Подобные отношения можно рассматривать как новый, только формирующийся, специфический тип международного разделения труда стран с различным уровнем экономического развития и различным социальным строем, отличный и от социалистического, и от капиталистического международного разделения труда (см. подробнее [82, с. 87; 89, гл. 9; 109; 110, гл. 8; 141]). Этот, исторически переходный, тип разделения труда по своему социально-экономическому характеру противостоит системе империалистической эксплуатации в международных экономических отношениях. Участие в нем, воздействуя на экономику, обуславливая изменение положения в мировом хозяйстве и международном разделении труда, повышает способность развивающихся стран сопротивляться неблагоприятному воздействию неокOLONиализма, ослабляет их одностороннюю зависимость от западных инвестиций и деятельности ТНК, облегчает борьбу за реальную перестройку существующих дискриминационных экономических отношений, против всей системы неокOLONиальной эксплуатации, а не только ее проявлений в отдельных сферах. Такая направленность нового разделения труда особенно полно проявляется в отношениях с государствами социалистической ориентации, а также со странами, взявшими последовательный курс на проведение прогрессивных социально-экономических преобразований, укрепление экономической самостоятельности.

Законы и механизм мирового капиталистического хозяйства неизбежно ведут к концентрации преимуществ от международного разделения труда на стороне экономически более развитого партнера, закрепляя во все возрастающих масштабах и в постоянно меняющихся формах систему зависимости и жесткой эксплуатации и сверхэксплуатации развивающихся стран империалистическими центрами, увеличивая, как отмечалось в Политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду, «бедность и нищету одних, богатство — других, усиливая поляризацию в мировом капиталистическом хозяйстве» [13, с. 17]. Напротив, закономерности нового разделения труда, определяющие во все большей мере характер и направленность сотрудничества социалистических и развивающихся стран, «наряду с обеспечением принципа взаимной выгоды» гарантируют «соблюдение специфических долгосрочных интересов партнеров с более низким экономическим уровнем развития» [89, с. 451].

Характерная для мирового социалистического содружества закономерность сближения социалистических стран и выравнивания уровней их экономического развития и механизм международного социалистического разделения труда способствуют подъему экономики менее развитых стран, формированию и развитию в них самостоятельных современных систем народного хозяйства, позволяющих им участвовать в международном разделении труда на равноправной и взаимовыгодной основе. «Из самой сущности социализма вытекает объективная потребность все большего сближения социалистических стран. Если в капиталистическом мире действует закон неравномерности экономического, социально-политического и культурного развития, сильные страны обогащаются за счет ограбления слабых и всячески закрепляют их отставание, то социализм создает необходимые условия для подъема менее развитых стран до уровня передовых», — говорится в Программе КПСС [13, с. 129]. Европейские социалистические страны в значительной степени решили проблему сближения важнейших социально-экономических показателей за первые три десятилетия существования СЭВ. В настоящее время Монголия, Куба, Вьетнам при помощи остальных стран СЭВ на справедливой основе решают задачу создания материально-технической базы социализма, устранения унаследованной от прошлого слабозажитости и повышения эффективности народного хозяйства, для чего в рамках СЭВ созданы специальные механизмы. Вместе с тем, как справедливо отмечает Л. З. Зевин, действие тенденции к повышению уровня индустриализации, к постепенному сближению и выравниванию уровней экономического развития не замыкается границами социалистического содружества, а постепенно, по мере углубления нового разделения труда между социалистическими и развивающимися странами, отчасти начинает распространяться и на отношения с последними, смягчая и модифицируя противоречия во внутри- и внешнеэкономической сфере освободившихся государств, порождаемые зависимым характером развития [82, с. 3—24].

Сравнительно ограниченные масштабы сотрудничества стран социалистического содружества с развивающимися государствами, продолжающими оставаться частью мирового капиталистического хозяйства, пока не позволяют этой тенденции проявиться в полном объеме. Заметнее она проявляется в отношениях со странами социалистической ориентации и теми развивающимися государствами, идущими по капиталистическому пути, которые являются крупными и стабильными партнерами стран СЭВ.

Разделение труда между социалистическими и развивающимися государствами в отличие от капиталистического разделения труда формируется не стихийно, а в результате целенаправленных усилий стран — партнеров на всех уровнях — от межгосударственного до мирохозяйственных. Целенаправлен-

ные, согласованные усилия партнеров по решению важнейших социально-экономических проблем молодых стран на долгосрочной основе, ускорению их экономического роста и социального прогресса, повышению производительности общественного труда в национальном масштабе, перестройке народнохозяйственных структур на современной основе с учетом специфических особенностей каждой страны и рационального использования возможностей международного разделения труда, по формированию взаимодополняющих экономических структур и механизма сотрудничества, обеспечивающего взаимную адаптацию их национальных хозяйств, могут облегчить и ускорить реализацию возможностей, заложенных во всестороннем сотрудничестве.

В противоположность империалистическим государствам, использующим все средства политического и экономического давления для усиления неокOLONиальной эксплуатации, с тем чтобы переложить на народы освободившихся государств бремя экономического кризиса, страны социализма последовательно выступают за принятие «эффективных решений и действий, направленных на исключение всякой эксплуатации в международных экономических отношениях, обеспечение беспрепятственного международного научно-технического сотрудничества, устранение дискриминации и искусственных препятствий и неравноправного обмена в торговых отношениях, установление справедливого, экономически обоснованного соотношения цен на сырье, продовольствие и промышленные изделия и с этой целью усиление контроля за деятельностью транснациональных монополий. Они выступают за упорядочение валютно-финансовых отношений, против политики высоких процентных ставок, за нормализацию условий предоставления и выплаты кредитов» [47, с. 31].

Решение этих задач в полном объеме мыслимо лишь при условии восстановления и укреплении доверия в отношениях между государствами, уровень которого резко снизился в результате проводимого империалистическими государствами, прежде всего администрацией Рейгана, курса на обострение конфронтации и эскалацию гонки вооружений, разжигание региональных конфликтов, при условии создания совместными усилиями всех стран благоприятного международного климата, ведущего к стабилизации общего экономического и валютно-финансового положения в мире, прогресса в установлении нового международного экономического порядка. Реальный и эффективный путь для достижения этих целей открывают новые предложения СССР по созданию всеобъемлющей системы международной безопасности, включающей комплекс мер в военной, политической, экономической и гуманитарной областях.

Усложнение мирохозяйственной ситуации в 80-е годы, ухудшение политической ситуации в мире не могут не оказывать

сдерживающего влияния на развитие торгово-экономических отношений стран СЭВ с освободившимися государствами. Тот факт, что даже в этих условиях сотрудничество сохраняет свою стабильность и продолжает расти, свидетельствует о глубокой жизненности и здоровом характере принципов, лежащих в его основе.

В наиболее традиционной сфере экономических отношений стран СЭВ с освободившимися государствами — внешней торговле — принципиальная политика государств социалистического содружества на расширение торговли со всеми странами, независимо от их экономической и социальной системы, на принципах равенства, взаимной выгоды и недискриминации противостоит практике империалистических государств, использующих все более изощренные методы выкачивания прибылей, дезорганизующие мировую торговлю и особенно тяжело сказывающиеся на неокрепшей экономике развивающихся государств. Социалистические страны, участвующие в ГАТТ, соблюдают многосторонние обязательства в рамках Генерального соглашения, а страны, не участвующие в нем, не применяют положений, противоречащих основным принципам ГАТТ.

В своих отношениях с освободившимися государствами члены СЭВ не применяют широко практикуемых Западом протекционистских и дискриминационных ограничений, направленных против конкурентоспособного экспорта из большинства государств. Не применяются и все более активно используемые развитыми капиталистическими странами дискриминационные рычаги торговой политики — селективность, «градация», такие, по сути дела нелегальные, инструменты, как «добровольное» ограничение экспорта, соглашения об упорядочении рынка и т. д. По оценке секретариата ЮНКТАД, нетарифные ограничения, используемые рядом развитых стран с рыночной экономикой, охватывают 15,5% импорта из развивающихся стран и 33,5% импорта из социалистических государств.

В рамках всеобщей системы преференций в странах СЭВ разработаны национальные системы преференций в пользу развивающихся государств, отличающиеся простотой и отсутствием каких-либо ограничений. С 1 января 1965 г. СССР, а вскоре и ряд других стран СЭВ отменили таможенные пошлины на товары, ввозимые и происходящие из развивающихся государств. Преференции, без всякой дискриминации предоставляемые Советским Союзом, распространяются на все развивающиеся страны Азии, Африки и Латинской Америки и охватывают все промышленные и сельскохозяйственные товары без применения каких-либо генеральных, индивидуальных или сезонных квот. Схема преференций НРВ включает практически всю номенклатуру товаров, поступающих на международный рынок, и не предусматривает квот, лимитов или других ограничений, могущих причинить ущерб странам — получателям преференций. Схема преференций ПНР охватывает более чем

1 тыс. товаров, согласно Брюссельской таможенной номенклатуре, из которых 80% — готовые изделия и полуфабрикаты [145, 1985, № 12, с. 16]. В системах преференций отдельных социалистических стран имеются определенные различия, но все они предусматривают значительное сокращение или полную отмену таможенных пошлин на традиционные и промышленные товары, ввозимые или происходящие из развивающихся государств; нулевые тарифные ставки для товаров, производимых «наименее развитыми» странами; односторонний характер уступок и т. д. (см. [82, с. 91—92]).

Страны СЭВ рассматривают международную торговлю как действенный инструмент внедрения передовой технологии, осуществления необходимых структурных преобразований в экономике всех стран, особенно освободившихся, ускорения экономического роста этих стран и сокращения экономического, технологического и научно-технического разрыва между развитыми и развивающимися государствами и считают недопустимым ее использование в политических целях. Основные принципы и механизмы торговли стран СЭВ с освободившимися государствами направлены на достижение возможно более полного согласования интересов партнеров, содействие экономически менее развитым партнерам в становлении их самостоятельных национальных хозяйств. Динамика торговли этих групп государств свидетельствует о глубокой заинтересованности партнеров в развитии взаимовыгодных и долгосрочных торговых связей.

За последние 25 лет товарооборот между странами СЭВ и развивающимися государствами вырос более чем в 20 раз и составил в 1985 г. около 32 млрд. руб. С начала 70-х годов темпы роста объема торговли стран СЭВ с этой группой государств опережали темпы роста всего внешнеторгового оборота стран — членов СЭВ. Удельный вес развивающихся государств во внешней торговле стран СЭВ возрос с 6,9% в 1970 г. до 9,8% в 1985 г., а в торговле отдельных стран СЭВ доля развивающихся государств приближается к их удельному весу в мировой торговле [144, 1.12.1986]. Даже в условиях неурядиц в мировой торговле в конце 70-х — начале 80-х годов торговые связи стран СЭВ с освободившимися государствами сохраняли свой динамизм.

Рост масштабов торговли сопровождался расширением ее географии. На протяжении только 70-х годов число партнеров стран СЭВ в Азии, Африке и Латинской Америке возросло вдвое и сейчас превышает 100 [82, с. 92]. Многие развивающиеся страны, с которыми еще десятилетие назад торговые сделки носили случайный характер, сегодня заняли прочное место в ряду постоянных торговых партнеров. Так, в 1975 г. круг торговых партнеров СССР в развивающемся мире, годовой оборот с которыми превышал 100 млн. руб., составлял 16 стран, а к 1985 г. их число возросло до 21 [43, с. 10—14; 43а, с. 10—14].
¹ Все большая часть экспортно-импортных операций осуще-

ствляется на базе межправительственных торговых соглашений и протоколов к ним. В 1984 г. СССР поддерживал торговые отношения со 103 развивающимися государствами Азии, Африки и Латинской Америки, из них с 80 подписаны двусторонние торговые соглашения, в том числе с 13 — на три года и более длительные сроки [145, 1985, № 5, с. 17; 1986, № 1, с. 8]. Такие соглашения не только содержат общие принципы торговли и обязательства по расширению товарообмена, но в последние годы в ряде случаев фиксируют намерения и обязательства сторон по диверсификации структуры торговли, меры по увеличению экспорта готовых изделий и полуфабрикатов из развивающихся государств и его объем. Так, торговое соглашение между СССР и Индией на 1985—1990 гг. предусматривает рост опережающими темпами взаимной торговли машинами и оборудованием, поставки которых за пятилетие удвоятся [151, 24.12.1985].

Сроки действия торговых соглашений все чаще согласовываются с национальными планами и программами развития стран-партнеров. Это помогает развивающимся государствам эффективнее использовать внешний фактор в решении долгосрочных социально-экономических задач, противостоять растущей нестабильности мирового капиталистического рынка. Согласование внешней торговли с национальными планами развития повышает надежность выполнения принятых партнерами обязательств.

Структура экспорта стран СЭВ в развивающиеся государства строится с учетом первоочередных экономических задач, решаемых этими государствами прежде всего по формированию современного промышленного сектора. Ведущее место в нем занимают машины и оборудование, на которые в последние годы приходится 25—30% общей стоимости экспорта. До 50% машиностроительного экспорта составляет комплектное оборудование, поставки которого значительно облегчают освободившимся государствам налаживание взаимосвязанной системы производств в соответствующих отраслях [144, 28.11.1985]. СССР и в меру своих возможностей другие страны СЭВ экспортируют в развивающиеся государства в значительных количествах сырье, материалы, в том числе и для поддержания нормальной производственной деятельности объектов сотрудничества. Например, Никарагуа ввозит из стран СЭВ 45% сырья и материалов, необходимых для работы промышленных предприятий [159, 4.11.1985].

В структуре импорта, еще во многом сохраняющей черты унаследованного от прошлого разделения труда, преобладают сырьевые и продовольственные товары. Вместе с тем начиная с 70-х годов страны СЭВ систематически увеличивают ввоз из развивающихся государств готовых промышленных изделий, полуфабрикатов. Например, в импорте ГДР доля этих товаров с 1973 по 1984 г. выросла с 24 до 40% [147, 1984, № 39, с. 10].

С целью облегчения промышленного импорта из развивающихся стран НРБ, ВНР, ПНР, СССР и ЧССР в 1980 г. подписали соглашение об унифицированных правилах, определяющих происхождение идущих оттуда товаров. Как и схемы преференций социалистических стран, эти правила просты в употреблении, что выгодно отличает их от аналогичных правил, действующих в ряде западных государств. Только за 1980—1983 гг. закупки странами СЭВ промышленных товаров в развивающихся государствах выросли в два раза. Среди этих товаров и продукция, производимая на объектах сотрудничества.

В импорте промышленных изделий преобладают потребительские товары, поставки которых начинают играть весьма существенную роль в удовлетворении спроса населения в странах СЭВ. Так, 18,2% всего импортного текстильного сырья, 11,3% тканей и пряжи, 10,1% одежды в 1983 г. ввозилось странами СЭВ из развивающихся государств.

В последние годы все более видное место в промышленном импорте из освободившихся стран начинают занимать машины, оборудование и другие инвестиционные товары. Это чугун и прокат черных металлов, металлургическое и крановое оборудование из Индии, холоднокатаный стальной лист, автомобильные и тракторные штамповки, морские суда из Египта и т. д. С 1975 по 1985 г. стоимость импорта Советским Союзом из развивающихся стран машин и оборудования увеличилась более чем в 13 раз [43, с. 83; 43а, с. 79]. За 1982—1984 гг. ввоз Болгарией из этих государств оборудования для текстильной промышленности, оборудования связи, электротехнических товаров, электроизмерительных приборов, вычислительной техники, инструментов и т. д. вырос в 7 раз [44, с. 34, 212, 216, 218, 219, 221, 225].

Развитие торговых связей со странами СЭВ не только способствует становлению самостоятельных национальных хозяйств развивающихся государств, но и увеличивает их экспортные возможности, в том числе за счет систематического расширения странами СЭВ закупок традиционных и новых промышленных товаров, производимых на объектах сотрудничества, а также совместного выхода с этими товарами на рынки третьих стран. В начале 80-х годов, например, СССР получал с предприятий, построенных при его содействии, до 20—25% всего объема своего импорта из развивающихся стран [98, с. 56], в том числе нефть, природный газ, бокситы, некоторые виды оборудования и другие товары, нужные нашему народному хозяйству. В перспективе, в связи с развитием содействия в строительстве предприятий, ориентированных на экспорт в страны СЭВ, можно ожидать увеличения подобных закупок. Курс на углубление этой тенденции зафиксирован в «Основных направлениях экономического и социального развития СССР на 1986—1990 годы и на период до 2000 года», принятых на XXVII съезде КПСС. В этом документе говорится, что Совет-

ский Союз будет оказывать содействие развивающимся государствам в строительстве промышленных и экономических объектов, «способствуя вовлечению в производство природных богатств и увеличению товарных ресурсов в этих странах» [13, с. 328].

Отличительной чертой торговли стран СЭВ с освободившимися государствами является, таким образом, ее растущая взаимосвязь с экономическим и техническим сотрудничеством, что повышает роль торговли как средства содействия формированию самостоятельных национальных хозяйств. Увязка развития торговых связей с основными направлениями экономического и научно-технического сотрудничества облегчается планированием внешнеэкономической сферы в странах СЭВ.

Естественно, что развитие торговых связей стран, столь различных по характеру социального строя, уровню хозяйственного развития, методам управления экономикой, как страны СЭВ и освободившиеся государства, не может быть свободным от проблем и трудностей. Одна из них — недостаточное соответствие структуры внешней торговли возможностям и потребностям стран-партнеров. Доля стран СЭВ в импорте развивающимися государствами машиностроительной продукции (5,3% в 1984 г.) [28, 1986, vol. 40, № 5, с. 50] все еще значительно ниже их удельного веса в мировом машиностроении. В то же время роль последних как поставщиков этих товаров в регион СЭВ за отдельными исключениями остается незначительной. Решение данной проблемы, очевидно, возможно на путях формирования в странах СЭВ, в том числе совместными усилиями, мощного экспортного сектора с ориентацией на развивающиеся государства, дальнейшего усиления переплетения торговых и производственных форм сотрудничества, углубления тенденции к оказанию содействия в строительстве предприятий, ориентированных на экспорт части продукции в страны СЭВ.

Серьезной представляется и проблема балансирования торговли с развивающимися государствами по стоимости. Все страны СЭВ имеют в такой торговле активное сальдо, хотя процентное соотношение импорта из развивающихся стран к экспорту в страны этой группы варьируется в широком диапазоне — от 45,4% у ЧССР до 95,2% у ВНР [144, 28.11.1985]. В то же время в торговле с отдельными развивающимися странами, например латиноамериканскими, Юго-Восточной Азии, страны СЭВ имеют пассив. Несбалансированность внешней торговли связана с действием сложного комплекса факторов, к важнейшим из которых можно отнести быстро растущий экспорт членами СЭВ товаров производственного назначения на счет долгосрочных кредитов; просьбы многих развивающихся стран о поставках товаров сверх объемов, предусмотренных торговыми соглашениями, в связи с чрезвычайными обстоятельствами; помощью этим странам в укреплении их внешней безопасности и т. д. (см. [110, с. 180]).

Страны СЭВ и их партнеры в развивающемся мире стремятся не допускать того, чтобы положительное сальдо у одной из сторон достигло критической величины, превратившись в тормоз дальнейшего развития взаимовыгодных торговых связей. Одним из средств смягчения остроты этой проблемы может стать расширение наряду с двусторонними системы многосторонних расчетов. Однако эффективные решения связаны, очевидно, не только с действиями в сфере торговли, но и с более широким применением производственных форм сотрудничества, практики компенсационных соглашений и других мер. Однако проблемы в торговле между странами СЭВ и развивающимися государствами при всей их сложности не являются неразрешимыми в силу самой природы нового разделения труда, исключаящего любые проявления неравенства и дискриминации, и могут быть преодолены, как показывает опыт, при наличии взаимной заинтересованности и доброй воли партнеров.

Новое разделение труда наиболее активно противостоит империалистической эксплуатации в сфере экономического и научно-технического сотрудничества, развитие которой находится под гораздо более сильным, чем внешняя торговля, воздействием характера собственности и производственных отношений в странах-партнерах и где закономерности мирового социалистического хозяйства проявляются с наибольшей полнотой.

В последнее время империализм все более настойчиво пытается дискредитировать принципы и результаты экономического и научно-технического сотрудничества социалистических и развивающихся стран, противопоставляя его западной модели «помощи». Такого рода критика не учитывает, что помимо передачи финансовых ресурсов в виде кредитов страны СЭВ широко используют такие методы экономического содействия, как в основном бесплатное обучение студентов в странах содружества, подготовку квалифицированных рабочих на объектах сотрудничества в развивающихся странах, льготные условия командирования специалистов, различные льготы при поставках комплектного оборудования, предоставлении технических услуг и т. д. С учетом этих каналов передачи ресурсов, а также содействия, оказываемого социалистическим странам, которые, по статистике ООН, относятся к группе развивающихся, экономическое содействие СССР составляло в 1984 г. 1,4% ВВП Советского Союза [152, 1985, № 6, с. 52], 0,9% национального дохода ЧССР, 0,87% — НРБ, 0,82% — ГДР [154, 1986, № 9, с. 80]. Эта доля намного превышает соответствующие показатели развитых капиталистических стран. В программе НМЭП и международной стратегии развития ООН на текущее десятилетие этот показатель определен в 0,7% ВВП.

С начала 60-х годов до середины 80-х годов объем экономического и технического содействия стран СЭВ развивающимся государствам вырос в 20 с лишним раз. Построено и введено в эксплуатацию около 3,9 тыс. объектов, в том числе около

2 тыс. — в Азии, более 1,7 тыс. — в Африке и примерно 0,2 тыс. — в Латинской Америке [154, 1985, № 6, с. 57].

В отличие от «помощи» западных государств, концентрирующейся на узкой группе стран, играющих ключевую роль во внешнеэкономической и политической стратегии империализма, страны СЭВ стремятся развивать равноправное и взаимовыгодное сотрудничество со всеми освободившимися государствами, независимо от избранной ими социально-экономической ориентации. В начале 60-х годов страны СЭВ сотрудничали с 34 развивающимися странами, в 1970 г. — с 62, в 1985 г. — более чем со 100 [154, 1985, № 6, с. 57].

Большую роль в развитии отношений с освободившимися государствами играют кредиты, предоставленные Советским Союзом и другими странами СЭВ. Объемы этих кредитов значительны и имеют тенденцию к росту. Предоставление кредитов не сопровождается какими-либо политическими или иными требованиями и условиями, ущемляющими национальный суверенитет стран-получателей. Кредиты погашаются обычно товарами традиционного экспорта и продукцией национальной промышленности, в том числе и с объектов сотрудничества. В тех случаях, когда погашение кредитов происходит в национальной валюте, она в итоге используется для закупок местных товаров. Таким образом расширяются возможности развивающихся стран по реализации своих товаров.

Кредиты стран СЭВ являются достаточно льготными по срокам погашения и уровню процентных ставок. В 1982 г. сроки погашения по кредитам Запада составили в среднем 14,4 года, по кредитам стран СЭВ — 12—15 лет [144, 28.11.1985; 150, 1985, № 3, с. 55]. О преимуществах кредитов стран СЭВ наглядно свидетельствует и применяемый в мировой практике показатель льготности («грант-элемент»), учитывающий совокупно процентную ставку, период погашения основного долга и льготный период. С 1970 по 1980 г. «грант-элемент» в кредитах Запада развивающимся странам, предоставленным по линии ГПР и по коммерческим каналам, снизился с 37 до 11%. В 1982 г. он уменьшился до 0,5%. В то же время в кредитах стран СЭВ развивающимся государствам этот льготный элемент в 1978—1980 гг. составлял в среднем 50%. По советским кредитам развивающимся странам в начале 80-х годов он оценивался в 35—50%, а в ряде случаев и выше [80, с. 171; 150, 1985, № 3, с. 55, № 7, с. 65]. Западные авторы обычно рассчитывают «грант-элемент» лишь на объем государственной помощи развитию, которая к началу 80-х годов составляла меньше $\frac{1}{3}$ всего перевода ресурсов в развивающиеся страны, тогда как свыше $\frac{2}{3}$ приходилось на кредиты из частных источников, предоставляемые на гораздо более жестких условиях.

Кредитно-финансовое сотрудничество социалистических и развивающихся стран, осуществляющееся в условиях кризисных явлений в международной валютно-финансовой системе,

сталкивается с рядом проблем. Однако, поскольку кредиты стран СЭВ предоставляются на льготных условиях, предназначаются на производительные цели, погашаются товарами традиционного экспорта и продукцией с объектов сотрудничества, возникающие трудности не достигают такой остроты и напряженности, как в отношениях с развитыми капиталистическими странами, и регулируются на взаимоприемлемой основе в ходе переговоров.

Эффективность воздействия экономического сотрудничества со странами СЭВ на укрепление экономической самостоятельности и антиколониального потенциала развивающихся стран было бы неверно измерять лишь количественными показателями. В отношениях с освободившимися государствами страны социалистического содружества исходят прежде всего из необходимости содействия в решении первоочередных внутренних социально-экономических задач стран-партнеров, развития и укрепления их национального производственного и научно-технического потенциала (с учетом, конечно, внешнеэкономических факторов), повышения удельного веса собственного вклада развивающихся стран в объекты сотрудничества. Конечная цель этой стратегии — достижение такого сочетания заимствованных из-за рубежа техники и технологий с собственными усилиями развивающихся стран, которое обеспечило бы постепенный перевод воспроизводственных процессов на национальную основу и участие этих стран в международном товарном и научно-техническом обмене в качестве равноправного партнера.

Западные же модели «помощи» исходят из задач обеспечения оптимального с точки зрения интересов развития капиталистических стран и ТНК процесса структурной перестройки в мировом капиталистическом хозяйстве, т. е. из внешних по отношению к развивающейся экономике критериев. Такой подход противоречит концепциям национальной и коллективной самообеспеченности, поскольку ведет к упрочению зависимого типа развития, закреплению неравноправного положения освободившихся государств в мировом капиталистическом хозяйстве.

Преимущества экономического и научно-технического сотрудничества со странами СЭВ прежде всего проявляются в его воздействии на преобразование народнохозяйственных и социальных структур освободившихся государств, осуществляемое с учетом конкретных условий каждого из них. Об этом наглядно свидетельствует социальная направленность содействия и его отраслевое распределение.

Отличительная черта такого сотрудничества — его концентрация на государственном секторе освободившихся стран, являющемся основой не только консолидации многоукладной развивающейся экономики, но и осуществления социально-экономических преобразований в интересах большинства населения. Поддержка, оказываемая госсектору, укрепляет его позиции в базовых отраслях промышленности и энергетики, в легкой и

пищевой промышленности, на транспорте и в связи, успехи в развитии которых служат повышению жизненного уровня широких слоев населения. Это сдерживает тенденцию к усилению имущественной дифференциации во многих освободившихся странах, обусловленную обострением закона неравномерности развития в мировом капиталистическом хозяйстве.

Долгосрочное сотрудничество со странами СЭВ на стабильной основе при его организации в достаточно широких масштабах не может не оказывать влияния на саму природу госсектора в освободившихся странах, содействуя усилению в нем прогрессивных элементов и в определенной мере смягчая некоторые противоречия в его развитии.

В начале 80-х годов около 80% экономического и технического содействия, предоставляемого странами СЭВ, направлялось на развитие промышленности и энергетики, являющихся основой современной экономики, базой для преодоления экономической отсталости и улучшения жизни широких слоев населения [112, с. 37]. В то же время по линии МБРР и МАР на развитие промышленности предоставляется только 18% всех ассигнований развивающимся странам; по каналам частных коммерческих банков — 14% всех средств (за 1973—1978 гг.) [145, 1985, № 2, с. 38]. Эффективность структуры содействия стран СЭВ определяется, таким образом, ролью промышленности в формировании экономической базы самостоятельного развития и противодействия неокOLONиализму.

В долгосрочной перспективе в условиях многоукладной экономики только процесс индустриализации, связанный с мобилизацией растущей доли национальных ресурсов для развития технически современной многоотраслевой экономической структуры и активным внедрением современных промышленных методов во все сферы народного хозяйства, может привести к ломке архаичных структур, тормозящих социально-экономический прогресс, обеспечить интеграцию отдельных разобщенных экономических секторов и укладов в единое национальное хозяйство, способное не только решать внутренние проблемы, но и на равноправной и взаимовыгодной основе участвовать в международном разделении труда. В долгосрочной перспективе, как показывает мировой опыт и практика самих освободившихся государств, именно промышленность как никакая другая отрасль, может абсорбировать наибольшее количество рабочей силы, в том числе высвобождаемой из сельского хозяйства. Строительство при содействии стран СЭВ крупных объектов в базовых отраслях промышленности вызывает увеличение численности занятых в современных отраслях хозяйства, требующих наиболее квалифицированного труда, что ведет к совершенствованию структуры занятости, приближает ее к задачам обеспечения расширенного воспроизводства на самостоятельной основе в условиях НТР. Только современная, достаточно развитая промышленность, располагающая квалифициро-

ванными кадрами рабочих и специалистов, может эффективно адаптировать заимствованную технику и технологию, развивать собственный научно-технический потенциал.

Приоритет промышленного сотрудничества отнюдь не означает, что страны СЭВ не учитывают пересмотра своими партнерами в последние годы национальных стратегий развития в пользу сельского хозяйства и агропромышленности, несложной и капиталосберегающей технологии, строительства мелких и средних предприятий; это связано с необходимостью решения наиболее острых социально-экономических задач сегодняшнего дня и вполне оправдано с тактической точки зрения. Поэтому одной из важнейших задач сотрудничества представляется обеспечение сбалансированного подхода к решению текущих и перспективных задач развивающихся стран.

В долгосрочном плане необходимой предпосылкой преодоления отсталости и улучшения условий участия в международном разделении труда является создание промышленного ядра рационального народнохозяйственного комплекса как базы перевода воспроизводственного процесса на самостоятельную основу. Наиболее полная мобилизация внутренних ресурсов для решения продовольственной проблемы не может быть осуществлена без создания и развития соответствующих отраслей промышленности, ориентированных на нужды сельского хозяйства. В соответствии с требованиями сбалансированного подхода к сотрудничеству с развивающимися странами XXVII съезд КПСС выдвинул задачу оказывать им «содействие в строительстве промышленных и энергетических объектов, развитии транспорта, механизации сельского хозяйства и ирригации земель, геологической разведке запасов минерального сырья и топлива, подготовке национальных кадров и в других областях, способствуя... становлению и развитию их национальной экономики, продвижению по пути независимости и прогресса» [13, с. 328].

Немаловажное значение для противодействия негативным тенденциям в экономике развивающихся стран, обостряющимся под влиянием проникновения ТНК, имеет и территориальная структура содействия стран СЭВ. Во многих случаях такое содействие осуществляется в решении крупномасштабных комплексных задач по развитию отдаленных и труднодоступных районов, что способствует более равномерному размещению производительных сил, улучшению использования трудовых и материальных ресурсов, решению социальных проблем, стоящих в таких районах особенно остро.

Необходимость поиска эффективной стратегии, оптимально сочетающей текущий и долгосрочный аспекты решения коренных хозяйственных и социальных проблем, делает для развивающихся стран необычайно ценным опыт стран СЭВ в решении в кратчайшие исторические сроки принципиально новыми методами аналогичных задач: преодоления экономической отсталости, организации межгосударственного сотрудничества на

новых, демократических и справедливых принципах, обеспечении равноправных и взаимовыгодных условий в операциях с ТНК. Практическое значение для освободившихся стран опыта социалистической экономической интеграции тем более велико, что она не только не исключает, но, напротив, предусматривает достаточно гибкий механизм привлечения любой заинтересованной страны к участию в интеграционных мероприятиях на выгодных для нее условиях на долговременной и планомерной основе. «Страны — члены СЭВ, — подчеркивалось на экономическом совещании стран — членов СЭВ на высшем уровне, — всегда были... последовательными противниками экономической замкнутости, настойчиво выступали и выступают за широкое взаимовыгодное сотрудничество с другими государствами, за нормализацию международных экономических связей, устранение всякого рода барьеров на пути их развития» [47, с. 27].

Успешное решение в короткие сроки сложных, многоплановых задач, стоящих перед сотрудничеством социалистических и развивающихся стран, было бы невозможно без применения специфических, присущих только сотрудничеству с социалистическими странами, эффективных методов содействия. К их числу можно отнести прежде всего *метод комплексного подхода к проблемам развития освободившихся государств*. Вот его специфические черты: «содействие в создании современной структуры применительно к конкретным условиям каждой страны, строительстве отраслевых и территориально-производственных (промышленных и аграрно-промышленных) комплексов, формировании отечественной научно-технической инфраструктуры и эффективных систем народного образования и подготовки кадров, активизации участия стран с более низким уровнем развития в международной промышленной специализации и кооперировании, научно-техническом обмене» [89, с. 454]. Конечная цель комплексной стратегии, противостоящей унифицированному подходу Запада к проблемам сотрудничества, — создание национального народнохозяйственного комплекса применительно к условиям соответствующей развивающейся страны и соответствующей ему научно-технической базы. Специфические особенности комплексного подхода, его преимущества и перспективы были впервые сформулированы в исследованиях советского экономиста Л. З. Зевина и получили достаточно широкое освещение в нашей литературе, посвященной проблемам сотрудничества социалистических и развивающихся государств [81; 82; 89, с. 454—456; 110, гл. 8; 173, vol. 28, № 2, с. 177, 1980, № 2].

Такой подход позволяет осуществлять коренную перестройку несовершенной структуры хозяйства, преодолеть отсталость и одностороннюю зависимость от внешних факторов в относительно сжатые сроки, с максимальным использованием внутренних возможностей, сочетать среднесрочные и долгосрочные,

стратегические интересы развития. Принципиальное преимущество комплексного подхода по сравнению со стратегической линией Запада состоит в рассмотрении экспортных отраслей как органической части национальной экономики, развитие которых определяется действием не только внешних, но в первую очередь внутренних социально-экономических факторов. Сотрудничество со странами СЭВ, таким образом, помогает освободившимся государствам в разработке наиболее эффективной стратегии социально-экономического развития, позволяющей оптимально сочетать его внутренние и внешние факторы. Содействие, направленное на создание территориально-промышленных и аграрно-промышленных комплексов, укрепляет в экономике молодой страны элементы планомерности и сбалансированности, смягчает возникающие в ней диспропорции. Увязка развития ряда смежных производств по срокам, экономическим и техническим условиям создает возможность более эффективного использования капитальных вложений, производственных мощностей, сырья и материалов. Экономический рост приобретает при этом более равномерный характер.

Комплексный подход более эффективен, чем оказание помощи в сооружении отдельных, даже крупных, предприятий и отраслей, поскольку в этом случае научно-технический прогресс быстрее распространяется на другие секторы народного хозяйства и его плоды становятся доступными сравнительно широким слоям населения. Комплексный подход к развитию экономики и использование в соответствии с этим возможностей международного сотрудничества могут обеспечить максимально возможный уровень занятости в конкретных условиях той или иной освободившейся страны, позволяют улучшить уровень жизни наиболее нуждающихся слоев населения, подчинить политику распределения доходов целям экономического и социального прогресса.

Содействие методом создания территориально-производственных комплексов получило наибольшее распространение прежде всего в отношениях с теми освободившимися странами, экономическое сотрудничество с которыми достигает сравнительно высокого уровня, развивается уже длительное время и охватывает как торговлю, так и кредитные связи, прогрессивные формы производственных и научно-технических связей, меры по подготовке квалифицированных национальных кадров. Дополнительные возможности развития сотрудничества в формировании территориально-производственных комплексов открывает приграничное положение стран-партнеров.

Специфическая особенность сотрудничества, вытекающая из самой природы социалистической системы хозяйства, — растущая роль содействия в сфере планирования. Оно включает помощь в создании и совершенствовании национальных систем планирования и управления, организации национальных статистических служб, разработке методологии планирования и прог-

нозирования, помощь в составлении планов и программ экономического развития на всех уровнях, в подготовке национальных кадров для этой важнейшей отрасли. Все отчетливее проявляется тенденция к частичному согласованию народнохозяйственных планов социалистических и освободившихся стран, к согласованию по срокам действия межправительственных соглашений и программ торгового и экономического сотрудничества с национальными планами и программами развития.

О растущем авторитете идей и методов социалистического планирования свидетельствует заключение в 1984 г. соглашения о сотрудничестве в планировании между СССР и ЮНИДО [151, 17.05.1985]. Советский Союз будет передавать странам Азии, Африки и Латинской Америки свой опыт в планировании промышленного развития, размещении производительных сил, организации промышленного производства, оказывать содействие в подготовке национальных планов, знакомить специалистов из развивающихся стран с опытом государственного планирования в СССР. Показателен и тот факт, что разработку общей теоретической концепции планирования в освободившихся странах Учебный и научно-исследовательский институт ООН (ЮНИТАР) поручил группе ученых из СССР, Болгарии и ГДР [154, 1984, № 8, с. 74]. Усиление плановых начал в сотрудничестве облегчает его перевод на долгосрочные рельсы, содействуя тем самым формированию нового типа разделения труда, повышает сбалансированность и гармоничность связей. Оно позволяет более полно использовать имеющиеся возможности комплементарности народнохозяйственных структур и формировать новые — с учетом долгосрочных задач развития стран-партнеров, в частности посредством содействия в создании отраслей и производств по выпуску продукции (в том числе готовых изделий и полуфабрикатов), предназначенной не только для внутреннего рынка, но и для экспорта в страны СЭВ.

Формирование и упрочение нового разделения труда между социалистическими и освободившимися странами сопровождается развитием адекватного механизма двустороннего и многостороннего сотрудничества, его форм и методов, обеспечивающих наиболее полное использование возможностей каждого из партнеров, урегулирование имеющихся в нем противоречий на взаимоприемлемой основе и взаимное приспособление хозяйственных механизмов. Современные тенденции в эволюции такого разделения труда связаны с совершенствованием внутренних механизмов управления внешнеэкономическими связями в странах-партнерах, с изменениями в данной области в мирохозяйственных отношениях. Стержень этого процесса — углубление производственных элементов сотрудничества, лежащее в основе формирования нового разделения труда. Важность упрочения форм производственной кооперации на долгосрочной основе как одного из наиболее перспективных направлений развития торгово-экономических связей со всеми странами, прояв-

ляющими готовность к этому, в том числе и с освободившимися государствами, подчеркивалась на экономическом совещании стран — членов СЭВ на высшем уровне. Страны СЭВ считают целесообразным, говорится в декларации «Сохранение мира и международное экономическое сотрудничество», «расширять эти связи прежде всего на основе долгосрочных программ и соглашений, применять различные взаимовыгодные формы сотрудничества, включая, в частности, содействие в техническом оснащении и строительстве объектов, промышленную кооперацию, совместную разработку научно-технических проблем и др.» [47, с. 32].

С точки зрения преодоления неравноправного положения развивающихся стран в системе международных экономических отношений, расширения возможностей их участия в международном социалистическом разделении труда на взаимовыгодной основе большое значение имеют такие формы производственного сотрудничества, как прогрессивная сборка и «продакшн-шеринг», способствующие более эффективному использованию получаемых из-за рубежа техники и «ноу-хау» для организации производства на собственной основе, соглашения о кооперировании производства, отраслевые промышленные соглашения на основе устойчивого разделения производственных программ, смешанные общества торгово-сбытового и производственного характера, трехстороннее сотрудничество и т. д. Развитие производственной кооперации со странами СЭВ позволяет молодым государствам ускорить подготовку национальных квалифицированных кадров, оптимизировать размеры предприятий с учетом экспорта в страны содружества.

Перспективы производственного сотрудничества во многом связаны с развитием практики содействия на компенсационной основе, когда кредиты и услуги стран СЭВ оплачиваются преимущественно продукцией, производимой на объектах сотрудничества. На компенсационной основе СССР оказал содействие Гвинее в добыче бокситов, Афганистану — природного газа, с Марокко сотрудничает в освоении фосфатов [145, 1984, № 3, с. 26]. Преимущества компенсационного сотрудничества — долговременность и стабильность связей (до 25—30 лет), крупномасштабность проектов, особенно в добывающих отраслях, более полные возможности осуществления принципов комплексного содействия, заинтересованность обоих партнеров в эффективной работе объекта, осуществление расчетов фактически без использования свободной валюты и т. д.

Усилению проникновения частного капитала в развивающуюся экономику в определенной мере может противостоять расширение практики смешанного предпринимательства с участием социалистических стран, которая сейчас постепенно распространяется на новые области — промышленность, особенно машиностроение, металлообработку, сельское хозяйство, транспорт, банковское дело, инжиниринг и т. д. Торговые смешан-

ные общества также расширяют сферу своей деятельности, включая в нее послепродажное обслуживание, ремонт, некоторые виды консультационных услуг и т. д.

Как и в сотрудничестве в целом, в смешанном предпринимательстве страны СЭВ стремятся обеспечить взаимную выгоду, не используя его в политических целях. Свою долю прибыли страны СЭВ часто получают в виде поставок продукции «совместного предприятия». Страны СЭВ используют форму смешанного предпринимательства в целях расширения взаимной торговли и повышения ее устойчивости; развития производственной кооперации на равноправной и взаимовыгодной основе; как эффективное средство передачи производственного опыта, освоения партнерами из освободившихся стран новой технологии, подготовки национальных кадров, в том числе управленческого звена, для государственного сектора, где обычно создаются эти предприятия. Смешанное предпринимательство повышает заинтересованность партнеров в сотрудничестве, способствует решению ряда проблем стран — участниц, в частности путем создания совместными усилиями производств, в том числе трудоемких и технически несложных, с ориентацией на экспорт в страны СЭВ. Опыт показал, что там, где создание смешанных обществ было тщательно продумано и подготовлено, где удалось согласовать и объединить интересы партнеров, такие общества оказываются эффективными и результаты их работы удовлетворяют участников.

Учитывая возрастающую важность научно-технического содействия, все более отчетливо проявляющуюся тенденцию к выделению этого направления в самостоятельную сферу сотрудничества, весьма перспективными представляются расширение существующей практики создания странами СЭВ специализированных инженерно-консультационных фирм для оказания услуг развивающимся государствам и помощь национальным инженерно-консультационным фирмам, созданным в этих государствах на базе объектов сотрудничества, как это имеет, например, место на предприятиях, построенных при содействии СССР в Индии.

Основной объем экономического и научно-технического содействия стран СЭВ освободившимся государствам оказывается на двусторонней основе. Двустороннее сотрудничество, видимо, еще долгое время сохранит главенствующую роль в системе экономических связей между социалистическими и развивающимися странами. В то же время можно ожидать дальнейшего усиления отчетливо проявляющейся в последние годы тенденции к развитию, параллельно с двусторонним сотрудничеством, содействия на многосторонней основе. Оно позволяет эффективнее использовать совокупный производственный и научно-технический потенциал стран СЭВ, ускорить сроки выполнения работ, повысить технический уровень и качество содействия, поднять его конкурентоспособность. Перевод сотруд-

ничества на многостороннюю основу усиливает воздействие закономерностей мирового социалистического хозяйства на новое разделение труда между социалистическими и развивающимися государствами, что особенно важно в отношениях со странами социалистической ориентации.

Наиболее распространенная форма многостороннего сотрудничества — кооперация и координация действий двух или нескольких заинтересованных стран СЭВ в строительстве объектов в освободившихся государствах. Она не только дает хорошие результаты, но и начинает становиться настоящей необходимостью при сооружении крупных энергетических объектов, химических и нефтехимических предприятий, железнодорожных линий сложного профиля и большой протяженности, осуществлении крупных комплексных проектов в ирригационном и водохозяйственном строительстве.

Меньшее распространение пока получила практика заключения соглашений о сотрудничестве между СЭВ и отдельными развивающимися государствами, что связано с необходимостью сугубо тщательной проработки такого рода соглашений и всестороннего изучения взаимных возможностей и потребностей. С 1975 г. действуют соглашения о сотрудничестве СЭВ — Ирак и СЭВ — Мексика, в 1983 г. было подписано соглашение о сотрудничестве между Советом Экономической Взаимопомощи и Никарагуа [151, 23.10.1983], в 1985 г. — соглашение о сотрудничестве СЭВ с Мозамбиком, в 1986 г. — с Анголой, Эфиопией, НДРГ, в начале 1987 г. — с Афганистаном [151, 29.06.1985; 23.10.1986; 14.10.1986; 15.10.1986; 30.01.1987]. На протяжении нескольких последних лет представители Анголы, Афганистана, НДРГ, Мозамбика, Эфиопии, а с 1983 г. — Никарагуа участвуют в заседаниях сессий СЭВ в качестве наблюдателей. Это помогает развивающимся странам лучше ознакомиться с природой деятельности и механизмом СЭВ и его органов, определить наиболее приемлемые для себя пути подключения к отдельным интеграционным мероприятиям, объекты и направления сотрудничества, потенциально наиболее эффективные для осуществления на многосторонней основе, и возможный круг стран, заинтересованных в участии в их реализации.

За последние годы значительно расширилось трехстороннее сотрудничество — с участием фирм и организаций социалистических, капиталистических и развивающихся стран. В начале 80-х годов примерно в 50 развивающихся государствах было выполнено или осуществлялось более 300 трехсторонних проектов, в большинстве случаев в энергетике и в производстве промежуточной продукции [19, с. 4].

Трехстороннее сотрудничество расширяет возможности освободившихся государств в овладении зарубежным научно-техническим опытом, причем участие социалистических стран служит гарантией соблюдения их интересов и равноправного участия в трехсторонних проектах, избавляет от односторонней привязки

к мировому капиталистическому хозяйству и позволяет успешнее противостоять экспансии ТНК. Трехстороннее сотрудничество объективно расширяет возможности комплексного подхода к содействию, чем способствует повышению его эффективности. Разновидностью трехстороннего сотрудничества являются совместные выступления фирм и организаций социалистических и капиталистических государств на рынках третьих стран. Возможность таких выступлений сегодня предусматривается в межправительственных соглашениях о сотрудничестве стран СЭВ со многими капиталистическими и развивающимися странами. Новой является тенденция к замене в ряде случаев фирм из развитых государств капиталистическими организациями «новых индустриализирующихся» стран в качестве партнеров по трехстороннему сотрудничеству. Компании из Индии выступали как субподрядчики по поставкам оборудования для строящегося Советским Союзом металлургического завода в Нигерии; фирмы Бразилии примут участие в сооружении при содействии СССР в Анголе ГЭС «Капанда», которая почти вдвое позволит увеличить энергетические мощности страны [19, с. 18; 144, 1.12.1984]. Расширение практики трехстороннего сотрудничества, распространение его на новые области может содействовать не только преодолению отсталости освободившихся стран, но и решению ряда глобальных проблем.

Договорно-правовой основой сотрудничества, обеспечивающей реализацию его целей и задач на стабильной и долгосрочной основе, являются межправительственные соглашения об экономическом и техническом сотрудничестве, число которых быстро растет. Только за последние 10 лет Советский Союз впервые подписал такие соглашения с 20 развивающимися государствами и сейчас имеет их более чем с 70 странами Азии, Африки и Латинской Америки [80, с. 190].

С начала 70-х годов проявилась тенденция к заключению с рядом развивающихся государств, связи с которыми достигли значительных объемов, а опыт сотрудничества достаточно велик, долгосрочных соглашений на 10—15 и более лет. Такие соглашения сейчас действуют в отношении стран СЭВ с Афганистаном, Гвинеей, Индией, Ираном, Ливией, Марокко, Мозамбиком, Сирией, Турцией и некоторыми другими государствами.

Более широкий круг отраслей, в том числе и новые, нетрадиционные производства, охватывают комплексные долгосрочные программы экономического, торгового и научно-технического сотрудничества на 10—15 лет, представляющие собой следующую ступень в развитии механизма долгосрочного взаимодействия. В них уделяется большое внимание развитию производственных форм связей, совместным выступлениям в третьих странах, выделяются перспективные области и отдельные крупные объекты сотрудничества, в том числе научно-технического, предусматриваются меры по развитию взаимной торговли

и т. д. Примером могут служить долгосрочные программы сотрудничества СССР с Ираном (1976), Индией (1979), Народной Республикой Мозамбик (1981), Анголой (1982), Турцией (1984). Комплексные долгосрочные программы, как и долгосрочные соглашения, открывают хорошие возможности для решения важных народнохозяйственных проблем стран-партнеров на комплексной, долговременной, сбалансированной основе, что особенно важно в нынешних усложнившихся мирохозяйственных условиях.

Экономические отношения между социалистическими и развивающимися странами регулируют двусторонние межправительственные комиссии по торговому, экономическому и научно-техническому сотрудничеству; в рамках этих комиссий создаются отраслевые рабочие группы. Деятельность комиссий не только обеспечивает большую оперативность в решении текущих проблем, координацию действий стран-партнеров, позволяет целенаправленно формировать структуру и объем содействия, но и дает возможность согласовывать национальные планы социально-экономического развития с мероприятиями в области сотрудничества.

Сложившийся механизм двусторонних и многосторонних связей позволяет обеспечить их достаточно стабильное развитие на долгосрочной и взаимовыгодной основе. Заключенные в нем возможности и резервы пока используются далеко не в полной мере. Поэтому важнейшей задачей совершенствования механизма сотрудничества наряду с дальнейшим развитием его форм является более рациональное и гибкое сочетание традиционных и новых методов. На этой основе страны СЭВ, как указывалось на экономическом совещании стран — членов СЭВ на высшем уровне, «и впредь будут расширять сотрудничество с развивающимися странами, исходя из того, что это будет способствовать подъему национальных экономик и укреплению экономической независимости указанных стран, развитию взаимовыгодных экономических связей с ними» [47, с. 18].

Взаимодействие стран СЭВ с освободившимися государствами стало базой их совместной борьбы за перестройку международных экономических отношений на справедливых, демократических началах. Еще в 1922 г. правительство нашей страны выдвинуло программу действий, предусматривающую рациональные пути решения мирохозяйственных проблем. В 1949 г. СССР внес в ООН предложение об утверждении в международных экономических отношениях практики предоставления помощи молодым государствам на принципах максимального уважения интересов и прав стран-заемщиков. Эти предложения получили дальнейшее развитие в заявлении Советского правительства о перестройке международных экономических отношений (1976). По большинству пунктов программы НМЭП позиции социалистических и развивающихся стран близки или совпадают. «Страны СЭВ, — говорится в декларации стран —

членов СЭВ „Сохранение мира и международное экономическое сотрудничество“, — поддерживают прогрессивные требования развивающихся государств в борьбе за экономическую деколонизацию, обеспечение полного суверенитета в отношении своих природных и иных ресурсов, их экономической деятельности, за широкое и равноправное участие в решении международных экономических проблем, прекращение оттока капитала и утечки квалифицированных кадров, безусловное применение общей системы предпочтений, имея в виду необходимость противодействовать ухудшению экономического положения развивающихся стран, способствовать их прогрессу» [47, с. 33].

При этом страны социализма исходят из того, что демократическая перестройка международных экономических отношений должна носить универсальный характер, охватывать связи между всеми группами государств с учетом специфики стоящих перед ними задач, характера механизмов управления хозяйственной деятельностью, а не замыкаться лишь на отношении развитых и развивающихся стран. Принципы мировой торговли и международного разделения труда должны быть направлены на взаимоприспособление национальных хозяйственных систем и механизмов в ходе международного сотрудничества, стимулирование развития торговли, экономических и научно-технических связей между всеми государствами мира, создание в них атмосферы уверенности и доверия. «Международные экономические отношения должны быть перестроены таким образом, чтобы все страны мира могли всемерно развивать свой экономический потенциал, двигаться вперед по пути развития в условиях мира, справедливости и взаимного сотрудничества», — говорится в документах экономического совещания стран — членов СЭВ на высшем уровне [47, с. 33—34]. Только в такой системе могут быть созданы благоприятные внешние условия для ускорения экономического роста развивающихся стран, решения их специфических социально-экономических задач.

Основное условие осуществления перестройки международных экономических отношений на справедливой, демократической основе — это сохранение мира, углубление процесса политической разрядки, вовлечение в него всех стран (в том числе развивающихся) и их группировок. «Прекращение гонки вооружений, ликвидация ядерного и химического оружия, существенное сокращение военных расходов государств — это наиболее реальный и эффективный источник средств, столь необходимых для экономических и социальных нужд развивающихся стран, для решения таких глобальных проблем человечества, как преодоление экономической отсталости, ликвидация обширных зон голода, нищеты, эпидемических болезней, неграмотности; обеспечение растущих потребностей человечества в энергетических, сырьевых и продовольственных ресурсах; защита природной среды; мирное освоение Мирового океана и космоса», — ука-

зывается в меморандуме правительства СССР «За оздоровление международных экономических отношений и равноправное сотрудничество» [151, 28.01.1986]. Поэтому важнейшим вкладом стран социалистического содружества в борьбу за НМЭП в условиях возросшей военной угрозы является их борьба за мир, всеобщее и полное разоружение.

Последовательная борьба социалистических стран за предотвращение ядерной войны, прекращение гонки вооружений, мирное сосуществование и равноправное экономическое сотрудничество делает их надежными союзниками освободившихся государств в движении за НМЭП. В свою очередь, оздоровление международных экономических отношений в результате реализации положений программы НМЭП создало бы благоприятный климат для решения совместными усилиями глобальных проблем. На XXVII съезде КПСС, прошедших недавно съездах братских партий, в выступлениях руководящих деятелей КПСС и Советского государства проблема связи между развитием и разоружением получила всестороннее рассмотрение и поставлена особенно остро. «На смену навязанному милитаризмом принципу — вооружение вместо развития должен прийти обратный порядок вещей — разоружение для развития... Не случайно, что народы, стремящиеся выйти из отсталости и достичь уровня высокоразвитых промышленных стран, связывают перспективы освобождения от изматывающей их экономику долговой зависимости от империализма с ограничением и ликвидацией вооружений, сокращением военных расходов, переклочением ресурсов на цели социального и экономического развития», — отмечается в заявлении Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева [151, 16.11.1986].

Конкретный вклад стран СЭВ в реализацию программы НМЭП проявляется, во-первых, в практическом воплощении в жизнь в экономических отношениях между социалистическими странами, в социалистической экономической интеграции подлинно равноправного и взаимовыгодного международного сотрудничества, в котором наряду с общепринятыми демократическими нормами применяются принципы пролетарского интернационализма и товарищеской взаимопомощи. Социализм дал наглядный пример эффективного решения комплекса важнейших социально-экономических проблем, занимающих важное место в программе НМЭП, в том числе проблем выравнивания уровней развития. «Последовательно реализуя на практике принципы межгосударственных отношений нового типа в своем взаимном сотрудничестве, а также в связях с другими странами, социалистические государства вносят действенный вклад в перестройку международных экономических отношений на справедливой и демократической основе», — подчеркивается в декларации стран — членов СЭВ [47, с. 26].

Во-вторых, с самого начала движения за НМЭП социалистические страны выступали и продолжают выступать на меж-

дународных форумах и в международных организациях в поддержку прогрессивных требований освободившихся государств о реализации программы НМЭП, в том числе и по вопросу глобальных переговоров — одному из важнейших направлений этого движения в первой половине 80-х годов. Социалистические страны выступили единым фронтом с развивающимися государствами при принятии основных, программных документов НМЭП, десятилетних стратегий развития ООН, при обсуждении вопросов, связанных с НМЭП в ЮНКТАД, ЮНИДО и других международных организациях, в переговорах по конкретным вопросам программы НМЭП (конференция по морскому праву, кодекс передачи технологии, кодекс поведения ТНК и т. д.). В совместном заявлении социалистических стран на IV Конференции ЮНКТАД (1976) была сформулирована их позиция по основным вопросам НМЭП, выражалась поддержка всех его прогрессивных положений и вносились конкретные предложения о возможных путях решения задач, выдвинутых программой НМЭП. В сложной международной обстановке середины 80-х годов Советское правительство в своем меморандуме «За оздоровление международных экономических отношений и равноправное сотрудничество» вновь подтвердило, что «важнейшей предпосылкой оздоровления международных экономических отношений, обеспечения международной экономической безопасности являются стабилизация общей экономической и валютно-финансовой обстановки, претворение в жизнь принятых в ООН решений, направленных на перестройку международных экономических отношений на справедливой, демократической основе, прежде всего Хартии экономических прав и обязанностей государств и Декларации об установлении нового международного экономического порядка» [151, 28.01.1986].

В-третьих, организуя свое сотрудничество с освободившимися государствами на основе равноправия, уважения суверенитета и территориальной целостности, невмешательства во внутренние дела, взаимной выгоды, предоставления наибольшего благоприятствования, страны СЭВ способствуют внедрению в практику международных экономических отношений новых, прогрессивных принципов. Сотрудничество со странами СЭВ на этих принципах укрепляет позиции освободившихся государств в борьбе за перестройку существующих неравноправных экономических отношений, обеспечивает наиболее эффективное осуществление национальных долгосрочных стратегий развития, формирование за счет согласования внутренних и внешних усилий рациональных современных народнохозяйственных структур, способных на равноправной основе участвовать в международном разделении труда, способствует постепенному преодолению нынешнего положения в мировом капиталистическом хозяйстве, неблагоприятного для развивающихся стран, которые традиционно длительное время выступают преимущест-

венно как экспортеры сырья и импортеры готовых промышленных изделий.

Сотрудничество со странами социализма способствует и передаче технологий, «ноу-хау» и производственного опыта. Все возрастающую роль в содействии стран СЭВ освободившимся государствам играет научно-техническое сотрудничество, помощь в преодолении технологической отсталости, укреплении мощи в преодолении технологического потенциала, подготовке национальных кадров специалистов и квалифицированных рабочих. Если неокOLONиальные устремления империалистических держав побуждают их сдерживать развитие образования в освободившихся странах, все более энергично прибегать к «перекатке умов», что углубляет неравенство между развитыми и развивающимися странами, то СССР и другие страны СЭВ исходят из того, что действительное преодоление социально-экономической отсталости, достижение экономической самостоятельности возможно лишь при опережающих по сравнению с ростом национального дохода темпах роста общеобразовательного и профессионально-технического уровня подготовки кадров, развития собственной научно-технической инфраструктуры. Содействие в подготовке кадров носит комплексный характер и рассматривается не изолировано, а как неотъемлемая составная часть всей системы сотрудничества, согласовывается в максимально возможной степени с планами социально-экономического развития освободившихся государств. Соглашения о научно-техническом сотрудничестве между социалистическими и развивающимися странами помогают объединить усилия в решении задач научно-технического прогресса, наиболее перспективных с точки зрения воздействия на экономический рост развивающихся государств, формировании материальной и технико-технологической базы самостоятельного развития.

Один из основных принципов содействия в сфере подготовки кадров — неуклонное повышение доли в этом процессе усилий самих развивающихся стран, с тем чтобы в перспективе, по мере создания необходимых предпосылок, в том числе и в ходе сотрудничества, перевести его на национальную основу. Страны СЭВ строят свое научно-техническое сотрудничество с освободившимися странами с учетом их долгосрочных интересов и оказывают его на льготных условиях.

При содействии стран СЭВ в развивающихся государствах создано 70 высших и средних учебных заведений, ставших ведущими центрами подготовки национальных инженерно-технических кадров [151, 30.05.1985]. Квалифицированные рабочие готовятся в организуемых учебных центрах, а также путем индивидуального, бригадного и курсового обучения непосредственно на объектах сотрудничества. Это высокоэффективная форма содействия в подготовке национальных кадров впервые была введена в практику именно Советским Союзом. С помощью стран СЭВ в освободившихся государствах построено и

строится более 210 учебных центров [154, 1985, № 6, с. 61], ставших во многих из них важнейшим звеном подготовки кадров квалифицированных рабочих для национальной промышленности. К началу 80-х годов высшие и средние специальные учебные заведения в странах СЭВ окончили свыше 90 тыс. студентов из развивающихся стран, вернувшиеся на родину для работы в основных отраслях национального хозяйства, образования, здравоохранения. В настоящее время здесь обучаются студенты, стажеры и аспиранты из 100 с лишним государств Азии, Африки и Латинской Америки, а несколько тысяч граждан более чем из 70 развивающихся государств ежегодно проходят производственно-техническое обучение. Подготовка кадров для развивающихся стран осуществляется и на многосторонней основе — по линии стипендиального фонда СЭВ, функционирующего с 1974/75 учебного года. В результате комплексного применения различных видов обучения и подготовки кадров к середине 80-х годов для освободившихся государств было подготовлено около 2 млн. квалифицированных специалистов и рабочих, в том числе более 150 тыс. специалистов высшего и среднего звена [112, с. 118; 126, с. 174].

Социалистические страны активно участвуют в разработке кодекса поведения ТНК, кодекса поведения в области передачи технологии, свода правил по борьбе с ограничительной деловой практикой и т. д. Реализации этих положений программы НМЭП способствует все более широкое использование в сотрудничестве различных форм производственной кооперации, позволяющей вовлекать в хозяйственный оборот все новые ресурсы и районы развивающихся стран, полнее использовать местный трудовой, производственный и научно-технический потенциал, укреплять позиции государственного сектора и повышать способность национальных хозяйств противостоять ограничительной деловой практике ТНК.

СССР и другие страны социалистического содружества отвергают принцип «равной ответственности» социалистических и капиталистических государств за последствия колониализма и неокOLONиальной эксплуатации. Эксплуатация развивающегося мира не была и не является источником дохода для стран социализма. Многие из них сами лишь недавно вырвались из сферы империалистической эксплуатации и приступили к строительству самостоятельной экономики, опираясь на собственные ресурсы и помощь братских стран социализма. Социалистические государства не ответственны и за губительное влияние на развивающуюся экономику валютно-финансового и других кризисов в мировом капиталистическом хозяйстве и сами испытывают их негативные последствия. Но они глубоко и бескорыстно заинтересованы в судьбах развивающегося мира, считают своим интернациональным долгом оказание посильной помощи в решении коренных социально-экономических проблем молодых государств.

В системе неоколониализма реализуется новый, сложный и подвижный комплекс противоречий между империализмом и развивающимися странами. Для капиталистических монополий функционирование этой системы обеспечивает ежегодное выкачивание более 200 млрд. долл. из освободившихся государств; для стран Азии, Африки и Латинской Америки — означает огромный и растущий разрыв в уровнях развития с индустриальными странами, сохранение в них голода, нищеты, массового распространения всевозможных болезней, социальной несправедливости и экономической отсталости.

Как отмечалось в Политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду, «неэквивалентный обмен, неравноправная торговля, махинации и произвол с учетными ставками, насос транснациональных корпораций действуют в одном и том же направлении. Они еще больше увеличивают бедность и нищету одних, богатство — других, усиливают поляризацию в мировом капиталистическом хозяйстве» [13, с. 17]. «Империализм, — отмечается в Программе КПСС — не желает считаться с политическими реальностями современного мира. Игнорируя волю суверенных народов, он стремится лишить их права самим выбирать путь развития, угрожает их безопасности. В этом — главная причина возникновения конфликтов в различных районах мира» [13, с. 132].

Неоколониализм является одним из важнейших источников напряженности современных международных отношений. Положение развивающихся стран «стало отчаянным, невыносимым морально и физически» [151, 27.02.1986]. Неоколониализм поэтому становится все более ощутимой помехой на пути решения глобальных проблем, встающих в наше время перед человечеством. Все сильнее неоколониализм связывается с гонкой вооружений, милитаризацией планеты. Он несет главную ответственность за то, что, испытывая острую нехватку средств для развития и обеспечения нормальных условий жизни населения, страны Азии, Африки и Латинской Америки тратят 5,5% своего совокупного продукта на военные нужды. Общая сумма военных расходов развивающихся стран выросла с 28 млрд. долл. в 1970 г. до 125 млрд. долл. в 1982 г., составив 16% общемировых военных расходов, что превышает долю этих стран в мировом промышленном производстве.

Используя систему неоколониализма, империалистический военно-промышленный комплекс перекладывает на развиваю-

щиеся страны оплату все большей части разрастающегося военного производства в западных государствах. Например, в закупленном в 1983 г. американским военным ведомством вооружении 25 млрд. долл. составила стоимость военно-электронной продукции. На 10 млрд. долл. этой продукции было произведено в освободившихся странах на предприятиях, принадлежащих филиалам крупнейших американских корпораций.

В наши дни около 27% экспорта американского оружия идет в освободившиеся страны. Поскольку расходы на покупку американского оружия отрывают средства от отраслей, связанных с обеспечением населения продуктами питания и другими предметами первой необходимости, существует прямая связь между импортом военной техники из США и, например, смертностью населения в развивающихся странах. Эту зависимость в количественном выражении группа специалистов ООН определила следующим образом: для условного развивающегося государства с населением в 8,5 млн. человек и валовым национальным продуктом в 350 долл. в год на душу населения каждые 200 млн. долл. военного экспорта из США добавляют в среднем 20 смертей на 1 тыс. рожденных, 14 неграмотных на 100 взрослых и сокращают среднюю продолжительность жизни на 3—4 года.

Гонка вооружений, милитаризация экономики неразрывно связаны с обострением международной обстановки в целом и в отдельных регионах, в том числе и в тех из них, где расположены развивающиеся страны. Именно империализм виноват в конечном счете в тех кровопролитных военных конфликтах, жертвами которых в послевоенные годы стали многие освободившиеся страны.

За более чем 40 лет, прошедших после окончания второй мировой войны, можно насчитать только 26 дней, когда весь мир действительно жил в мире; во все остальное время где-нибудь на нашей планете велись военные действия. Ведутся они в различных районах мира и сейчас. Общее число малых и крупных войн за этот период перевалило за 150, а число их жертв — за 20 млн. человек. И все эти войны захватывали освободившиеся страны.

Военные конфликты резко обостряют все социально-экономические проблемы освободившихся стран, в том числе и проблемы голода, нищеты, массовых эпидемических болезней. Они задерживают развитие этих стран, срывают процессы демократизации общественной жизни. В государствах, поддерживающих империалистическую политику, подрываются моральные устои, в извращенном виде представляются системы ценностей. Жизнь человека в таком обществе обесценивается, его потребности отходят на второй план, все экономическое развитие приобретает антигуманную направленность. Происходит накопление острых проблем, решению которых препятствуют милитаризация, гонка вооружений, военные конфликты. В начале

80-х годов было подсчитано, что стоимость десятилетней программы обеспечения всего населения развивающихся стран продуктами питания и медицинским обслуживанием составляет лишь половину ежегодных мировых военных расходов. Другими словами, для полной ликвидации голода и эпидемических болезней в освободившихся странах требуется в 20 раз меньше средств, чем их тратится на несущую угрозу самому существованию человечества гонку вооружений.

Настоятельную необходимость решения неотложных проблем, стоящих перед освободившимися странами, четко выразил в своих ответах американскому журналу «Тайм» 2 сентября 1985 г. Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев, подчеркнув мысль о том, что «аморально бросать сотни миллиардов на создание средств человекоистребления, когда сотни миллионов людей недоедают, лишены самого необходимого» [151, 2.09.1985].

«Мир и экономическое развитие взаимосвязаны». Этот вывод, записанный в Экономической декларации VII конференции Движения неприсоединения (Дели, 1983), определяет основные линии антиимпериалистической борьбы освободившихся стран. Возможности оградить свою независимость от натиска империализма открывает выбор освободившейся страной некапиталистического пути развития, пути социалистической ориентации. В таких странах в экономике ликвидируется господство империалистических монополий, лишаются силы их пособники в лице племенной знати, феодалов и реакционной буржуазии, укрепляется опора экономической самостоятельности — государственный сектор и кооперативные формы организации производства в деревне, повышается роль трудящихся масс в экономической и политической жизни. Важным фактором строительства самостоятельной, независимой от империализма экономики становится расширение равноправного и взаимовыгодного сотрудничества с социалистическими странами.

Некапиталистический путь развития отнюдь не предполагает свертывания экономических связей с развитыми капиталистическими государствами. Более того, он даже может способствовать расширению таких связей, так как позволяет государству в плановом порядке увеличивать производство и поставки на мировой рынок традиционных и новых экспортных товаров, с одной стороны, и создает дополнительные потребности в импортных средствах производства, в привлечении внешних ресурсов для хозяйственного и социального развития — с другой. Если и происходит сокращение экономических связей той или иной освободившейся страны с Западом при выборе ею пути социалистической ориентации, то причина этого кроется в империалистической политике дискриминации, использования торговли, кредитной блокады против народов, стремящихся к достижению общественного прогресса, другими словами — в политике неокOLONИализма.

Поэтому интересам народов развивающихся стран, объективным потребностям расширения взаимовыгодного международного экономического сотрудничества, задаче борьбы против неокOLONИализма в полной мере отвечает выдвинутая в Политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду партии идея о создании всеобъемлющей системы международной безопасности, основой которой в экономической области представляется:

«— исключение из международной практики всех форм дискриминации; отказ от политики экономических блокад и санкций, если это прямо не предусматривается рекомендациями мирового сообщества;

— совместный поиск путей справедливого урегулирования проблемы задолженности;

— установление нового мирового экономического порядка, гарантирующего равную экономическую безопасность всех государств;

— разработка принципов использования на благо мирового сообщества, прежде всего развивающихся стран, части средств, которые будут высвобождаться в результате сокращения военных бюджетов;

— объединение усилий в исследовании и мирном использовании космоса, решении глобальных проблем, от которых зависят судьбы цивилизации» [13, с. 75].

НеокOLONИализм может быть преодолен сочетанием коренной перестройки международных экономических отношений на принципах демократизма и равноправия, обеспечения экономической безопасности всех государств, уважения их национального суверенитета и невмешательства в их внутренние дела, взаимовыгодного и справедливого обмена между народами с глубокими прогрессивными преобразованиями социально-экономической структуры общества в развивающихся странах, способными оградить их народы от иностранной эксплуатации и расхищения их природных богатств, обеспечить преодоление отсталости и зависимости.

1. Произведения основоположников марксизма-ленинизма*,
документы КПСС

1. Маркс К. Ницета философии — Т. 4.
2. Маркс К. Капитал. Т. I. — Т. 23.
3. Маркс К. Капитал. Т. III — Т. 25. Ч. 1.
4. Маркс К. Экономические рукописи 1857—1859 годов — Т. 46.
5. Ленин В. И. Развитие капитализма в России — Т. 3.
6. Ленин В. И. Аграрный вопрос и «критики Маркса» — Т. 5.
7. Ленин В. И. Русские и негры — Т. 22.
8. Ленин В. И. Капитализм и иммиграция рабочих — Т. 24.
9. Ленин В. И. Крах II Интернационала — Т. 26.
10. Ленин В. И. О лозунге Соединенных Штатов Европы. — Т. 26.
11. Ленин В. И. Проект резолюции левых социал-демократов к первой международной социалистической конференции — Т. 26.
12. Ленин В. И. Империализм как высшая стадия капитализма — Т. 27.
13. Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986.

2. Издания ООН

14. Бюллетень по статистике мировой торговли продукцией машиностроения. 1983/ООН. Н.-И., 1985.
15. Меры, принятые по итогам Всемирной конференции по вопросам занятости/МОТ. Женева, 1979.
16. Транснациональные корпорации в мировом развитии: повторное рассмотрение/ООН. Н.-И., 1985.
17. ЮНИДО. Перемещение промышленных мощностей из развитых в развивающиеся страны. ID/B/222. 1979.
18. ЮНКТАД. Арушская программа коллективного самообеспечения и рамок для переговоров. TD/236. 1979.
19. ЮНКТАД. Новые моменты в развитии сотрудничества между Востоком и Западом в третьих странах и трехстороннее сотрудничество. TD/B/1000. 1984.
20. Employment Effect of Multinational Enterprises in Developing Countries/ILO. Geneva, 1981.
21. ESCAP. Regional Development Strategies for the 1980's: Medium and Long-Term Proposals. E/ESCAP/80. 1978.
22. Global Trends in Migration Theory and Research of International Population Movement/UN. N. Y., 1983.
23. Handbook of International Trade and Development Statistics. UNCTAD. N. Y.
24. Industry in a Changing World/UN., N. Y., 1983.
25. Industry in the 1980's. Structural Change and Interdependence/UNIDO. N. Y., 1985.
26. Latin America: Crisis and Development/ECLA. Lima, 1984.
27. Lima Declaration and Plan of Action on Industrial Development and Cooperation/UNIDO. Lima, 1975.

* Произведения К. Маркса даются по 2-му изданию Сочинений, произведения В. И. Ленина — по Полному собранию сочинений.

28. Monthly Bulletin of Statistics UN. N. Y.
29. Report on the World Social Situation 1985 UN. N. Y., 1985.
30. A Statistical Review of the World Industrial Situation/UNIDO. Vienna, 1984.
31. Towards New International Economic Order UN. N. Y., 1982.
32. Trade and Development Report. UNCTAD. N. Y.
33. Trade and Development UNCTAD Review N. Y. Winter, 1982, № 4.
34. Transnational Banks: Operations, Strategies and Their Effects in Developing Countries/UN. N. Y.
35. Transnational Corporations and the Industrialization of Developing Countries/UNCTC. N. Y., 1979.
36. Transnational Corporations in World Development: A Re-examination UN. N. Y., 1978.
37. Transnational Corporations in World Development. Third Survey UN. N. Y., 1983.
38. Trends and Issues in Foreign Direct Investment and Related Flows UN. N. Y., 1985.
39. UNCTAD VI. A Strategy for the Technological Transformation of Developing Countries. TD/281. 1983.
40. UNIDO. Transnational Corporations and the Processing of Raw Materials: Impact on Developing Countries. ID/B/209. 1978.
41. UN. Transnational Corporations in Advertising. ST/CTC/8. 1982.
42. World Industry Since 1960: Progress and Prospects/UNIDO. N. Y., 1979.
- 42a. Yearbook of Labour Statistics ILO. Geneva, 1986.

3. Официальные публикации. Документы.
Справочно-статистические материалы

43. Внешняя торговля СССР в 1976 году. Статистический сборник. М., 1977.
- 43a. Внешняя торговля СССР в 1985 году. Статистический сборник. М., 1986.
44. Външна търговля на НР България. Статистически данни 1970—1984. София, 1985.
45. Движение неприсоединения в документах и материалах. М., 1979.
46. Индия, 1983. Ежегодник. М., 1985.
47. Экономическое совещание стран — членов СЭВ на высшем уровне. М., 1984.
48. Annual Statistical Bulletin, 1982/OPEC. Vienna, 1983.
49. Bank of England. Quaterly Bulletin. L., March 1984.
50. Capital Flows. DAC and OPEC Countries.—World Bank Annual Report. 1978. Wash., 1978.
51. Coopération pour le développement. Examen. 1983/OCDE. P., 1983.
52. Debt and Developing World/World Bank. Wash., 1984.
53. Development Cooperation. Review 19/OCDE. P.
- 53a. Economic Outlook/OECD. P.
54. EEC and Third World: A Survey ODF/IDS. L., 1981.
55. EEC and Third World: A Survey. 4. L., 1984.
56. Facts and Figures about the Global Arms Build-Up/World Peace Council Information Centre. Helsinki, [6. r.].
57. IMF Survey. Wash., 20.12.1985.
58. International Banking Statistics. 1973—1983. Basle, 1984.
59. International Financial Statistics/IMF. Wash.
60. New Forms of International Investment in Developing Countries/OECD. P., 1984.
61. North — South: A Programme for Survival. The Report of Independent Commission on Developmental Issues under the Chairmanship of Willy Brandt. L., 1980.
62. Supplement on Fund Account/IMF. Wash., 1982, № 3.
63. Twenty Five Years of Development and Cooperation. A Review/OECD. P., 1985.

64. World Armaments and Disarmament. SIPRI Yearbook 1985. L.—N. Y., 1985.
 65. World Bank. Annual Report. Wash.
 66. World Economic Outlook/IMF. Wash.
 67. Yearbook 1984/IMF. Wash., 1984.

4. Монографии, сборники, материалы конференций

68. Аваков Р. М., Гаврилюк В. В. Похищение умов. М., 1970.
 69. Аке К. Политическая экономия Африки. М., 1985.
 70. Алексеев Ю. Н. Развивающиеся страны: военные расходы, разоружение и развитие. М., 1986.
 71. Андреасян Р. Н., Казюков А. Д. ОПЕК в мире нефти. М., 1978.
 72. Арабские страны: нефть и дифференциация. М., 1984.
 73. Атрошенко А. А. Экономические проблемы занятости в развивающихся странах. М., 1980.
 74. Байчоров А. М. Неоколониализм: социально-политические цели и методы экспансии Минск, 1984.
 75. Березной А. В. Транснациональные корпорации на рынках развивающихся стран. (Ограничительная деловая практика). М., 1985.
 76. Вахрушев В. В. Национально-освободительное движение против неоколониализма. М., 1986.
 77. Внешнеэкономическая политика США. М., 1982.
 78. Волков Н. В. Система торгово-экономической эксплуатации развивающихся стран. М., 1984.
 79. Восток: рубеж 80-х годов. М., 1983.
 80. Деловое сотрудничество в интересах мира и прогресса. М., 1984.
 81. Зевин Л. Э. Новые тенденции в экономическом сотрудничестве социалистических и развивающихся стран. М., 1970.
 82. Зевин Л. Э. Страны различного уровня в мировом хозяйстве: проблемы экономических отношений. М., 1985.
 83. Зименков О. И. Американский неоколониализм на современном этапе. М., 1985.
 84. Ионцев В. А. Миграционная политика буржуазных государств. М., 1980.
 85. Кастро Ф. Экономический и социальный кризис мира. Гавана, 1983.
 86. Квашин Ю. Д. Иностранцы рабочие в Западной Европе. М., 1980.
 87. Классы и классовая борьба в развивающихся странах. Т. 2. Проблемы экономической независимости. М., 1967.
 88. Кризис неоколониалистской стратегии современного империализма и международные экономические отношения. М., 1981.
 89. Мировое социалистическое хозяйство. Вопросы политической экономии. М., 1982.
 90. Михайлов Е. М. Иностранная рабочая сила во Франции. М., 1977.
 91. Обминский Э. Е. Развивающиеся страны и международное разделение труда. М., 1974.
 92. Обминский Э. Е. Группа 77. Многосторонняя экономическая дипломатия развивающихся стран. М., 1981.
 93. Отрешко С. А. Эволюция торговой стратегии империализма и развивающиеся страны. М., 1984.
 94. Панов М. Д. Объект эксплуатации — иностранные рабочие. М., 1971.
 95. Плетнев Э. П. Международная миграция рабочей силы в капиталистической системе мирового хозяйства. М., 1962.
 96. Политическая экономия. М., 1976.
 97. Политическая экономия (курс лекций). Под ред. Н. С. Спиридоновой. М., 1973.
 98. Построено при экономическом и техническом содействии Советского Союза. М., 1982.
 98а. Прохорова Г. Н. Международные организации во внешнеэкономической политике империализма. М., 1986, с. 32.
 99. Развивающиеся страны: закономерности, тенденции, перспективы. М., 1974.
 100. Развивающиеся страны: экономический рост и социальный прогресс. М., 1983.
 101. Развивающиеся страны в современном мире: единство и многообразие. М., 1983.
 102. Развивающиеся страны в современном мире: новая сила в мировой политике и экономике. М., 1984.
 103. Растяжников В. Г. Аграрная эволюция в многоукладном обществе. (Опыт независимой Индии). М., 1973.
 104. Рымалов В. В. Подрыв вековых устоев. М., 1984.
 105. Рымалов В. В., Тягуненко В. Л. Слаборазвитые страны в мировом капиталистическом хозяйстве. М., 1961.
 106. Следзевский И. В. Формирование социально-экономической структуры современной Нигерии. М., 1984.
 107. Смыслов Д. В. Кризис современной валютной системы капитализма и буржуазная политическая экономия.
 108. Современная научно-техническая революция в развитых капиталистических странах. Экономические проблемы. М., 1971.
 109. Сотрудничество социалистических и развивающихся стран: новый тип международных экономических отношений. М., 1980.
 110. Социализм и перестройка международных экономических отношений. М., 1982.
 111. Степанов Л. В. Проблема экономической независимости. М., 1965.
 112. Страны СЭВ и развивающиеся государства: 80-е годы. М., 1985.
 113. Тюльпанов С. И. Очерки политической экономии. Развивающиеся страны. М., 1969.
 114. Тягуненко В. Л. Международное разделение труда и развивающиеся страны. М., 1976.
 115. Федорович В. А. Американский капитализм и государственное хозяйство. М., 1979.
 116. Фролкин Н. М. Трудовая иммиграция во Франции в новейшее время. Киев, 1975.
 117. Хрищева Н. М. Новый международный экономический порядок и страны Азии. М., 1984.
 118. Чижов К. Я. Международные валютно-финансовые организации капиталистического мира. М., 1972.
 119. Эволюция восточных обществ: синтез традиционного и современного. М., 1984.
 120. Эльянов А. Я. Развивающиеся страны: проблемы экономического роста и рынок. М., 1976.
 121. Энергетический кризис в капиталистическом мире. М., 1975.
 122. Aguilar A. Regarding the Nature of the Present Crisis. Benghazi, 1984.
 123. Albertini J. M. Mecanismos du sous-développement et développement. P., 1983.
 124. Buckley P. and Casson M. The Future of Multinational Enterprises. L., 1976.
 125. Colmenares J. S. Trás la máscara del subdesarrollo: dependencia y monopolias. Bogotá, 1983.
 126. Developing Countries: Strategy of National Development and Industrialization Problems (Collected Articles). Moscow, 1984.
 127. Die EG — Aussenbeziehungen: Stand und Perspektiven. Hamburg, 1979.
 128. Economic Summits and Western Decision-Making. L., 1984.
 129. Eighties for the Public Sector. New Delhi, 1981.
 130. Fuchs J. Argentina: Actual estructura económica social. Buenos Aires, 1981.
 131. Harvey D. The Limits to Capital. Oxf., 1982.
 132. Indigenization of African Economics. L. a. o., 1981.
 133. Lall S. The New Multinationals: The Spread of Third World Enterprises. Wiley, 1983.
 134. Lipietz A. Mirages et miracles. Problèmes de l'industrialization dans le Tiers monde. P., 1985.
 135. Morton A. L. A People's History of England. N. Y., 1968.

Fund and the International Bank for Reconstruction and Development) in the institutional mechanism of the neocolonial system and in using international credit as a neocolonial channel of growing importance.

Chapter 7 specifies the main methods of neocolonial exploitation of labour force in Asia, Africa and Latin America, of foreign workers in Western countries.

Chapter 8 shows the influence exerted by neocolonialism on the reproduction process in developing countries and on shifts in their socio-economic structures, primarily on the process of capitalist development. The authors substantiate the objective need to intensify struggle against neocolonialism, which is a must for attaining the goals of development facing the Asian, African, and Latin American nations.

Chapter 9 shows how the public sector in developing countries is used to oppose the neocolonial expansion and to create the fundamentals for independent economic development and for participation in international economic relations on equal terms so as to use them as an instrument to meet national requirements for economic and social progress.

Chapter 10 sums up the records of more than ten years' struggle waged by developing countries to materialize the new international economic order, and defines the objectives of restructuring international economic relations so as to put an end to neocolonial exploitation.

Chapter 11 explains the idea of collective self-reliance and evaluates the results of its practical application.

Chapter 12 shows the importance of growing economic cooperation between socialist and developing countries.

The final chapter gives main general conclusions stemming from this study: the system of neocolonialism is an area of new, sophisticated and dynamic contradictions between developed countries of the West and developing countries; neocolonialism is a major source of tension in contemporary international relations and an ever growing impediment to solving global problems; it is responsible for local wars claiming millions in Africa, Asia, and Latin America. The developing nations, the objective needs for increased mutually advantageous economic cooperation between all nations of the world, could only benefit from setting up a comprehensive system of global international security the idea of which was advanced at the 27th Congress of the CPSU in the spring of 1986.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
<i>Раздел I. Неоколониализм как система эксплуататорских отношений</i>	9
Глава 1. Основные экономические отношения в системе неоколониализма	9
Экономическое содержание неоколониализма	9
Отношения собственности	21
Неоколониальное разделение труда	28
Распределение в системе неоколониализма	32
Глава 2. Развивающиеся страны в мировом капиталистическом производстве	41
Развивающиеся страны в энергосырьевом комплексе мирового капитализма	42
Место развивающихся стран в капиталистическом промышленном производстве	47
Взаимосвязь структурных сдвигов в центре и на периферии мирового капиталистического хозяйства	52
Глава 3. Взаимосвязь основных форм неоколониальных отношений	60
Главный институт неоколониальной системы	60
Модернизация форм экспансии капитала	67
Роль империалистического государства	75
Глава 4. Империалистические центры в системе неоколониализма	82
Специфика неоколониальной экспансии основных капиталистических государств	83
Главные линии межимпериалистического соперничества в развивающемся мире	93
Глава 5. Коллективный неоколониализм	97
Сущность, формы и методы коллективного неоколониализма	97
Коллективный неоколониализм ЕЭС	106
Глава 6. Повышение роли международных валютно-финансовых учреждений в системе неоколониализма	112
Формирование валютно-финансовых центров мирового капитализма	114
Перегруппировка сил неоколониализма	122
Глава 7. Неоколониальная эксплуатация трудовых ресурсов развивающихся стран	132
Эксплуатация рабочего класса на предприятиях ТНК	132
Эксплуатация трудящихся за пределами предприятий ТНК	142
Эксплуатация мигрантов	147
<i>Раздел II. Борьба развивающихся стран за свои экономические интересы</i>	156
Глава 8. Воздействие неоколониализма на экономические структуры развивающихся стран	157
Деформация системы национального разделения труда	158
Воздействие неоколониализма на характер и направления экономического роста	167
Глава 9. Национальное государство в противодействии неоколониальной эксплуатации	175
Упрочение государственного контроля над деятельностью иностранного капитала	178
Государственное регулирование внешнеэкономических связей	185
Роль государства в структурной перестройке хозяйства	191

Глава 10. За перестройку международных экономических отношений	200
Этап первый: от политического освобождения к экономическим преобразованиям	201
Этап второй: консолидация внешнеэкономической позиции развивающихся стран	205
Современный этап	213
Глава 11. Экономическое сотрудничество развивающихся стран в борьбе с неоколониализмом	217
Эволюция идей и форм экономического сотрудничества развивающихся стран	218
Основные направления формирования системы экономических взаимосвязей	223
Глава 12. Сотрудничество социалистических и развивающихся стран	233
Заключение	260
Библиографический список	264
Summary	269

НЕОКОЛОНИАЛИЗМ: СУЩНОСТЬ, ФОРМЫ, МЕТОДЫ

*Утверждено к печати Институтом мировой экономики
и международных отношений Академии наук СССР*

Редактор Г. С. Киселев. Младший редактор Г. С. Горюнова. Художник Б. Л. Ратнико-
в. Художественный редактор Э. Л. Эрман. Технический редактор Л. Е. Синько.
Корректор Т. А. Алаева

ИБ № 15985

Сдано в набор 28.05.87. Подписано к печати 21.10.87. А-09489. Формат 60×90^{1/8}. Бу-
мага типографская № 2. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. п. л. 17.
Усл. кр.-отт. 17,25. Уч.-изд. л. 19,38. Тираж 2900 экз. Изд. № 6393. Зак. № 513.
Цена 2 р. 10 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука»
Главная редакция восточной литературы. 103031, Москва К-31, ул. Жданова, 12/1
3-я типография издательства «Наука». 107143, Москва Б-143, Открытое шоссе, 28